

2023

Том 14. № 3

2023. Vol. 14. No. 3

DOI: [10.19181/vis.2023.14.3](https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3)

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

www.vestnik-isras.ru

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

Тема номера:

**Феномен казачества
в современной России**

/Казачество в современной России

/Институты казачьей повседневности

/Справедливость
межэтнических отношений

/Век живи – век трудись

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2023

Рецензируемый сетевой научный журнал
Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2023. Том 14. № 3

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включен в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа.

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 73108:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2018 г.

© Вестник Института социологии, 2023

© Vestnik instituta sotziologii, 2023

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН,
Научный руководитель ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН, начальник Управления координации Программы развития ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Центра изучения регионов России Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; доцент социологического факультета ГАУГН (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАДАРАЕВ Дамдин Доржиевич – доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия)

E-mail: damdin80@mail.ru

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Алексантери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КУЧЕНКОВА Анна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра методологии социологических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель Отдела исследований социально-политических отношений Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель Отдела сравнительных политических исследований Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и социальных технологий Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС (Орел, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЦЭЦЭНБИЛЭГ Цэвээний – Ph.D., ассоциативный профессор, главный научный сотрудник Отдела социологии Института философии АН Монголии (Улан-Батор, Монголия)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Ханкук (Сеул, Республика Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Academic Coordinator of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Center for the Study of Russian Regions of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: illai@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Members of the Editorial Board

Damdin D. BADARAEV, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Senior researcher of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB RAS (Ulan-Ude, Russia)

E-mail: damdin80@mail.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of Humanitarian and Social Sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies (Seoul, Republic of Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the Department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Markku KIVINEN, Professor of Sociology, Research Director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Anna V. KUCHENKOVA, Candidate of Sociological Science, Senior Researcher, Center for Sociological Research Methodology, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: a.v.kuchenkova@gmail.com

Oleg M. MIKHAILENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration Under the President of the Russian Federation, Altai Branch, Central Russian Institute of Management (Barnaul, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, Professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Tseveen TSETSENBILEG, Ph.D., Associate Professor, Principal Researcher of the Department of Sociology of the Institute of Philosophy of the Academy of Sciences of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia)

E-mail: tsetsenbilegts@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Содержание

О Выпуске	8
<i>Аксенова О.В.</i> Актуализация традиции в современной России	8
Тема номера:	
Феномен казачества в современной России	14
<i>Денисова Г. С., Ковалёв В. В.</i> Казачество в современной России: обретение социального статуса	14
<i>Скорик А. П., Щербакова Л. И.</i> Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ	37
<i>Сусименко Е. В., Литвиненко Е. Ю., Иванченко О. С.</i> Ценностные ориентиры молодых казаков (на примере Казачьей сотни ЮРГПУ (НПИ))	53
<i>Воденко К. В.</i> Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние.....	74
Особенности этнической идентичности в российских регионах	88
<i>Кузнецов И. М.</i> Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)) ...	88
<i>Волков Ю. Г., Бинева Н. К.</i> Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России	112
<i>Адиев А. З.</i> Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан	133
Трансформация социальных ролей и статусов в современном обществе	149
<i>Козырева П. М., Смирнов А. И.</i> Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров	149
<i>Шевченко И. О.</i> Эволюция научных исследований отцовства	175
Проблемы социализации российских учащихся	197
<i>Колесникова Е. М.</i> Профорientация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования	197
<i>Дулина Н. В., Петрунева Р. М.</i> Проблема выбора жизненного пути молодежи российских регионов (на материале полевого исследования в ВолгГТУ)	215
О новых научных публикациях	236
<i>Карнаш Г. Ю.</i> Рецензия на монографию «Социокультурные исследования постсоветского транзита России» ...	236

Contents

About the Issue	8
<i>Aksenova O. V.</i> Actualisation of Tradition in Modern Russia	8
Topic of the Issue:	
Phenomenon of Cossackhood in Modern Russia	14
<i>Denisova G. S., Kovalev V. V.</i> Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status	14
<i>Skorik A. P., Shcherbakova L. I.</i> Socio-vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis	37
<i>Susimenko E. V., Litvinenko E. Yu., Ivanchenko O. S.</i> Value Orientations of Young Cossacks (Using the Example of the Cossack Hundred at SRSPU (NPI)).....	53
<i>Vodenko K. V.</i> Revival and Institutionalisation of the Cossacks in the South of Russia: Stages, Features and Current State	74
Ethnic Identity in Russian Regions	88
<i>Kuznetsov I. M.</i> Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia))	88
<i>Volkov Y. G., Bineeva N. K.</i> Preservation of Ethnocultural Diversity and Fairness in Interethnic Relations in the Estimations of the Population of the South of Russia	112
<i>Adiev A. Z.</i> Patriotic Discourse in the Publications of Humanities Scientists of the Republic of Dagestan.....	133
Transformation of Social Roles in Modern Society.....	149
<i>Kozyreva P. M., Smirnov A. I.</i> Live Long – Work Long: Social Well-Being of Working Pensioners.....	149
<i>Shevchenko I. O.</i> Evolution of Scientific Research on Fatherhood	175
Problems of Socialisation of Russian Learners.....	197
<i>Kolesnikova E. M.</i> Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System	197
<i>Dulina N. V., Petruneva R. M.</i> The Problem of Choosing Life Paths by Youth in Russian Regions (Based on Field Research at VSTU)	215
About New Scientific Publications	236
<i>Kanarsh G. Yu.</i> Review of the Monograph " Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia"	236

О ВЫПУСКЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3

EDN: QIHOQT

Актуализация традиции в современной России

Ссылки для цитирования: Аксенова О. В. Актуализация традиции в современной России // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 8–13. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.1; EDN: QIHOQT

For citation: Akseanova O. V. Actualisation of tradition in modern Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 8–13. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.1; EDN: QIHOQT

Тема данного выпуска посвящена исследованиям феномена современного российского казачества, который рассматривается на примере донских казаков. Авторы представленных в ней статей живут и работают в Ростовской области, которая была историческим центром формирования Войска Донского, а с 1990-х годов стала одним из центров возрождения казачества.

Казачество исторически было явлением сложным, противоречивым, и, что важно, меняющимся. Из вольных разбойников казаки превратились в надежную опору государства. Они были патриотами России и в то же время отделяли себя от этнических русских. Сражались с соседями и выстраивали дружеские отношения с ними, перенимая множество образцов местной культуры. Возрождающееся с 1980-х казачество и в обществе, и в науке воспринималось противоречиво, часто как ностальгическая реконструкция, имитация давно ушедшей традиции. Авторы статей отмечают и сепаратистские тенденции, которые имели место в 1990-х годах, но затем угасли.

Новый виток истории поставил казаков южных регионов России едва ли не в эпицентр событий географически и актуализировал традицию военной службы для казачьих обществ всей страны. Начало СВО высветило самый сложный комплекс проблем и процессов и поставило целый ряд вопросов, так или иначе связанных с возрождающимся казачеством, но в то же время значимых и для всего российского социума. Как должны сочетаться гражданская, низовая самоорганизация с военной субординацией и государственным управлением? Что такое традиция, если она сама, как показывает история, неоднократно менялась? Какие ее элементы сохраняются, воспроизводятся, а какие утрачены безвозвратно? Что делает казака казаком, кроме самоидентификации? Поискам ответов на эти и другие важные вопросы посвящены статьи главной рубрики данного номера.

Выпуск открывает работа [Денисовой Г. С., Ковалева В. В.](#) (Ростов-на-Дону) «[Казачество в современной России: обретение социального статуса](#)», в которой представлены результаты исследования группообразования у казаков в контексте трансформации структуры российского общества.

Значение данного процесса, по мнению авторов, усиливается в условиях современных геополитических вызовов и поиска российским социумом собственной идентичности. Процесс группообразования казачества прошел ряд этапов: от воссоздания элементов народной культуры до включения служебной функции исторического казачьего сословия в жизнь современного общества с размытыми границами социальных слоев. Проведенное авторами исследование выявило поддержку нынешней политики государства в отношении казаков, но также обнаружило и ожидания с их стороны восстановления именно традиционных паттернов казачьего служения. Готовность казаков к движению в этом направлении проявляется в числе прочего в практиках добровольческих казачьих подразделений, участвующих в СВО. Эта низовая инициатива казачьих обществ нуждается в ресурсном обеспечении государства, которое является доминирующим актором процесса возрождения казачества. Сложность проблемы заключается в том, что ее восстановление в современных условиях требует целого ряда структурных преобразований и разработки соответствующих преференций для реестрового (официально признанного государством) казачества.

Статья [Скорика А. П., Щербаковой Л. И.](#) (Новочеркасск) [«Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ»](#) носит междисциплинарный характер, она отчасти историческая и культурологическая. Подход авторов к исследованию, с нашей точки зрения, интересен фокусом внимания на том, кем казаки являются по своей глубинной культуре. Авторы исследуют казачью повседневность, обращаясь к социовитальным категориям, позволяющим соединить социальное и жизненное (в материальном смысле). Обращается внимание на материальную сторону социоприродной эволюции казачьих обществ в исторической повседневности Российской империи XVIII – начала XX в. и сохранение с помощью коммеморативных практик социовитальных институтов российского казачества до настоящего времени. В качестве примера для междисциплинарного анализа взяты три ключевые категории казачьей повседневности: жилище, пища и одежда. Их анализ показывает, что расказачивание есть глобальный социальный миф, ибо глубинные пласты казачьей культуры никуда не делись до настоящего времени, они слишком материальны и самим фактом своего существования указывают на то, что расказачивания не произошло, несмотря на социально-политические репрессии в отношении казачества.

Работа [Сусименко Е. В., Литвиненко Е. Ю., Иванченко О. С.](#) (Новочеркасск) [«Ценностные ориентиры молодых казаков \(на примере Казачьей сотни ЮРГПУ\(НПИ\)\)»](#) посвящена исследованию духовно-нравственных ценностей, культурно-бытовых и семейных традиций молодежи, вступающей в период обучения в вузе в казачьи объединения. Показана матрица ценностей казачьей молодежи, ядро которой образуют справедливость и семья. Работа основана на данных полевого исследования, проведенного авторами в одном из наиболее значимых высших учебных заведений, имеющих статус казачьих. Эмпирические данные позволяют сделать вывод о формировании традиционных стереотипов «мужчина-воин» и «мужчина-защитник», патриархальных «мужчина – глава семьи», которые сочета-

ются со стремлением к эгалитарности и паритету в принятии решений и воспитании детей в повседневной жизни. Основу ценностной матрицы респондентов составляет культурно-исторический базис милитаризованной маскулинности, заключающийся в идее «служить и защищать свое Отечество». Авторы приходят к выводу о том, что у молодежи с ярко выраженным этнокультурным компонентом доминируют традиционные ценности (патриотизм, служение Отечеству, справедливость, крепкая семья), формирующие не только региональную (этносоциальную), но и общероссийскую гражданскую идентичность.

Статья [Воденко К. В. \(Новочеркасск\) «Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние»](#) обобщает основные этапы становления современного казачества, его институционализации в качестве социально-политического субъекта, деятельность которого направлена на решение социальных проблем региона и на обеспечение национальной безопасности государства. Автор рассматривает возрождение казачества в несколько ином ракурсе, чем Г. С. Денисова и В. В. Ковалев, выделяя три основных дискурса: теоретический, связанный с актуализацией научного интереса к проблематике казачества; практический, опирающийся на низовую инициативу и самоорганизацию казачьего движения; институциональный, регламентирующий отношения казачества и государства. В статье акцентируется внимание на конфликтах, которые возникали в отношениях возрождающегося казачества и государственной власти, а также внутри самого казачьего движения, в результате которых сложилось реестровое и нереестровое казачество. По мнению автора, сегодня казачество Юга России представляет собой не только военно-политическую структуру, но и институт гражданского общества, деятельность которого направлена на решение многих социальных проблем региона.

Рубрика [«Особенности этнической идентичности в российских регионах»](#) продолжает и раскрывает тему номера с другой стороны. В условиях поиска идентичности всем российским обществом важно найти способ соединения многообразия этнической, культурной и региональной идентичностей с идентичностью общероссийской. В полиэтнических регионах важно избежать конфликта исторической памяти, который особо опасен в условиях нынешнего глобального геополитического противостояния.

В статье [Кузнецова И. М. \(Москва\) «Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода \(на примере Республики Саха \(Якутия\)\)»](#) представлены первые результаты применения инновационного многомерного подхода к социологическому измерению уровня российской идентичности. Данная методика позволяет количественно измерять уровень сформированности таких компонентов, как сплоченность, эмоциональная удовлетворенность принадлежностью к сообществу, рельефность (значимость принадлежности к данной общности в структуре самосознания личности), самостереотипизация и гомогенность социальной общности. Эмпирической базой исследования послужили данные опроса жителей Республики Саха (Якутия) 2021–2022 гг.

Профиль российской идентичности (в его республиканском варианте) характеризуется относительно высокими показателями удовлетворенности и сплоченности и низкими показателями рельефности, самостереотипизации и гомогенности, которые отражают сформированность представлений о российском сообществе как о некоей целостности. Сравнение данных по профилю российской идентичности за 2021 и 2022 гг. выявило, в частности, резкий рост показателей рельефности, то есть значимости принадлежности к российскому сообществу в личностном самоопределении в ситуации СВО, требующей общей социальной мобилизации, что дает основания говорить об особом, «мобилизационном» профиле российской идентичности в период кризисов разного типа.

Статья [Волкова Ю. Г., Бинеевой Н. К. \(Ростов-на-Дону\) «Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России»](#) посвящена анализу взглядов на проблему сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия в поликультурных регионах Юга России. Авторы рассматривают данную проблему в рамках дискурса публичной политики и повседневного восприятия этнических групп, проживающих на Юге России (Ростовская область, Краснодарский край, Республика Калмыкия, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика). Вопросы сохранения и развития этнокультурного многообразия занимают приоритетные позиции в структуре представлений населения регионов Юга России о справедливости в межэтнических отношениях. Проблема перевода социальной напряженности в межэтническую в числе прочего обусловлена исторической памятью о событиях, связанных с той или иной формой депривации по этническому признаку. Исследование показало, что запрос на воспроизводство этнокультурного многообразия определяется субъективным опытом переживания ущемления прав по национальному признаку, а запрос на сохранение культуры, языка, традиций связан с опасениями их утраты.

Схожие проблемы рассматриваются в работе [Адиева А. З. \(Махачкала\) «Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан»](#). Автор анализирует публикации в научной периодике по проблематике патриотизма, написанные авторами из Республики Дагестан – специалистами в области гуманитарных и общественных наук. В большинстве указанных публикаций патриотизм представлен как консолидирующая идея, призванная объединить россиян независимо от регионов проживания, этнической и конфессиональной принадлежности. Сама проблема патриотизма тесно увязывается с проблематикой общероссийской идентичности, способностью концепта российской нации вбирать в себя все многообразие региональных, этнокультурных и конфессиональных идентичностей россиян. Дагестанские социологи ориентированы на исследование патриотических установок в массовом сознании дагестанцев, соотношения гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей в условиях воздействия на массовое сознание как консолидирующих, так и разобщающих факторов, в том числе и различных версий идеологии радикального исламизма, регионализма и этнического национализма.

Рубрика [«Трансформация социальных ролей и статусов в современном обществе»](#) содержит две работы.

Статья [Козыревой П. М., Смирнова А. И. \(Москва\) «Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров»](#) посвящена теме весьма актуальной, но не часто встречающейся в современных социологических публикациях. Результаты представленного в статье исследования довольно неожиданны. Авторы показали, что, несмотря на все риски, связанные с возрастом, работающие пенсионеры превосходят по уровню социального самочувствия не только пенсионеров неработающих, но и трудящихся предпенсионеров, которые испытывают тревогу в связи со скорым изменением социального статуса и образа жизни. Повышенная уверенность работающих пенсионеров в собственных силах, их готовность к преодолению трудностей способствуют устойчивости их адаптационного капитала. Более того, работающие пенсионеры нередко преодолевают трудности, с которыми они сталкиваются в период кризисов, с меньшими издержками, чем более молодые. Это обусловлено развитым социальным капиталом, реализацией потребности в общественном признании и межличностном общении.

Достаточно редкой является и тема, представленная в статье [Шевченко И. О. \(Москва\) «Эволюция научных исследований отцовства»](#). В этой работе анализируется трансформация научных представлений об отцах и отцовстве. Автор выявляет связь научного интереса к изучению проблем отцов и отцовства в зарубежных странах с распространением проблем института семьи в середине XX в., среди которых увеличение разводов, консенсуальных союзов, рост рождений детей вне официального брака. В России данная проблематика стала привлекать внимание исследователей в 1990-е годы, когда в нашей стране распространились те же тенденции. В работах 1970–1980 гг. XX в. было выявлено, что вклад отца в развитие ребенка является незаменимым, потому что он является ролевой моделью для мальчиков, а для девочек – образцом будущего партнера, а семейный труд матери и отца является взаимодополняющим. В 1990–2010 гг. исследователи фиксируют распространение так называемого «нового» иначе: «вовлеченного» или «ответственного» отцовства. По мнению современных исследователей, отцовские качества в значительной степени конструируются обществом на основе тех ценностных ориентаций, которые признаются значимыми в данном обществе в определенный исторический период.

Традиционную рубрику [«Проблемы социализации российских учащихся»](#) открывает статья [Колесниковой Е. М. \(Москва\) «Профориентация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования»](#). По мнению автора, произошедшие изменения в трудовой сфере требуют новых подходов к профессиональной ориентации. Сегодняшней молодежи необходимо организованное сопровождение в профориентации, опыт предыдущих поколений недостаточен, так как универсальных карьерных траекторий индустриальной эпохи больше не существует. Важнейшим ресурсом стал индивидуальный человеческий капитал. Рост сектора услуг и технологический прогресс выдвигают на

пик спроса скорее высококвалифицированный труд как таковой, нежели конкретные профессии. На основании результатов пилотного исследования московских юношей и девушек автор анализирует воплощение образовательных приоритетов в реальной практике. Автор приходит к выводу о важности профориентации, направленной не на закрепление уже сформированных предпочтений, но на сокращение предубеждений относительно профессий у представителей разных групп.

В статье [Дулиной Н. В., Петруновой Р. М.](#) (Волгоград) «[Проблема выбора жизненного пути молодежи российских регионов \(на материале полевого исследования в ВолгГТУ\)](#)» анализируются мотивы выбора жизненного пути абитуриентами на основе изучения их представлений о своем будущем в связи с современными социокультурными и экономическими реалиями. Авторы рассматривают взаимосвязь выбора будущего профессионального пути и того вуза, который, по мнению абитуриентов, может обеспечить хороший старт. Результаты исследования подтвердили, что аудитории вузов в настоящее время заполнены в большинстве своем представителями поколения, уровень доверия которого к электронным источникам информации выше, чем к источникам традиционным, а значит, вузы в интересах усиления профориентации должны использовать возможности современных информационных ресурсов. Авторы утверждают, что профориентация не заканчивается с поступлением молодого человека в вуз, важно удержать его в профессии во все время обучения в вузе, чтобы он не разочаровался в ней и не стремился оставить ее с получением диплома.

Выпуск завершает рубрика «[О новых научных публикациях](#)». Она представлена рецензией [Карнаша Г. Ю.](#) (Москва) на коллективную монографию сотрудников Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН «[Социокультурные исследования постсоветского транзита в России](#)» и отражает краткое изложение как самой монографии, так и размышления автора о многолетних исследованиях Центра.

Аксенова О. В. – зам. главного редактора

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2

EDN: LNVOFN

Казачество в современной России: обретение социального статуса¹

Ссылка для цитирования: Денисова Г. С., Ковалёв В. В. Казачество в современной России: обретение социального статуса // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

For citation: Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

AuthorID РИНЦ: 76864

Денисова Галина Сергеевна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

dgsrostov2013@gmail.com

AuthorID РИНЦ: 345032

Ковалёв Виталий Владимирович¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

vitkovalev@yandex.ru

Аннотация. В современном российском обществе наблюдается трансформация социальной структуры. Заметное место в этом процессе занимает группообразование казачества. Возрождение данной социальной группы на протяжении всего постсоветского периода порождает полярные интерпретации: от характеристики казаков в социальном качестве «ряженных» до носителей российской воинской культурной традиции в современном обществе. Значение социального статуса казаков усиливается в условиях современных геополитических вызовов и поисков российским социумом собственной идентичности.

¹ В данной статье использованы результаты проекта, выполненного в рамках Госзадания Минобрнауки «Научно-методическое и ресурсное обеспечение мероприятий, направленных на реализацию Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» № СЗ-445-00/476 от 28.07.2022 г. Номер внутренней регистрации ЮФУ Г30706/22-05-ИС.

Цель статьи – определить основания группообразования казачества и те ожидания, достижение которых, с точки зрения казачества, необходимо для сохранения и укрепления группы. Методологическая основа работы – идеи акторно-сетевой теории Б. Латура. Гипотезой эмпирического исследования выступает предположение о том, что процесс группообразования казачества прошёл ряд этапов от воссоздания элементов народной культуры до имплементации служебной функции исторического казачьего сословия в жизнь современного общества с размытыми границами социальных слоёв. Участие войсковых казачьих обществ в Специальной военной операции внесло коррективы в адаптацию культурных паттернов служебной функции казачества. Проверка гипотезы осуществлялась с применением массового опроса по методике анкетирования в тринадцати войсковых казачьих обществах. Результаты опроса показывают поддержку большинством казачества, включая часть нереестровых казаков, основных направлений Стратегии государственной политики в сфере казачества. Вместе с тем, были выявлены также ожидания казаков от государства адаптации традиционных паттернов казачьего воинского служения к условиям современного общества и требованиям воинской службы. Готовность казаков к движению в этом направлении выявили практики образования добровольческих казачьих подразделений, участвующих в СВО. Однако эта низовая инициатива казачьих обществ нуждается в ресурсном обеспечении государства как доминирующего актора процесса возрождения казачества: учреждения казачьих подразделений в соответствии с традицией казачьей воинской службы в структуре Национальной гвардии; иное наполнение образования молодёжи в казачьих школах с более выраженным воинским компонентом; воссоздание традиционных казачьих лагерей для регулярной военной подготовки реестровых казаков и др. Такого рода служебная деятельность реестровых казаков потребует также разработки соответствующих преференций и льгот в адрес реестрового казачества.

Ключевые слова: казаки, казачество, возрождение, группообразование, Латур, социальный статус, воинская служба, историческая память, казачьи общества

Введение

Распад СССР и стихия новой социальной самоорганизации привели к глубокой трансформации социальной структуры российского общества. Сходили со сцены, казалось бы, устойчивые и массовые социальные группы, которые позиционировались как социальные субъекты – рабочий класс, колхозное крестьянство; общество деклассировалось, приобретало маргинальные характеристики. На авансцену выдвигались новые социальные агрегации, претендующие на яркую социальную субъектность: этнокультурные и религиозные сообщества, торговцы, олигархи, «челноки», бюджетники, политические партии, социально-политические движения. По мере эволюции социально-политических отношений в 1990-е гг. – первое десятилетие XXI в. какие-то из этих новообразований растворялись в общем потоке социальной жизни, какие-то укреплялись и становились опорами новой системы самоорганизации. Перед исследователями социальной жизни разворачивался процесс группообразования по неклассическому образцу, в основании которого лежали не функционально-профессиональные действия группы, а идентичность и перформативные действия. По про-

шествии трёх десятилетий можно выделить логику этого процесса. Большой интерес при этом представляет казачество, группообразование которого наблюдается со второй половины 1980-х гг., как воссоздание давно, казалось бы, исчезнувшей социальной группы.

Старт этому процессу был задан политикой перестройки. Казачество формировалось как общественное движение при участии и поддержке региональных партийных организаций (в первую очередь в Ростовской области) и разворачивалось преимущественно в сфере культуры – организация фольклорных фестивалей, художественных выставок, установление памятников, организация военно-исторических клубов с казачьей тематикой в разных городах России [21; 17]. По мере активизации политических процессов движение казачества приобретает политическое оформление. В июне 1990 г. в Москве проходит Большой учредительный круг, на котором объявлено о создании Союза казаков, принимается его Устав. Исследователи полагают, что при большой государственной поддержке казачьего движения основным его источником была низовая инициатива потомков казаков [17, с. 131]. В первой половине 1990-х гг. происходит укрепление правового статуса казачьих организаций, их включение в электоральные процессы, создаются также коммерческие организации с казачьими названиями. В 1994 г. принимается Постановление Правительства РФ «О концепции государственной политики по отношению к казачеству», а в 1995 г. – Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации», в котором было определено главное направление возрождения казачества – воссоздание системы реестровых казачьих войск, подчиненных главе государства и выполняющих государственную и иную службу на благо Родины. К 1997 г. было зарегистрировано Минюстом РФ 18 организаций казаков, 4 из которых международные, 2 общероссийские и 12 межрегиональных.

В настоящее время организационно казачество представлено Всероссийским казачьим обществом с разветвленной структурой казачьих организаций по всей России. Однако проблема статуса казачества не нашла однозначного решения до настоящего времени. Далеко не все казаки согласились вступать в общества, которые регистрировались в Государственном реестре. По критерию отношения взаимодействия с государством казаков можно разделить на реестровых и нереестровых. К первой группе относятся те, кто проявляет социально-политическую активность, стремится восстановить казачество в его служебной роли, адаптированной к условиям современного государства (что и прописано в Реестре), и создали свои организации в соответствии с государственными стандартами. Ко второй группе относятся казаки, создавшие самостоятельные общественные организации (или вообще не входящие ни в какие объединения, но идентифицирующие себя как казаки), выступающие против усиления государственного влияния на них. По неофициальным данным на 2003 г., в 83 субъектах РФ было зарегистрировано около 600 малочисленных казачьих организаций, большая часть из которых не соответствует нормам регистрации в Реестре. По экспертным оценкам, численность этих двух групп примерно одинакова [13]. Вместе с тем государственной поддержкой (включая награж-

дения, утверждение в казачьих воинских званиях) пользуются реестровые казаки, поскольку они включены в систему государственной службы и заняты в выполнении общественных функций, определяемых региональными органами власти.

Принятая в 2020 г. «Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.»¹ определяет российское казачество как многонациональную социальную общность, основой которой является русский народ и которая сложилась в ходе многовекового служения казачества российскому государству и обществу. В Стратегии указываются социальные и культурные характеристики казачества. При этом доминирует акцент на служебно-корпоративном характере казачества: казачьи общества определяются как те, которые внесены в Государственный реестр и которые добровольно приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы. Эта позиция утверждается в таком направлении государственной политики, как «привлечение членов казачьих обществ к государственной и иной службе, выполнению отдельных государственных задач в соответствии с законодательством РФ и договорными обязательствами казачьих обществ»². Нереестровые казаки сохраняют свою идентичность, привержены казачьей культуре, заняты повседневной деятельностью, но при определённых условиях (например, изменении норм численности организаций для регистрации в Реестре или изменении принципов взаимодействия с региональными и муниципальными органами власти) могли бы пополнить численность реестровых казаков.

Вместе с тем возвращение к служебно-корпоративному статусу казачества в настоящее время остается проблематичным, не совпадает с историческим опытом этой группы и не сопровождается восстановлением утраченных преференций. Тем самым имеет место какой-то иной характер формирования данной группы, при котором историческое прошлое играет определённую, но не всеобъемлющую роль. Цель данной работы – определить основания группообразования казачества и те ожидания, достижение которых, с точки зрения казачества, необходимо для сохранения и укрепления группы.

Обзор литературы по проблематике исследования

Анализ состояния современного казачества можно сгруппировать по нескольким направлениям: социокультурного возрождения, самоорганизации казачьего движения, служебной деятельности казаков.

Вопросы социокультурного возрождения казачества рассматривались М. Г. Артамоновой [1], Н. Ф. Бугай [2], С. М. Маркедоновым [12], О. В. Рвачевой [17], Т. С. Рудиченко [18], Т. В. Таболиной [20], Н. О. Щуп-

¹ Указ Президента РФ «Об утверждении Стратегии государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008090004>

² Там же.

ленковым, О. В. Щупленковой [23] и др. Учёные обратили внимание на ритуалистичный характер возрождения социокультурных традиций казаков, доминирование празднично-фестивальных тенденций в этом процессе. В качестве самостоятельной темы этого направления выступает анализ конструирования казачьей идентичности (включая развитие казачьего образования) и воспроизводства казачьей культуры [15; 9].

Самоорганизация казачьего движения стала предметом исследования в трудах Н. В. Горбуновой [4], Е. И. Дулимова [5], К. М. Кусмарцева [10], А. Г. Масалова [13] и др. В период суверенизации автономных республик РФ казаки также рассчитывали на создание автономной республики. Однако анализ политического процесса в 1990-е гг. показал, что практически ни одна из идей, выдвинутых для организации казачьей автономии, на практике реализована не была. Правовой статус современных казачьих войсковых обществ ничем не отличает их от прочих элементов гражданского общества. Они не интегрированы в муниципальную власть и ещё больше дистанцированы от власти региональной. У них нет функций публичных органов власти, а любые контакты с государством проводятся по тем же правилам, которые адресованы другим общественным организациям.

Служебная деятельность казаков изучалась И. Ю. Ерохиным [6], А. В. Житенёвым [7], Г. О. Мациевским [14], А. А. Озеровым [16], А. Ю. Соклаковым [19] и др. Лейтмотив исследований можно свести к выводу о том, что реализация служебной деятельности в том виде, как она предложена государством, не соответствует ожиданиям казаков. Казачество не рассматривается государством как самостоятельный субъект в реализации защитной и правоохранительной функций и фактически не имеет соответствующих полномочий для реализации этих функций. Авторы подчеркивают, что казачьи организации растворились в структурах гражданского общества.

Ряд работ посвящен комплексному анализу современного состояния казачества, преимущественно Юга России (В. Ф. Шевченко [22], В. П. Водолацкий [3]). В них показываются проблемы, связанные с разделением казаков на реестровых и нереестровых; трудности развития фермерских хозяйств казаков, охранные функции реестровых казаков и др., которые в совокупности показывают неопределенность социального статуса казачества.

Представители зарубежной науки скептически относятся к перспективе воссоздания казаков как социального слоя в России и на Украине [27], при этом подчеркивается подчиненная роль «неоказаков» «политике Кремля». Некоторые исследователи указывают на конструирование Кремлём неоказачества, которое предстает как военно-политический проект, «мобилизующий общество перед лицом якобы новых внешних угроз» [26, с. 4]. Эта позиция конкретизируется американским исследователем Р. Арнольдом, который рассматривает казаков в качестве «жесткой» и «мягкой» силы во внешней политике Кремля. Опираясь на исторические материалы, он раскрывает военизированные функции казаков, за выполне-

ние которых они обеспечивались привилегиями со стороны государя. И эта функция, по наблюдениям исследователя, в настоящее время значительно усилилась. Казаки проявились как «жесткая» сила России в различных «горячих точках» на постсоветском пространстве (Приднестровье, Абхазия, Южная Осетия, Крым, Юго-Восточная Украина); и одновременно как «мягкая сила», призванная объединить казаков за рубежом, создать для них центр духовного притяжения в Новочеркасске – столице Донского казачества [24]. Чешский социолог Т. Баранек отмечает всё возрастающую роль казачества в решении местных, региональных и геополитических задач российского государства, обращая внимание в том числе на казачьи школы, благодаря которым «группы молодых людей воспитываются в соответствии с официальной государственной идеологией, чтобы стать будущей военной и полицейской элитой государства» [25, с. 11].

В то время, как Р. Арнольд акцентирует внимание на том, что в России казаки используются для продвижения приверженности традиционной культуре на международном уровне, французский исследователь Л. Петиньо на примере постмайданной Украины показывает другой ракурс социальной роли казачества. Он считает, что на Украине на первый план выдвинута коннотация казачества как движения за демократию. Сущностный смысл казачества связывается не с культурными особенностями и традициями, а с образом жизни, в котором доминирующий тренд – военная самоорганизация для борьбы с врагом [28].

Даже беглое освещение обсуждения проблемы современного казачества отечественными и зарубежными исследователями свидетельствует о расхождении в оценках казачества как явления в жизни современного общества. Исследователи расходятся в оценках источников формирования казачества как социальной группы, её статусных позиций и потенциальных возможностей реализации собственной социальной субъектности. Комплекс этих вопросов в совокупности требует осмысления казачества в логике группообразования в условиях современного общества.

Методология и методы

В основу анализа казачества как социального явления в России постсоветского периода были положены идеи АСТ-теории Б. Латура. Несмотря на то что акторно-сетевая теория (АСТ) осуществляет радикальный методологический разрыв с привычными для социологической науки парадигмами и направлениями, мы рискнём использовать здесь её отдельные термины и концептуальные представления, поскольку она позволяет рассмотреть процесс группообразования с некоторой «нулевой», исходной точки. Свой интерес к изучению группообразования Б. Латур объяснял тем, что в этом процессе образуются социальные связи, которые оставляют больше следов, чем уже стабилизированные, которые являются «безмолвными и невидимыми» для исследования. Сами же группы выступают «строительным блоком общества». Латур полагает, что исследование раз-

ногласий по поводу характеристик группы в дискуссиях позволяет выявить индикаторы, очерчивающие границы группы, и «производственный механизм», необходимый для обеспечения её жизнеспособности. Механизм группообразования можно отследить через взаимодействие нескольких категорий акторов: а) представителей самой группы, которые определяют, кто они есть, кем были и кем должны стать; кто принадлежит к группе и по каким признакам; б) представителей, выступающих от имени группы и её руководителей, привлекающих ресурсы для укрепления границы группы, что делается разными способами, в том числе через апелляцию к традиции и праву; в) «профессионалов с высокоспециализированным оснащением», к числу которых относятся социологи, журналисты, демографы, обосновывающие долгосрочность существования группы в разных сферах публичного дискурса [11]. Б. Латур рассматривает группу не онтологически как данность (остенсивно), а как постоянное и протяженное перформативное действие – выдвижение каких-либо деклараций, организации фестивалей, забастовок, перформансов (например, парадов), без которых группа распадается [11, с. 56].

Другим важным компонентом конструирования группы, который выделяет Б. Латур, являются способы использования средств для группообразования и поддержания стабильности группы: такие способы могут рассматриваться как простые «проводники» и как «посредники» [11, с. 55–64], с помощью которых группа вписывается в сеть социальных взаимодействий. Проводники – это средства, которые переносят значения и силу, не преобразуя их (в анализе конструирования казачества как группы в качестве проводников можно рассматривать, например, фольклорную и бытовую культуру казаков, традиционные нормы). Посредниками же выступают средства, которые в процессе группообразования преобразуют, изменяют или искажают передаваемые ими значения тех или иных элементов. То есть средства, используемые на «входе» группообразования, могут приобрести совершенно другое значение по мере развития этого процесса. В качестве посредника при формировании казачества можно рассматривать паттерны его служебной функции, которая не может быть воспроизведена в современном обществе в неизменном традиционном качестве. Эти изменения, связанные с переосмыслением средств-посредников, определяют трансформацию качественных характеристик воссоздаваемой группы.

Конкретизация этих изменений может изучаться эмпирическими социологическими методами. В частности, восприятие участниками группы средств-проводников, которые используются для актуализации идентификационных характеристик группы, – истории казачества и элементов его культурной самобытности, позволяют выделить устойчивые компоненты группообразования, которые воспроизводятся как элементы реальной группы или её исторической реконструкции в диахронной проекции, представленной в виде сложной эволюции российского казачества, вобравшего в себя ценности разных эпох и времён. Количественные методы сбора и анализа информации показывают идентификационные характеристики группы и одновременно позволяют выявить самопрезентацию

группы с позиции видения респондентами её границ. Другой позицией сбора информации выступает оценка участниками группы используемых средств-посредников, а именно, их интерпретация служебной функции казаков в современных условиях, а также действий лидеров группы и акторов сопровождения, обеспечивающих группообразование казачества правовыми, финансовыми и социальными ресурсами.

Гипотезой эмпирического исследования стало предположение о том, что процесс группообразования казачества, который первоначально был инициирован для воссоздания культурной специфики регионов с историческими поселениями казаков, прошёл ряд этапов, вызванных стремлением различными средствами имплементировать служебную функцию исторического казачьего сословия в жизнь современного общества с размытыми границами социальных слоёв; низкая эффективность этих усилий определялась выхолащиванием социокультурного смысла служебной функции. Новый импульс группообразованию казачества был задан изменением геополитической обстановки во втором десятилетии XXI в. и обострением внешних угроз в адрес России. В этих условиях инициатива консолидации казачества как социальной группы перемещается от акторов, обеспечивающих казачество ресурсами и средствами публичного сопровождения, к самому казачеству, которое адаптирует исторически сложившуюся служебную функцию к новым социальным условиям, наполняя её новым содержанием.

Социологический опрос по теме: «Социальный и психологический портрет современного российского казачества» был проведён в сентябре-октябре 2022 г.¹ коллективом учёных Южного федерального университета в рамках Госзадания Минобрнауки РФ «Научно-методическое и ресурсное обеспечение мероприятий, направленных на реализацию Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» № СЗ-445-00/476 от 28.07.2022 г. Опрос проводился в сотрудничестве со Всероссийским казачьим обществом (ВсКО).

Впервые опрос осуществлялся среди всех тринадцати войсковых казачьих обществ Государственного реестра, территориально расположенных в каждом пограничном субъекте России и в Центральном федеральном округе. На территориях расположения войсковых казачьих обществ опрашивались как реестровые, так и нереестровые казаки, идентифицирующие себя с казачеством. Выборка объемом 2480 чел. (1103 из них – нереестровые) репрезентирует взрослое население 13 войсковых казачьих обществ по полу, возрасту и территории расселения. В общем объеме выборки 1418 чел. (57,2%) – мужчины, 1062 чел. (42,8%) – женщины. Возрастная структура выборки: 18–23 года – 22,9%, 24–35 лет – 16%, 36–50 лет – 36,5%, 51–60 лет – 20,2%, старше 65 лет – 4,4%. В процессе опроса все параметры выборки контролировались на местах представителями войсковых казачьих обществ.

¹ Опрос респондентов проводился средствами интернет-панели Анкетолог: anketolog.ru. Собранный материал обрабатывался с помощью программы SPSS, версия 26.0.

Формула, используемая при расчете:

$$SS = \frac{Z^2 * (p) * (1-p)}{C^2}$$

где:

SS – выборочная совокупность;

Z = Z фактор (0,3 для 99,7% доверительного интервала);

P = процент интересующих респондентов или ответов, в десятичной форме (0,3);

C = доверительный интервал, в десятичной форме.

Результаты исследования

Изучение «следов» группообразования казачества, которые в избытке были оставлены различными акторами (лидерами казачества; акторами, обеспечивающими казачество ресурсами, в первую очередь органами государственной власти, СМИ, социологами), позволило выявить три этапа формирования этой группы. Первый этап (мемориальный) можно датировать серединой 1980-х – началом 1990-х гг., когда произошла реконструкция исторического образа казачьего сословия, его роли в Российской империи и начала осмысливаться трагедия расказачивания. Второй этап датируется началом 1990-х гг. – 2012 г., когда происходило осмысление статуса казачества, учреждение региональных казачьих организаций, заявления со стороны различных казачьих обществ о готовности защищать православное население на постсоветском пространстве и инициативное участие в «горячих точках». В 2008 г. была принята «Концепция государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества». Утверждение этого документа свидетельствовало о том, что в группообразование казаков включилось государство в качестве актора, обеспечивающего этот процесс необходимыми ресурсами. В данном документе сделан акцент на государственной службе казаков, основы которой были заложены Указом Президента РФ о создании системы учета казачьих обществ¹ и Федеральным законом «О государственной службе российского казачества»². Вместе с тем процесс группообразования приобрёл бюрократический характер и обнаружил проблемный элемент – разделение казаков на реестровых и нереестровых, который стал смысловым и знаковым индикатором очерчивания групповых границ для самого казачества. Начало третьему этапу было положено утверждением в 2012 г. Президентом России В. В. Путиным «Стратегии государственной политики РФ в отношении казачества до 2020 г.», в которой было сформулировано доктринальное видение социальных позиций казачества. Они определялись привлечением казаков к государственной службе

¹ Указ Президента Российской Федерации от 9 августа 1995 г. № 835-ФЗ «О Государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (в актуальной редакции) // Российская газета. 1995. 12 августа.

² Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (в актуальной редакции) // Российская газета. 1995. 8 декабря.

и рядом социокультурных функций. В настоящий момент действующей является «Стратегия государственной политики РФ в отношении казачества на 2021–2030 гг.»¹ (далее – Стратегия), в котором на первый план были выдвинуты социально-служебные характеристики казачества, связанные с обеспечением национальной безопасности. Казачьи общества определяются как те, которые «внесены в Государственный реестр казачьих обществ и которые добровольно приняли на себя обязательства по несению государственной и иной службы». А целью государственной политики в отношении казачества «является содействие консолидации российского казачества, сохранению, развитию, использованию духовного наследия и культуры казачества для обеспечения реализации его потребности в служении обществу посредством формирования эффективного механизма привлечения казачества к несению государственной или иной службы, участию в решении на основе общественно-государственного партнерства государственных задач в интересах национальной безопасности» (п.10).

Доминирование государства в группообразовании казачества с точки зрения определения целей этой группы, выделения различных ресурсов на её реализацию, содействие учреждению организационной структуры казачества, в частности созданию Всероссийского казачьего общества, региональных государственных казённых учреждений (например, «Казачьи общества» в Ростовской области) для обеспечения взаимодействия органов государственной власти региона и казачьих обществ с целью реализации задач Стратегии – несколько заглушает голоса самих казаков, их социальные ожидания, их идентичность и видение ими границ своей группы.

Анализ публичного дискурса относительно социального статуса казачества позволил выделить три ключевые проблемы, с которыми связан процесс группообразования: реализация возрождения казачества, роль в этом процессе государственной политики, отношение казаков к традиции воинской службы и участию в специальной военной операции. Эти проблемы были положены в основу инструментария социологического опроса.

1. Оценка реализации возрождения казачества

Собранный материал показал, что наибольшее число респондентов считают, что процесс возрождения казачества находится в активной фазе (41,5%), при этом какие-то позиции возрождаются, «какие-то – нет» (20,2%). Немногим менее пятой части респондентов (18,4%) полагают, что возрождение только начинается, а 15,1% указывают, что в своей исторической форме казачество не может быть воссоздано. Конкретизация этих позиций потребовала оценить различные аспекты рассматриваемого процесса. В качестве переменных для оценок были выдвинуты такие важные индикаторы казачьей идентичности, как «восстановление народной куль-

¹ Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 гг.». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74384683/> (дата обращения: 23.03.2023).

туры (фольклор, ремесло и др.)», «восстановление самоуправления в местах компактного проживания казаков», «восстановление готовности к военной службе». По переменной «народная культура» процесс возрождения признан казаками относительно результативным. На это указали более 80% всех опрошенных, хотя среди мужчин позитивные оценки на 10 пунктов ниже, чем среди женщин. По переменной «самоуправление в местах компактного проживания казаков» позитивная оценка значительно ниже. Так, достаточным его признали 34,2% опрошенных, недостаточным – 42,3%, очень слабо реализованным – 19,4% и невозможным к восстановлению – 4,2%. Это объясняется тем, что казакам так и не удалось добиться восстановления традиционных казачьих инструментов самоуправления в статусе реальных органов муниципальной власти. Современное законодательство России в данном аспекте имеет унифицированный характер, не делая поправок на исторические особенности, в том числе те, которые были в казачьих регионах. И в этом случае на оценки оказал влияние гендерный фактор: достаточным возрождение казачьего самоуправления посчитали лишь 26,5% мужчин, что значительно ниже, чем оценка женщин, – 44,4%. Позитивная оценка мужчин обратно пропорционально возрасту респондентов: чем старше возраст, тем ниже оценка реализации самоуправления. По переменной «готовность к военной защите Родины» ситуация оценивается респондентами как наиболее благоприятная. Так, достаточным возрождение казачества признали 56,3% опрошенных, недостаточным – 34,0%, очень слабо реализованным – 8,3% и невозможным к восстановлению – 1,4%. Гендерные различия не повлияли на оценку.

Респонденты-мужчины выделили три наиболее значимых фактора, тормозящих возрождение казачества: «недостаточная поддержка государства» (45,5%), «скептическое отношение к этому процессу общества» (43,4%), «бюрократизация структур управления казачеством» (42,8%). Четвёртая позиция в иерархии факторов – «отсутствие специальных казачьих воинских подразделений в составе вооружённых сил или национальной гвардии» (37,6%).

2. Оценка роли государственной политики в процессе группообразования измерялась по ряду переменных

В их числе: разделение казачества на реестровое и нереестровое; удовлетворённость казаков деятельностью юридически установленных направлений государственной службы; оценка роли Всероссийского казачьего общества как инструмента централизации войсковых казачьих обществ.

Введение Государственного реестра для регистрации казачьих обществ вызвало поляризацию идентификационных позиций среди казаков. В соответствии с законодательством регистрация осуществляется по инициативе казачьих обществ. Согласно Приказу Минюста РФ от 13 октября 2011 г. № 355 определён перечень документов, необходимых для регистрации казачьего общества в Госреестре. В состав этих документов входят персональные «сведения о членах казачьего общества, принявших на себя обязательства

по несению государственной или иной службы», а также «сведения об обязательствах по несению государственной или иной службы, принятых членами казачьего общества, отражённых в уставе казачьего общества по согласованию с федеральными органами исполнительной власти» и заявление самого казачьего общества. Перечисленные в Реестре казаки общества получают право на несение государственной службы.

Примерно половина респондентов (48,6%) согласны с тем, что на основании Реестра осуществляется организация государственной службы. Это объясняется тем, что каждый член казачьего общества, включённого в Реестр, письменно фиксирует обязательства, что заверяется юридически. Тем самым внесение казачьего общества в Государственный реестр выступает формой контракта государства с обществом, в котором закрепляются условия привлечения казака к государственной и иной службе. Треть респондентов указали также на то, что включение в Реестр актуализирует формирование самосознания казаков и выступает основанием для организации воспитательной работы с казачьей молодёжью. Для мужчин основной смысл внесения в Реестр состоит в привлечении к государственной службе. Однако около 15% респондентов (преимущественно мужчин) рассматривают Реестр как механизм подчинения казаков государственной власти. Более половины опрошенных считают, что казаки, вошедшие в состав реестровых казачьих организаций, значительно отличаются от тех, которые отказались от такой стратегии; и требуется интеграция реестровых и нереестровых казаков на платформе Госреестра. Однако четверть респондентов уклонились от ответов на эти вопросы (табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

«Как Вы считаете, обязательна ли интеграция нереестровых казаков в состав обществ, входящих в Государственный реестр?», %

Do you find obligatory that the integration of non-registered Cossacks into the organisations included in the state register?, %

Варианты ответа	Мужчины			Женщины		
	Всего N=1143	Реестр N=860	Н/реестр N=283	Всего N=626	Реестр N=258	Н/реестр N=433
Да	61,9	63,5	57,2	65,8	72,4	27,6
Нет	38,1	36,5	42,8	34,2	62,1	37,9

Успешность участия казаков в реализации задач, поставленных государственной политикой, оценивалась по направлениям: 1) восстановление культуры казачества, включая историческую память и социализацию молодёжи; 2) реализация природоохранной деятельности на территориях расселения казаков; 3) реализация различных аспектов функции защиты государства и обеспечения порядка. В наибольшей степени респондентов удовлетворяет сохранение культурных традиций и фольклора, на поддержание и развитие которого выделяются федеральные и региональные средства по направлению реализации государственной поддержки казачества. Этим направлением реализации государственной политики полностью и частично удовлетворены 88,4% респондентов. Немногим ниже результат по другим направлениям:

78,5% – участие казаков в сфере обеспечения правопорядка в городах и селах; 70% – участие в охране государственной границы; 74% – участие в предупреждении межнациональных и религиозных конфликтов; 70% – участие в обеспечении противопожарной безопасности; воспитание казачьей молодёжи – 80%; организация воинской службы – 72%; восстановление исторической памяти – 81,6%. Вместе с тем если выделить из всего массива респондентов только мужчин, на долю которых приходится основная роль в сфере несения различных видов службы, то оценки оказываются иными. Более четкая фокусировка возникает при сравнении ответов «полностью удовлетворён» и «не удовлетворён». Сравнение этих крайних полюсов показывает, что группа не удовлетворённых по всем направлениям (исключая сохранение культурных традиций) соизмерима с группой, удовлетворённой степенью вовлечения в эти сферы деятельности (табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

«В какой степени Вы удовлетворены деятельностью казаков в следующих сферах?», %
To what extent are you satisfied with the activities of Cossacks in the following areas?, %

Сфера деятельности	Полностью удовлетворён	Не удовлетворён
1. Восстановление культуры казачества		
Сохранение культурных традиций и фольклора	40,6	10,5
Восстановление исторической памяти	31,1	19,1
Воспитание казачьей молодёжи	30,8	20,7
2. Природоохранная деятельность		
Обеспечение защиты природы и животного мира	24,3	23,9
3. Защита Отечества и общественного порядка		
Обеспечение правопорядка в городах/селах	31,4	20,4
Организация воинской службы казаков	28,7	24,2
Участие в охране государственной границы	27,9	20,9
Достижение межэтнического мира и предупреждение межнациональных и религиозных конфликтов	28,2	16,6
Обеспечение противопожарной безопасности	25,6	19,8

Общий уровень неудовлетворённости казаков уровнем вовлечения в реализацию этих направлений государственной политики превышает пятую часть респондентов. Дифференциация негативных ответов («не удовлетворён») по возрастному индикатору позволяет чётко выделить целевую группу критично настроенных казаков. Она формируется преимущественно из состава казаков старше 35 лет. В трёх возрастных группах старше 35 лет уровень неудовлетворённости участия в каждом из направлений государственной политики в совокупности составляет более 70%.

Организация работы с казачеством по всем направлениям государственной политики предполагает укрепление централизации управления, в целях которого в 2019 г. было создано Всероссийское казачье общество (ВсКО). Интеграция казачества рассматривается как одна из главных проблем, по которой в настоящее время не достигнут консенсус среди казаков. Основное

большинство опрошенных казаков и казачек (72%) позитивно оценивают деятельность ВскО. Но среди респондентов-мужчин в два раза больше, чем среди респондентов-женщин, тех, кто не видит особых успехов в деятельности ВскО для казачества. Также среди казаков в два раза больше распространено мнение о том, что ВскО – это бюрократическая структура. Дифференциация респондентов-мужчин по возрастным группам показала критический настрой около 40% казаков старше 35 лет в оценке деятельности ВскО. Общее число опрошенных казаков в возрасте старше 35 лет составляет 800 чел., из них критически оценили деятельность ВскО 25,6%. Как зеркальное отражение – невысокая поддержка этой группой деятельности ВскО в сфере реализации воинского потенциала казаков как элемента Национальной гвардии (в разной степени позитивно оценили эту деятельность 45%).

3. Отношение к организации воинской службы и участию в СВО – третья важная проблема группообразования для казачества

Подавляющее большинство респондентов (83,9%) высказались в пользу нормативности воинской службы. При этом среди мужчин почти треть (30,3%) выделили её как нравственную максиму для казаков. Среди реестровых казаков эту максиму поддерживают на 8% больше, чем среди нереестровых (32,6% / 24,1%). Рассмотрение воинской службы как социокультурного признака казачества характерно для возрастных групп старше 35 лет. Представители младшей возрастной группы (18–23 года) рассматривают её в качестве профессиональной деятельности. Определение воинской службы как культурной характеристики казаков косвенно свидетельствует о сохранении ожиданий восстановления её традиционной формы, важнейшим элементом которой является формирование воинских подразделений по территориям проживания, войсковым казачьим обществам. Но по Временному положению о Государственном реестре казачьих обществ (до октября 2013 г.) организовывать в своём составе военизированные объединения и вооружённые формирования казачьи общества не имели права. С 2011 по 2014 г. казаки направлялись на воинскую службу в воинские подразделения, имеющие наименование «казачьи». До настоящего времени вопрос о казачьих воинских подразделениях так и не решён.

По результатам опроса большая часть респондентов-мужчин ориентирована на традиционно казачий территориальный принцип организации воинских подразделений казаков; женщины отдают предпочтение современной форме службы в армии. Мужчины в возрасте 18–23 лет отдают предпочтение службе по общепринятому стандарту, на что указали 62,7%. Но чем старше возрастная группа, тем более выражена установка на прохождение службы в казачьих подразделениях (т. е. в соответствии с казачьей традицией): в группе 24–35 лет на это указали 53,9%; в группе 36–50 лет – 67,4%; в группе 51–65 лет – 68,7%; старше 65 лет – 70,1%. Чётко проявилось различие позиций при расчёте собранного материала по казачьему статусу: реестровые казаки выступают за территориальный принцип организации воинских казачьих подразделений; 60% нереестровых выступают за призыв в любые подразделения российской армии, и чуть более 40% – за территориальный принцип.

Начало специальной военной операции (СВО) в феврале 2022 г. актуализировало обсуждение военных вопросов в среде казаков. Основное большинство респондентов (57%) указали на то, что в их окружении полностью поддерживают СВО и еще 27,8% отметили позицию «большинство поддерживают». При этом более половины указали на то, что знают тех казаков, кто участвует в СВО, в составе воинских подразделений; более 30% – на то, что знают казаков, которые вошли в состав казачьих подразделений («Дон», «Кубань», «Терек», «Енисей»). Среди реестровых казаков такие ответы встречаются чаще. В частности, указали на полную поддержку СВО в своей среде 67,8%. Почти 70% указали на то, что среди знакомых есть те, кто участвует в СВО в составе воинских подразделений, и еще 50% – в составе казачьих подразделений. Более трети опрошенных в группах реестровых и нереестровых казаков и казачек указывают на то, что в их среде Указ Президента РФ о частичной мобилизации вызвал тревогу и опасения, которые выражаются по-разному: от открытых высказываний до молчаливого уклонения от обсуждений. Респонденты из реестровых казаков в два раза выше проявляют готовность к участию в боевых и вспомогательных военных действиях в СВО в сравнении с нереестровыми казаками. Здесь следует подчеркнуть, что и в ответах на этот вопрос выявилось предпочтение участвовать в боевых действиях в составе казачьих подразделений (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

«Какие формы участия в СВО приемлемы для Вас?», по полу и казачьему статусу, %
What forms of participation in Special Military Operations (SVO) are acceptable to you?, by gender and Cossack status, %

Варианты ответа	Мужчины		Женщины	
	Реестр N=1038	Н/реестр N=380	Реестр N=330	Н/реестр N=723
Моральная поддержка	36,8	41,3	46,3	47,4
Гуманитарная помощь через общественные организации	46,1	39,7	61,7	56,7
Личное участие во вспомогательных (тыловых) частях для охраны общественного порядка и реализации других функций на контролируемых Россией бывших территориях Украины	47,6	30,5	20,9	14,0
На передовой в составе воинских соединений российской армии	25,8	17,6	7,1	6,5
На передовой в составе специальных казачьих воинских отрядов	36,6	19,5	7,7	5,9
В качестве инструктора при подготовке бойцов	12,0	11,1	6,5	4,0
Я не намерен(а) ни в какой форме участвовать в СВО	1,7	6,3	3,8	5,4
Затрудняюсь ответить	7,0	12,1	8,8	15,1
Всего ответили	100,0	100,0	100,0	100,0

Боевые действия в период СВО можно рассматривать как «пробный камень» для осмысления казаками своей роли в жизни современного российского общества. Представляется, что восстановление казачества не только как конгломерата общественных организаций, но как сообщества людей, которые, опираясь на культурно-историческую традицию, добровольно взяли на себя миссию защиты Отечества и актуализируют необходимость участия в СВО. В этом контексте осмысливается вопрос об ожиданиях от участия в СВО. При этом водоразделом позиций казаков (в меньшей степени – казачек) и в этом случае выступил казачий статус. Реестровые казаки, кроме ожиданий общегосударственного уровня и видения необходимости воссоединения русских на исторических территориях (т. е. задачи этнокультурного масштаба), возлагают надежды на то, что участие в боевых действиях будет способствовать решению собственно казачьих задач: единения и централизации войсковых казачьих обществ, утверждения необходимости казачьих воинских подразделений для России. Эти задачи давно стоят на повестке дня процесса возрождения казачества. СВО создала условия для их реализации в практической плоскости. Результаты опроса показывают, что около 30% реестровых казаков ожидают, что эти задачи найдут положительное решение. Нереестровые казаки в заметно меньшей степени рассматривают участие в СВО как контекст для решения вопросов, актуальных для возрождения казачества (табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

«Какие ожидания у казаков от участия в СВО?», по полу и казачьему статусу, %
What are the expectations of Cossacks regarding their participation in Special Military Operations (SVO)?, by gender and Cossack status, %

Варианты ответа	Мужчины		Женщины	
	Реестр N=1038	Н/реестр N=380	Реестр N=330	Н/реестр N=723
Послужить России и отстоять её суверенитет	61,8	52,4	64,3	57,5
Обеспечить воссоединение русских на исторических территориях России	39,6	29,5	27,1	20,5
Объединить войсковые казачьи общества в структурно организованную военную силу России	30,3	18,9	15,3	13,7
Утвердить необходимость для России казачьих военных подразделений	27,3	21,3	18,6	11,5
Нет каких-то особых ожиданий, отличных от поставленных государством задач	11,7	21,1	13,3	19,5
Всего ответили	100,0	100,0	100,0	100,0

Расчёт собранного материала по этому вопросу по возрастному принципу выявил установки служения у казаков в возрасте 24–65 лет. Представители этих возрастных групп ориентированы в первую очередь на служение России, воссоединение русских на исторических территориях проживания и уже во вторую очередь – на решение проблемы воинской самоорганизации казаков.

Заключение

Возрождение казачества в России на протяжении всего постсоветского периода вызывает полярные интерпретации: казаков определяют от «ряженных» до носителей российской воинской культурной традиции в современном обществе. В течение первого десятилетия современного группообразования возрождение казачества проходило в контексте борьбы различных политических сил. Под их влиянием лидеры казачьих обществ выдвигали программные заявления политического характера. Социологическую интерпретацию этого явления дал Л. Ионин, определив его как «культурную инсценировку», когда внешняя сторона возрождаемой культурной формы является более важной, чем сущностная, доктринальная, а сами участники инсценировки «живут не своей собственной жизнью» [8, с. 250]. Однако, по мнению Л. Ионина, применительно к казачеству этот процесс проходит не под флагом фундаментализации культурного стиля, а в форме «становления социальных и групповых идентичностей с одновременной институционализацией и формированием политических интересов» [8, с. 290]. Историко-культурное разнообразие казачьих обществ усложняло этот процесс, поскольку само казачество трансформировалось на протяжении истории, что ставило под вопрос доктринальную основу казачества [12]. Вместе с тем многочисленные выступления и заявления казачьих лидеров в постсоветский период позволяют эксплицировать их представления о казачестве как о служивом сословии, сформировавшемся в петровский период. Именно с этого времени Российское государство стало определять организационные формы, содержание деятельности и привилегии казаков [12]. В этом историческом контексте подчинённое положение возрождающегося казачества по отношению к государству некорректно рассматривать в категориях «манипуляции» и «использования».

На протяжении всего постсоветского периода в России наблюдается процесс группообразования казаков от культурной инсценировки, которая достигалась средствами-проводниками (возрождением фольклора, костюма, исторических нарративов и др.), к поиску культурного смысла и соответствующей деятельности, придающих группообразованию завершённую форму как группы, встроенной в структуру современного общества. Этот поиск проходил под давлением внешних геополитических вызовов, которые в 1990-е гг. вызвали пробуждение патриотического самосознания на уровне низовых инициатив казаков – добровольных участников боевых действий в «горячих точках» на постсоветском пространстве. Осмысление вектора развития казачества произошло под воздействием государства как актора, который также использовал историческую память о казачестве как служивом сословии в России. В этот контекст вменяются цели Стратегии государственной политики в отношении казачества, что позволяет говорить об определённой исторической преемственности современного казачества. Результаты опроса, проведённого среди всех тринадцати казачьих войск, показывают поддержку основным большинством казачества, в том числе и значительной частью нереестровых каза-

ков, основных направлений Стратегии. Вместе с тем анализ результатов опроса выявляет также ожидания казаками ещё одного шага со стороны государства – адаптации традиционных паттернов казачьего воинского служения к условиям современного общества. Этот элемент групповой культуры не может быть воспроизведён как «проводник», т. е. в неизменной исторической форме; требуется изменение самого этого элемента (т. е. превращение его в «посредника»), что приведёт к завершению группообразования казаков. Новая форма воинской службы, адаптированной к условиям современного общества, проявляется в практике образования воинских подразделений, участвующих в СВО. К таким практикам можно отнести, например, Специальный отряд быстрого реагирования «Ахмат» в составе войск Национальной гвардии России, который сохраняет территориальный принцип организации и этнокультурные характеристики воинского контингента, не искажая современных требований к содержанию деятельности воинских подразделений. О движении в этом направлении свидетельствует создание добровольческих казачьих подразделений «Дон», «Кубань», «Таврида» и др., участвующих в СВО. Однако эта низовая инициатива казачьих обществ нуждается в ресурсном обеспечении государства как актора процесса возрождения казачества. Требуется ряд мер, в частности: изменение содержания образования молодёжи в казачьих школах в сторону более выраженного военного компонента; учреждение казачьих подразделений в структуре Национальной гвардии в соответствии с казачьими войсками; воссоздание традиционных казачьих лагерей для регулярной военной подготовки реестровых казаков. Такого рода служебная деятельность реестровых казаков потребует также разработки соответствующих преференций: социального пакета казакам-военнослужащим, льгот при поступлении в военные образовательные учреждения и др.

Опора на некоторые понятия и методологические принципы акторно-сетевой теории при интерпретации рассматриваемого процесса даёт возможность не только выявить вектор развития современного казачества как продолжающейся формироваться социальной группы, но и прогнозировать вероятную дальнейшую траекторию процесса группообразования вплоть до обретения казачеством социально-профессионального статуса, приемлемого для современного общества. Так, использование концептов «проводник» и «посредник» позволяет акцентировать различие форм бытования казачества как общности: культурно-фольклорной, когда его существование и характер функционирования остаются за гранью реальных социально-политических процессов в российском обществе, не внося в них изменений; и профессионально-служебной, когда казачество становится реальным актором этих процессов. Подчеркнём также, что эта перспектива возможна при взаимодействии всех трех акторов данного процесса – самих казаков, государства и социальных теоретиков, осмысливающих этот процесс с точки зрения конституирования и развития группы. Проведённое исследование выявило также и целевую группу данного процесса – преимущественно реестровые казаки возраста старше 35 лет.

Библиографический список

1. Артамонова М. Г. Социокультурные проблемы возрождения современного казачества // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 3. С. 152–164. EDN: SOBTRZ.
2. Бугай Н. Ф. Российское казачество и проблема идентичности с вопросом: кто мы? // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 4. С. 148–163. DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13; EDN: TOVTNU.
3. Водолацкий В. П. Российское казачество: пути и перспективы развития. Ростов-н/Д.: Антей, 2011. 287 с. EDN: QPVWEL.
4. Горбунова Н. В. Самоорганизация казачьих сообществ России на начальном этапе движения за возрождение казачества // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2012. № 6. С. 46–54. EDN: PVS RPX.
5. Дулимов Е. И. Из истории движения возрождения казачества и восстановления казачьей автономии в первой половине 1990-х годов // Юристъ-Правоведъ. 2002. № 1. С. 79–85. EDN: XROREL.
6. Ерохин И. Ю. Казачество в свете вопроса военной службы // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 172–174. EDN: PZHPQV.
7. Житенёв А. В. Возрождение казачества в конце XX – начале XXI в. // Альманах мировой науки. 2017. № 3-2. С. 27–32. EDN: YLXPRT.
8. Ионин Л. Социология культуры. Изд. 4, перераб. и доп. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 427 с. EDN: QODEFR.
9. Кузеванова А. Л., Метелицкая Ю. А. Социокультурная идентификация современного российского казачества: завершен ли процесс? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 90–100. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08; EDN: YLYNTY.
10. Кусмарцев К. М. Генезис казачьего самоуправления // *Ars Administrandi*. Сб. ст. Пермь: ПГУ, 2009. С. 103–111.
11. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. М.: ВШЭ, 2014. 384 с.
12. Маркедонов С. М. Казачество: единство или многообразие? (проблемы терминологии и типологизации казачьих сообществ) // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 95–108. EDN: OOVGOZ.
13. Масалов А. Г. Российское казачество в начале XXI века: политологический анализ структуры и тенденций возрождения // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2003. № 8. С. 13–19. EDN: HRMQWP.
14. Мацевский Г. О. Возрождение российского казачества в конце XX в.: основные источники и особенности // Вестник КрасГАУ. 2011. № 10. С. 209–216. EDN: OIGGXR.

15. Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09; EDN: YLYNUQ.

16. Озеров А. А. Возрождение казачества: идеи и социальная практика (социально-философский аспект). Автореф. дис. ... канд. филос. н. Ростов н/Д., 2003. 24 с.

17. Рвачева О. В. Движение за возрождение казачества на Юге России в начале 90-х годов // Вестник ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение, Международные отношения. 2016. Т. 21. № 4. С. 124–134. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.4.13; EDN: WRQOBJ.

18. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с. EDN: YLBVUJ.

19. Соклаков А. Ю. Организация службы российского казачества в прошлом и настоящем в научных оценках и документах // Вестник академии военных наук. 2016. № 1. С. 165–171. EDN: WZQGSN.

20. Таболина Т. В. Казаки: драма возрождения. 1980–1990-е годы. М.: ИЭиА РАН, 1999. 252 с. EDN: QYVMSN.

21. Чуев С. Перестройка 1985–1991 гг. на Дону: лица, события, исторические итоги. М.: Издательские решения, 2020. 624 с.

22. Шевченко В. Ф. Деятельность Кубанской казачьей Рады в области культуры на первом этапе возрождения казачества // Культурная жизнь Юга России. 2014. № 2. С. 107–109. EDN: SITYPZ.

23. Щупленков Н. О., Щупленков О. В. Возрождение казачества в новых социальных условиях: многообразие подходов // Геополитика и патриотическое воспитание. 2018. № 32. С. 8–19. EDN: YNMNET.

24. Arnold R. The Role of Cossacks in Russia's Soft Power Toolkit // PONARS Eurasia Policy Memo. 2021. № 728. URL: <https://www.ponarseurasia.org/the-role-of-cossacks-in-russias-soft-power-toolkit> (дата обращения: 23.03.2023).

25. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine // Russian analytical digest. 2014. № 153. P. 9–12.

26. Darczewska J. Putins cossacks: folklore, business or politics // Point of view. Warsaw. 2017. № 12. P. 1–64.

27. Kappeler A. Die Kosaken: Geschichte und Legenden. Munich: Verlag C. H. Beck, 2013. 127 p.

28. Petiniaud L. The Cossacks and their legacy as National Symbols in post-Maidan Ukraine. The Renewal of a Shifting National Myth. Paper presented at the ASN World Convention Columbia University, 2015, 23–25 April. URL: https://www.academia.edu/15838955/The_Cossacks_and_their_legacy_as_National_Symbols_in_post_Maidan_Ukraine (дата обращения: 23.03.2023).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории XX–XXI вв., Южный федеральный университет
Ковалёв Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, Южный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2

Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status¹

Galina S. Denisova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: dgsrostov2013@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3671-9602

Vitaly V. Kovalev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: vitkovalev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-8439-3117

For citation: Denisova G. S., Kovalev V. V. Cossackhood in Contemporary Russia: Attaining Social Status. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 14–36. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.2; EDN: LNVOFN

Abstract. In contemporary Russian society, a transformation of the social structure is taking place. The formation of the Cossack social group is an important aspect of this process. The revival of this social group throughout the post-Soviet period has led to polarised interpretations, ranging from characterising Cossacks as “costumed” individuals to being bearers of Russian military cultural traditions in modern society. The significance of the social status of Cossacks is amplified in the face of modern geopolitical challenges and the Russian society’s search for its own identity.

The aim of this article is to determine the foundations of Cossack group formation and the expectations that, from the Cossacks’ perspective, are necessary for the preservation and strengthening of the group. The methodological framework of the study is based on the ideas of actor-network theory by B. Latour. The empirical research hypothesis posits that the process of Cossack group formation has undergone several stages, from recreating elements of folk culture to implementing the historical Cossack service function into the life of modern society with blurred boundaries between social strata. The involvement of Cossack military societies in the Special Military Operation has influenced the adaptation of cultural patterns related to the Cossack service function. The hypothesis was tested using a mass survey through questionnaire methods in thirteen Cossack military societies. The survey results show that the majority of Cossacks, including some non-registered Cossacks, support the main directions of the State Policy Strategy regarding the Cossacks. However, Cossacks’ expectations from the state include the adaptation of traditional Cossack military service patterns to the conditions of modern society and the requirements of military service. The readiness of Cossacks to move in this direction is evident in the formation of voluntary Cossack units participating in the Special Military Operation. Nevertheless, this grassroots initiative of Cossack societies requires state resources as the dominant actor in the Cossack revival process. These resources include the establishment of Cossack units in accordance with the tradition of Cossack military service within the structure of the National Guard, a different approach to the education of youth in Cossack schools with a stronger military component, and the re-establishment of traditional Cossack camps for regular military training of registered Cossacks, among other things. Such service activities by registered Cossacks will also require the development of corresponding preferences and privileges for registered Cossacks.

Keywords: cossacks, revival, group formation, Latour, social status, military service, historical memory, Cossack societies

¹ *This article uses the results of the project conducted under the Government Order of the Ministry of Education and Science “Scientific and methodological and resource support of activities aimed at implementing the Strategy of State Policy of the Russian Federation in respect of the Russian Cossacks in 2021–2030 years” № СЗ-445-00/476 dated 28.07.2022, the number of internal registration SFU GZ0706/22-05-IS.*

Reference

1. Artamonova M. G. Sociokul'turnye problemy vozrozhdeniya sovremennogo kazachestva [Socio-cultural problems of the revival of modern Cossacks]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2014: 3: 152–164 (in Russ.). EDN: SOBTRZ.
2. Bugai N. F. The Russian Cossacks and the problem of identity with the question: who are we? *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019: 24: 4: 148–163 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2019.4.13; EDN: TOVTNU.
3. Vodolatsky V. P. Rossijskoe kazachestvo: puti i perspektivy razvitiya [Russian Cossacks: ways and prospects for development]. Rostov-on-Don, Antaeus, 2011: 287 (in Russ.). EDN: QPVWEL.
4. Gorbunova N. V. Samoorganizaciya kazach'ih soobshchestv Rossii na nachal'nom etape dvizheniya za vozrozhdenie kazachestva [Self-organization of Cossack communities of Russia at the initial stage of the movement for the revival of Cossacks]. *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki*, 2012: 6: 46–54 (in Russ.). EDN: PVS RPX.
5. Dulimov E. I. Iz istorii dvizheniya vozrozhdeniya kazachestva i vosstanovleniya kazach'ej avtonomii v pervoj polovine 1990-h godov [The history of the Cossack revival movement and the restoration of Cossack autonomy in the first half of the 1990s]. *Yurist-Pravoved*, 2002: 1: 79–85 (in Russ.). EDN: XROREL.
6. Erohin I. Y. Kazachestvo v svete voprosa voennoj sluzhby [Cossacks in the light of the issue of military service]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2013: 4: 172–174 (in Russ.). EDN: PZHPQV.
7. Zhitenev A. V. Revival of Cossacks in the late XX – early XXI centuries. *Al'manah mirovoj nauki*, 2017: 3-2: 27–32 (in Russ.). EDN: YLXPRT.
8. Ionin L. Sociologiya kul'tury. Izd. 4, pererab. i dop. [Sociology of culture. 4th ed., rev. and suppl.], Moscow, GU VSHE, 2004: 427 (in Russ.). EDN: QODEFR.
9. Kuzevanova A. L., Metelitskaya Yu. A. Sociocultural Identification of Modern Russian Cossacks: Is the Process Complete? *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017: 4: 90–100 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.08; EDN: YLYNTY.
10. Kusmartsev K. M. Genezis kazach'ego samoupravleniya [Genesis of Cossack self-government]. In *Ars Administrandi. Collect. of art.* Perm, PGU, 2009: 103–111 (in Russ.).
11. Latour B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social – An Introduction to Actor-Network Theory]. Transl. from Eng. by I. Polonskaya; ed. by S. Gavrilenko. Moscow, NIU VSHE, 2014: 382 (in Russ.).
12. Markedonov S. M. Kazachestvo: edinstvo ili mnogoobrazie? (problemy terminologii i tipologizacii kazach'ih soobshchestv) [Cossacks: unity or diversity? (Problems of terminology and typology of Cossack communities)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2005: 1: 95–108 (in Russ.). EDN: OOVGOZ.
13. Masalov A. G. Rossijskoe kazachestvo v nachale XXI veka: politologicheskij analiz struktury i tendencij vozrozhdeniya [News of Universities. The North Caucasus region. Social sciences]. *Izvestiya Vuzov. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki*, 2003: 8: 13–19 (in Russ.). EDN: HRMQWP.
14. Matsievsky G. O. Vozrozhdenie rossijskogo kazachestva v konce XX v.: osnovnye istochniki i osobennosti [The revival of Russian Cossacks at the end of XX century: the main sources and features]. *Vestnik KrasGAU*, 2011: 10: 209–216 (in Russ.). EDN: OIGGXR.
15. Mikhailova E. A. Russian Cossacks: factors of self-identification. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2017: 4: 130–144 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09; EDN: YLYNUQ.
16. Ozerov A. A. Vozrozhdenie kazachestva: idei i social'naya praktika (social'no-filosofskij aspekt [The revival of the Cossacks: ideas and social practice (socio-philosophical aspect)]. Thesis ... of Cand. of Philos. Sci. Rostov-on-Don, 2003: 24 (in Russ.).
17. Rvacheva O. V. Movement for revival of Cossacks in the South of Russia in the beginning of 90-th years. *Vestnik VolGU. Ser. 4. Istoriya. Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2016: 21: 4: 124–134 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.4.13; EDN: WRQOBJ.

18. Rudichenko T. S. Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii [The Don Cossack song in historical development]. Rostov-on-Don, RGK im. S V. Rakhmaninova, 2004: 512 (in Russ.). EDN: YLBYUJ.
19. Soklakov A. Y. Organization of service of the Russian Cossacks in the past and present in scientific evaluations and documents. *Vestnik akademii voennyh nauk*, 2016: 1: 165–171 (in Russ.). EDN: WZQGSJ.
20. Tabolina T. V. Kazaki: drama vozrozhdeniya. 1980–1990-e gody [Cossacks: the drama of revival. 1980-1990s]. Moscow, IEiA RAN, 1999: 252 (in Russ.). EDN: QYVMSN.
21. Chuev S. Perestroika 1985-1991 at the Don: faces, events, historical results. Moscow, Izdatel'skie resheniya, 2020: 624 (in Russ.).
22. Shevchenko V. F. Activity of the Kuban Cossack Rada in the field of culture at the first stage of the Cossack revival. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2014: 2: 107–109 (in Russ.). EDN: SITYPZ.
23. Shchuplenkov N. O. Revival of Cossacks in the new social conditions: a variety of approaches. *Geopolitika i patrioticheskoe vospitanie*, 2018: 32: 8–19 (in Russ.). EDN: YNMNET.
24. Arnold R. The Role of Cossacks in Russia's Soft Power Toolkit. *PONARS Eurasia Policy Memo*, 2021: 728. Accessed 23.03.2023. URL: <https://www.ponarseurasia.org/the-role-of-cossacks-in-russias-soft-power-toolkit>
25. Baranec T. Russian Cossacks in Service of the Kremlin: Recent Developments and Lessons from Ukraine. *Russian analytical digest*, 2014: 153: 9–12.
26. Darczewska J. Putins cossacks: folklore, business or politics. *Point of View*. Warsaw, 2017: 12: 1–64.
27. Kappeler A. Die Kosaken: Geschichte und Legenden, Munich, Verlag C. H. Beck, 2013: 127.
28. Petiniaud L. The Cossacks and their legacy as National Symbols in post-Maidan Ukraine. The Renewal of a Shifting National Myth. *Paper presented at the ASN World Convention Columbia University*, 2015. April 23-25. Accessed 23.03.2023. URL: https://www.academia.edu/15838955/The_Cossacks_and_their_legacy_as_National_Symbols_in_post_Maidan_Ukraine

The article was submitted on: May 17, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina S. Denisova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History XX–XXI centuries, Southern Federal University

Vitaly V. Kovalev, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Industrial and Applied Sociology, Southern Federal University

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3

EDN: LRTOIC

Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный анализ

Ссылка для цитирования: Скорик А. П., Щербакова Л. И. Социовитальные институты казачьей повседневности: категориально-понятийный аппарат // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

For citation: Skorik A. P., Shcherbakova L. I. Socio-vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

AuthorID РИНЦ: 437141

Скорик Александр Павлович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

s_a_p@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 485792

Щербакова Лидия Ильинична¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

lidia-npi@mail.ru

Аннотация. О российском казачестве написано немало интересных научных и популярных работ, и в современной России интерес к казачеству как предмету научного анализа только нарастает. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина № 505 от 9 августа 2020 г. утверждена «Стратегия государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы», где подчёркивается «содействие научному изучению истории российского казачества, противодействие фальсификации страниц истории России, связанных с российским казачеством». Для обеспечения научного изучения истории российского казачества важно разобраться в системе ключевых категорий и понятий, отражающих казачью повседневность. Выработка научного инструментария для достижения указанной цели требует проведения междисциплинарных исследований, в том числе обращения к исторической социологии и социологии культуры, к концептуализации социовитальных институтов

российского казачества, раскрывающих особенности казачьей повседневности. Виталистская социология позволяет со своей стороны парадигмальным образом подкрепить научную инсталляцию авторских суждений и обеспечивает развёртываемый категориально-понятийный анализ этнокультурной сферы жизнедеятельности казачьих обществ в культурвиталистском ключе. Обращается внимание на материальную сторону социоприродной эволюции казачьих обществ в исторической повседневности Российской империи XVIII – начала XX в. и сохранение с помощью коммеморативных практик социовитальных институтов российского казачества до настоящего времени. Базисным ресурсом жизнеобеспечения выступает жилище как продукт созидательной деятельности казачества и форма его территориально-пространственной локализации в рамках казачьих поселений. Культурвиталистским сюжетом предстаёт традиционная пища казаков, рассматриваемая в хронотопическом ключе и позиционирующая казачьи сообщества в качестве социальной группы с рациональным потреблением и одновременно внешней самопрезентацией. Отношения пользования исторически преобладали у казачества к такому важнейшему ресурсу жизнеобеспечения, каким является одежда, и вместе с тем здесь мы сталкиваемся с глубинным символическим интеракционизмом в самоинтерпретации казачьего костюма. Иначе говоря, в качестве примера для междисциплинарного анализа взяты три ключевые категории казачьей повседневности: жилище, пища и одежда. Их рассмотрению посвящена настоящая статья двух учёных, много лет плодотворно работающих в столице мирового и российского казачества – городе Новочеркасске.

Ключевые слова: дефиниция, вероятностные интерпретации, казаки, научная категория, повседневность, социальные смыслы

Категория повседневности сегодня прочно вошла в научную литературу, что уже не нуждается в особом пояснении и в дополнительных интерпретациях, но это не мешает нам осуществлять научный поиск прикладных значений повседневности в различных гуманитарных науках, особенно в междисциплинарном поле, каким в данном случае выступает историческая социология. Предметом анализа в настоящей статье являются научные категории казачьей повседневности, которые при всей очевидности одиночного поименования в совокупности своей составляют эпистемологическую сферу, прежде всего, материального порядка, каким представлял себе категорию повседневности в классическом варианте её автор, французский историк Фернан Бродель [1, с. 41]. Как мы полагаем, избранные нами для междисциплинарного анализа ключевые категории (характерной для исследуемой группы) казачьей повседневности: жилище, пища и одежда, могут быть интерпретированы с опорой на разработанные П. А. Сорокиным основные классические понятия социологии и, прежде всего, истолкованы в качестве элементов совокупности физических и символических проводников взаимодействия и/или материальной культуры [6, с. 131]. Советский и российский социолог Ж. Т. Тощенко правомерно подчёркивал, что «проблема категориально-понятийного аппарата – это проблема логичности, точности, последовательности и непротиворечивости знания, образующего целостность и завершённость конструкции любой науки» [7, с. 111]. «Определимся в терминах, и половина человеческих споров исчезнет», – это правомерное выражение французского философа и знатока многих других наук Рене Декарта, как нельзя более точно, относится к категории

казачьей повседневности. Кроме того, использованные в настоящей статье аналитические подходы к изучению социовитальных институтов казачьей повседневности нацелены на необходимость учитывать процессы преемственности в топохронной эволюции казачества как социальной и культурно-этнической группы и его современную модернизацию, инновационное развитие и обновление, которые имеют свою специфику в социально-культурных и социально-территориальных условиях [2, с. 44] казачьих регионов России.

Тем самым социовитальные институты в контексте настоящей статьи представляют собой цивилизационный фрейм обыденного порядка, обеспечивающий сохранение жизненных сил, социоприродную эволюцию казачьего сообщества и его этнокультурную самопрезентацию. В качестве примера социовитальных институтов мы сосредоточились на «жилище», «пище» и «одежде», которые в то же время выступают неотъемлемой составной частью (характерной для исследуемой группы) казачьей повседневности и с позиций исследователей-аналитиков могут рассматриваться как научные категории, доступные для интерпретации в рамках виталистской социологии [2, с. 39–46] и ряда других научных дисциплин и парадигм.

Проблема заключается в преобладающем внешнем, атрибутивном социальном восприятии современного казачества, в суждениях о нём по ментальным моделям поведения отдельных его представителей, по актуализированным коммеморативным практикам, иначе говоря, по вершине айсберга, когда, к примеру, появился в Москве, в районе Лефортово Юго-Восточного административного округа столицы парк Казачьей славы, там установлена монументальная скульптурная композиция, посвящённая донскому атаману М. И. Платову, и, естественно, часто собираются казаки. Однако «количество, качество и мера развитости жизненных сил и жизненного пространства» казачества определяется отнюдь не данными практиками, а именно социовитальными институтами, не сосредоточенными в парке, или на казачьем круге, но сохранившимися в старинной казачьей станице, в казачьей семье, в обычной повседневности казачьих регионов. Эти институты «определяют специфику взаимодействия в контексте развития отношений владения, пользования, распоряжения, распределения, присвоения, потребления ресурсов жизнеобеспечения» [2, с. 41]. В этом состоит суть виталистской концепции, а её эвристический потенциал заключается как раз в обращении к глубинным истокам социальных явлений, к изначальным алгоритмам социально-культурного развития населения России, в том числе возрождающегося казачества.

Категория «жилище» в казачьей повседневности

Если мы возьмём такую научную категорию казачьей повседневности, как жилище, то получим вполне определённый набор понятий: курень, турлучная хата, зимовник¹, кош и т.п. Каждое из перечисленных,

¹ Место с жилыми и хозяйственными постройками, где обеспечивалось временное (стойловое) содержание скота в осенне-зимний период; малый хутор.

равно как и неназванных, понятий этого смыслового ряда можно анализировать отдельно с помощью критериальных признаков, но общими для всех понятий категории казачьего жилища будут пять важнейших обстоятельств при концептуализации отдельных дефиниций. *Первое обстоятельство* связано с историческим временем, в рамках которого неизбежно эволюционирует данный тип жилища, или же он уходит в историческое небытие, как, например, тот же казачий кош¹. *Второе обстоятельство*, детерминирующее смысловые перспективы конкретного типа казачьего жилища, обусловлено историческим местом существования рассматриваемого казачьего жилища, ведь курень на Дону представляет собой жилой дом с подворьем, а на Кубани с куренём ассоциируют поселение и даже группу поселений со своим историческим названием, скажем, Дядьковский курень. Историческое время и место образуют важнейшую категорию казачьей повседневности «хронотоп». Под концептом «хронотоп» мы понимаем пространственно-временные характеристики, типичные для данного исторического периода, формирующие его образ в историческом сознании и создающие исторические традиции в историописании. Полагаем возможным даже говорить о повседневности топохронной эволюции казачьего жилища. *Третье обстоятельство*, сопровождающее интерпретации понятия казачьего жилища, заключается в технологиях его сооружения. Они могут иметь индивидуализированный или коллективный характер, к примеру, для возведения коша не требуется привлечения большого количества людей, ибо казак был вполне способен его соорудить на скорую руку самостоятельно, и использовалось это примитивное, очень легко возводимое жилище, как правило, летом. *Четвёртое обстоятельство*, позволяющее прояснить особенности конкретного типа казачьего жилища, связано с использованием основных элементов строительной конструкции жилого сооружения, скажем, возведение турлучной хаты невозможно представить без деревянных жердей, составляющих основу каркаса будущего жилища. *Пятое обстоятельство* в понимании жилища как категории казачьей повседневности неизменно определяется предназначением данного типа жилого сооружения. Например, зимовник уже по самому своему названию подсказывает, для чего, для каких целей его строили казаки, и какую именно хозяйственно-экономическую роль он играл в многогранной казачьей повседневности.

В критериальном отношении такой тип жилища, как, например, турлучная хата, в казачьей повседневности предстаёт отдельным понятием следующим образом. Прежде всего, турлучные хаты в качестве жилища широко использовались до середины XX в., хотя эти строения можно обнаружить в казачьей повседневности (хуторах и станицах) и в наши дни. Турлучные хаты наиболее присущи историческому региону Кубани, где они в течение довольно длительного исторического периода составляли практически подавляющее большинство среди возводимых казаками жилых построек. Безусловно, турлучные постройки можно было встретить

¹ В данном контексте кош понимается как временное жилище типа шалаша, для постройки которого могли быть использованы шкуры животных, иные подручные материалы.

также на Дону и Тереке, но преобладающими они оставались на Кубани, и в этом заключается их хронотопический тренд. Технология сооружения турлучной хаты имела ярко выраженный индивидуализированный характер для казачьей семьи, но это не исключало использование коллективного труда казачьей общины в условиях массового переселения казаков на новые территории. Незамысловатость технологии строительства турлучной хаты обуславливалась практически подручными свойствами используемых строительных материалов. В качестве основных строительных материалов применялись глина, навоз, камыш, хворост, деревянные жерди, оконные и дверные блоки из доступного дерева, порой не лучшего качества. Хозяйственно-бытовое предназначение турлучных построек имело довольно широкий спектр: жилой дом, амбар, конюшня, сарай и пр.

Итак, турлучная хата – это, как правило, двух-трёхкамерное жилое глинобитное строение, возводимое из стационарно закреплённых на деревянных столбах «сэндвич-панелей» со встроенными деревянными дверными и оконными блоками, изготовленными по месту расположения будущего дома, из глины, навоза, камыша, хвороста, деревянных жердей, иных пиломатериалов, предназначенное для постоянного проживания патриархальной казачьей семьи, получившее широкое распространение на Кубани, Дону и в Приазовье. Социальный статус хозяина турлучной хаты в казачьей повседневности подчёркивали дополнительные элементы строительной конструкции, например, новое нарядное крылечко (присенки), опиравшееся на два деревянных столба, выдавало проживание в доме новоиспечённого казачьего урядника¹, а большое количество окон в турлучной хате отличало приметным образом панский дом от жилища рядового казака. Общая нарядность казачьей турлучной хаты во многом зависела от житейских умений и практических навыков хозяйственной казачки.

Жилище формировало мир казачьей повседневности, хозяйственно-культурный уклад казачества в таких традиционных деталях, «без чего и сегодня не обходится ни один двор в казачьем хуторе или станице, и что греет душу родового казака: отцовский, а то и дедовский верстачок, старый плащ и к нему башлычок, подкова на счастье, укреплённая на видном месте, и прочие хозяйственные и личные мелочи» [4, с. 439].

Категория «пища» в казачьей повседневности

Достаточно обособлена для научного анализа такая категория казачьей повседневности, как пища, несмотря на всю кажущуюся первичную простоту обыденных представлений об этой сфере человеческой жизни по будничному алгоритму: главное, что есть еда, и чего ещё тебе, хороняка, надо?! Действительно, наличие пищи выступает возможностью реализации насущных витальных потребностей человека, тем более для казака, исторически ведущего социально активный образ жизни, участвующего в военных конфликтах и несущего военную службу, когда употребление калорийной

¹ Казачий чин урядника соответствовал статусу унтер-офицера.

пищи есть необходимое условие казачьего самосохранения. Обильный стол с разнообразной пищей в казачьем менталитете традиционно символизировал социально-материальное благополучие казачьего дома, хотя на ранних этапах истории казак запросто обменивал свою жену на два больших мешка сухарей, что считалось по тем временам исключительным богатством из-за технологии приготовления с иными лакомыми пищевыми включениями и длительности процесса получения конечного продукта в больших объёмах. Вместе с тем употребление пищи в казачьей семье, как и у представителей других этнических групп, всегда сопровождалось соблюдением строго определённого ритуала поведения за общим столом, скажем, обязательная молитва до еды, разрезание буханки хлеба только мужчиной, раздача пищи из общей посуды по тарелкам всем сидящим за обеденным столом лицам и т.д. В казачьей народной традиции пищевой рацион делился на две части: ежедневный и праздничный. Естественно, в казачьей повседневности преобладал совершенно простой набор блюд. К примеру, завтрак в пять часов утра мог состоять из чая с калачом или булкой. Типологически употребление пищи у донских казаков дифференцировалось на два основных меню: 1) в посты и по будням; 2) в мясоед, по будням. Причём летний пищевой рацион заметно отличался от зимнего варианта употребления пищи. Более того, существовало понятие «остатки от обеда», которые служили, как правило, для казаков в качестве ужина вечером в тот же день [5, с. 35–36]. Описание праздничного стола у донских казаков может составить несколько страниц текста и выступить предметом иного самостоятельного исследования. Но нельзя не сказать о характерной эстетике приёма пищи, скажем, когда казаки поедали свою добычу из числа уникальных даров природы, чего только стоит одна дымящаяся, наваристая, свежая донская уха из казана на ночном костре у тихой водной глади реки.

Новый смысл в категориально-понятийном анализе пищи добавляется при рассмотрении праздничного приёма казаками тех или иных питательных яств. Во-первых, многое зависит от характера и повода для казачьих посиделок (например, возвращение из похода, причём с победой, или наоборот, если произошёл трагический случай), и, во-вторых, непременно звучат казачьи тосты, а знатокам и сегодня известен не один десяток этих сгустков народной мудрости. В тостах мы неизменно находим новую, даже современную, и исторически традиционную социальность. Скажем, вот старинный тост: «За нас казаков на Тихом Дону, и за тебя, царь, в Кременной Москве!». В давние времена так подчёркивалась автономия Дона, а в более поздние исторические периоды можно говорить об уповании казаков на верную службу царскому трону. Здесь важен контекст произнесения тоста: где, когда и при каких обстоятельствах?! А обращение к молодожёнам с подчёркиванием их особого статуса: «Князь» и «Княгиня»?! В этом случае будет прочитываться свой культурно-антропологический смысл. Всегда можно найти в тостах позитивный и негативный подтексты, если отвечать на поставленные выше три ключевых вопроса, причём, с нашей точки зрения, речь идёт об обращении казака к тому сообществу, в котором произносятся, и тогда адресат и/или адресаты тоста высказывают своё

одобрение традиционным казачьим приветствием «Любо!». В итоге непременно рождается новая социальность, несущая в себе очевидные витальные мотивы. С таких позиций каждый тост можно рассматривать как отдельное понятие со своими смыслами в рамках происшедшего события и отношения к нему самих казаков.

Итак, пища как категория казачьей повседневности – это способ удовлетворения насущных витальных потребностей для казачьей общности; символ социально-материального благополучия казачьего дома; традиционный казачий ритуал поведения за общим столом; дифференцированное меню, в зависимости от времени года, обстоятельств приёма пищи и ежедневной разблюдовки в течение суток; эстетическое наслаждение от приготовления и употребления отдельных казачьих блюд. Причём каждое из этих казачьих блюд может быть описано как совершенно отдельное понятие, и здесь открывается своя смысловая перспектива. Если следовать установкам индуистской философии, то в разблюдовке можно выделить «семь тонких тел». Мы же в смысловых интерпретациях казачьей кухни обнаружили «девять тонких тел» культурно-антропологического порядка.

Во-первых, естественно, требуется понять, из чего же готовится понравившееся казачье блюдо, какие именно ингредиенты казачьими поварами (а у казаков зачастую здесь царит гендерное равенство!) для этого используются. *Во-вторых*, какие предварительные действия при этом совершаются специалистом по приготовлению пищи, и как протекает сам примечательный процесс приготовления блюда казачьей кухни. *В-третьих*, каждое казачье блюдо имеет свой неповторимый вкус, а чтобы понять, каковы питательные ощущения от употребления данного казачьего блюда, необходимо точно описать для возможного инокультурного потребителя его вкусовые качества. *В-четвёртых*, каждое блюдо в казачьей кухне имеет своё изначальное питательное предназначение, включая утилитарное чувство утоления голода и жажды и, конечно же, обращая внимание на присущие казакам пищевые пристрастия и исключительное казачье сибаритство в отношении еды. *В-пятых*, большое значение у казаков имеет время и место употребления конкретного казачьего блюда, поскольку, помимо сложившегося столетиями у казаков четырёхчастного суточного меню, бывают разные случаи, нуждающиеся в дополнительном предметном описании. Скажем, возьмём «щедрый вечер», отмечаемый в канун празднования Старого (юлианского) Нового года и сопровождающийся поеданием вареников с разнообразной начинкой, когда каждому варианту начинки изначально присваивается определённое культурно-антропологическое значение. *В-шестых*, в казачьей кухне каждому блюду присуще своё конкретное место среди других блюд, начиная с отнесения к первым, вторым и третьим блюдам и заканчивая соответствием пищевого изыска по социальному статусу конкретному лицу, скажем, казачьему кунаку¹, в том числе из военных противников, что получило широкое распространение, в частности, у терских казаков. *В-седьмых*, многие блюда в казачьей кухне имеют свои характерные культурно-этнические названия, да такие, что не сразу пой-

¹ Приятель казака в социальном статусе родственника.

мёшь, о чём, собственно говоря, идёт речь (скажем, шурубарки у донских казаков), поэтому они нуждаются в сопоставительном объяснении для других людей, для представителей иной культуры (так в последнем случае это будут пельмени в похлёбке). *В-восьмых*, историческое понимание казачьей кухни неизбежно требует выяснения того обстоятельства, насколько широкое распространение данное блюдо получило за пределами казачьего региона, и уточнение того факта, сохранилось ли оно до настоящего времени, изменилось ли его рецептурное состояние?! *В-девятых*, в казачьих традициях употребления пищи есть свои характерные особенности, подчёркивающие социальные, культурно-антропологические смыслы. К примеру, проезжает молодой казак на коне-вьуне по родной станице, издали завидел девуцу-красавицу у куреня, подъезжает к ней с достоинством воина и просит вынести попить молока, чтобы де утолить утомившую его жажду, и коль понравился молодой казачке статный казак-молодец, то вынесет она ему вовсе не кувшин холодного свежего молока, а непременно угостит сладким мёдом.

Категория «одежда» в казачьей повседневности

Категория казачьей повседневности «одежда» с точки зрения значимости для самих казаков долгое время носила исключительно второстепенное значение, утилитарное по своей функциональной роли. Казаки не выказывали особой заботы об одежде, поэтому её чёткое разграничение на обыденную и праздничную происходит лишь в XVIII в. с однозначным утверждением казачьей старшины (наиболее знатной, богатой и чиновной части казачества), стремившейся подчеркнуть с помощью отдельных элементов даже повседневной одежды свой более высокий социальный статус по сравнению с той же сиромой (казачьей беднотой). Не случайно российский царь Пётр I в качестве герба Войска Донского утвердил изображение полуголового усатого казака в шароварах, сидящего верхом на бочке с вином. Шаровары у него подпоясаны кушаком, к которому крепились (точнее, к поясному ремешку) пашка (сабля) в кожаных ножнах. В руках казак держал два совершенно разнородных предмета: в правой руке он сжимал ружьё (ручницу), а в левой руке у него была зафиксирована дудка-жалейка (духовой народный общеславянский музыкальный инструмент; красноречивый символ житейской праздности¹). На голове у полуголового пьяного казака красовался высокий головной меховой убор, похожий то ли на казачью папаху, то ли на восточный тюрбан. Казак уже пропил верхнюю одежду, но несколько не жалел об этом, поскольку в ближайшем боевом столкновении с противником он рассчитывал с помощью своего простого вооружения и исключительной личной отваги приобрести себе новую одежду, причём в результате деления общей казачьей добычи после похода, когда

¹ Известный духовный лидер старообрядцев протопоп Аввакум, отличавшийся крайней строгостью и аскетизмом, неоднократно проклинал жалейки. Тут явно имелись в виду не дудочки сами по себе, но символизируемые ими пороки – лень, безделье, попрошайничество, скоморошество.

казачья ватага будет «дуван дуванить»¹. По легенде с подобным персонажем царь Пётр I лично столкнулся на войсковом казачьем майдане. Это символическое изображение полуголого казака в качестве герба Войска Донского исторически просуществовало целое столетие вплоть до 1805 г., поскольку его утвердил своим указом царь Пётр I, побывавший в Черкасске, столице донского казачества, вскоре после поражения Булавинского восстания 1707–1708 гг.

Вместе с тем было бы неверно истолковывать типичное отношение большинства казаков к одежде исключительно как к затрапезному личному делу, или особо не волнующему внешнему виду. Возьмём, к примеру, известное, многократно повторяемое, часто встречающееся и сегодня казачье выражение «поход за зипунами». Вроде бы, понятно, что казаки отправлялись в чужие страны за богатой добычей, называя это военное предприятие «походом за зипунами», взять тот же Каспийский поход Степана Разина 1667–1669 гг., что отражено в известной русской народной песне «Из-за острова на стрежень...», правда, всё же имеющей автора в лице Д. Н. Садовникова. Но нас интересует в этом случае вовсе не Каспийский поход, не данный интереснейший исторический сюжет и не примечательная стилистика текста народной песни, а зипун как вид казачьей одежды и его значимость.

Так вот, казачий зипун, *во-первых*, это весьма распространённый вид казачьей верхней одежды², широко использовавшийся казаками в повседневной жизни и в многочисленных военных походах³; *во-вторых*, это кафтан, или, точнее, казачий полукафтан, вполне определённого покроя: не предполагающий наличие у него воротника, сшитый исключительно из грубого плотного сукна, нередко имеющий очень яркую расцветку, отделанный по соединяющим раскроенные части ткани швам с помощью контрастных шнуров, по форме с полуприлегающим мужским силуэтом, с узкими, длиной на две трети руки рукавами и расширенным книзу конусом подола общей длиной только до колена; *в-третьих*, это одевавшийся поверх нательной рубахи кафтан широкого демисезонного предназначения в казачьей повседневности; *в-четвёртых*, зипун мог стать праздничной, выходной одеждой казака, если его изготавливали из дорогой яркой ткани, и тогда казаки пользовались типичным выражением «лазоревого настрафильного зипуна»; *в-пятых*, популярность зипуна у казаков обеспечивалась удобством его ношения в быту, а главное, это одеяние несколько не сковывало свободу движений казака в реальном бою, и порой усиленная прочность зипуна спасала казаку жизнь в жёстком противостоянии с многочисленными противниками. Тем самым зипун в культурно-антропологиче-

¹ Т. е. делить добычу.

² Примечательно, что зипун также является одним из символов традиционной китайской культуры.

³ Зипун – ныне новое поколение уличной одежды, которая сегодня объединяет в себе стиль и функциональность. Этот модный и удобный наряд становится популярным выбором для активных и модных людей. URL: <https://foto-skazka.ru/znacheniya/zipunom-cto-eto-znacit> (дата обращения: 26.11.2022).

ческом смысле составлял важнейший элемент общего костюма донских казаков, имел достаточно широкую распространённость в казачьей среде, характеризовался витальным предназначением для казака и формировал социальный образ, проникавший во все сферы казачьей повседневности, а обладатель «знатного» (высококачественного, богато украшенного) зипуна неизменно повышал свой социальный статус в казачьем сообществе. Кроме того, зипун, как мы аргументированно доказали выше, является самостоятельным понятием при анализе категории «одежда» в казачьей повседневности, просуществовавшим практически до настоящего времени.

Поскольку казачество как социальная и культурно-этническая группа инкорпорировало в свои ряды представителей разных (европейских и восточных) народов, поэтому в одежде казаков можно найти элементы, соответствующие тем или иным этническим сообществам. К примеру, восточные мотивы наглядно просматриваются в казачьем женском костюме, где мы видим очень яркие краски и многочисленные украшения, или взять те же простейшие казачьи зипуны, которые дополнялись элегантно золотым шитьём, блестящими золотыми пуговицами и украшались серебряными застёжками. Даже в праздничной одежде казаков непременно фигурировало личное оружие, обязательно оправленное с азиатской неповторимой роскошью хорошим серебром и реальным золотом довольно высокой пробы. При возвращении из многочисленных походов «за зипунами» казаками совершался обряд «дуван дуванить», когда казаки поровну, но с учётом настоящих военных заслуг делили в том числе захваченную одежду, а затем публично в ней щеголяли, демонстрируя на своих телах чужие роскошь и богатство в примитивно устроенных казачьих городках, надевая собольи шапки, бархатные халаты, рубашки с золотыми галунами, шёлковые кушаки, сафьяновые сапоги на высоких каблуках и с высоко поднятым вверх носком. Примечательно, что царь Пётр I при широком внедрении в российский обиход европейского костюма (немецкого платья) и установлении строгого запрета на ношение бороды для казаков сделал исключение. Поэтому в казачьей среде нередко встречались черкесский костюм, калмыцкие элементы одежды, старинное русское платье и т. д. Причём, путешественники, бывая, например, в кубанских станицах, порой не могли внешне отличить казака от горца.

В Новочеркасском музее истории донского казачества хранятся многочисленные комплекты женской одежды, красноречиво свидетельствующие о тех краях, откуда женщины попали на Дон: из великорусских поселений, малороссийских местечек, горских аулов, и т. д. Наиболее известно праздничное женское платье кубилёк (расшитое ручной вышивкой платье в пол с длинными рукавами). Кстати, кубилёк увёз из Новочеркасска великий русский поэт А. С. Пушкин для своей супруги Натальи Николаевны, или иной любимой женщины (о чём нам неизвестно). По женскому казачьему костюму знатоки могут сегодня прочитать (как казаки в былые времена!) характерную индивидуальную женскую историю и определить социальный статус казачки, например, из богатой или же из бедной семьи происходит девушка; невеста она или только готовится

к замужеству; собирается женщина на праздник, на работу или готовится к отходу ко сну; замужняя это казачка, жалмерка (у неё муж находится где-то на военной службе) или вдова. Наиболее красочным и наиболее «говорящим» в культурно-антропологическом контексте является костюм казачки-некрасовки¹. В этом костюме имелось множество мелких разноцветных деталей со своим значением, позволяющим, например, определить возраст женщины и её семейное положение. Так, у замужней некрасовки платок красно-жёлтой расцветки («уруминский») оборачивался одним сложенным краем вокруг головы и закрывал вертикальный трёхсоставной головной убор. Платок отделялся по одному углу кисточками из цветных нитей, кружевом и «пушочками», также изготовленными из цветных нитей. Этот угол при повязывании платка на голову всегда оказывался на спине некрасовки.

Естественно, казачий костюм со временем заметно эволюционировал, а в 1880–1890-е гг. стал утрачивать своё значение в казачьих станицах, что обуславливалось неизбежными процессами исторической трансформации казачьих сообществ, усилением тенденций расказачивания. «Расказачивание – это не только применение репрессивных мер, о которых твердят многочисленные публицисты, да и часть казаков, кругозор которых только этим и ограничивается. Расказачивание, не менее значимое по последствиям, проявлялось в многократных попытках государства провести окрестьянивание казачества, в том числе путём показачивания населения казённых поселений, проще говоря, превращения государственных крестьян в казаки» [4, с. 439]. Расказачивание XIX в. оказало существенное воздействие и на социокультурную сферу, вписываясь в общий модернизационный поток в Российской империи. Интенсификация индустриализации в 1890-е гг. всё сильнее влияла на казачьи станицы, в которых всё чаще начали встречаться «пиджачники», носившие одежду фабричного покроя, всё больше становилось казаков, крайне неряшливо относившихся к подготовке к военной службе и не заботившихся о своём внешнем виде и носивших грязные одежды [3, с. 160].

С конца XIX в. у казаков Дона появляется военная форма, вошедшая в историю как характерный казачий мужской костюм, состоявший из ряда типичных элементов. Длинный приталенный казачий мундир с разрезом сзади для посадки на лошадь застёгивался левой полрой наверх с помощью крючков. Обшлага рукавов мундира и стоячий воротник отделялись красной окантовкой. Тёмно-синие шаровары с неизменными красными лампасами по бокам заправлялись в сапоги на высоком для мужчины каблуке. Летом мундир у казаков заменялся гимнастёркой тёмно-зелёного цвета со стоячим воротником и застёжкой на пуговицах. Длинная казачья шинель защитного цвета из грубого сукна застёгивалась по образцу мун-

¹ Некрасовцы – субэтническая группа потомков сторонников Игната Некрасова, уведшего отряд донских казаков-старообрядцев на Кубань (не входившую тогда в состав России) ещё в 1708 г. Оттуда под давлением России некрасовцы переселялись отдельными общинами, и основная их часть оказалась в Османской империи. Возвращались они в Россию по разным причинам отдельными волнами реэмиграции, начиная с 1811 г. и до 1963 г. В настоящее время потомки их проживают компактными группами в Краснодарском и Ставропольском краях, в Дагестане.

дира. На воротник казачьей шинели пришивались красные петлицы с форменной серебряной пуговицей. В качестве повседневного головного убора казаки носили папаху и фуражку. Из-под скошенной на правую сторону форменной фуражки слева непременно выглядывал вьющийся казачий чуб. Зимой казаки одевали серые по цвету папахи и защитного цвета башлыки для защиты от непогоды. Эта военная форма носилась казаками постоянно, как при несении военной службы, так и в быту, хотя в домашних условиях она дополнялась и/или изменялась за счёт иных элементов одежды, например, вместо сапог одевали на ноги поршни (кожаная обувь в виде лаптей), чирики (кожаные тапочки с твёрдой подошвой) и валенки, а вместо шинели надевали полушубки, овчинные шубы. По-прежнему сохранялся в казачьей повседневности и зипун.

В целом же одежда как категория казачьей повседневности представляет собой совокупность носимых казаками изделий, выполняющих витально-защитные функции в социальной реальности, состоящих из набора определённых элементов и аксессуаров, долгое время изготавливаемых в рамках натурального казачьего хозяйства. Традиционный казачий костюм и отдельные носимые казаками вещи и обувь создают неповторимый казачий образ, закрепившийся в социальной памяти и в художественной литературе. Целый ряд элементов одежды казаки заимствовали у контактных с ними этносов, к примеру ту же папаху. Казачий костюм через отдельные элементы одежды и через общий их набор подчёркивал социальный статус казака, его индивидуальное место в казачьем сообществе и/или военном коллективе.

Заключение

С конца 1980-х гг. начинают возрождаться многие прерванные и отчасти забытые казачьи традиции, и культура казачьих регионов России заметно пополняется всё новыми и новыми феноменами. В этом процессе сочетаются коммеморативные практики и историческая реконструкция. В качестве примера исторической реконструкции рассмотренных в настоящей статье социовитальных институтов казачьей повседневности можно назвать функционирование государственного автономного учреждения культуры Краснодарского края «Выставочный комплекс «Атамань», расположенного в станице Тамань Темрюкского района Краснодарского края. Есть и примеры живой традиции, когда ныне ежегодно 14 октября в донских станицах отмечается войсковой праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Тогда практически по всей Ростовской области в станицах гостям можно попробовать блюда казачьей кухни, и приезжие люди свободно могут увидеть традиционный казачий костюм. В будние дни ношение характерного костюма встречается гораздо реже, но типичные блюда до сих пор готовят в казачьих семьях и особого значения этому не придают, как говорится, кушайте на здоровье. Казачьи курени (жилища) сохраняются практически во всех старинных казачьих станицах, где и среди совре-

менных новостроек можно легко обнаружить характерные казачьи дома, например, в известной донской станице Старочеркасской, бывшей столице Войска Донского, или в станице Мелиховской, расположившейся в прекрасной излучине Дона, или в станице Вёшенской, прославившейся своим государственным музеем-заповедником М. А. Шолохова, с центральной двухэтажной писательской усадьбой, где жил и творил лауреат Нобелевской премии по литературе.

С другой стороны, сегодня уже никого не удивляют муниципальные бюджетные дошкольные образовательные учреждения (детские сады), муниципальные бюджетные образовательные учреждения общего образования (средние школы), организации дополнительного образования казачьей направленности, официально имеющие статус «казачье». Однако одно дело осваивать новую сферу жизнедеятельности, а совершенно другое – понять внутренние механизмы казачьей повседневности, глубинные смыслы казачьей культуры и социальности. Это помогает сделать осмысление совокупности дефиниций, группирующихся в рамках ключевых категорий казачьей повседневности, в том числе таких базисных категорий, как «жилище», «пища», «одежда», вполне доступным и понятным для всех интересующихся казачеством. И, как говорится, далее везде...

* * *

Безусловно, не все социовитальные институты казачьей повседневности в рамках категориально-понятийного анализа нами рассмотрены, но, скорее, с такими методологическими установками могут быть достигнуты цель и задачи отдельной монографии. Главное, к чему мы стремились, это раскрытие авторских подходов к пониманию базисных сюжетов эпистемологической сферы, прежде всего, материального порядка, каким представлял себе повседневность в классическом варианте её понимания первооткрыватель данной научной категории Фернан Бродель. В этой связи мы предложили научному сообществу наше понимание научных категорий казачьей повседневности, к разговору и дискуссии о которых можно ещё не раз вернуться.

Для научного дискурса социологии авторское обращение к анализу научных категорий казачьей повседневности демонстрирует не только глубинные смыслы казачьей культуры и социальности, но и отчётливо показывает творческие исследовательские перспективы в интерпретации коммеморативных практик, которые не сводятся только к заботе о сохранности памятников истории и культуры, памяти казачьих сообществ о значимых событиях и/или известных людях прошлого, когда сегодня высказывание суждений о казачестве неизбежно приводит к фиксации внимания на рассказывании. В современном российском обществе, в общественном сознании неизменно возникает сонорно-ассоциативный ряд: казачество – рассказывание – трагедия. Но проблема заключается в том, что рассказывание есть глобальный социальный миф, ибо глубинные пласты каза-

чьей культуры, рассмотренные нами социовитальные институты казачьей повседневности («жилище», «пища» и «одежда») никуда не делись, они слишком уж материальны, и по большому счёту фактом своего существования указывают на то, что расказачивания не произошло. Иначе говоря, «казаки никуда не делись: они выжили, преодолели тяжелейшие испытания в своей исторической судьбе, и сегодня в них очень нуждается российское государство» [4, с. 440]. Да, действительно, были социально-политические репрессии в отношении казачества, проводились неоднократно жёсткие антиказачьи акции, и этот событийный исторический ряд можно продолжать бесконечно. Однако, когда некоторые политики, не понимая сути вопроса, заявляют о том, что казачество «было практически ликвидировано», то, как говорится, баланс не сходится. Почему? Ответ на вопрос как раз и содержится в настоящей статье.

Библиографический список

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. В 3-х т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 622 с.

2. Григорьев С. И., Даровских О. В., Гришина А. С. Культур-витализм и виталистская социология – концептуальная основа анализа современной национально-культурной, производственно-экономической и социально-территориальной дифференциации населения регионов России // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 39–46. EDN: WCOBFF.

3. Картины былого Тихого Дона. М.: Граница, 1992. Т. 2. 256 с.

4. Скорик А. П. Расказачивание: категориально-понятийный и персонифицированный исторический дискурс // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9(3). С. 437–447. DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9; EDN: BXITRA.

5. Скорик А. П., Озеров А. А. Этносоциальный адрес донцов. Научно-полюемический дискурс. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2005. 232 с. EDN: QOESOD.

6. Сорокин П. А. Система социологии. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 187 с.

7. Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 399 с. EDN: XFBQUJ.

Получено редакцией: 23.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, директор НИИ истории казачества и развития казачьих регионов, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3

Socio-Vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis

Alexander P. Skorik

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: s_a_p@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1283-8137

Lydia I. Shcherbakova

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: lidia-npi@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5374-6194

For citation: Skorik A. P., Shcherbakova L. I. Socio-vital Institutions of the Cossack Everyday Life: Categorical and Conceptual Analysis. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 37–52. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.3; EDN: LRTOIC

Abstract. Numerous scientific and popular works have been written about the Russian Cossacks, and in modern Russia, interest in Cossacks as a subject of scientific analysis is growing. Presidential Decree No. 505 of August 9, 2020, approved the “Strategy of State Policy of the Russian Federation in relation to the Russian Cossacks for 2021–2030”, that emphasises “promoting the scientific study of the history of the Russian Cossacks, countering the falsification of pages of Russian history related to the Russian Cossacks”. To ensure the scientific study of the history of the Russian Cossacks, it is important to understand the system of key categories and concepts that reflect Cossack everyday life. The development of a scientific toolkit to achieve this goal requires interdisciplinary research, including turning to historical sociology and sociology of culture, conceptualising the socio-vital institutions of the Russian Cossacks, revealing the features of Cossack everyday life.

Vitalist sociology, in turn, paradigmatically supports the author’s scientific installation and provides an expanded categorical and conceptual analysis of the ethnocultural sphere of the life activities of Cossack communities in a cultural vitalist key. Attention is drawn to the material side of the socio-personal evolution of Cossack communities in the historical everyday life of the Russian Empire from the 18th to the beginning of the 20th century and the preservation, through commemorative practices, of the socio-vital institutions of the Russian Cossacks to the present day.

The basic resource for life support is housing as a product of the creative activity of the Cossacks and a form of their territorial-spatial localisation within Cossack settlements. The cultural vitalist narrative presents traditional Cossack food, considered in a chronotopic key, positioning Cossack communities as a social group with rational consumption and at the same time external self-presentation.

Historically, Cossacks have had predominant relationships with such an important resource for life support as clothing, and here we encounter profound symbolic interactionism in the self-interpretation of the Cossack costume. In other words, three key categories of Cossack everyday life are taken as an example for interdisciplinary analysis: housing, food, and clothing. This article is dedicated to their study by two scientists who have been working fruitfully in the capital of the world and Russian Cossacks, the city of Novocherkassk.

Keywords: definition, probabilistic interpretations, Cossacks, scientific category, everyday life, social meanings

References

1. Braudel F. Material’naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm XV–XVIII vv. V 3-kh t. [Material civilization, economy and capitalism of the XV–XVIII centuries. In 3 vol.]. T. 1: Struktury povsednevnosti: vozmoznoye i nevoz-mozhnoye [Vol. 1: Structures of everyday life: the possible and the impossible]. Moscow, Progress, 1986: 622 (in Russ.).

2. Grigoriev S. I., Darovskikh O. V., Grishina A. S. Cultural vitalism and vitalist sociology – a conceptual basis for the analysis of modern national-cultural, production-economic and socio-territorial differentiation of the population of Russian regions. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. 2016: 1: 39–46 (in Russ.). EDN: WCOBFF.
3. Kartiny bylogo Tikhogo Dona [Pictures of the former Quiet Don]. Moscow, Granitsa, 1992: 2: 256 (in Russ.).
4. Skorik A. P. Decossackization [Raskazachivaniye]: categorical-conceptual and personified historical discourse. *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*. 2022: 9 (3): 437–447 (in Russ.). DOI: 10.37493/2409-1030.2022.3.9; EDN: BXITRA.
5. Skorik A. P., Ozerov A. A. Etnosotsial'nyy adres dontsov. Nauchno-polemicheskii diskurs [Ethnosocial address of the Don people. Scientific and polemical discourse]. Rostov-on-Don, SKNTs VSH, 2005: 232 (in Russ.).
6. Sorokin P. A. Sistema sotsiologii [The system of sociology]. Syktyvkar, Komi kn. izd-vo, 1991: 187 (in Russ.).
7. Toshchenko Zh. T. Sociology of life. Moscow, UNITI-DANA, 2016: 399 (in Russ.).

The article was submitted on: April 23, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander P. Skorik, Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Social and Human Sciences, Director of the Research Institute of the History of the Cossacks and the Development of Cossack Regions, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Lidia I. Shcherbakova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.5

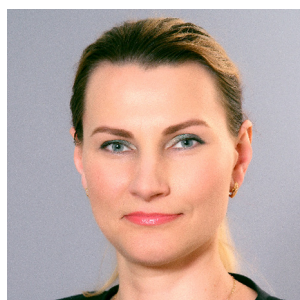
EDN: TEFBSI

Ценностные ориентиры молодых казаков (на примере казачьей сотни ЮРГПУ (НПИ)*)

Ссылка для цитирования: Сусименко Е. В., Литвиненко Е. Ю., Иванченко О. С. Ценностные ориентиры молодых казаков (на примере Казачьей сотни ЮРГПУ (НПИ)) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 53–73. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.5; EDN: TEFBSI

For citation: Susimenko E. V., Litvinenko E. Yu., Ivanchenko O. S. Value Orientations of Young Cossacks (Using the Example of the Cossack Hundred at SRSPU (NPI)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 53–73. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.5; EDN: TEFBSI

AuthorID РИНЦ: 445931

Сусименко Елена Владимировна¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

e.susimenko@npi-tu.ru

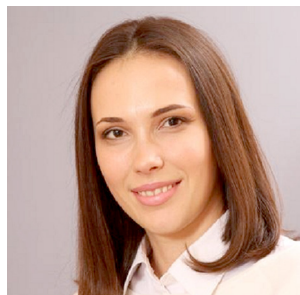

AuthorID РИНЦ: 758173

Литвиненко Елена Юрьевна¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

litvinenko_eiu@npi-tu.ru

AuthorID РИНЦ: 1160222

Иванченко Ольга Сергеевна¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

olga.ivanchenko1509@mail.ru

* ФГБОУ ВО «Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова»

Аннотация. Статья посвящена исследованию духовно-нравственных ценностей, культурно-бытовых и семейных традиций молодёжи, вступающей в период обучения в вузе в казачьи объединения. Объектом исследования выступают студенты – члены Платовской казачьей сотни, созданной на базе Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Анализируемые данные были получены в ходе сплошного опроса членов Платовской казачьей сотни методом стандартизированного интервью. Цель исследования заключается в выявлении ценностных ориентаций, ценностей и их иерархии в сознании студентов-членов казачьей сотни. Ценности казачьей молодёжи рассматриваются с позиции системы, укоренённой в «коллективных представлениях» (Э. Дюркгейм). Потенциал теории маскулинности позволил рассмотреть роль мужчины-казака в культуре семейной повседневной жизни и практиках взаимодействия. Приводится краткий обзор научной литературы, посвящённой описанию и анализу исторического развития донского казачества, особенностей его военной деятельности, повседневной бытовой жизни, культуры, ценностей и традиций. Показана матрица ценностей казачьей молодёжи, ядро которой образуют справедливость и семья. Эмпирические данные позволяют сделать вывод о формировании традиционных стереотипов «мужчина-воин» и «мужчина-защитник», патриархальных «мужчина – глава семьи», религиозных и этнических «православный человек, имеющий самобытную культуру, традиции и обычаи». В повседневной жизни семейные отношения характеризуются стремлением к эгалитарности и паритету в принятии решений и воспитании детей. Отмечается, что основу ценностной матрицы респондентов составляет культурно-исторический базис милитаризованной маскулинности, заключающийся в идее «служить и защищать своё Отечество». Основным мотивом вступления в Платовскую казачью сотню является стремление к участию и идентификации с казачьей культурой и традициями.

Авторы акцентируют внимание на важности не только института семьи, но и высшей школы в актуализации и воспроизводстве культурной самобытности региональной молодёжи. Делается вывод о том, что у молодёжи с ярко выраженным этнокультурным компонентом доминируют традиционные ценности (патриотизм, служение Отечеству, справедливость, крепкая семья), формирующие не только региональную (этносоциальную), но и общероссийскую гражданскую идентичность.

Ключевые слова: казачья молодёжь, ценности, казачья сотня, культура, традиции, служение Отечеству

Введение

Воспитание и образование современной российской молодёжи в духе традиционных ценностей является приоритетом государственной политики в противодействии социокультурным угрозам национальной безопасности Российской Федерации¹. В этой связи актуальным является обращение к культурным традициям этнокультурных общностей, в частности к казачеству. Российское казачество представляет собой исторически сложившуюся социокультурную общность русского народа и других народов России, сформировавшуюся в ходе многовекового служения каза-

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционно российских духовно-нравственных ценностей» от 9 ноября 2022 года № 809.

ков Российскому государству и обществу¹. Казачество характеризуется ярко выраженным этнокультурным компонентом, так называемым казачьим этносом, проявляющимся в установках к воинственности, служению своей Родине, семейных ценностях с иерархической структурой семейных и общественных отношений. В данном контексте возрождение казачьих ценностей и традиций можно рассматривать как консолидирующую силу в укреплении и сохранении гражданской идентичности.

В научном дискурсе обращение к казачьим ценностям и традициям рассматривается как этнокультурный компонент в педагогической деятельности [3; 7; 27; 29; 34], в учебно-воспитательных целях с точки зрения историко-патриотического [37] и духовно-нравственного [9; 21] воспитания. При этом практически отсутствуют исследования, посвящённые субъективно-личностным аспектам обучающихся с этнокультурным компонентом, их ценностям, ориентирам, установкам, жизненным устремлениям и планам. Представленное исследование направлено на восполнение данного пробела и ставит целью сформировать представление о ценностях, образующих ценностную матрицу молодёжи, вступившей в ряды казачьей сотни в период обучения в вузе. В статье делается попытка ответить на следующий исследовательский вопрос: какие ценностные ориентиры, социальные образцы и культурные нормы доминируют у студентов – членов казачьей сотни как будущей элиты казачества.

Донское казачество в научном дискурсе: краткий обзор

Значимый вклад в изучение донского казачества, как особой этнической группы был сделан такими исследователями как А. И. Агафонов, исследовавший историю донского казачества начиная с XIV по XX в. [1]; М. П. Астапенко, Г. Н. Астапенко и Е. М. Астапенко, тщательно описавшие быт и традиции донских казаков, включая их славные воинские подвиги [2]; Н. А. Мининков, которому удалось на основе анализа многочисленных исторических источников показать формирование субэтноса донских казаков и его существование на «перекрёстке цивилизаций», что предопределило особенности взаимоотношения донского казачества с государственной властью и принятия православия в качестве объединяющей религии [24]; В. Н. Королёв, фундаментальные труды которого позволяют полно представить воинскую деятельность донских казаков, а также бытовую жизнедеятельность военных казачьих городков, послуживших основой формирования казачьих станиц [19; 20]; Б. Н. Проценко, исследовавший духовную культуру донских казаков через анализ традиций, ритуалов, оберегов, фольклорного творчества, что дало начало многочисленным исследованиям в контексте филологии, истории и краеведения [26]; С. В. Римский, в трудах которого описываются духовные основы казачьей культуры через изучение религиозности казачества [30]; Т. С. Рудиченко, которая рассматривает значимость

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» от 9 августа 2020 года № 505.

фольклорной традиции казаков в контексте истории культуры, представлений о мире, жизненных ценностях и своеобразий условий жизни [32]; М. А. Рыблова, делающая акцент на влиянии социокультурных трансформаций, происходящих в историческом периоде начиная с XVI в. до начала XXI в., выделяя трансформации моделей казаков в контексте четырёх этапов социокультурного развития казачества [33].

В последние три десятилетия вопросы, связанные с исследованием казачества, проводятся в трёх основных направлениях:

– особенности предназначения казачества в социально-исторической перспективе, его этносоциальные традиции и ценности, что можно обнаружить в многочисленных работах И. Ю. Ерохина, который подчёркивает влияние «государственного фактора» на возрождение и развитие казачества [11; 12];

– особенности жизни казачества в регионах Северного Кавказа. В этом отношении стоит отметить статью Е. А. Михайловой, в которой внимательно анализируются результаты мониторинга общественного мнения, проведённого в июле–августе 2017 г. В данной работе обращается внимание на ценности казачества, транслируемые от поколения к поколению, а также на участие казаков в социально значимой деятельности. В частности, подчёркивается, что происходит возрождение «социокультурных практик казачества», «воссоздание духовных традиций» [25, с. 130];

– анализ своеобразия ценностей и установок казачества в теоретическом контексте в условиях современного российского общества рассматривается в работах И. П. Ишмаева [13], А. В. Сопова [35].

В работах донских учёных (П. Н. Лукичѳв и А. П. Скорик) при рассмотрении ментальности донских казаков обращается внимание на концепцию пассионарности Л. Гумилѳва, в контексте которой они приходят к заключению, что определяющим качеством ментальности казачества является «суперпассионарность», заключающаяся в готовности казаков к самопожертвованию, особенно в экстремальных обстоятельствах, требующих «сверхнапряжения» как физических, так и морально-психологических сил [23]. В 2022 г. в Новочеркасске – столице донского казачества – была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего», на которой были рассмотрены актуальные проблемы казачества, в том числе и ряд вопросов, связанных со становлением идентичности казачьей молодѳжи [14].

В течение длительного времени, даже несмотря на героическое участие казачества в Великой Отечественной войне, практически не рассматривались вопросы, связанные с казачьими ценностями, в том числе и с Донским казачеством. В начале 1990-х гг. после издания Указа Президента РФ «О реабилитации репрессированных народов» начался процесс возрождения казачьей культуры, а вместе с ним и научное осмысление прошлого, настоящего и перспектив развития казачества как в рамках всего государства, так и в конкретном регионе. Одним из приоритетных вопросов, связанных с развитием казачества, является воспитание молодых людей в духе традиций

и духовных ценностей казачества, сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, от которых во многом зависит его дальнейшее социокультурное развитие. В этой связи анализ ценностной матрицы представляет безусловный интерес, поскольку позволяет выявить основные ценности, духовные предпочтения казачьей молодёжи, что может оказать значительное влияние на социально-культурное и историческое развитие казачества и сохранение российской самобытности.

Концептуальная основа исследования

В данном исследовании ценности рассматриваются как система, формируемая состоянием «коллективных представлений» (Э. Дюркгейм), т. е. как внутренний стержень и объединяющее звено духовного производства и общественного сознания, определяющее границы индивидуального и группового поведения. Иерархия ценностей формирует ценностную матрицу, которая является «ядром» личности и определяет стратегии жизненных устремлений и социального поведения.

Матрица в социальных науках рассматривается как «система базовых институтов, регулирующих функционирование экономической, политической, идеологической сферы» [15], как «объединение неформальных институтов, включающих не только правила и нормы социального взаимодействия, но и когнитивные образования» [22]. Осуществлялись попытки концептуализации понятия «ценностно-культурная матрица», связывающего в единую систему аксиологию, социальную этику, культурные, правовые, воспитательные, семейные традиции и государственное законодательство [6]. В данной статье под ценностной матрицей мы понимаем совокупность духовно-нравственных ценностей, культурно-бытовых и семейных традиций как жизненных ориентиров и стереотипов поведения.

Обращение к теории милитаризированной гегемонной маскулинности (Р. Коннелл) обусловлено тем, что казачество представляет собой в большей степени военизированное сообщество, строящееся на культурно-историческом базисе с иерархической гендерной субординацией. Потенциал данной теории позволяет рассмотреть роль мужчины-казака в культуре семейной повседневной жизни и практиках взаимодействия.

Методы исследования

Для исследования ценностей казачьей молодёжи была выбрана целевая группа студентов Южно-Российского государственного университета (НПИ) имени М. И. Платова (далее – ЮРГПУ (НПИ)), являющихся действительными членами Платовской казачьей сотни.

В 2014 г. на базе ЮРГПУ (НПИ) (г. Новочеркасск Ростовской обл.) была создана «Платовская казачья сотня» как проект модели реализации государственной молодёжной политики в вузах России с учётом этнокультурного казачьего компонента, направленной на гражданско-патриотиче-

ское воспитание современной молодёжи [28]. Основная миссия Платовской казачьей сотни заключается в воспитании и образовании молодёжи, активизации молодёжного сообщества на основе патриотических ценностей, исторических, культурных и духовных традиций казачества. Члены Платовской казачьей сотни помимо основной образовательной программы осваивают дополнительную общеразвивающую программу «Социальное управление в казачьих обществах», которая включает в себя такие разделы, как: основы православной культуры, история донского казачества, правовое регулирование казачьего самоуправления, экономика казачьего хозяйства, в качестве итоговой работы выступает бизнес-проект по развитию казачьих территорий. Выпускникам Платовской казачьей сотни приказом атамана Войскового казачьего общества «Всевеликое войско Донское» присваивается первый офицерский казачий чин «хорунжий».

В качестве критериев для отбора в Платовскую казачью сотню установлены следующие критерии: добровольность, студент (ЮРГПУ (НПИ)), курсант Военного учебного центра при ЮРГПУ (НПИ)¹, уроженец казачьей территории, православный.

Структура и состав казачьей сотни. Платовская казачья сотня формируется в составе 3-х взводов (по годам обучения).

1. Офицерский взвод, в который входят хорунжие (магистранты и аспиранты университета).
2. Взвод казаков первого года обучения (3 курс бакалавриата или специалитета).
3. Взвод казаков второго года обучения (4 курс бакалавриата или специалитета).

В состав сотни в 2022 г. входят 153 казака и казачки. За период существования Платовской казачьей сотни (с 2015 по 2022 г.) выпускниками стали 190 хорунжих, четверым из них за казачью службу присвоен чин сотника.

Таким образом, студенты – члены Платовской казачьей сотни являются не просто выходцами из семей казаков, но и сознательно идентифицируют свою принадлежность к казачеству, вступая в ряды казачьей сотни.

Как мы уже отмечали, данный выбор был обусловлен тем, что члены казачьей сотни являются не просто представителями донских казачьих семей, но представляют ту часть казачьей молодёжи, которая сознательно подчёркивает свою принадлежность к казачеству, вступая в ряды казачьей сотни.

Опрос, проведённый авторами, носил сплошной характер методом стандартизированного интервью и был проведён в марте–апреле 2023 г. Инструментарий исследования включал как открытые, так и закрытые вопросы, что позволило комплексно сформировать представление о ценностях, ценностных ориентациях и ментальности казачьей молодёжи.

¹ В соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 13 марта 2019 г. № 427-р в ЮРГПУ (НПИ) на базе факультета военного обучения и УВЦ создан военный учебный центр.

Ценностная матрица студентов – членов Платовской казачьей сотни

Ценностные ориентации представляют собой интериоризацию норм общества в ценности личности. Для результативности данного процесса необходимым является обязательность включения личности в референтную группу, где формируются ценности, которые одновременно образуют мотивационную основу поведения индивида и являются элементами мировоззрения личности и могут интерпретироваться как идеалы [8, с. 175–176]. Одна из ключевых функций, которую выполняет система ценностей, – это объединение группы, общности и народа в целом. Изменение ценностной системы нарушает преемственность поколений и приводит к конфликтности. В этой связи интерес представляет ценностная матрица членов казачьей сотни.

Результаты проведённого исследования позволили сгруппировать ответы респондентов и выделить иерархию ценностей в сознании членов Сотни: первая группа – доминирующая – патриотические ценности; вторая группа – коллективные ценности; третья группа – ценности наследия (историческая память); четвертая группа – ценности гражданского общества и правового государства. Следует отметить, что справедливость в сознании казачьей молодёжи не входит ни в одну группу и обособлена. Обострённое чувство справедливости всегда являлось отличительной чертой казачества и его своеобразным социокультурным кодом (см. рис. 1).

Рис. 1. Ценностная матрица студентов – членов Платовской казачьей сотни

Figure 1. Value matrix of student members of the Platov Cossack Hundred

Патриотичность, любовь к Отечеству составляют уникальный образ жизни казачества, наполненный не столько вещественной составляющей, сколько духовной, на основании которой формируются установки служения Родине и государству. Патриотизм в казачестве интерпретируется с точки зрения «воинственности», проявляющейся в охране и защите со стороны внешней экспансии. Поэтому Родина имеет особое сакральное значение в системе казачьих ценностей.

В структуре патриотических ценностей особое место занимает малая родина – Родная земля. Казаки трепетно относились к своей родной земле, и эмоциональное отношение к ней воспевается в казачьем фольклоре: «Казак скорее умрет, чем с родной земли сойдёт». Современная казачья молодёжь демонстрирует привязанность к своей малой родине (при эмпирической дифференциации выделенных ценностей Родная земля занимает третью рейтинговую позицию по значимости ценностей).

Следует обратить внимание, что ценности гражданского общества и правового государства формируют институциональную среду жизнедеятельности молодого казака и его гражданскую позицию. Однако, учитывая замыкающую позицию данной ценностной группы, она больше всего может быть подвержена как позитивным, так и негативным внешним влияниям, несмотря на устойчивую позицию патриотических ценностей. В данном контексте можно объяснить и обособленность справедливости в структуре ценностей, которая укрепляет солидарные связи между обществом (общностью) и государством, способствуя общественному согласию и принятию. Если возникает противоречие, то справедливость будет восприниматься как несправедливость, «субстанционально существующее зло» [36, с. 53]. Проблема справедливости для российского общества всегда была особо острой и чувствительной. От того, воспринимает ли молодёжь происходящие в обществе процессы как справедливые или же несправедливые, зависит будущее как государства, так и всего общества [36].

Традиционно коллективизм составлял основу казачьих ценностей. Единство и взаимопомощь являются для казачества основой повседневности. Коллективизм поддерживался и культивировался казаками на различных уровнях и имел разнообразные формы и способы проявления (начиная от общинной собственности и заканчивая родительским поминовением). Коллективный принцип имеет высшее проявление в братстве, которое находит своё выражение в фольклоре: «Казак за казака горой стоит». У респондентов в ценностной матрице коллективистские ценности занимают основное место, что и воспроизводит ценностную структуру казачьего сообщества. Одно из ключевых мест в ней отводится ценностям наследия и исторической памяти. Казачество всегда почитало традиции, обряды, ритуалы, важное значение имела сохранность и преемственность культуры. Для современной казачьей молодёжи память и связанные с ней традиции значимы для 40,9 и 36,4% респондентов соответственно. Это коррелирует и с ответом на вопрос «Чем вы гордитесь?». Так, 40,9% респондентов показали, что гордятся историей, традициями, культурой России.

В ценностной матрице немаловажными являются социальные образцы, т. е. известные личности, как исторические деятели, так и современники, которых почитают молодые люди, которым стремятся подражать. Полученные данные свидетельствуют о том, что у 45% респондентов есть идеалы, объекты уважения и подражания. Идеал в сознании молодого человека может являться прообразом смысла поведения и жизненной цели. Идеалы казачьей молодёжи можно условно разделить на три типа: первый – современные государственные деятели (Президент РФ – В. В. Путин; министр энергетики РФ – Н. Г. Шульгинов¹; губернатор Ростовской области – В. Голубев), второй – великие полководцы и военачальники прошлого (М. И. Кутузов, атаман М. И. Платов, генерал Я. Бакланов), третий – наиболее устойчивый идеал, влияющий на поведенческие траектории, – родители, близкие родственники, духовные наставники (данный тип доминирует у 55% опрошенных)².

Идеалы, на которые равняются молодые казаки, также свидетельствуют об их патриотичности, так как большинство из перечисленных социальных образцов являются их земляками.

Ценностные ориентиры студентов – членов Платовской казачьей сотни

Мы опирались на идею Э. Дюркгейма о том, что ценности представляют некоторые устойчивые формы, укоренённые в коллективных представлениях. Очевидной представляется их значимость для понимания существующих в обществе отношений к наиболее важным ценностям. Э. Дюркгейм подчёркивал, что «...для того, чтобы постичь нравы, народные верования, нужно обратиться к пословицам и поговоркам, их выражающим» [10, с. 34]. С целью лучшего понимания ценностных ориентиров молодых казаков один из вопросов был представлен в форме наиболее известных среди донских казаков пословиц и поговорок. Всего в перечень вошло 46 пословиц и поговорок, из которых респонденты должны были выбрать не более десяти, в наибольшей степени характеризующих, по их мнению, донских казаков.

Анализ полученных результатов показал, что к качествам, которые характеризуют казаков, прежде всего относится умение терпеть для достижения поставленной цели: «Терпи, казак – атаманом будешь», что отметило 70,7%; «Казак и в беде не плачет», как считает 43,9% опрошенных. Разносторонность донских казаков, их умение быть первыми в разнообразной деятельности выражается в пословице «Казак-донец и швец,

¹ Действующий Министр энергетики РФ Н. Г. Шульгинов в 1973 г. окончил Новочеркасский политехнический институт (ныне ЮРГПУ (НПИ)) по специальности «Электроснабжение промышленных предприятий и городов», поэтому особенно известен в университете и г. Новочеркасске.

² Респонденты отвечали на открытый вопрос «Кто является для Вас примером для подражания в России и в Донском регионе?»

и жнец, и на дуде игрец, и в хоре певец, и в бою молодец», которую выбрало 56,1% респондентов. То, что казачье братство присуще казакам, подтверждается выбором такого крылатого выражения, как «Казак за казака горой стоит» (36,6%). По мнению респондентов, Дон олицетворяет родной край, который при любых обстоятельствах будет защищён казаками, что видно из выбора таких пословиц, как: «Пришли казаки с Дону, да прогнали ляхов до дому» (36,6%); «Кому Дон тих, а кому лих» (31,7%), «Казак скорей умрёт, чем с родной земли сойдёт» (39%). То, что выявленные ранее ценности (смелость, решительность, храбрость, патриотизм, преданность Отечеству, стойкость, сила воли) присущи донским казакам, подтверждается и выбором таких пословиц, как: «Донцы не раки, задом не пятятся» (39%); «Кто пули боится, тот в казаки не годится» (39%); «У казака в бою нет спины» (29,3%); «Казак и во сне шашку щупает» (29,3%). Такая нацеленность на традиционный для казаков долг по защите Отечества подтверждается также и тем, что 76,2% респондентов считают обязательной военную подготовку.

В определении ценностных ориентиров важное значение приобретает конструированный образ казака. Современная казачья молодёжь наделяет образ казака идеализированными коннотациями воина-героя, служащего Отечеству верой и правдой.

Задачи, которые должны выполнять казаки в современной России, члены Платовской казачьей сотни видят такие: защищать свое Отечество от внешних врагов (83,3%), сохранять казачьи традиции и обычаи (81%), развивать казачью культуру в условиях информационного общества (76,2%), поддерживать порядок в своём регионе (61,9%), являться примером в повседневном поведении (59,5%), стоять на защите традиционных ценностей (57,1%) (см. табл. 1).

Выделенные задачи как бы предопределяют ответы на открытый вопрос, в котором было предложено закончить предложение «Казак – это...». Не имея возможности привести все сделанные определения, приведём наиболее характерные¹:

- православный человек, защитник веры и Отечества, имеющий самобытную культуру, традиции и обычаи;
- воин, защитник, любовь к Родине у казаков в крови;
- защитник своей семьи, а также своей чести и достоинства, носитель традиционной культуры;
- мужчина, воин, герой;
- защитники своих земель – люди сильные, смелые, ловкие;
- воин, всегда готовый к защите Отечества;
- человек чести, гостеприимен, весел, беспощаден к врагам, патриот.

¹ Авторский вариант сохранён.

Таблица 1 (Table 1)

**Характерные черты казака и задачи, которые он должен выполнять,
в представлении молодого казака, %**
*Characteristic traits of a Cossack and the tasks they should fulfil
in the perception of young cossacks, %*

Характерные черты казака	Доля опрошенных
Смелость, решительность, храбрость	90,9
Стойкость, сила воли, целеустремлённость	68,2
Патриотизм, преданность своему Отечеству	68,2
Спокойствие, выдержка, самообладание	61,4
Преданность	59,1
Ответственность	56,8
Физическая сила	54,5
Стратегическое жизненное целеполагание	54,5
Образованность	50,0
Щедрость, отзывчивость, доброта	45,5
Бескорыстие	45,5
Трудолюбие	40,9
Самообеспечение и материальное благосостояние своей семьи	34,1
Самоуверенность и самодостаточность	29,5
Задачи, которые должны выполнять казаки	
Защищать свое Отечество от внешних врагов	83,3
Сохранять казачьи традиции и обычаи	81,0
Развивать казачью культуру в условиях информационного общества	76,2
Поддерживать порядок в своем регионе	61,9
Являться примером в повседневном поведении	59,5
Стоять на защите традиционных ценностей	57,1

Несмотря на декларируемый военизированный образ казака в представлениях респондентов, он не идентифицируется с устремлениями связать свою жизнь с военизированными структурами (лишь 17,1% хотят стать командиром воинского подразделения), при этом осознают свои обязанности как представителя казачества и готовы их честно исполнять 40,5% (см. табл. 2).

Образ казака в представлениях членов Сотни диссоциирует с реальными жизненными устремлениями, но, несмотря на это, молодые казаки отдают себе отчет в своих обязанностях перед Родиной и государством и готовы их честно исполнять.

Таблица 2 (Table 2)

Жизненные устремления респондентов, %
Life aspirations of respondents, %

Стремления респондентов	Доля опрошенных
Просто честно исполнять свои обязанности	40,5
Стать лидером в какой-либо профессиональной деятельности	28,6
Стать командиром в воинском подразделении	17,1
Стать равноправным членом своей социальной группы	16,7
Стать атаманом	4,8

Современные семейные ценности, традиции и уклад казачьей семьи

Как уже было отмечено, одной из приоритетных ценностей является семья, которой гордятся в общей сложности 41% молодых казаков, что неудивительно, поскольку, как отмечает Н. А. Боднева, «Любая семья – это основа и важнейшая структурная единица государства и государственного устройства. А казачья семья – это совершенно уникальный культурный и исторический феномен, её роль совершенно особа» [4, с. 14]. Традиционная система казачьих ценностей строилась на твёрдых нравственных устоях в семейно-брачных отношениях и особой семейной парадигме с патриархальным укладом жизни и одновременно особым статусом женщины – жены и матери.

Современная казачья семья продолжает транслировать укоренённые представления о традиционном семейном укладе с особым статусом женщины, которая наравне с мужчиной принимает активное участие в решении семейных проблем и задач [16]. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь совершенно не идёт о «кризисе маскулинности» [17] и проблематизации гегемонии патриархальной нормы как мужского превосходства и подчинённого положения женщины [18]. Уникальность семейного уклада казачьей семьи ярко описана в русской литературе, в частности в повести Л. Н. Толстого «Казачья»: «Казак, <...> невольно чувствует её [женщины] превосходство... Весь дом, всё имущество, всё хозяйство приобретено ею и держится только ее трудами и заботами. <...> он смутно чувствует, что всё, чем он пользуется и называет своим, есть произведение этого труда и что во власти женщины, матери или жены, которую он считает своею холопкой, лишит его всего, чем он пользуется».

Казачки с малолетства воспитывались в системе ценностей военной службы и сочетали в себе как традиционные женские качества жертвенности и служения мужу, так и горделивый нрав, отвагу и стойкость в испытаниях¹.

¹ Страницы казачьей истории содержат имена казачек-воинов, например: Алёна Арзамаская, Марьяна Горбатко, Елена Чоба, женщина-атаман вдова калмыцкого хана Анна Тайшина.

Патриархальный уклад семьи превалирует в сознании респондентов, что отметили 63,3% респондентов, то, что в семье все равны, считает только 2,3% респондентов. При этом роль главы семьи определяется «силой характера», так полагает 68,2% опрошенных, только 2,3% считают, что глава семьи определяется в соответствии «с материальным положением». При этом воспитание детей и принятие важных решений лежат на обоих родителях – как на отце, так и на матери. Серьёзные для семьи решения принимают совместно мать и отец, что отмечают 56,8% респондентов, процент семей, где решение принимает только отец, составляет 22,7%, семьи, где решение остаётся за матерью, составляют 9,1%. Однако в вопросах, связанных с воспитанием детей, принимают участие оба супруга, – так считает больше половины респондентов (54,5%) (см. рис. 2).

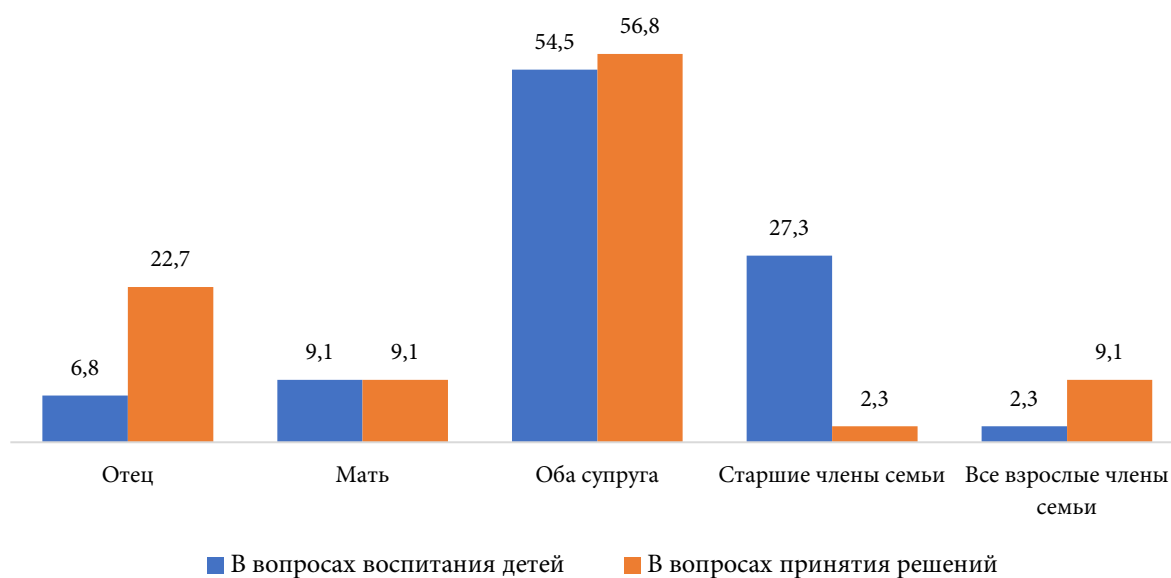

Рис. 2. Семейный уклад казачьей семьи, %
Figure 2. Family Structure of a Cossack Family, %

В семейной и общественной жизни казаков к старшему поколению относились с почётом и уважением. В казачьем сообществе действовало правило: «Старший сказал – закон». В современной казачьей семье старшее поколение преимущественно задействовано в вопросах воспитания детей (внуков). Снижение роли старшего поколения в казачьей семье обусловлено в том числе и трансформацией традиций казачьей жизнедеятельности и совместного проживания детей и взрослых, при этом данные исследования показывают, что роль старшего поколения в казачьей семье не нивелируется полностью.

Феномен эгалитарности и паритета в казачьей семье можно рассматривать как устойчивую традицию семейных стереотипов и гендерного распределения ролей – «мужчина – глава семейства» и «женщина – мать».

Условия и агенты идентификации казачьей молодёжи

Формирование, трансляция и сохранение культурных традиций предполагают культурную преемственность. В свою очередь, семья и семейный уклад формируют базис для культурной преемственности и осознания принадлежности к социальной общности.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что свою принадлежность к казачьему этносу в раннем детстве осознали лишь 20,5% респондентов. Основной период осознанности происходит в подростковом возрасте (40,9%) и уже после поступления в университет (29,9%).

Казачьи традиции активно воспроизводились в праздниках и обрядах, которые предполагали активное и пассивное участие молодёжи, как то: ритуал войскового круга, приобщение малолетних детей к войсковому делу [5]. Поэтому основным механизмом культурной преемственности является участие. У детей и подростков такое участие проявляется через детский досуг (игры) и соблюдение традиций в семье.

Тот факт, что осознание себя казаком не происходит в раннем детстве, во многом связано с тем, что сейчас слабо организована социализация через игровую составляющую, что в истории казачества начиналось с четырёх лет. Так, не играли в казачьи игры 45,5% респондентов, среди тех же, которые в них играли (54,5%), смогли назвать только две именно казачьи игры: «Казачьи-разбойники» и «Стадо». Совсем не были упомянуты игры с включением военного компонента, только один респондент назвал стрельбу из лука.

Соблюдение и приверженность традициям в современных казачьих семьях в полной мере соблюдаются только в 4,5% семей, большую часть составляют семьи, где казачьи традиции соблюдаются частично, но высок процент и тех семей, которые не соблюдают казачьи традиции (27,3%), при этом 25% респондентов затруднились ответить на вопрос, соблюдаются ли в их семье казачьи традиции. На открытый вопрос «Какие традиции Вы относите исключительно к казачьей культуре?» были получены ответы, которые можно сгруппировать следующим образом: почитание старших, верстание в казаки, посадение на коня, почитание гостя, соблюдение религиозных праздников.

При этом во время праздничных и торжественных событий предпочитают обычную городскую одежду 62,8%, с элементами казачьего костюма 14%, а традиционную казачью одежду носят 23,3% респондентов. Однако все респонденты имеют и с гордостью носят традиционный военный казачий костюм во время участия в военных парадах и мероприятиях, связанных с мемориальными датами воинских подвигов донских казаков. Стоит упомянуть, что в течение последних двух лет члены Платовской казачьей сотни принимают участие в Параде Победы в Москве, относясь к данному участию как к чести, которая им оказана.

Важное значение в идентификации себя как казака имеют не только условия, включённость в среду, соблюдение традиций, но и агенты идентификации. Для современной молодёжи осознанию себя как казака способствовали близкие родственники (38,6%) и произведения художественной культуры (литература, киноискусство) (20,5%). Приведённые данные достаточно ожидаемы, так как наиболее сильные аффилятивные чувства

человек испытывает, когда слышит об успехах людей своей национальности в различных сферах жизнедеятельности, а художественные произведения являются устойчивой сферой аккумуляции чувств этнической общности [31, с. 196–197].

На наш взгляд, наиболее важным моментом в идентификации является роль преподавателя высшей школы. Напомним, что 29,9% молодых казаков осознали свою принадлежность к казачьему этносу после поступления в университет, а для 19,5% мотивом для вступления в Платовскую казачью сотню послужила агитация преподавателей, поэтому преподаватели выступают активными агентами идентификации молодых казаков. Стоит отметить, что доминирующим мотивом вступления в Платовскую казачью сотню является «желание быть причастным к казачьей культуре и традициям» (82,9%). В этой связи особую актуальность приобретает образовательная среда, позволяющая поддерживать и развивать эти устремления молодёжи с ярко выраженным этнокультурным компонентом.

Заключение

Проведённое авторами эмпирическое исследование показало, что молодые казаки, имеющие перспективы стать элитой возрождающегося казачества, нацелены на сохранение и поддержание культуры и традиций донского казачества, поскольку именно желание их сохранения и послужило главным мотивом для вступления в ряды Платовской казачьей сотни, а историческая память и связанные с нею традиции значимы для большей части респондентов. В сознании респондентов сохраняются традиционные коллективные представления об основных ценностях, присущих в течение всего исторического развития донскому казачеству. Это – стремление к справедливости, ценностям семьи, патриотизму, честному выполнению своего священного долга перед Родиной и Родной землёй. Это свидетельствует о том, что казачья молодёжь может служить прочным фундаментом в сохранении и укреплении традиционных ценностей и активно участвовать в формировании не только региональной (этносоциальной), но и общероссийской гражданской идентичности. Однако раскрытию её консолидирующего потенциала могут препятствовать барьеры, и потому для полной реализации должны выполняться определённые условия.

В качестве *барьера* можно выделить военизированный образ казака в сознании казачьей молодёжи, который выступает эмоционально-чувственным конструируемым образом и может попасть под негативное влияние радикальных, экстремистских организаций, сепаратистских движений и т. д., формирующих деструктивный вектор выражения этносоциальной принадлежности.

В качестве необходимых *условий* можно назвать активное включение в референтные группы, культивирующие традиционные казачьи ценности в том числе активного участия агентов идентификации. В данном контексте особое значение имеет образовательная среда с эффективно функционирующей системой духовно-нравственного воспитания.

Библиографический список

1. Агафонов А. И. История донского казачества. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2008. 464 с.
2. Астапенко М. П., Астапенко Г. Д., Астапенко Е. М. «Казачья доля – Дон, степь да воля». Ростов н/Д., 2014. 320 с.
3. Афанасьева А. Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2008. № 68. С. 100–116. EDN: IUNYXR.
4. Боднева Н. А. Становление и развитие системы семейного воспитания в Терском казачестве (вторая половина XIX – начало XXI в.). Автореф. дис. ... канд. пед. н. Белгород, 2008. 27 с.
5. Бондарь Р. И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (часть 1. XIX – начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар: КЭЦРО, 1999. 304 с.
6. Воденко К. В., Овчаренко Д. Л., Стукалова Е. В. Ценностно-культурная матрица: теоретический конструкт и социальная реальность // Гуманитарий Юга России. 2017. № 6. С. 78–86. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.5; EDN: ZXWHTX.
7. Голошумова Г. С., Ефимова П. С., Уткина Е. А. Этнокультурное образование: условия развития в современном социуме // Современные социально-экономические процессы. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 89–114. EDN: YFKSBV.
8. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России в зеркале социологии. К истокам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.
9. Дзюбан В. В. Духовно-нравственное воспитание молодых казаков России: опыт, проблематика, ошибки, пути решения // Вестник Института мировых цивилизаций. 2019. Т. 10. № 2(23). С. 110–112. EDN: KLMPBR.
10. Дюркгейм Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1995. 352 с.
11. Ерохин И. Ю. Феномен и загадки этничности казачества // Альманах «Казачество». 2015. № 11. С. 33–41. EDN: VVNUCR.
12. Ерохин И. Ю. Этно-социальные традиции и ценности казачества // Культура и цивилизация. 2013. № 3–4. С. 167–178. EDN: ROPHVP.
13. Ишмаев И. П. Казак – человек особый: менталитет казачества как ключ к пониманию форм жизни этноса в структуре государства // Система ценностей современного общества. 2016. № 45. С. 83–89. EDN: VSQRHH.
14. Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего. Мат. Всеросс. науч.-практич. конф. Новочеркасск: НОК, 2022. 404 с.
15. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России: введение в X-Y-теорию. Изд. 3-е, перераб., расш. М.; СПб.: Нестор-История, 2014. 468 с.

16. Комаров А. П. Базовые ценности российского казачества // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2017. № 4. С. 72–80. EDN: YPUMMT.
17. Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 494 с.
18. Коннелл Р. Гендер и власть. Общество, личность и гендерная политика. М.: НЛО, 2015. 425 с.
19. Королёв В. Н. Босфорская война. М.: Вече, 2013. 660 с.
20. Королёв В. Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. 239 с.
21. Курышева Е. И. Духовно-нравственные основы и патриотизм как базовые составляющие традиционной культуры казачества // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 872–879. EDN: TGQRND.
22. Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. 291 с.
23. Лукичёв П. Н., Скорик А. П. Казачество: историко-психологический портрет // Возрождение казачества: история и современность. Новочеркасск, 1995. С. 31–56.
24. Мининков Н. А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. 510 с.
25. Михайлова Е. А. Российское казачество: факторы самоидентификации // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 130–144. DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09. EDN: YLYNUQ.
26. Проценко Б. Н. Заговоры, обереги, приметы: духовная культура донских казаков. Ростов н/Д.: Феникс, 2019. 285 с.
27. Рвачева О. В. Система казачьего воспитания и образования в конце XX – начале XXI в. Тенденции развития на Юге России // Известия ВолГПУ. 2015. № 8(103). С. 188–196. EDN: VAWAYR.
28. Ревин И. А. Реализация казачьего компонента в вузе: типовое положение о студенческом объединении «Казачья сотня». Новочеркасск: НОК, 2022. 36 с.
29. Ревин И. А. Практика духовно-нравственного воспитания учащейся молодежи с учетом этнокультурного казачьего компонента в образовании (опыт деятельности Платовской казачьей сотни ЮРГПУ(НПИ)) // V Междунар. науч.-практич. конф. в рамках XXVI Междунар. Рождественских образоват. чт. М.: РУДН, 2018. С. 338–343. EDN: XNHNJR.
30. Римский С. В. Почитание святых донскими казаками в XVI–XVIII столетиях // Мир истории. 2000. № 6. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/rimsky.htm> (дата обращения: 26.04.2023).
31. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2 / Отв. ред. М. К. Горшков, В. В. Петухов. М.: Весь Мир, 2015. 432 с.

32. Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д.: РГК им. С. В. Рахманинова, 2004. 512 с.

33. Рыблова М. А. Донское казачество: к вопросу об «истоках» и социокультурных трансформациях // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 158–174. EDN: NTQGCN.

34. Сергеева Н. Н. Этнокультурное образование в формировании культуры гражданственности в условиях социокультурного раскола российского общества // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8. № 1. С. 270–282. DOI: 10.23683/2227-8656.2019.1.22; EDN: UXSRAN.

35. Сопов А. В. Некоторые особенности менталитета казаков // Проблемы изучения и пропаганды казачьей культуры. Система ценностей современного общества. Майкоп, 1998. С. 31–36. EDN: WEPOBD.

36. Социальная справедливость в русской общественной мысли / Отв. ред. Ю. Б. Епихина. М.: ИС РАН, 2016. 268 с.

37. Шевченко А. Г. Патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодёжи в казачьих военно-патриотических лагерях // Вестник Института социологии. 2014. Т. 8. № 1. С. 132–152.

Получено редакцией: 16.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Сусименко Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Литвиненко Елена Юрьевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.5

Value Orientations of Young Cossacks (Using the Example of the Cossack Hundred at SRSPU (NPI)*)

Elena V. Susimenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: e.susimenko@npi-tu.ru

ORCID: 0000-0001-7627-2051

Elena Yu. Litvinenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: litvinenko_eiu@npi-tu.ru

ORCID: 0000-0001-8013-4882

Olga S. Ivanchenko

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

* FSBEI HE «Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)».

E-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0173-1804

For citation: Susimenko E. V., Litvinenko E. Yu., Ivanchenko O. S. Value Orientations of Young Cossacks (Using the Example of the Cossack Hundred at SRSPU (NPI)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 53–73. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.5; EDN: TEFBSI

Abstract. This article investigates the spiritual and moral values, cultural and domestic traditions of youth who join Cossack organisations during their university education. The study focuses on students who are members of the Platov Cossack Hundred, established at the Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI). The data analysed in this research were obtained through standardised interviews with members of the Platov Cossack Hundred. The aim of the study is to identify the value orientations, values, and their hierarchy in the minds of student Cossacks. The values of Cossack youth are examined from the perspective of a system rooted in “collective representations” (É. Durkheim). The theory of masculinity is employed to explore the role of the Cossack man in the culture of everyday family life and interaction practices.

The article provides a brief overview of the scientific literature devoted to describing and analysing the historical development of the River Don Cossacks, the peculiarities of their military activities, everyday life, culture, values, and traditions. It demonstrates the matrix of values of Cossack youth, the core of which consists of justice and family. Empirical data lead to the conclusion that traditional stereotypes of “a man as a warrior” and “a man as a protector” are being formed, along with patriarchal ideas of “the man as the head of the family”, religious beliefs, and ethnic identity, as “an Orthodox person with a unique culture, traditions, and customs”.

In everyday life, family relationships are characterised by a desire for egalitarianism and parity in decision-making and child-rearing. The article notes that the foundation of the respondents’ value matrix is the cultural-historical basis of militarised masculinity, based on the idea of “serving and defending one’s Homeland”. The primary motivation for joining the Platov Cossack Hundred is the desire for participation and identification with Cossack culture and traditions.

The authors emphasise the importance not only of the institution of the family but also of higher education in the actualisation and reproduction of the cultural distinctiveness of regional youth. It is concluded that young people with a strong ethnocultural component prioritise traditional values (patriotism, service to the Homeland, justice, strong families) that shape not only regional (ethno-social) identity but also a pan-Russian civic identity.

Keywords: Cossack youth, values, Cossack hundred, culture, traditions, service to the Fatherland

References

1. Agafonov A. I. The History of the Don Cossacks. Rostov-on-Don, SFU, 2008: 464 (in Russ.).
2. Astapenko M. P., Astapenko G. D., Astapenko E. M. “Cossack fate – the Don, steppe and freedom”. Rostov-on-Don, 2014: 320 (in Russ.).
3. Afanasyeva A. B. Ethnocultural education as a problem of modern pedagogical science. *Izvestiya RGPU im. A. Herzen*, 2008: 68: 100–116 (in Russ.). EDN: IUNYXR.
4. Bodneva N. A. Stanovleniye i razvitiye sistemy semeynogo vospitaniya v Terskom kazachestve (vtoraya polovina XIX–nachalo XXI vv.) [Formation and Development of the System of Family Education by the Terek Cossacks (second half of the XIX–early XXI centuries)]: thesis of diss. ... cand. ped. sci. Belgorod, 2008: 27 (in Russ.).
5. Bondar R. I. On the question of the traditional value system of the Kuban Cossacks (part 1. XIX–XX century). In From the cultural heritage of the Slavic population of Kuban. Krasnodar, KECRO, 1999: 304 (in Russ.).
6. Vodenko K. V., Ovcharenko D. L., Stukalova E. V. Value-cultural matrix: theoretical construct and social reality. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2017: 6: 78–86 (in Russ.). DOI: 10.23683/2227-8656.2017.6.5; EDN: ZXWHTX.
7. Goloshumova G. S., Efimova P. S., Utkina E. A. Ethnocultural education: conditions of development in modern society. In Modern socio-economic processes. Penza, Nauka i Prosveschenie, 2017: 89–114 (in Russ.). EDN: YFKSBV.
8. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. The youth of Russia in the mirror of sociology. To the origins of long-term research. Moscow, FNIS RAN, 2020: 688 (in Russ.).
9. Dzyuban V. V. Spiritual and moral education of young Cossacks of Russia: experience, problems, mistakes, solutions. *Vestnik Instituta mirovyyh civilizacij*, 2019: 10: 2(23): 110–112 (in Russ.). EDN: KLMPBP.

10. Durkheim E. Sociologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenie [Sociology. Its subject, method, purpose]. Transl. from Fr. by A. B. Gofman. Moscow, Kanon, 1995: 352 (in Russ.).
11. Erokhin I. Yu. The Phenomenon and Mysteries of the Cossack Ethnicity. *Al'manakh "Kazachestvo"*, 2015: 11: 33–41 (in Russ.). EDN: VVNUCR.
12. Erokhin I. Yu. Ethno-social values and traditions of the Cossacks. *Kul'tura i tsivilizatsiya*, 2013: 3–4: 167–178 (in Russ.). EDN: ROPHVP.
13. Ishmaev I. P. The Cossack is a special person: the mentality of the Cossacks as a key to understanding the forms of life of the ethnic group in the structure of the state. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva*, 2016: 45: 83–89 (in Russ.). EDN: VSQPHH.
14. Cossacks in the North Caucasus: current state and image of the future. In Mat. All-Russian scientific and practical conference. Novochoerkassk, NOK, 2022: 404 (in Russ.).
15. Kirdina S. G. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii: vvedenie v H-Y teoriyu [Institutional Matrices and the Development of Russia: an Introduction to X-Y Theory]. 3rd ed., reprint, Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2014: 468 (in Russ.).
16. Komarov A. P. Basic values of the Russian Cossacks. *Vestnik Tverskogo gosuniversiteta. Ser.: Filosofiya*. 2017: 4: 72–80 (in Russ.).
17. Kon I. Muzhchina v menyayushchemsya mire [A man in a changing world]. Moscow, Vremya, 2009: 494 (in Russ.).
18. Connell R. Gender and power. Society, personality and gender policy. Moscow, NLO, 2015: 425 (in Russ.).
19. Korolyov V. N. Bosforskaya voyna [Bosphorus War]. Moscow, Veche, 2013: 660 (in Russ.).
20. Korolyov V. N. Donskiye kazach'yi gorodki [Don Cossack towns]. Novochoerkassk, Donchak, 2007: 239 (in Russ.).
21. Kuryshcheva E. I. Spiritual and moral foundations and patriotism as the basic components of the traditional culture of the Cossacks. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2014: 6: 872 (in Russ.). EDN: TGQRND.
22. Lubsy R. A. Rossijskaya gosudarstvennost' kak social'naya real'nost' [Russian statehood as a social reality]. Rostov-on-Don, Fond nauki i obrazovaniya, 2014: 291 (in Russ.).
23. Lukichyov P. N., Skorik A. P. Kazachestvo: istoriko-psikhologicheskii portret [Cossacks: historical and psychological portrait]. In *Vozrozhdeniye kazachestva: istoriya i sovremennost'*. Novochoerkassk, 1995: 31–56 (in Russ.).
24. Mininkov N. A. Donskoye kazachestvo v epokhu pozdnego srednevekov'ya (do 1671 goda) [Don Cossacks in the Late Middle Ages (until 1671)]. Rostov-on-Don, 1998: 510 (in Russ.).
25. Mikhaylova E. A. Russian Cossacks: factors for self-identification. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nye peremeny*, 2017: 4: 130–144 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2017.4.09; EDN: YLYNUQ.
26. Protsenko B. N. Spells, amulets, superstitions: the spiritual culture of the Don Cossacks. Rostov-on-Don, Fenix, 2019: 285 (in Russ.).
27. Rvacheva O. V. The system of Cossack upbringing and education in the late XX – early XXI centuries. Development trends in the South of Russia. *Izvestiya VolGPU*, 2015: 8 (103): 188–196 (in Russ.). EDN: VAWAYR.
28. Revin I. A. Implementation of the Cossack component at the university: a model provision on the student association "Cossack Hundred". Novochoerkassk, NOK, 2022: 36 (in Russ.).
29. Revin I. A. The practice of spiritual and moral education of young students, taking into account the ethno-cultural Cossack component in education (the experience of the Platovskaya Cossack Hundred of SRSPU (NPI)). In V Intern. Scient. and Pract. Conf. within the framework of the XXVI Intern. Christmas Educat. Read. Moscow, RUDN, 2018: 338–343 (in Russ.). EDN: XNHNJR.
30. Rimskiy S. V. Pochitaniye svyatykh donskimi kazakami v XVI–XVIII stoletiyakh [Veneration of Saints by the Don Cossacks in XVI–XVIII centuries]. *Mir istorii*, 2000: 6. Accessed 26.04.2023. URL: <http://www.tellur.ru/~historia/rimsky.htm> (in Russ.).
31. Russian society and challenges of the time. Ed. by M. K. Gorshkov, V. V Petukhov. Moscow, Ves Mir, 2015: 432 (in Russ.).
32. Rudichenko T. S. Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitiyi [Don Cossack song in historical development]. Rostov-on-Don, RGK im. S. V. Rakhmaninova, 2004: 512 (in Russ.).

33. Ryblova M. A. Donskoye kazachestvo: k voprosu ob “istokakh” i sotsiokul’turnykh transformatsiyakh [Don Cossacks: on the issue of “origins” and socio-cultural transformations]. *Etnograficheskoye obozreniye*, 2010: 6: 158–174 (in Russ.). EDN: NTQGCN.
34. Sergeeva N. N. Ethno-cultural education in the formation of a culture of citizenship in the conditions of socio-cultural split of Russian society. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2019: 8(1): 270–281 (in Russ.). DOI: 10.23683/2227-8656.2019.1.22; EDN: UXSRAN.
35. Sopov A. V. Nekotorye osobennosti mentaliteta kazakov. [Some features of the mentality of the Cossacks]. In Problemy izucheniya i propagandy kazach’ey kul’tury. Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva [Problems of studying and promoting the Cossack culture. The value system of modern society]. Maikop, 1998: 31–36 (in Russ.). EDN: WEPOBD.
36. Social Justice in Russian Public Thought. Ed. by Yu. B. Epikhina. Moscow, IS RAN, 2016: 268 (in Russ.). EDN: TZZOGP.
37. Shevchenko A. G. Patriotic and spiritual and moral education of youth in Cossack military-patriotic camps. *Vestnik Instituta sociologii*, 2014: 1(8): 132–152 (in Russ.).

The article was submitted on: June 16, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Susimenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Foreign Languages Department, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Elena Yu. Litvinenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Foreign Languages Department, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

Olga S. Ivanchenko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Disciplines and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

ТЕМА НОМЕРА

ФЕНОМЕН КАЗАЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4

EDN: SIWUTV

Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние

Ссылка для цитирования: *Воденко К. В.* Возрождение и институционализация казачества на Юге России: этапы, особенности и современное состояние // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4; EDN: SIWUTV

For citation: Vodenko K. V. Revival and institutionalization of Cossacks in the south of Russia: stages, peculiarities and current state of affairs. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4; EDN: SIWUTV

Воденко Константин Викторович¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

vodenkok@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 289484

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы возрождения казачества, способствовавшие его институционализации в качестве социально-политического субъекта, деятельность которого направлена на решение социальных проблем региона и на обеспечение национальной безопасности государства. Рассматриваются три основных этапа возрождения казачьего движения: теоретический, связанный с актуализацией научного интереса к проблематике казачества; практический, опирающийся на низовую инициативу и самоорганизацию казачьего движения; институциональный, регламентирующий отношения казачества и государства. Автор акцентирует внимание на конфликтах, которые возникали в отношениях возрождающегося казачества и государства, а также внутри самого казачьего движения, в результате которых сложилось реестровое и нереестровое казачество. Процесс институционализации казачества в полной мере реализовался через «реестровые» казачьи объединения, что легитимировало привлечение казаков для выполнения многих государственных задач. В статье подчеркивается возрастающая роль казачества в обеспечении безопасности Юга России и защите интересов российского государства в «горячих точках».

Автор указывает на активную роль казачества в общественной жизни региона, связанную с появлением и развитием кадетских образовательных учреждений, которые заняли собственную нишу в обществе и играют значимую роль в подготовке военной элиты государства. Основным приоритетом в кадетских образовательных организациях является формирование у обучающихся государственно-патриотического мировоззрения.

В статье подчеркивается, что патриотический вектор в идеологии казачьего движения реализуется не только в деятельности кадетских образовательных учреждений, но и в проведении

целого ряда культурных мероприятий, посвященных знакомству с традициями и военным искусством казаков. Рассматриваются отношения казачества и Русской православной церкви, принимающей активное участие в возрождении традиционных казачьих ценностей. В заключение делается вывод о том, что сегодня казачество Юга России представляет собой не только военно-политическую структуру, но и институт гражданского общества, деятельность которого направлена на решение многих социальных проблем региона.

Ключевые слова: Россия, социология, казачество, социокультурная безопасность, историческая память, традиции, региональная культура, этническая общность

Введение

В условиях острого геополитического противостояния России и «коллективного Запада» актуализировалась задача по обеспечению безопасности приграничных регионов, которые в силу географического положения и социокультурной неоднородности несут угрозы территориальной целостности государства.

В настоящее время одним из социальных институтов, задействованных государством в охране общественного порядка в приграничных зонах, является казачество, для которого основным видом деятельности исторически выступала военная служба. Интерес к казачеству не в последнюю очередь обусловлен проблемами обеспечения безопасности, связанными с состоянием межэтнических отношений в приграничных регионах и необходимостью укрепления правопорядка, являющихся значимыми элементами сохранения целостности российской государственности. Это определяет необходимость исследования современного казачества как организованной социокультурной общности, стремящейся к активному участию в общественно-политической жизни России и выступающей сегодня одним из субъектов обеспечения её национальной безопасности.

В настоящей статье представлены результаты исследования этапов возрождения казачества в постсоветской России, специфики процесса его институционализации в условиях Юга России. Рассматриваются особенности возрождения казачества, его идеологии и роли в общественной жизни Юга России как особого института гражданского общества. Анализируются научные источники, посвященные проблеме возрождения казачества на Юге России, нормативно-правовые акты, отражающие процесс институционализации современного казачьего движения, также используются данные из открытых официальных источников информации.

Этапы возрождения казачества в постсоветский период

Возрождение казачества в 1990-е гг. было обусловлено отказом от советской политической идеологии, которая долгие годы определяла идентичность страны и народа. В условиях девальвации прежних ценностей

активизировался рост локальных культурных идентичностей, опирающихся на реконструкцию исторических традиций, которые ранее исключались из проекта советского общества.

После Октябрьской революции судьба казачества оказалась глубоко трагичной. В отношении казачества со стороны советской власти были приняты масштабные репрессии, сводившиеся к попытке ликвидации данной социальной и культурной общности, исторически выполнявшей воинские функции в Российской империи, что сформировало среди потомков казаков негативное отношение к советскому периоду российской истории.

Как отмечают историки, «в результате политики, проводимой по отношению к казачеству, часть казаков, была загнана в концлагеря, часть расстреляна. В 1929–1930 гг. под предлогом проведения крупномасштабной коллективизации ещё одна часть казаков попала под раскулачивание и была выслана на Север» [11, с. 161]. Подобные события сформировали у потомков казаков архетип неприятия советского прошлого, которое связывалось с уничтожением казачества как сословия. В дальнейшем пережитая общностью историческая травма, порождённая событиями Гражданской войны, сыграла важную роль в процессе возрождения казачества, активно протекавшем после распада СССР.

В эволюции казачьего движения в постсоветский период можно выделить несколько этапов: теоретический (научные исследования казачества), практический (самоорганизация казачьего движения) и институциональный (отношения казачества и государства).

Теоретический этап связан с актуализацией научного интереса к проблематике казачества, что проявилось в большом количестве публикаций по данной теме. Анализ казачества как социокультурного явления в истории российского государства инициировал появление дискуссии по вопросу его происхождения и места в социальной структуре общества. В научной литературе сложились различные теории: одни рассматривают казачество как этносоциальную общность [3; 18]; другие видят в казачестве воинское сословие, состоящее на государственной службе [5]; третьи указывают на полиэтничный характер казачества с преобладанием в нем восточнославянских корней [9].

В то же время, несмотря на различные подходы в понимании специфики казачества, исследователи отмечают его роль в истории России, которая «во многом определялась тем, что именно оно стало той основной силой, на которую Российское государство опиралось при оформлении своих геополитических границ на юге и проводило гибкую религиозную и социальную политику» [17, с. 66].

Второй этап возрождения казачества в постсоветский период связан с его самоорганизацией в виде казачьего движения. Следует отметить, что начало данного процесса было обусловлено появлением интереса к культуре казачества, его традициям, фольклору. По мнению специалистов, «в развитии казачьего возрождения в России в конце XX – начале XXI в. важную роль играл фактор памяти... Особое значение для казаков имели те события

и характеры, которые формировали положительный образ казаков как воинов-защитников Отечества или же говорили о трагедии казачьей истории, связанной с событиями гражданской войны» [14, с. 318].

Процесс возрождения казачества активизируется с середины 1980-х гг. В это время на Юге России популярным становится фестиваль «Шолоховская весна», который начинает ежегодно проводиться на родине писателя в станице Вешенской в день его рождения. По мнению историков, в восстановлении традиций Донского казачества большую роль сыграло Ростовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), которое инициировало создание общественной организации «Шолоховский круг», объединившей литераторов, историков, журналистов. В своем развитии казачье движение опиралось на реконструкцию бытовых и военных традиций казачества, его внешнюю символику и способы управления. Последнее проявилось в использовании для названия казачьих собраний термина «круг», который отражал специфику организации власти в структуре данного сообщества. В дальнейшем это нашло отражение в названии общественных объединений: «Казачий круг Дона», «Вседонской круг», «Вёшенский станичный круг» и др. [10]. По сути, эти объединения демонстрировали самоорганизацию казачьего движения на Дону, опирающуюся на принцип самоуправления, который на протяжении всей истории казачества, по мнению учёных, «позволял соблюдать социальное и духовное равновесие между членами и передавать из поколения в поколение необходимый запас прочности нравственной и правовой культуры» [20, с. 41].

В целом эти процессы дают основание утверждать, что второй этап возрождения казачества опирался преимущественно на низовую инициативу, в основе которой лежал как поиск собственной культурной идентичности, так и интерес к истории казачества, его роли в судьбе российского государства, а также стремление актуализировать казачьи традиции и функции в современных реалиях. Исследователи отмечают, что «такие виды деятельности, как изучение истории, фольклора, владение традиционными военными навыками, являются важными составляющими деятельности казачьих организаций, помогающими укреплять идентичность казаков через поддержание культурных образцов и исторической памяти» [12, с. 100].

Надо сказать, что в настоящее время региональная культура Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краёв в значительной степени ассоциируется с символами казачества, что определяет местный колорит и активно используется в сфере туризма [8].

Следующий этап в возрождении казачества связан с институционализацией отношений казачьего движения и государства. Развитие казачьего движения во многих регионах страны заставило региональные и федеральные власти взять данный процесс под государственный контроль, что сопровождалось появлением ряда правовых актов, регулирующих деятельность казачьих сообществ.

Так, одним из первых документов, реабилитирующих казачество, стала Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечение их прав»¹. В дальнейшем деятельность казачьих организаций стала регламентироваться Указами Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» (от 9 августа 1995 г. № 835), «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» (от 16 апреля 1996 г. № 563)².

В 2005 году вышел Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» (от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ)³. В настоящее время действуют и иные правовые акты, устанавливающие правила деятельности казачьих объединений и их взаимодействие с государственными структурами.

Наряду с федеральными законами в регионах формируется своя нормативная база по казачеству с учётом местной специфики. Так, в Ростовской области в 1999 году был принят закон «О казачьих дружинах в Ростовской области», который легализовал практику использования потенциала казачьих объединений для обеспечения общественного порядка в регионе⁴.

Сложности процесса институционализации казачества на Юге России

Необходимо отметить, что процесс институционализации казачества на Юге России шёл достаточно сложно, сопровождаясь конфликтами как с государственными структурами, так и возникающими внутри самого казачьего движения.

В условиях распада Советского Союза и начала суверенизации бывших республик возрождающееся на Юге России казачество также попало под влияние сепаратистских идей. Это обусловило попытки создания автономных казачьих республик на территориях, исконно населенных казаками, в которых представители казачества играли бы роль титульного этноса (аналогом выступали республики Северного Кавказа). Следует

¹ Декларация Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. «О признании незаконными и преступными репрессивные акты против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечение их прав» // Ведомости Съезда Народных Депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 23.

² Указ Президента РФ «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации» от 9 августа 1995 г. № 835. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8195> (дата обращения: 10.06.2023); Указ Президента РФ «О порядке привлечения членов казачьих обществ к государственной и иной службе» от 16 апреля 1996 г. № 563. URL: <https://base.garant.ru/10164595/> (дата обращения: 10.06.2023).

³ Федеральный закон «О государственной службе российского казачества» от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/23152> (дата обращения: 10.06.2023).

⁴ Областной закон «О казачьих дружинах в Ростовской области» от 29 сентября 1999 г. № 47-ЗС. URL: <https://www.donland.ru/documents/2434/> (дата обращения: 10.06.2023).

отметить, что подобный проект не отвечал интересам государства в таком стратегически важном регионе, что повлекло за собой негативную реакцию властей на рост казачьего национализма и сепаратизма, апеллирующего к идеям восстановления исторической справедливости и реабилитации казачества. В итоге местным властям при поддержке федерального центра удалось купировать сепаратистские настроения и не дать возможность реализовать подобные проекты. В то же время следует отметить, что, несмотря на ослабление сепаратистских настроений казачества на Юге России, возможность их актуализации в регионе на фоне неустойчивости государственных институтов латентно сохраняется.

Как было отмечено выше, процесс возрождения и институционализации казачества сопровождался не только противостоянием с государством, но и расколом внутри самого казачества, в результате которого сложилось реестровое (оформившее свой государственный статус) и нереестровое (самоорганизованное) казачество, представленное казачьими НКО. Создание государственного реестра казачьих объединений позволило государственным органам осуществлять управление их деятельностью. Согласно принятым государственно-правовым актам реестровые казаки стали привлекаться к различным видам государственной службы, данные о которой представлены на рис. 1.

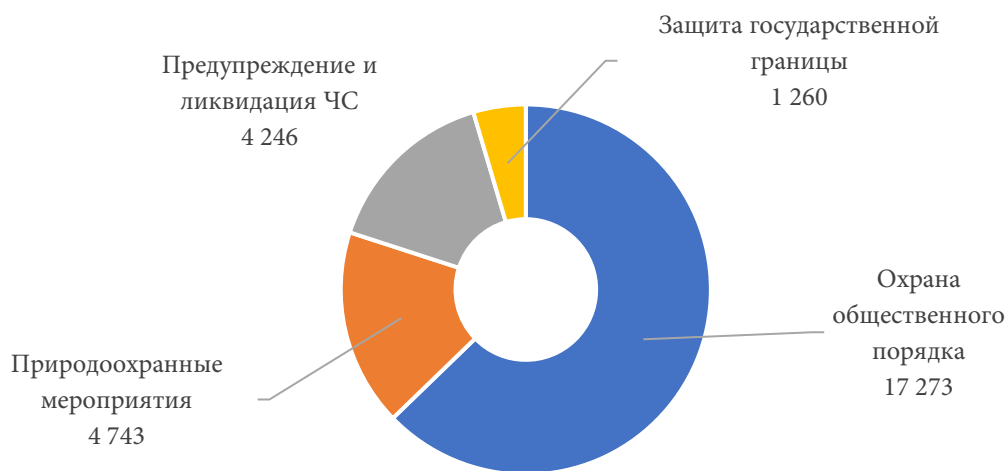

Рис. 1. Численность казаков, привлечённых к основным видам государственной службы, человек [16]
Figure 1. Number of Cossacks involved in the main types of public service, persons

Таким образом, процесс институционализации казачества в полной мере реализовался через «реестровые» казачьи объединения, что давало основания власти официально привлекать казаков для выполнения государственных задач.

Поскольку некоторые лидеры казачьих сообществ отказались инкорпорироваться в государственные структуры, это привело к внутреннему расколу в казачьем движении, что проявилось в дистанцировании объединений между собой. Отчуждение внутри казачьего движения в основном проявлялось в демонстрации атаманами различных структур неприязненных

отношений друг к другу. Здесь часто имело место и просто столкновение личных амбиций, не связанных с идейными расхождениями. В то же время следует отметить, что раскол практически не повлиял на отношения между рядовыми представителями казачества, которые вполне мирно взаимодействовали в повседневной жизни и совместно решали общественные проблемы на местном уровне. В этой связи необходимо вспомнить, что еще до раскола казаки принимали активное участие в вооруженных конфликтах на постсоветском пространстве, в первую очередь в Приднестровье, Нагорном Карабахе, Абхазии, Северной Осетии и др. Поэтому, несмотря на возникший раскол, в целом казачество воспринимает и позиционирует себя как неформальное военное братство, основной функцией которого выступает защита интересов Российского государства.

Поскольку на протяжении длительного периода казаки были опорой Российского государства в защите его границ и в обороне от внешних врагов, с началом СВО многие представители как реестрового, так и нереестрового казачества отправились добровольцами в зону боевых действий. В настоящее время сформированы следующие казачьи бригады: «Таврида», «Терек», «Ермак», «Дон» и другие, которые принимают активное участие в боевых действиях, проявляя мужество и героизм.

Ситуация, сложившаяся в настоящее время, демонстрирует вовлечённость казачества Юга России в ход специальной военной операции, учитывая, что с исторической точки зрения отдельные районы Луганской и Донецкой республик непосредственно входили в состав Всевеликого войска Донского, а большая часть кубанских казаков и вовсе являются потомками выходцев из центральной и восточной Украины. Таким образом, вовлечённость казаков в СВО демонстрирует их приверженность служению интересам России.

По официальным данным, сегодня в СВО принимают участие 17 870 казаков [13]. Также казачьи дружины задействованы в волонтерской деятельности и обеспечении правопорядка на приграничных территориях региона.

Следует отметить, что процесс институционализации казачества сопровождается появлением кадетских образовательных учреждений, в которых возрождаются традиции обучения и воспитания, характерные для дореволюционных кадетских корпусов. Первое кадетское образовательное учреждение появилось в 1992 г. в Новочеркасске, а затем аналогичные структуры начали создаваться и в других городах России.

В 2011 г. вышел Приказ Министерства образования и науки РФ «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах», который позволял наряду с реализацией общеобразовательных программ осуществлять подготовку к несению воинской службы¹. Как отмечают специалисты, сегодня учащиеся

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 5 августа 2011 г. № 2190 «Об утверждении Типового положения об общеобразовательных учреждениях – казачьих кадетских корпусах». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/55072004/> (дата обращения: 10.06.2023).

кадетских образовательных учреждений, «... изучают военную историю, основы военного дела и рукопашного боя.... Особая роль уделяется дисциплине и патриотическому воспитанию» [1].

В настоящее время казачьи образовательные организации заняли собственную нишу в регионе и играют значимую роль в подготовке военной элиты государства.

Согласно официальным данным, к 2020 г. в России насчитывалось 3558 общеобразовательных организаций, реализующих кадетскую (казачью) систему обучения и воспитания [7]. Кадетское образование не является сугубо военно-профессиональным видом обучения. Прежде всего оно ориентировано на высокий образовательный уровень, который позволяет молодёжи выбрать не только военную службу, но и реализоваться в любой иной сфере, приносящей пользу обществу. В то же время основным приоритетом в кадетских образовательных организациях является формирование у обучающихся государственно-патриотического мировоззрения, их готовность встать на защиту Родины.

Исследователи современного казачества обращают внимание на то, что «важной частью казачьего патриотизма является державность (государственность). Державность – неотъемлемая часть политической культуры казачества. Она выражается в своеобразном государственном самосознании казаков, в их особом ценностном восприятии государства» [15, с. 5]. Последнее заключается в восприятии государства как ключевого субъекта, обеспечивающего безопасность общества как от внутренней смуты, так и от внешних врагов. В контексте этого формируется идеология современного казачества, в рамках которой интегрируются его традиционные ценности и установка на служение государству, что направляет его деятельность на укрепление национальной безопасности России.

Возрождение казачества и его роль в общественной жизни Юга России

В настоящее время значительно усилился патриотический вектор в идеологии казачьего движения, который возрождает идею служения Отечеству. Этот вектор реализуется не только в деятельности казачьих образовательных учреждений, но и в проведении целого ряда мероприятий, в рамках которых происходит знакомство с военным искусством казачества, которое неоднократно использовалось в защите рубежей Российского государства. Наиболее значимыми ежегодными мероприятиями, посвященными истории и традициям донского казачества, являются: День казачества (26 августа); фестивали «Казачьему роду нет переводу», «Нет вольнее Дона Тихого», «Степь ковыльная» и др.

Следует отметить, что 2023 г. в Ростовской области объявлен Годом атамана М. И. Платова. В этой связи в области планируется проведение значительного числа различных мероприятий – общественных, науч-

ных, музыкальных, образовательных, которые направлены на знакомство и углубление знаний о культуре донского казачества, его роли в истории и судьбе России.

Очевидно, что государственные структуры принимают самое деятельное участие в процессах возрождения казачества, способного проявить себя в различных формах общественной жизни. Не последнюю роль в деятельности современных казачьих организаций играет военно-патриотическое воспитание молодежи.

Поддержку казачеству оказывает не только государство, но и Русская православная церковь, которая исторически определяла мировоззрение и быт казаков, была местом духовной жизни и символом нравственных ценностей. Это проявлялось в строительстве храмов, которые казаки первым делом возводили на новых территориях, создавая свой станичный приход. Традиционно казаки считали себя «воинами Христа», воюющими против сил зла, за веру, добро и справедливость. Именно это выступало духовной основой их воинской доблести.

В настоящее время отношения казачества и Русской православной церкви объективно укрепляются. На официальном уровне это проявляется в создании Синодального комитета по взаимодействию с казачеством (2010 г.), который входит в состав РПЦ. В 2015 г. Высшим церковным советом был принят документ «Концепция Русской православной церкви по духовному окормлению казачества», в котором отмечается, что «казачья служба духовно коренится в ясном чувстве принадлежности к Православной Церкви, осознании личной ответственности перед Богом, активном участии в жизни приходской общины» [6]. Документ закрепляет взаимодействие церкви и казачества в плане его приобщения к ценностям православного христианства.

Следует отметить, что Русская православная церковь активно содействует «восстановлению культурного наследия казачества, научным исследованиям, связанным с историей и культурой казачества, издательской деятельности казачьих обществ, традиционной хозяйственной деятельности, поддержке семьи, духовному образованию, развитию казачьих детских и молодежных объединений, социальной защите казаков» [12, с. 99].

Также православное духовенство принимает активное участие в жизни кадетских корпусов, в которых неотъемлемым компонентом образовательного процесса являются просветительские беседы священника с обучающимися.

При всем том, что казачество сегодня играет заметную роль в жизни Юга России, отношение к нему среди населения неоднозначно. В общественном сознании казачество преимущественно воспринимается в культурном формате, проявляющемся в творческой деятельности казачьих коллективов, занятых проектами исторической реконструкции, презентацией казачьего фольклора, проведением различных традиционных казачьих мероприятий, включающих демонстрацию военного искусства казаков.

Организация подобных мероприятий направлена на сохранение и трансляцию исторической памяти о культуре казачества, его роли в прошлом и в настоящем региона. В этом плане большую роль играет государ-

ство, которое заинтересовано в реализации региональной политики памяти. Еще французский социолог П. Бурдьё подчёркивал, что именно власть обладает набором ресурсов, позволяющих организовывать праздники и иные ритуальные действия, посредством которых транслируется информация, структурирующая сознание и повседневную жизнь людей [4].

Изменение отношения к казачеству на Юге России лежит в плоскости трансформации общественного сознания, которое формировалось длительное время. В этой связи отношение к возрождению казачества не только как к культурной общности, но и как к социально-политическому субъекту является достаточно критичным. Изменения последнего возможны только на основе «создания необходимых условий для объединения всего казачьего люда в единое субэтническое образование, со своим самосознанием и исторической памятью, неотделимой от всей российской истории» [19, с. 9].

Несмотря на неоднозначность оценки процесса возрождения казачества, сегодня оно стало значимым социально-политическим субъектом, деятельность которого направлена на обеспечение национальной безопасности государства.

Выводы

Таким образом, процесс возрождения и институционализации казачества обусловлен ростом национального самосознания, инициируемого постсоветскими трансформациями, конструированием исторической культурной идентичности граждан в условиях деконструкции прежних форм коллективной идентичности, а также деятельностью государства, связанной с необходимостью осуществления контроля развития казачьего движения и его управлением.

В условиях нарастания геополитического противоборства России и коллективного Запада казачество становится реальной военной и духовной силой, способной защищать национальные ценности российского общества и транслировать традиционные ценности и патриотические установки. Понимание этого заставляет органы власти включать казачество в политическую повестку Российского государства, оказывая ему поддержку и регламентируя его активность. В связи с этим «в отношении казачества проводится активная политика государства, включающая правовое и институциональное его развитие в качестве элемента государственной службы и управления; происходит постепенное включение казачества в систему образования и воспитания, молодёжной политики, а также вовлечение в политическую и общественно-экономическую жизнь казачьих регионов» [2, с. 35–36].

В настоящее время казачество Юга России рассматривается не только в качестве военно-политической силы государства, но и как институт гражданского общества, деятельность которого направлена на решение многообразных социальных проблем региона. В этом плане современное казачество, являясь полноправным актором гражданского общества, с одной

стороны, конструирует собственную культурную идентичность с опорой на историческую память, а с другой – активно вовлекается в современную жизнь региона и государства.

Библиографический список

1. Башмаков И. С. Гражданская активность современного российского казачества: основные формы и практики // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 6. С. 32–38. DOI: 10.24158/per.2023.6.3; EDN: WYZVBH.
2. Бредихин А. В. Этносоциальная идентичность современного российского казачества // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 61. С. 6–18. EDN: YRHFFL.
3. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / Пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнарёвой; предисл. А. Бибковой. М.: Дело, 2016. 720 с.
4. Гуськов И. А. Формирование культуры межэтнических отношений в системе образования на Дону // Гуманитарий Юга России. 2017. Т. 6. № 2. С. 47–55. EDN: YLOBLN.
5. Ерохин И. Ю. Представления российских исследователей об этническом облике и корнях казачества: краткий историко-этнографический дискурс // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 45–49. EDN: VHFYCX.
6. Культурная безопасность региона: объекты, компоненты, перспективы развития / Отв. ред. К. В. Воденко. Ростов н/Д.: НОК, 2022. 188 с. EDN: SCNIZH.
7. Кадетское образование и кадетское движение России по состоянию на 2023 год (общий обзор, справка). URL: https://kadet.ru/lichno/vlad_v/Kadobr%20kaddvizh2023.pdf (дата обращения: 18.05.2023).
8. Мациевский Г. О. Государство и казачество: поиск путей возрождения // Вестник ТГУ. 2017. № 424. С. 97–104. DOI: 10.17223/15617793/424/13; EDN: ZWZNNL.
9. Мининков Н. А. Формирование казачьих сообществ на Дону // Очерки истории и культуры казачества Юга России. Волгоград: Волгоградск. ф-л РАНХиГС, 2014. С. 11–27. EDN: VRQATL.
10. Озеров А. А., Киблицкий А. Г. Возрождение казачества в новой России. Ростов н/Д.: Ростиздат, 2004. 304 с.
11. Пеньковский Д. Д. Репрессии Советской власти против казачества в ходе и после Гражданской войны в России (1918–1937 гг.) // Вестник национального института бизнеса. 2018. № 32. С. 159–164. EDN: ZZKSTH.
12. Полянчук Т. В. Казачьи организации в консолидации гражданского общества // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. № 5. С. 88–103. DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-5-88-103; EDN: YROPPF.

13. Подъячев К. В. О теоретико-методологических основаниях изучения роли казачества в развитии российской цивилизации // Казачество на Северном Кавказе: современное состояние и образ будущего: мат. Всеросс. науч.-практич. конф. (с междунар. участ.). Новочеркасск: НОК, 2022. С. 248–256. EDN: SAWPQI.
14. Рвачева О. В. Социальная память потомков казаков: репрезентация событий и образов // Известия ВГПУ. 2015. № 5(100). С. 318–323. EDN: UMNEJV.
15. Рябова Е. Л. Патриотическое воспитание и казачество // Казачество: история, патриотическое воспитание, геополитика. Т. 2. Патриотическое воспитание. М.: Этносоциум, 2015/16. С. 4–7.
16. Сергеева Н. В. Современное российское казачество: демографические характеристики и масштаб расселения // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2023. № 1(73). URL: <https://eee-region.ru/article/7309/?ysclid=ljpnohzrfm583153852> (дата обращения: 28.05.2023). EDN: NOZHOX.
17. Сопов А. В. Эволюция казачества и геополитическое развитие России: взгляд на проблему // Вестник МГТУ. 2011. № 1. С. 65–68. EDN: NXXLJP.
18. Тикиджьян Р. Г., Трут В. П., Скорик А. П. Историки о происхождении и роли донского казачества // Казачий Дон: очерки истории. Ростов н/Д.: РОИУУ, 1995. С. 5–24. EDN: UIEVLF.
19. Щупленков О. В. Возрождение казачества в системе национальной парадигмы // Альманах «Казачество». 2017. № 26(2). С. 7–17. EDN: ZHENCX.
20. Щупленков О. В. Казачье самоуправление – положительный опыт консенсуса центра и регионов // Альманах «Казачество». 2016. № 20(7). С. 40–51. EDN: WXGLXJ.

Получено редакцией: 6.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, директор Академии социальных исследований и гуманитарного развития, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4

Revival and Institutionalization of Cossacks in the South of Russia: Stages, Peculiarities and Current State of Affairs

Konstantin V. Vodenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

E-mail: vodenkok@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5283-0466

For citation: Vodenko K. V. Revival and institutionalization of Cossacks in the south of Russia: stages, peculiarities and current state of affairs. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 74–87. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.4; EDN: SIWUTV

Abstract. The article discusses the basic principles of the state's interaction with representatives of modern Cossack communities and their organisations in the Southern regions of Russia. It takes into account both the cultural potential of the region and the global political challenges facing the state. The article presents arguments in favour of the idea that modern Cossack communities play a significant role in the social life of Southern Russia. It also highlights the positive influence of Cossack communities on regional security and the promotion of high patriotic sentiments among the local population.

The author emphasises that the high cultural potential of the Cossack communities in Southern Russia can be utilised for the institutionalisation of civic patriotism. However, the article also acknowledges the cultural and historical peculiarities of the region, particularly the historical memory of the residents considering themselves direct descendants of pre-revolutionary Cossacks who greatly suffered from the state policy conducted by the Bolsheviks during the Soviet era.

Therefore, the integration of the history of Cossacks in Southern Russia into the national history of the modern Russian Federation remains relevant, especially given the challenges and threats of recent decades. The article highlights that representatives of Cossack organisations actively participate in institutionalising the historical memory of the region's residents.

Attention is drawn to the fact that the Cossacks possess important resources that, in collaboration with the authorities and local self-government bodies, enable them to pursue a policy aimed at ensuring socio-cultural security in Southern Russia. In conclusion, the author suggests that consistent measures should be taken to strengthen socio-cultural security in the Southern regions of Russia, with active involvement and support from Cossack organisations.

Keywords: Russia, sociology, cossack, community, socio-cultural security, historical memory, traditions, regional culture, ethnic community

References

1. Bashmakov I. S. Civic activity of the modern Russian Cossacks: basic forms and practices. *Society: politics, economics, law*, 2023: 6: 32–38 (in Russ.). DOI: 10.24158/pep.2023.6.3; EDN: WYZBBH.
2. Bredihin A. V. The Ethnosocial identity of the modern Russian Cossacks. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*, 2017: 61: 6–18 (in Russ.). EDN: YRHFFL.
3. Bourdieu P. About the State: a course of lectures at the Collège de France (1989-1992). Transl. from French by D. Kralachkina, I. Kushnareva; preface by A. Bibkova. Moscow, Delo, 2016: 720 (in Russ.).
4. Gus'kov I. A. Formation of a culture of interethnic relations in the education system in the Don. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2017: 6(2): 47–55 (in Russ.). EDN: YLOBLN.
5. Erohin I. Yu. Representations of Russian researchers about the ethnic appearance and roots of the Cossacks: a brief historical and ethnographic discourse. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2016: 12: 45–49 (in Russ.). EDN: VHFYCX.
6. Cultural security of the region: objects, components, development prospects. Ed. by K. V. Vodenko. Rostov-on-Don, NOK, 2022: 188 (in Russ.). EDN: SCNIZH.
7. Cadet education and the Cadet movement of Russia as of 2023 (general overview, reference). Accessed 18.05.2023. URL: https://kadet.ru/lichno/vlad_v/Kadobr%20kaddvizh2023.pdf (in Russ.).
8. Macievskij G. O. The state and the Cossacks: the search for ways of revival. *Vestnik TGU*, 2017: 424: 97–104 (in Russ.). DOI: 10.17223/15617793/424/13; EDN: ZWZNNL.
9. Mininkov N. A. Formirovanie kazach'ih soobshchestv na Donu [Formation of Cossack communities on the Don]. *Ocherki istorii i kul'tury kazachestva Yuga Rossii*. Volgograd: Volgogradsk. f-l RANHiGS, 2014: 11–27 (in Russ.). EDN: VRQATL.
10. Ozerov A. A., Kiblickij A. G. Vozrozhdenie kazachestva v novej Rossii [The Revival of the Cossacks in the New Russia]. Rostov-on-Don, Rostizdat: 2004: 304 (in Russ.).
11. Pen'kovskij D. D. Repressions of the Soviet government against the Cossacks during and after the Russian Civil War (1918-1937). *Vestnik nacional'nogo instituta biznesa*, 2018: 32: 159–164. (in Russ.). EDN: ZZKCTH.

12. Polyanchuk T. V. Cossack organizations in the consolidation of civil society. *Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk*, 2018: 5: 88–103 (in Russ.). DOI: 10.22394/2071-2367-2018-13-5-88-103; EDN: YROPPF.
13. Podyachev K. V. On the theoretical and methodological foundations of studying the role of the Cossacks in the development of Russian civilization. In *Cossacks in the North Caucasus: the current state and image of the future: mat. of the All-Russ. Scientif. and Pract. Conf. Novocherkassk, NOK*, 2022: 248–256 (in Russ.). EDN: CAWPQI.
14. Rvacheva O. V. Social memory of descendants of Cossacks: representation of events and images. *Izvestiya VGPU*, 2015: 5: 100: 318–323 (in Russ.). EDN: UMNEJV.
15. Ryabova E. L. Patrioticheskoe vospitanie i kazachestvo. In *Cossacks: history, patriotic education, geopolitics. Vol. 2. Patriotic education. Moscow, Etnosocium*, 2015/16: 4–7 (in Russ.).
16. Sergeeva N. V. Modern Russian Cossacks: demographic characteristics and scale of settlement. *Regional Economics and Management: electronic scientific journal*, 2023: 1(73). Accessed 28.06.2023. URL: <https://eee-region.ru/article/7309/?ysclid=ljpnohzrfm583153852> (in Russ.). EDN: NOZHOX.
17. Sopov A. V. Evolyuciya kazachestva i geopoliticheskoe razvitie Rossii: vzglyad na problemu [The evolution of the Cossacks and the geopolitical development of Russia: a look at the problem]. *Vestnik MGTU*, 2011: 1: 65–68 (in Russ.). EDN: NXXLJP.
18. Tikidzhyan R. G., Trut V. P., Skorik A. P. Istoriki o proiskhozhdenii i roli donskogo kazachestva [Historians on the origin and role of the Don Cossacks]. In *Kazachij Don: ocherki istorii [Cossack Don: essays of history]*. Rostov-on-Don, ROIUU, 1995: 5–24 (in Russ.).
19. Shchuplenkov O. V. The revival of the Cossacks in the system of the national paradigm. *Al'manah «Kazachestvo»*, 2017: 26: 2: 7–17 (in Russ.). EDN: ZHENCX.
20. Shchuplenkov O. V. Cossack self-government – a positive experience of the consensus of the center and regions. *Al'manah «Kazachestvo»*, 2016: 20: 7: 40–51 (in Russ.). EDN: WXGLXJ.

The article was submitted on: July 06, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin V. Vodenko, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Academy of Social Research and Human Development,
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI)

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6

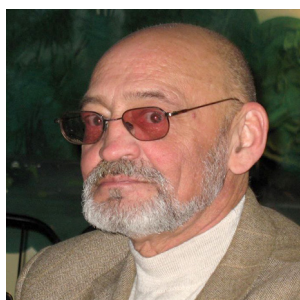
EDN: FLFWQH

Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия))

Ссылка для цитирования: Кузнецов И. М. Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

For citation: Kuznetsov I. M. Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (case study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

Кузнецов Игорь Михайлович¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

ingvar31@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 75911

Аннотация. В статье представлены первые результаты применения многомерной методики к социологическому измерению уровня российской идентичности. Методика многомерного подхода к измерению уровня российской идентичности была сконструирована на основе пятикомпонентной модели измерения ингрупповой идентификации, разработанной К. Личем с соавторами. Методика позволяет количественно замерять меру сформированности таких компонентов, как *сплочённость* (психологическая связь с другими членами сообщества), эмоциональная *удовлетворённость* принадлежностью к сообществу, *рельефность* (значимость принадлежности к данной общности в структуре самосознания личности, или «Я-концепции»), *самостереотипизация* (убеждённость в своём сходстве с другими членами данного сообщества), *гомогенность* (восприятие данного сообщества как единого целого). Эмпирической базой исследования послужили данные опроса жителей Республики Саха (Якутия) 2021–2022 гг., в анкету которого был включён блок многомерного измерения уровня российской идентичности.

По результатам проведённого анализа автор делает ряд выводов:

– Профиль российской идентичности (в его республиканском варианте) характеризуется относительно высокими показателями *удовлетворённости* и *сплочённости* и низкими показателями *рельефности*, *самостереотипизации* и *гомогенности*, т. е. по тем компонентам, которые в совокупности отражают сформированность представлений о российском сообществе как о некоей целостности, коллективе, а не простой совокупности людей, имеющих российское гражданство.

– Многомерный подход позволил существенно дополнить имеющиеся представления о распространённости идентификационных оснований консолидации россиян информацией о вкладе каждого из идентификаторов в общий уровень российской идентичности: иерархия идентификационных оснований по их вкладу в сформированность профиля российской идентичности не совпадает с иерархией тех же оснований по их востребованности в процессе самокатегоризации.

– Сравнение данных по профилю российской идентичности за 2021 и 2022 гг. позволило определить изменения в уровне российской идентичности, происшедшие после начала СВО: некоторое снижение показателей *сплочённости* на фоне значимого роста показателей *удовлетворённости* и *рельефности* при неизменных показателях *самостереотипизации* и *гомогенности*.

В итоге показано, что использование многомерного подхода к исследованию российской идентичности позволяет детализировать представления о структуре и динамике российской идентичности, сформулированные на основе «классических» мономерных измерений.

Ключевые слова: профиль общероссийской идентичности, многомерный подход, многокомпонентная модель внутригрупповой идентификации, иерархия идентификационных оснований, конфигурация идентичности

По сложившейся традиции в большинстве эмпирических исследований процесса и результата идентификации индивидов с социальными общностями используются мономерные шкалы, фиксирующие ту или иную степень осознания принадлежности индивида к сообществу [20, с. 144]. В «классике» отечественного подхода и, в частности, в этносоциологической школе Л. М. Дробижевой для измерения уровня российской идентичности используется вопрос, предложенный В. А. Ядовым и его коллегами в 1990-е гг. Этот вопрос направлен на измерение общего уровня осознания принадлежности к сообществу россиян, ощущения общности, близости с гражданами России по шкале «часто», «иногда», «практически никогда» [9, с. 45].

До недавнего времени измерение меры российской идентичности по этой шкале вполне соответствовало основным исследовательским задачам. Эти задачи состояли в том, чтобы, во-первых, оценить распространённость относительно нового, по историческим меркам, идентификатора «россияне» в разных социально-политических и этнокультурных группах российского общества. А во-вторых, установить степень актуализации этой идентичности в сравнении с другими коллективными идентичностями, прежде всего с этнической, локальной и региональной [12, с. 31].

По мере расширения представлений о структурной и содержательной сложности феномена российской идентичности, её роли в процессах консолидации российского сообщества возникла потребность в получении более детализированной информации о состоянии эмоциональных, когнитивных, ценностно-нормативных и других компонентов идентичности, чего мономерный подход не обеспечивал. Иначе говоря, новые задачи исследо-

вания российской идентичности актуализировали проблему разработки методики многокомпонентного измерения идентичности, которая не только фиксирует меру *распространённости* общероссийской идентичности, но позволяет судить о *качественных компонентах* этой идентичности, в частности, мере и основаниях солидарности разных слоёв населения с многонациональным народом России, психологической связи граждан со страной, мере приверженности общим ценностям, идеалам и целям, месте российской идентичности в структуре личностного и коллективного самосознания.

В настоящей статье мы представляем первые результаты апробации многомерного подхода к измерению уровня российской идентичности в социологическом исследовании. На этом этапе исследования была поставлена задача ответить на следующие вопросы:

- насколько данные, полученные при применении многомерной методики, согласуются с результатами измерения идентичности по «классической» мономерной шкале;
- насколько многомерное измерение российской идентичности помогает детализировать и систематизировать уже имеющуюся информацию по отдельным содержательным компонентам.

Методология и эмпирическая база исследования

В качестве основы для реализации многомерного подхода к измерению российской идентичности была избрана методика, сконструированная К. Личем и его коллегами [20]. Эта методика имеет ряд положительных черт. Во-первых, она была создана на основе глубокого анализа работ, посвящённых исследованию когнитивных, аффективных и поведенческих аспектов социальной идентичности. Во-вторых, она ориентирована на исследование социальных идентичностей разного таксономического уровня (государственно-гражданских, этнических, социально-политических и т. п. сообществ). Наконец, она была адаптирована и проверена на надёжность и валидность на российских выборках [1; 13].

В нашем варианте методика измерения российской идентичности представляет собой блок из 10 суждений, фиксирующих меру сформированности 5 компонентов российской идентичности.

Первый компонент – мера *сплочённости* (solidarity), т. е. психологической связи с другими членами сообщества, что должно определять степень приверженности определённым общим ценностям и целям этого сообщества, готовность к скоординированной деятельности. Основанием для выделения этой составляющей социальной идентичности в особую категорию послужило известное высказывание основателя теории социальной идентичности Г. Тэджфела о том, что социальная идентичность представляет собой «ту часть самооценки индивида, которая вытекает из его знаний о своей принадлежности к социальной группе (группам) и из ценности и эмоционального смысла, которые сопровождают это членство» [23, с. 255]. Ряд исследователей считают необходимым выделить из всего

комплекса эмоциональных когнитивных смыслов оценку психологической приверженности к группе [17]. Важность учёта этого компонента особенно подчёркивается в теориях коллективной идентичности [15].

В нашей методике ингрупповая сплочённость фиксируется мерой согласия (по четырехбалльной шкале) с суждениями: «Я чувствую свою связь с россиянами» и «Я во всём солидарен с россиянами».

Второй компонент – уровень *удовлетворённости* (satisfaction) принадлежностью к сообществу, отражающий меру *позитивных эмоций* по отношению как к сообществу в целом, так и к факту своей принадлежности к этому сообществу. По мнению авторов данной методики, эмоциональная оценка принадлежности к сообществу представляет собой «наиболее распространённый способ идентификации с группой и этот компонент может быть наиболее тесно связан с другими компонентами идентификации» [20, с. 147].

В нашем случае уровень удовлетворённости фиксируется степенью согласия с суждениями: «Я думаю, что россиянам есть чем гордиться» и «Мне приятно осознавать себя частью российского сообщества».

Третий компонент – степень *рельефности* (centrality) даёт возможность оценить место принадлежности к данной общности в структуре Я-концепции индивида. Важность измерения и учёта этого компонента коллективной идентичности (под разными наименованиями) особенно подчёркивается в исследованиях структуры коллективной идентичности [22]. Авторы рассматриваемой методики предполагают, что чем выше рельефность идентификации с сообществом, тем более чувствительны члены сообщества к восприятию внешних угроз.

В нашем варианте методики мера рельефности фиксируется уровнем согласия с суждениями: «Принадлежность к россиянам – важная часть моего представления о себе» и «Принадлежность к россиянам накладывает отпечаток на мою личность».

Четвёртый компонент – *самостереотипизация* (individual self-stereotyping), т. е. мера убеждённости в том, что индивид, причисляющий себя к сообществу, в чем-то похож на других членов данного сообщества. Выделение этого компонента основано на том, что процесс самокатегоризации предполагает не просто механическое причисление индивида к сообществу, а восприятие себя в терминах сообщества, что сопровождается некоторой «деперсонализацией» индивида [16]. Это является первым шагом на пути формирования собственно *социальной* идентичности (в отличие от идентичности личностной).

В нашем инструментарии самостереотипизация измеряется мерой согласия с суждениями: «У меня много общего со среднестатистическим россиянином» и «По характеру я похож на среднестатистического россиянина».

Пятый компонент – *гомогенность* (in-group homogeneity), т. е. мера убеждённости в том, что члены данного сообщества отличаются от членов других таких же сообществ по бытовой культуре, ценностям, образу жизни и т. п. По сути, этот компонент отражает иной, отчасти сходный, а отчасти отличающийся от самостереотипизации аспект самокатегоризации, пред-

полагающий наличие представления о сообществе как о некоей субъектной целостности (entitativity) [21]. В нашей методике уровень гомогенности измеряется степенью согласия с суждениями: «У россиян много общего между собой» и «Все россияне по характеру очень похожи друг на друга».

Авторы методики предлагают и второй, более общий уровень анализа данных. Согласно результатам их исследований (подтверждённым и на российских выборках), такие компоненты идентичности, как сплочённость, удовлетворённость и рельефность, представляют более общее измерение идентичности, связанное с особенностями личного отношения к сообществу, а самостереотипизация и гомогенность – те аспекты идентичности, которые свидетельствуют о степени сформированности образа группы как органической (в терминах Э. Дюркгейма [5]) целостности. Первое измерение авторы назвали «личным вкладом» (self-investment), а второе – «социальным самоопределением» (group-level self-definition).

В нашем исследовании по каждому компоненту вычисляется средний показатель согласия, который может варьироваться в пределах от 0 до 4 баллов. Набор средних значений по пяти компонентам образует *профиль* российской идентичности. Рассмотрение взаимосвязей компонентов в настоящей статье велось преимущественно в рамках однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В некоторых случаях мы использовали для анализа тех же компонентов категориальные переменные, фиксирующие «низкий» (до 2 баллов), «средний» (от 2,2 до 3 баллов) и «высокий» (свыше 3,2 балла) уровень сформированности того или иного компонента.

Эмпирическую базу исследования составили данные опросов населения Республики Саха (Якутия), проведённых в 2021–2022 гг. в рамках совместного проекта Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Именно в этом совместном проекте впервые появилась возможность включить рассмотренный выше блок вопросов в анкету массового социологического опроса, что и предопределило выбор республики в качестве пилотного региона многомерного исследования российской идентичности. Выборка опросов в пределах 1400–1500 респондентов репрезентирует население республики по полу, возрасту и национальной принадлежности.

Для настоящего исследования не ставилась задача характеризовать особенности регионального профиля российской идентичности. Для этого необходимо, как минимум, располагать аналогичными данными по другим регионам России. Представленные данные используются исключительно как база для анализа вариативности профилей идентичности, типичных для разных социальных групп российского общества и взаимосвязей с некоторыми, доступными для анализа социально-политическими диспозициями, характерными для россиян в целом.

Характеристика общего профиля российской идентичности

Средний по республике профиль российской идентичности в сравнении с разными уровнями той же идентичности, измеренными по «классической» одномерной методике, представлен на рис. 1.

Сразу же можно отметить, что измерения идентичности по одномерной и многомерной методикам являются взаимодополняющими. Одномерная методика отражает статистически значимые (по критерию T2 Тамхейна) различия в уровне сформированности всех компонентов идентичности, выделяемых в многомерной методике: высокий уровень у респондентов с «актуализированной» российской идентичностью (вариант «часто ощущают общность со всеми гражданами России») и, соответственно, низкий (но не нулевой) уровень сформированности этих компонентов у носителей «негативистской» российской идентичности (т. е. выбравших вариант «никогда не ощущали общность со всеми гражданами России»).

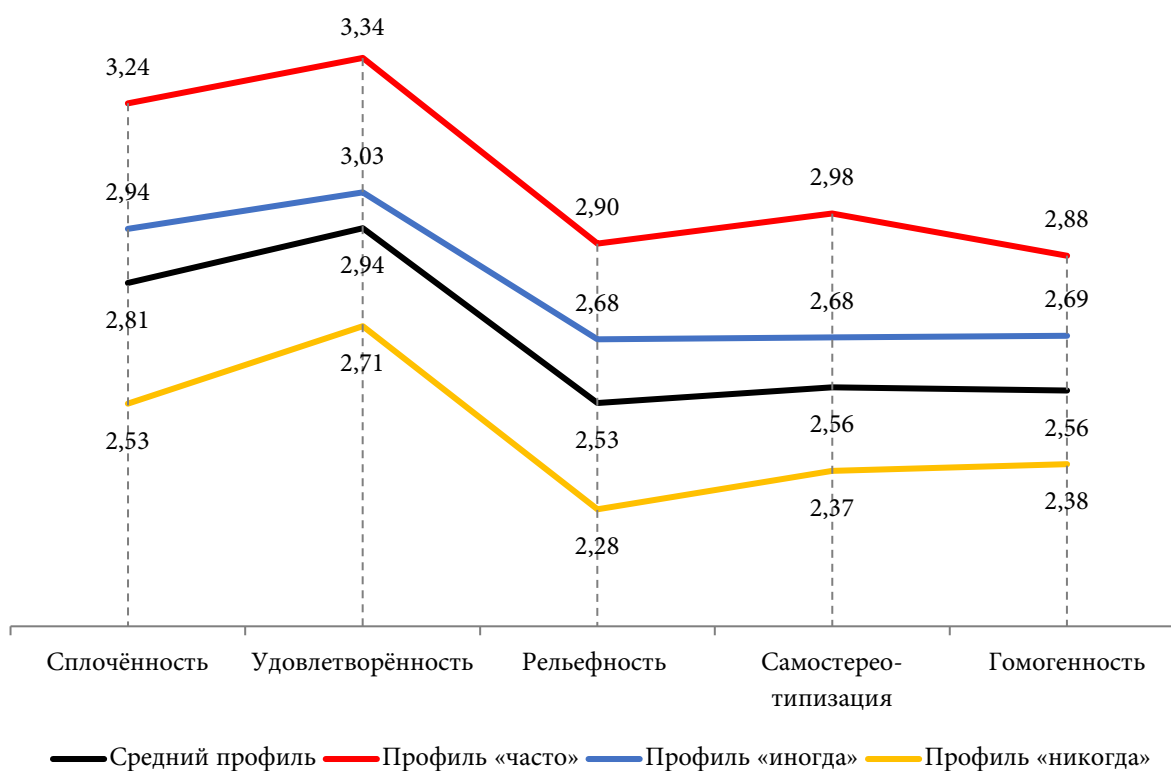

Рис. 1. Средний профиль российской идентичности и профили респондентов, ощущающих близость со всеми гражданами России часто, иногда или никогда (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 1. Average profile of Russian identity and profiles of respondents who often, sometimes, or never feel closeness to all Russian citizens, average agreement scores with statements for each component

При этом многомерная методика позволяет дополнительно зафиксировать сходство *конфигурации* российской идентичности у респондентов, *количественно* различающихся по сформированности отдельных компонентов идентичности.

Опираясь на представленный на рис. 1 средний по региону профиль, отметим, что прежде всего российская идентичность отличается высоким уровнем сформированности аффективного компонента (т. е. *удовлетворённости*, позитивных чувств по отношению к российскому сообществу, так и по поводу своей принадлежности к этому сообществу). Это лишний раз подтверждает высказываемое в последнее время мнение о существенном вкладе эмоциональной составляющей в общий уровень российской идентичности [10]. На втором месте по сформированности – показатель *сплочённости*, т. е. меры психологической связи россиян со своим сообществом. И на одинаковом уровне сформированности находятся показатели *рельефности* (т. е. места российской идентичности в Я-концепции респондентов), *самостереотипизации* (убеждённости в личном сходстве с россиянами в целом) и *гомогенности* (представления о принципиальной схожести всех россиян по характеру и т. п.). В целом, в первом приближении можно сказать, что профиль российской идентичности характеризуется относительно сформированными компонентами «личного вклада» (преимущественно за счёт высоких показателей эмоциональной удовлетворённости и психологической связи с сообществом россиян) и относительно низкими показателями по тем компонентам, которые в совокупности отражают сформированность представления о российском сообществе как о некоей целостности, коллективе, а не только лишь совокупности людей, имеющих российское гражданство.

Для более детального представления рассматриваемого профиля российской идентичности в табл. 1 приведены данные о мере сформированности компонентов идентичности в категориальных переменных, т. е. в долях процентов тех, у кого тот или иной компонент имеет высокую, среднюю и низкую степень сформированности.

Таблица 1 (Table 1)

Мера сформированности компонентов российской идентичности, %*

The degree of formation of components of Russian identity, %

Компоненты идентичности	Мера сформированности компонентов идентичности		
	Высокая	Средняя	Низкая
Сплочённость	35	41	24
Удовлетворённость	46	34	20
Рельефность	27	39	34
Самостереотипизация	26	42	32
Гомогенность	24	44	32
Личностный вклад в целом	29	45	26
Социальное самоопределение в целом	20	45	34

* По данным опроса населения Республики Саха (Якутия) 2021 г.

В рассматриваемом профиле российской идентичности преимущественно высокая и средняя мера сформированности характерна для показателей удовлетворённости и сплочённости, а остальные компоненты

чаще сформированы на среднем и низком уровне. Отметим также, что мера сформированности всех компонентов идентичности статистически значимо различается у респондентов с разным уровнем идентичности, измеренным по «классической» методике. Респондентам с актуализированной российской идентичностью чаще свойственна высокая мера сформированности компонентов идентичности, а для носителей негативистской идентичности – низкая.

Профиль российской идентичности в разных социальных группах

Опираясь на основные положения эпигенетической концепции идентичностей Э. Эриксона [14], можно ожидать различий в уровне сформированности российской идентичности в разных возрастных группах. Отмечено, что при измерении общего уровня идентичности в мономерном подходе статистически значимые различия по возрасту, как правило, не фиксируются, но они отчётливо видны при использовании многомерного подхода (рис. 2).

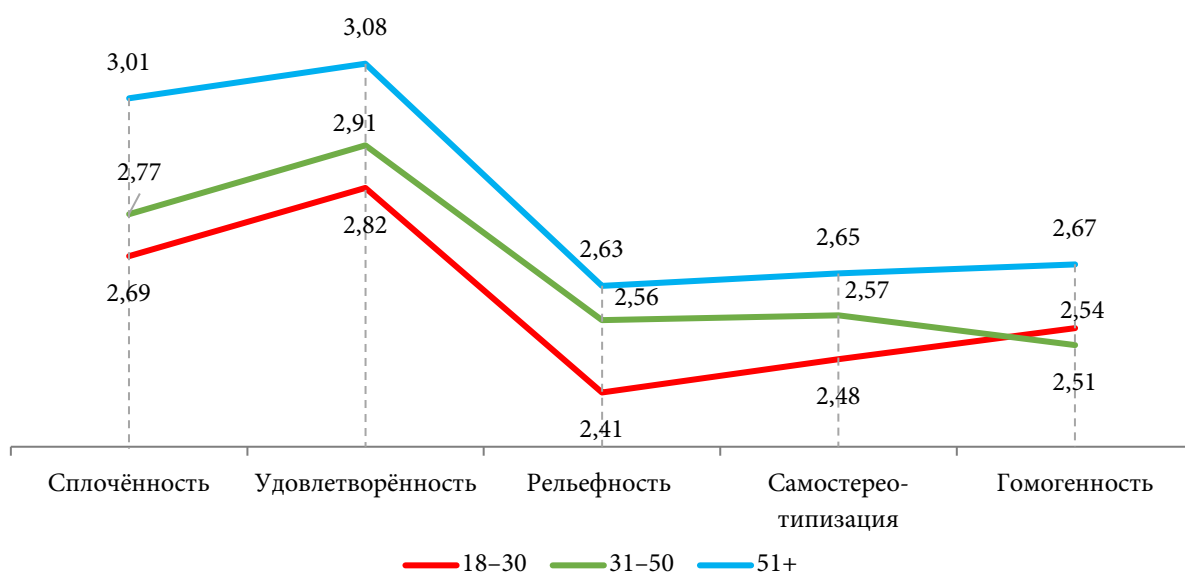

Рис. 2. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп
(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 2. Profile of Russian identity for different age groups, average agreement scores with statements for each component

Однофакторный дисперсионный анализ возрастных различий по каждому компоненту показал статистически значимые отличия в уровне сформированности *сплочённости* и *удовлетворённости* у респондентов старше 51 года. В отличие от представителей других возрастных групп, у людей старше 51 года показатели, отражающие меру психологической связи с российским сообществом и удовлетворённости от принадлежности к этому сообществу, существенно выше. По уровню сформированности

рельефности, т. е. центрированности российской идентичности в личностном самосознании, своими низкими показателями отличаются от всех остальных респонденты самой молодой возрастной группы (18–30 лет). По показателям *гомогенности* и *самостереотипизации*, отражающим сформированность представлений о российском сообществе как о целостности, значимых различий между возрастными группами не наблюдается. При этом остаётся открытым вопрос о том, насколько указанные различия (и сходства) связаны с возрастными особенностями формирования российской идентичности, а в какой мере они отражают межпоколенческие различия между людьми, прошедшими основные этапы социализации в рамках «советского» и «постсоветского» идеологического контекста.

«Классический» одномерный подход к эмпирическому исследованию российской идентичности фиксирует значимые различия в показателях общего уровня идентичности у респондентов с разным уровнем образования. Так, «по опросам 2019 г. она выше у людей с высшим образованием – 95%, у людей со средним и средним специальным образованием соответствует среднероссийскому уровню – 91%, заметно меньше (на 13 п.п.) у людей с начальным образованием – 82%» [4, с. 44]. Многомерный подход позволяет детализировать эти различия (рис. 3).

Как свидетельствуют данные дисперсионного анализа, у респондентов с разным уровнем образования не обнаруживается существенных различий по уровню сформированности таких компонентов российской идентичности, как *сплочённость* и *удовлетворённость*. Но при этом респонденты с общим средним образованием существенно отличаются от остальных своим низким уровнем сформированности *рельефности*, *самостереотипизации* и *гомогенности*. Иначе говоря, они в меньшей степени воспринимают российское общество как целостность и для них принадлежность к этому сообществу менее значима в личностном плане.

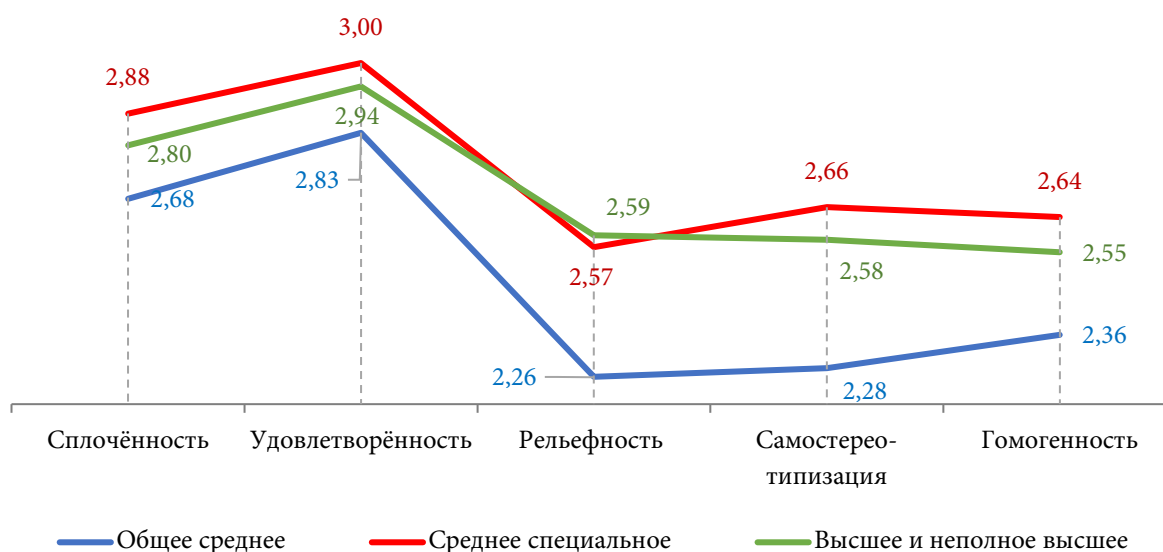

Рис. 3. Профиль российской идентичности у респондентов разного уровня образования

(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 3. Profile of Russian identity among respondents with different levels of education, average agreement scores with statements for each component

Многомерный подход также позволяет детализировать различия в профиле идентичности, связанные уровнем воспринимаемого материального достатка¹ (рис. 4).

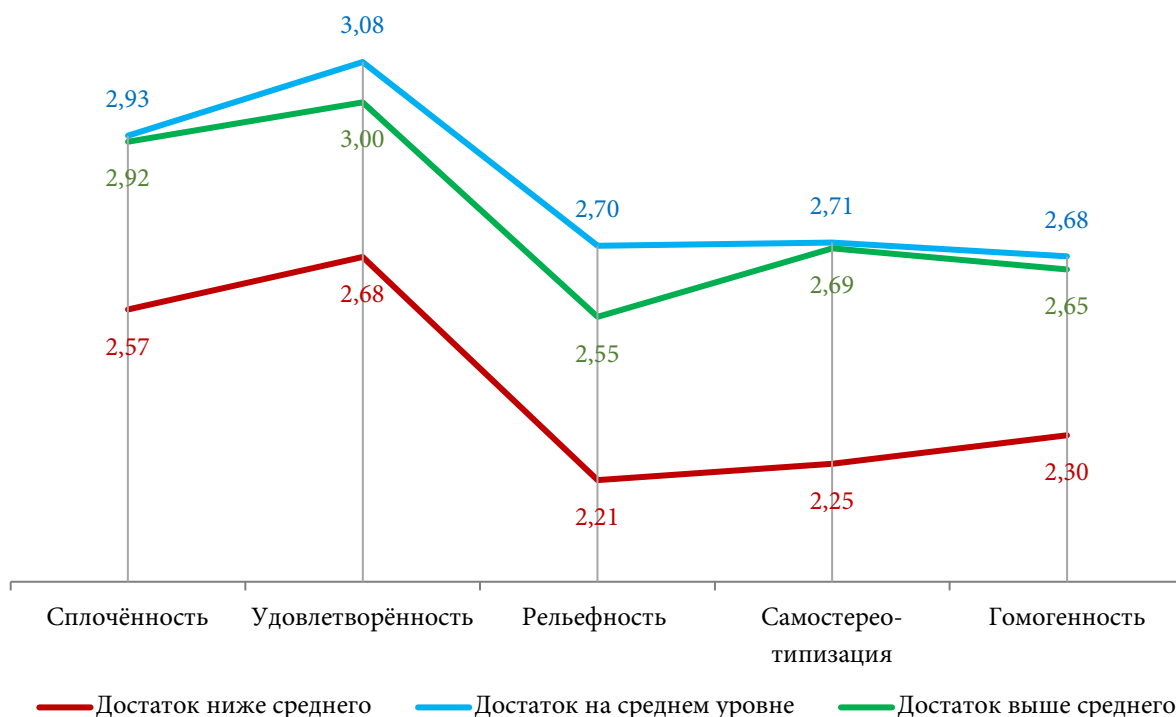

Рис. 4. Профиль российской идентичности у респондентов разного уровня воспринимаемого достатка (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 4. Profile of Russian identity among respondents with different levels of perceived income, average agreement scores with statements for each component

Данные измерений по методике мономерного подхода свидетельствуют о том, что респонденты с достатком ниже среднего демонстрируют низкий общий уровень российской идентичности. Сравнение средних по компонентам многомерного подхода подтверждает это отличие респондентов с воспринимаемым достатком ниже среднего. У них показатели сформированности по всем компонентам российской идентичности существенно ниже, чем в группе с достатком выше среднего и средним. Это позволяет сделать вывод о том, что в целом существует положительная взаимосвязь уровня российской идентичности и уровня воспринимаемого достатка.

Однако анализ профилей идентичности людей со средним и выше среднего уровнем достатка может послужить основой для более детального исследования взаимосвязи характера гражданско-государственной идентичности и уровня благосостояния разных слоёв сообщества. Первой такой особенностью является сходство показателей идентичности почти по всем компонентам у указанных групп респондентов, что позволяет поставить вопрос о том, насколько идея М. Вебера о пределах материаль-

¹ В нашем случае ответы на вопрос: «Как Вы можете описать материальное положение вашей семьи?»

ного стимулирования производительности труда в рамках «традиционалистской» ментальности [3, с. 30] применима к объяснению особенностей формирования общегражданской идентичности в традиционалистском и модернистском ценностных контекстах. Можем ли мы говорить, например, применительно к сообществу, ориентированному на традиционализм, о некоем «потолке» роста уровня гражданско-государственной идентичности в связи с ростом уровня благосостояния граждан, с одной стороны? А с другой – существует ли предельно низкий уровень социального благосостояния, при котором происходит значимое снижение показателей идентификации людей с данным сообществом?

Другая особенность состоит в том, что при сходстве показателей почти всех компонентов российской идентичности у респондентов с достатком выше среднего и средним, у первых показатель *рельефности* идентичности, т. е. меры центрированности принадлежности к россиянам в «Я-концепции» значимо ниже, чем в группе со средним уровнем достатка. Это может означать, в частности, что при достижении определённого уровня материального благосостояния появляется ощущение независимости от общества. Это косвенно подтверждает гипотезу Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что при выходе на некоторый высокий уровень благосостояния ценности самовывживания начинают замещаться ценностями самореализации, «делаящими упор на личную независимость и свободу выбора» [6, с. 87].

Взаимосвязь профиля идентичности и особенностей социально-политических диспозиций

Вывод о связи профиля российской идентичности и уровня воспринимаемого достатка, представленный выше, на более общем уровне дополняется данными, свидетельствующими о том, что отчётливая социальная направленность государственной политики может быть важным фактором повышения уровня идентичности.

На рис. 5 представлены профили российской идентичности тех, кто в своих планах на будущее и решении жизненных проблем рассчитывает (1) на себя, свои способности, профессию; (2) на поддержку родственников, друзей, т. е. ближний круг; (3) на поддержку со стороны государства. У тех, кто в своих планах на будущее рассчитывает на поддержку со стороны государства, показатели по всем компонентам российской идентичности существенно выше, чем у тех, кто ориентирован в основном на себя и свой ближний круг.

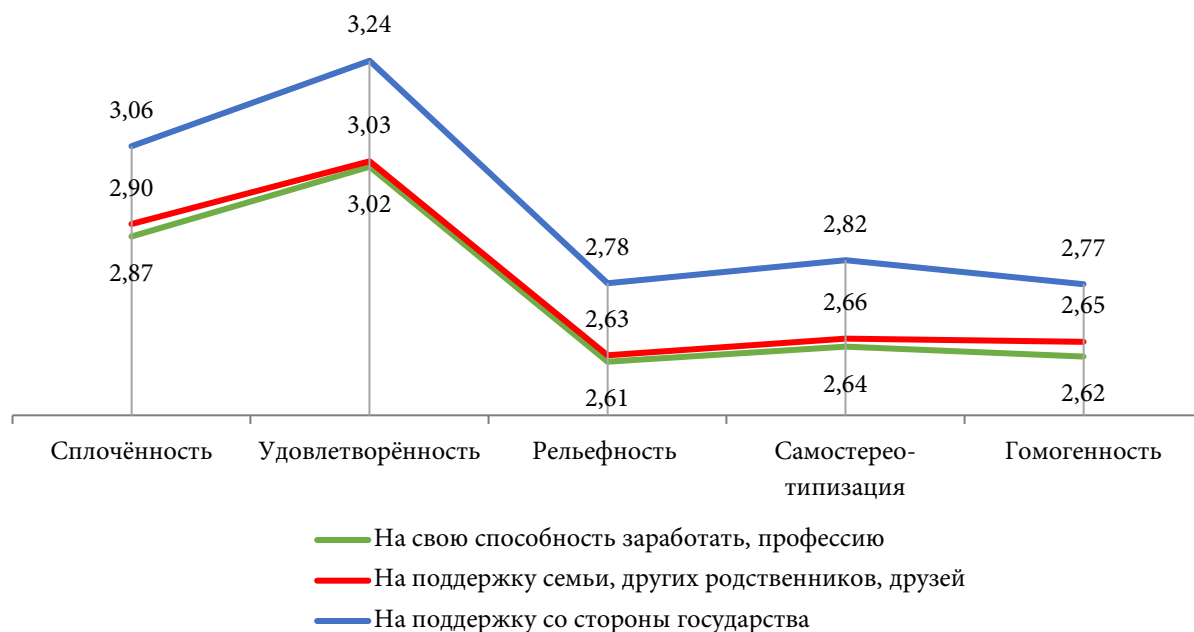

Рис. 5. Профиль российской идентичности у респондентов с разными представлениями о поддержке в реализации жизненных планов

(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 5. Profile of Russian identity among respondents with different perceptions of support in achieving life goals, average agreement scores with statements for each component

Ранее, в исследованиях прошлых лет, была установлена значимая связь уровня российской идентичности и полярности межэтнических установок. У людей с преимущественно позитивными межэтническими установками уровень российской идентичности значимо выше [8, с. 67]. Это в целом согласуется с выводами других исследований о том, что ингрупповой этнический фаворитизм снижается, если представители разных этнических групп формируют общую (в частности, государственную) идентичность [18]. При многомерном подходе этот вывод подтверждается (рис. 6)¹.

Более того, этот подход даёт возможность детализировать различия отдельно по каждому компоненту. Данные дисперсионного анализа свидетельствуют о том, что различия между рассматриваемыми группами значимы только по компонентам, отражающим меру психологической связи с российским сообществом (*сплочённость*) и *удовлетворённости* принадлежностью к этому сообществу. Отличий в сформированности значимости российской идентичности в личностном самосознании (*рельефности*) и разных аспектов образа «мы – россияне» (*самостереотипизация* и *гомогенность*) не наблюдается, т. е. обе указанные группы имеют сходные представления об особенностях российского сообщества и о значимости для личностного самоопределения принадлежности к российскому сообществу. И здесь мы можем предположить, что именно такие компоненты российской идентичности, как высокий уровень позитивных эмоций и переживания

¹ Вопрос: «Некоторые люди с неприязнью относятся к представителям других национальностей. А Вы лично испытываете раздражение или неприязнь по отношению к представителям каких-то национальностей?»

психологической связи с общностью россиян (т. е. высокий уровень ингруппового *странового* фаворитизма), вносят существенный вклад в обеспечение благоприятного фона межэтнического взаимодействия.

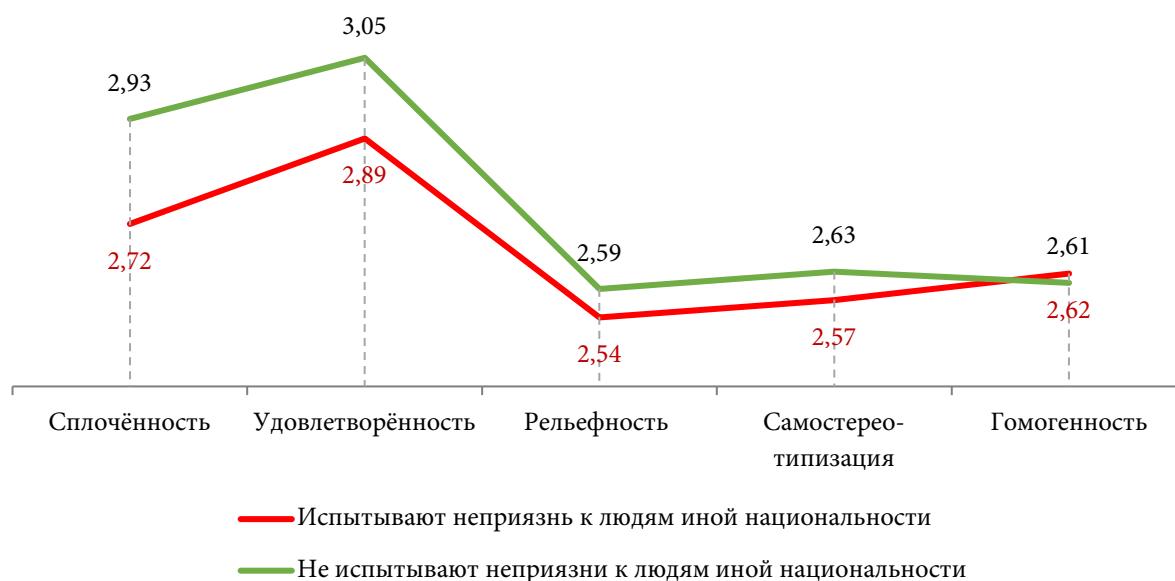

Рис. 6. Профиль российской идентичности у респондентов с позитивными и негативными межнациональными установками (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 6. Profiles of Russian identity among respondents with positive and negative interethnic attitudes, average agreement scores with statements for each component

Сравнение общего уровня идентичности в период до и во время пандемии COVID-19 позволили сделать вывод о том, что в условиях повышенной социальной тревожности (в данном случае – на пике пандемии) уровень российской идентичности может снижаться [7]. Многомерный подход к исследованию российской идентичности позволяет уточнить ответ на вопрос о том, как связан уровень социально-политической тревожности с особенностями профиля российской идентичности (рис. 7)¹.

Действительно, для респондентов с повышенным уровнем тревожности (в нашем случае выше оценивающих вероятность протестных выступлений) характерны более низкие показатели по всем компонентам российской идентичности. Однако статистически значимые различия фиксируются только по компонентам «личностного вклада» – сплочённости, удовлетворённости и рельефности.

По компонентам, характеризующим сформированность образа «мы – россияне», существенных различий не наблюдается. Если учесть, что в современном мире высоких рисков и повышенной социальной тревожности поддержание ощущения устойчивости окружающего мира (и своей идентификации в этом мире) возможно благодаря «защитному кокону» доверия [19, с. 125], то своевременными становятся исследования, посвящённые роли доверия в формировании российской идентичности [11].

¹ В нашем исследовании показателем уровня социально-политической тревожности служила оценка респондентами вероятности социальных протестов. Вопрос: «На Ваш взгляд, насколько возможны или невозможны сейчас в Вашем населённом пункте протестные выступления?»

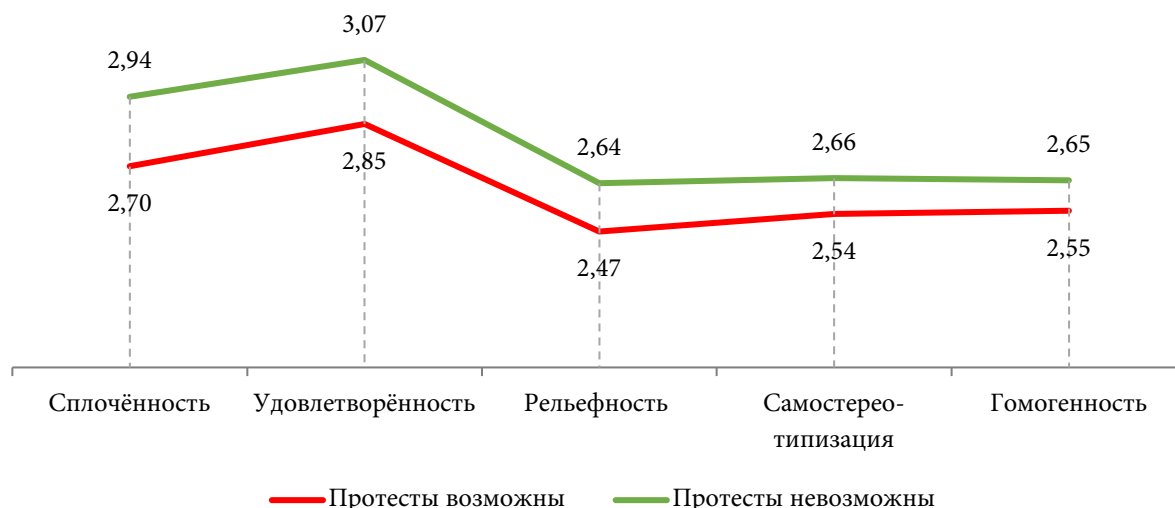

Рис. 7. Профили российской идентичности у респондентов с разной оценкой вероятности социальных протестов (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 7. Profiles of Russian identity among respondents with different assessments of the likelihood of social protests, average agreement scores with statements for each component

В исследованиях российской идентичности, особенно проводимых представителями этносоциологической школы Л. М. Дробижевой, особое внимание всегда уделялось изучению структуры и содержания представлений, которые служат основой для объединения всех граждан России в единое сообщество. В эмпирическом плане для изучения этих компонентов используется вопрос о том, что объединяет респондента со всеми гражданами России. По данным многолетних исследований иерархия востребованности тех или иных идентификационных оснований устойчива и воспроизводится в различных регионах [9]. Рейтинг идентификаторов по частоте их востребованности, рассчитанный по результатам опроса 2021 г. в Республике Саха (Якутия), представлен в табл. 2. Отметим, что порядок следования первых четырёх позиций по данным, собранным в республике в 2021 г., не отличается от рейтинга по тем же позициям, рассчитанного по результатам общероссийского опроса 2020 г. [11, с. 23].

Таблица 2 (Table 2)

Идентификационные основания российской идентичности 2021 г., %
Identification bases of Russian identity in 2021, %

Что из перечисленного больше всего объединяет Вас со всеми россиянами, гражданами Российской Федерации?	Частота упоминания
1. Общее государство	77
2. Родная земля, территория, природа	52
3. Русский язык	48
4. Историческое прошлое	41
5. Ответственность за судьбу страны	36
6. Общие символы (флаг, герб)	35
7. Культура	35
8. Обычаи, праздники	35

При многомерном подходе к измерению российской идентичности эта информация о *распространённости* разных идентификационных оснований может быть дополнена оценкой *вклада* того или иного основания в уровень российской идентичности по отдельным её компонентам (табл. 3).

Таблица 3 (Table 3)

**Профиль российской идентичности
у респондентов с разными идентификационными основаниями
(в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)
Profile of Russian identity among respondents with different identification bases,
average agreement scores with statements for each component**

Идентификационные основания русской идентичности	Компоненты российской идентичности					Средний балл по всем компонентам
	Сплочённость	Удовлетворённость	Выраженность	Самостереотипизация	Гомогенность	
1. Историческое прошлое	3,19	3,30	2,83	2,86	2,83	3,00
2. Ответственность за судьбу страны	3,14	3,22	2,80	2,80	2,75	2,94
3. Родная земля, территория, природа	3,06	3,19	2,73	2,71	2,74	2,89
4. Культура	3,05	3,19	2,72	2,70	2,68	2,87
5. Обычаи, праздники	3,04	3,15	2,70	2,67	2,65	2,84
6. Общее государство	2,96	3,09	2,66	2,66	2,68	2,81
7. Общие символы (флаг, герб)	2,94	3,06	2,60	2,62	2,59	2,76
8. Русский язык	2,91	3,00	2,57	2,59	2,59	2,73

В табл. 3 представлены показатели сформированности по каждому компоненту российской идентичности у респондентов, выбравших то или иное основание для идентификации со всеми гражданами России, в порядке убывания средних баллов по этим показателям. Дополнительно в последней колонке даны средние баллы по всем компонентам для каждого из восьми идентификаторов, характеризующие общий уровень сформированности российской идентичности. Разумеется, в реальности процесс самокатегоризации индивида как члена российского сообщества осуществляется по нескольким основаниям и определить их кумулятивный эффект затруднительно. Тем не менее представленные выше данные позволяют оценить в первом приближении вклад каждого из идентификационных оснований в общий уровень идентичности, а также зафиксировать особенности показателей отдельных компонентов разных профилей. Однако в нашем случае необходимо учитывать, что вклад каждого из рассматриваемых идентификационных оснований может различаться в разных регионах России.

Основанием такого предположения являются данные, свидетельствующие о различии рейтингов востребованности тех или иных идентификаторов разными этническими группами Кабардино-Балкарской Республики [11, с. 22]. В связи с этим необходимо ещё раз подчеркнуть, что в нашем случае задачей является исследование вероятности различий во влиянии разных идентификационных оснований *на примере* профилей идентичности, полученных в Республике Саха (Якутия) в 2021 г.

Анализ значимости связи общих показателей сформированности российской идентичности по каждому идентификационному основанию позволяет объединить все рассматриваемые основания в 4 кластера. В первый входят не различающиеся профили российской идентичности, сформированные на основании общности исторического прошлого или ответственности за судьбу страны. Во второй – сходные по среднему общему баллу профили идентичности, сформированные на основании общности или территории, или культуры, или обычаев. При этом есть сходство показателей сформированности идентичности по критериям «Ответственность за судьбу страны» и «Родная земля, территория, природа». В третий – сходные между собой профили идентичности, сформированные по таким идентификаторам, как «Общее государство» или «Общие символы (флаг, герб)». Причём фиксируется сходство показателей по основаниям «Родная земля, территория, природа» и «Общее государство». В четвёртый кластер мы выделили профиль российской идентичности, сформированный по идентификационному основанию «Русский язык». Для наглядности на рис. 8 представлены профили российской идентичности, сформированные по одному из оснований каждого кластера.

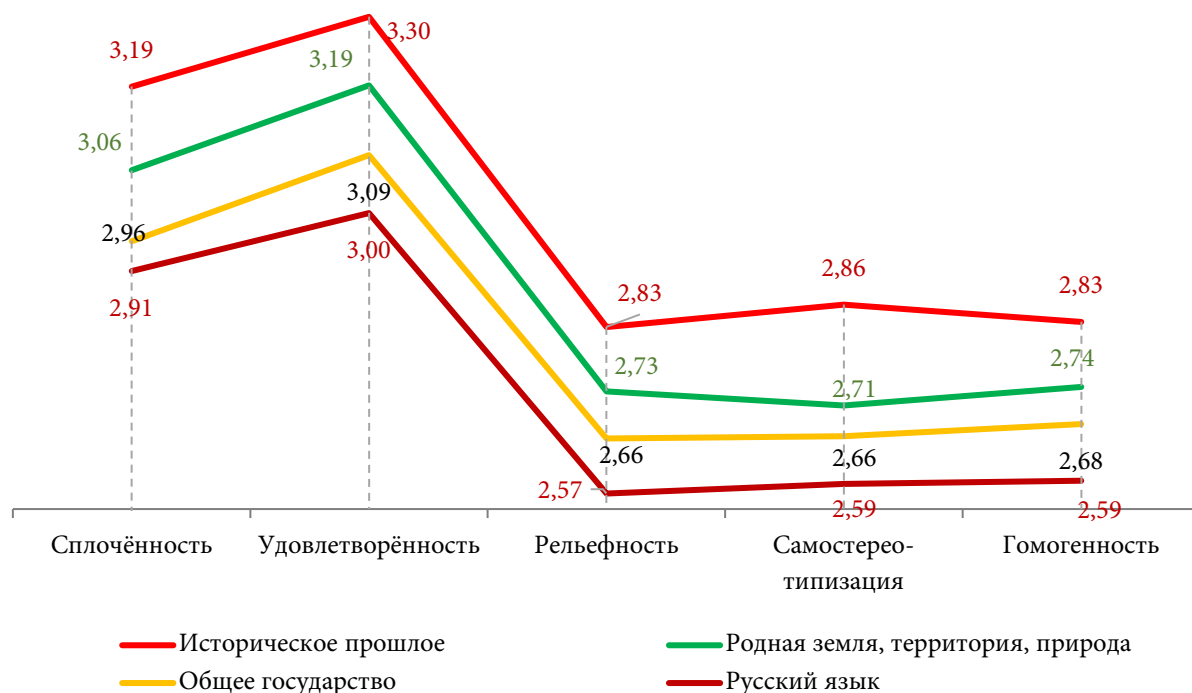

Рис. 8. Профили российской идентичности у респондентов с разными идентификационными основаниями (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Figure 8. Profiles of Russian identity among respondents with different identification bases, average agreement scores with statements for each component

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что иерархия идентификационных оснований по их вкладу в сформированность профиля российской идентичности не совпадает с иерархией тех же оснований по их востребованности в процессе самокатегоризации. Так, общая государственность, являясь самым востребованным основанием для причисления себя к российскому сообществу (см. табл. 2), по своему вкладу в уровень российской идентичности существенно уступает показателям профиля той же идентичности, сформированной на основании общности исторического прошлого, занимающей в рейтинге востребованности четвёртое место. А профиль идентичности на основании общности русского языка (третье место в рейтинге востребованности) значимо отличается самыми низкими показателями сформированности от всех остальных профилей.

В связи с высокими показателями профиля идентичности у тех, кто в качестве основания общности выбирает историческое прошлое, можно отметить, что в теориях *коллективной* идентичности, как особой формы социальной макроидентичности, представления об общем историческом прошлом общности считаются важной составляющей коллективного самосознания, поскольку прошлое «обеспечивает сообществу базовую опору для его существования, люди рождаются не в вакууме, а как часть определённой традиции и культуры» [16, с. 365]. Причём в системе представлений об историческом прошлом в контексте формирования коллективной идентичности важную роль играет не столько знание «академической» истории сообщества, сколько бытовые исторические нарративы, имеющие в качестве основы реальные события, но переосмысленные, избирательно переструктурированные в соответствии с потребностями текущего момента [24], например разные варианты семейной истории [2]. Возможно, именно ориентация на такие нарративы общей для всех истории и определяет высокие показатели по всем компонентам российской идентичности у тех респондентов, кто опирается на общность исторического прошлого как на идентификационное основание.

В целом же факторы, определяющие, с одной стороны, востребованность в общественном мнении тех или иных идентификационных оснований, а с другой – вклад этих оснований в сформированность российской идентичности, составляют задачу дальнейших детальных исследований в этой области.

Динамика изменения профиля российской идентичности в ситуации социально-политической турбулентности

Поскольку многомерный инструментарий был использован в республиканских опросах и в 2021, и в 2022 гг., т. е. как до, так и после начала СВО в Донбассе, мы имеем возможность рассмотреть динамику изменения профиля российской идентичности в ситуации социально-политической турбулентности, связанной с обострением геополитического противостояния (см. рис. 9).

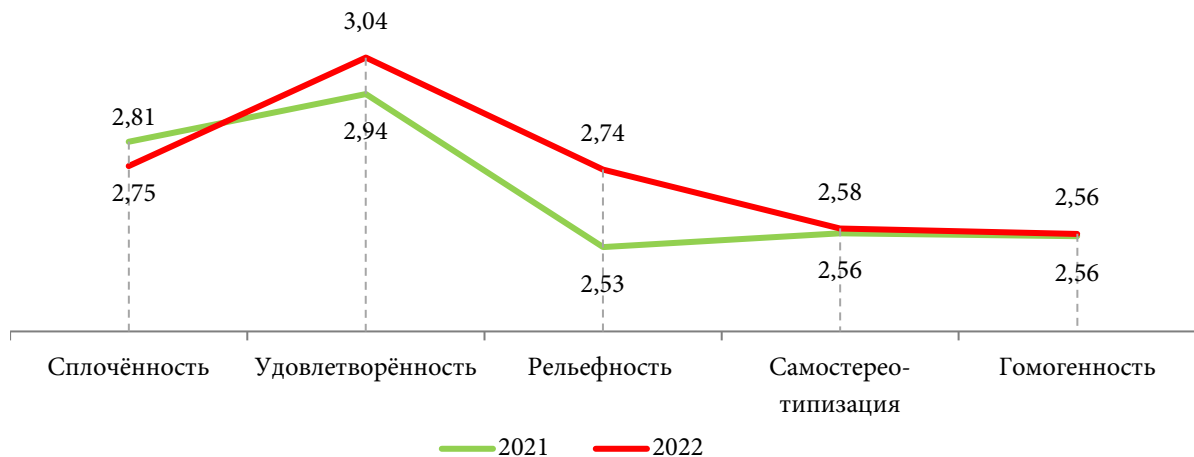

Рис. 9. Профили российской идентичности жителей Республики Саха (Якутия) в 2021 и 2022 гг. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)
Figure 9. Profiles of Russian identity among residents of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2021 and 2022, average agreement scores with statements for each component

По данным «классического» одномерного измерения общего уровня российской идентичности, в 2022 г. в республике было отмечено снижение этого уровня по сравнению с 2021 г. на 5 п.п. (с 71 до 66%). Сопоставление профилей российской идентичности, зафиксированных в республике в 2021 и 2022 гг., позволяет детализировать происшедшие изменения.

Во-первых, произошло небольшое и статистически незначимое снижение показателей *сплочённости*, т. е. меры осознания психологической связи с россиянами. Это изменение в какой-то мере отражает происходившие в общественном мнении на момент опроса (май–июнь 2022 г.) процессы турбулентности, связанные с выработкой отношения к СВО представителями разных слоёв общества. Во-вторых, фиксируется статистически значимое повышение показателей *удовлетворённости* принадлежностью к российскому сообществу и особенно существенное повышение показателей значимости принадлежности к россиянам в личностном самоопределении (*рельефность*). Как уже было отмечено выше, по мнению авторов применяемой нами методики, рост показателей *рельефности* свидетельствует о повышении меры готовности к защите сообщества от внешних угроз [20, с. 147]. Наконец, практически неизменными остались показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие меру сформированности образа «мы–россияне» как консолидированной целостности.

В итоге при многомерном подходе к исследованию российской идентичности достаточно детально отражаются изменения в самосознании россиян, связанные с изменением социально-политической ситуации, что существенно дополняет представления о динамике российской идентичности, сформулированные на основе «классического» мономерного подхода.

К выводам

В целом, детальный анализ специфики профиля российской идентичности как в региональной вариативности, так и в сравнении с профилями других базовых идентичностей россиян (этнонациональной, конфессиональной, локальной и др.) возможен только после формирования соответствующих баз данных. Однако представленные выше данные о вариативности профиля российской идентичности (на примере опроса населения Республики Саха (Якутия)) в разных социальных группах и у респондентов с разными социально-политическими диспозициями могут послужить основанием для формулирования гипотез об особенностях профиля российской идентичности в целом.

Здесь, прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что, несмотря на количественные различия показателей по отдельным параметрам во всех представленных выше вариантах профиля идентичности, остаётся неизменной конфигурация этого профиля: показатели личностного вклада, особенно *сплочённости* и *удовлетворённости*, значимо выше показателей сформированности образа российской общности как органичного, целостного коллектива. Возможно, отчасти здесь сказывается расовое, антропологическое, конфессиональное и этнокультурное многообразие российского социума, что может затруднять формирование представлений о сходстве всех россиян и гомогенности российского сообщества по внешним признакам. И в этом плане такая конфигурация российской идентичности вполне логична.

В то же время относительно низкие показатели по компонентам социального самоопределения могут быть связаны со спецификой информационной среды, определяющей формирование образа «мы – россияне», тем более что этот образ вошёл в общественный оборот относительно недавно по историческим меркам. Кстати, именно поэтому нет значимых различий в сформированности этих компонентов российской идентичности у представителей всех возрастных групп, т. е. для всех россиян это понятие – относительная новация. В целом же, можно сказать, что, хотя российская идентичность позиционируется как *коллективная*, образ именно коллектива россиян пока ещё недостаточно сформирован. И если учесть, что, по мнению авторов методики, со сформированностью этих компонентов идентичности связаны показатели гражданской активности, то низкие уровни такой активности, фиксируемые из года в год в социологических мониторингах социально-политической ситуации в России [12], такую взаимосвязь позволяют считать вполне вероятной. Однако если учесть, что за прошедший с момента последнего опроса год в России оформилось широкое волонтерское движение помощи участникам СВО и жертвам боевых действий, то можно предположить, что в 2023 г. показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие в том числе и уровень гражданской активности, существенно вырастут.

Резкий рост показателей сформированности *рельефности*, т. е. значимости принадлежности к российскому сообществу в личностном самоопределении, в ситуации СВО, требующей общей социальной мобилизации, и колебание показателей *сплочённости*, связанных, как было отмечено выше, с уровнем социальной тревожности, позволяют говорить об особом, «мобилизационном» профиле российской идентичности в период кризисов разного типа и генезиса (внешних, внутренних, стихийных, социально-политических и т. п.). Более того, можно предположить, что сформированность таких компонентов, как *сплочённость* и *рельефность*, в совокупности отражают уровень деятельностной консолидированности сообщества.

Наконец, с учётом того, что все рассмотренные выше компоненты российской идентичности имеют высокие показатели взаимной корреляции (выше 0,7), то исследование факторов, определяющих сформированность каждого компонента, позволит выявить дополнительные ресурсы повышения уровня российской идентичности в целом.

Библиографический список

1. Агадуллина Е. Р., Ловаков А. В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157; EDN: SHGALR.
2. Бараш Р.Э. Семейная память россиян перед вызовами настоящего времени // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 5. С. 13–26. DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26; EDN: TMNFNQ.
3. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Пер. с нем. М. Левиной. М.: АСТ. 2021. 352 с.
4. Дробижева Л. М., Рыжова С. В. Общероссийская идентичность в социологическом измерении // Вестник российской нации. 2021. № 1-2(77-78). С. 39–52. EDN: HAGVQK.
5. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. М.: Канон, 1996. 430 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое изд-во, 2011. 464 с.
7. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). Межнациональные отношения и российская идентичность в сложных условиях пандемии COVID-19. 2021. № 1. 58 с. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (дата обращения: 25.05.2023). DOI: 10.19181/INAB.2021.1.
8. Кузнецов И. М. Баланс межнациональных установок как индикатор состояния межэтнических отношений // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 58–80. EDN: YHTCBL.

9. Рыжова С. В. Этносоциологическая школа Л. М. Дробижевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2; EDN: DZDDQP.
10. Рыжова С. В. Эмоциональная составляющая российской идентичности: позитивный и негативный контексты // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 21–32. DOI: 10.31857/S013216250019609-2; EDN: OCUXPT.
11. Рыжова С. В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
12. Содержательные основы российской идентичности. Региональный и этнокультурный контексты / Отв. ред. Е. М. Арутюнова, С. В. Рыжова. М.: ФНИСЦ РАН. 2021. 288 с. EDN: АОЕВНВ.
13. Хухлаев О. Е., Александрова Е. А., Гриценко В. В. и др. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодёжи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308; EDN: XDSAIG.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых; пер. с англ. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
15. Ashmore R. D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // Psychological Bulletin. 2004. Vol. 130. № 1. P. 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
16. David O., Bar-Tal D. A Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example // Personality and Social Psychology Review. 2009. Vol. 13. № 3. P. 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.
17. Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // European Journal of Social Psychology. 1999. Vol. 29. P. 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
18. Gaertner S. L., Dovidio J. F., Bachman B. A. et al. The Common Ingroup Identity Model: Recategorization and the Reduction of Intergroup Bias // European Review of Social Psychology. 1993. Vol. 4. Iss. 1. P. 1–26. DOI: 10.1080/14792779343000004.
19. Giddens A. Modernity and Self Identity, Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge: Polity Press, 1991. 264 p.
20. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. № 1. P. 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.

21. Lickel B., Hamilton D. L., Wiczorkowska G. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. № 2. P. 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.

22. Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1992. Vol. 18. № 3. P. 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.

23. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

24. *The Invention of tradition* / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. 320 p.

Получено редакцией: 31.05.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузнецов Игорь Михайлович, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6

Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (Case Study of the Republic of Sakha (Yakutia))

Igor M. Kuznetsov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: ingvar31@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6914-3355

For citation: Kuznetsov I. M. Features of the Profile of Russian Identity: Experience of the Multidimensional Approach (case study of the Republic of Sakha (Yakutia)). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 88–111. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.6; EDN: FLFWQH

Abstract. The article presents the initial results of applying a multidimensional methodology to the sociological measurement of the level of Russian identity. The multidimensional approach to measuring the level of Russian identity was constructed based on a five-component model of in-group identification developed by K. Leach and colleagues. This methodology allows for the quantitative measurement of the degree of formation of components such as cohesion (psychological connection with other members of the community), emotional satisfaction with belonging to the community, salience (the significance of belonging to a particular community in the structure of a person's self-concept or "I-concept"), self-stereotyping (conviction of one's similarity to other members of the same community), and homogeneity (perception of the community as a whole). The empirical basis of the study was the data from a survey of residents of the Republic of Sakha (Yakutia) conducted in 2021-2022, that included a block of multidimensional measurements of the level of Russian identity.

Based on the analysis conducted, the author draws several conclusions:

1. The profile of Russian identity, in its republican variation, is characterised by relatively high levels of satisfaction and cohesion, and low levels of salience, self-stereotyping, and homogeneity. In other words, when considering these components together, it reflects the formation of perceptions of the Russian community as a whole, a collective, rather than a simple collection of people with Russian citizenship.

2. The multidimensional approach has significantly expanded existing notions of the prevalence of identity-based foundations of Russian consolidation by providing insights into the contribution of each identifier to the overall level of Russian identity. The hierarchy of identity foundations based on their contribution to the formation of the profile of Russian identity does not align with the hierarchy of the same foundations based on their importance

in the self-categorisation process.

3. Comparing data on the profile of Russian identity in 2021 and 2022 allowed for the identification of changes in the level of Russian identity following the start of the Special Military Operation (SVO). There was a slight decrease in cohesion indicators, alongside a significant increase in satisfaction and salience indicators, while self-stereotyping and homogeneity indicators remained unchanged.

In conclusion, it is shown that the use of a multidimensional approach to the study of Russian identity allows for a detailed examination of the structure and dynamics of Russian identity, formulated based on “classic” monomeric measurements.

Keywords: All-Russian identity profile, multidimensional approach, multicomponent model of intragroup identification, hierarchy of identification bases, identity configuration

References

1. Agadullina E. R., Lovakov A. V. Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples. *Psichologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 2013: 10(4): 139–153 (in Russ.). DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157; EDN: SHGALR.
2. Barash R. E. Family Memory of the Russia’s Citizens in the Context of Actual Social Challenges. *Sotsialno-politicheskie nauki*, 2021: 11(5): 13–26 (in Russ.). DOI: 10.33693/2223-0092-2021-11-5-13-26; EDN: TMNFNQ.
3. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. Transl. from German by M. Levina. Moscow. AST, 2021: 352 (in Russ.).
4. Drobizheva L. M., Ryzhova S. V. All-Russian identity in the sociological dimension. *Vestnik rossijskoj natsii*, 2021: 1-2(77-78): 39–52 (in Russ.). EDN: HAGVQK.
5. Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda [The division of labor in society]. Transl. from French by A. B. Gofman. Moscow, Kanon, 1996: 430 (in Russ.).
6. Inglehart R., Welzel Ch. Modernizatsiya, kul’turnyye izmeneniya i demokratiya. Posledovatel’nost’ chelovecheskogo razvitiya [Modernization, Cultural Change and Democracy. The Human Development Sequence]. Transl. from Eng. by M. Korobochkin. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2011: 464 (in Russ.).
7. Information and Analytical Bulletin (INAB). Interethnic relations and Russian identity in the complex conditions of the COVID-19 pandemic. 2021: 1: 58. Accessed 25.05.2023. URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=1198&id=9453 (in Russ.). DOI: 10.19181/INAB.2021.1.
8. Kuznetsov I. M. The Balance of Interethnic Attitudes as an Indicator of State of Interethnic Relations. *Mir Russii*, 2017: 26(1): 58–80 (in Russ.). EDN: YHTCBL.
9. Ryzhova S. V. The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2023: 29(1): 36–54 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2; EDN: DZDDQP.
10. Ryzhova S. V. Emotional component of the all-russian identity: positive and negative contexts *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 4: 21–32 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250019609-2; EDN: OCUXPT.
11. Ryzhova S. V. Russian Identity in Regional Diversity: The Role of Trust. *Vestnik instituta sotziologii*, 2022: 13(3): 13–31 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2022.13.3.828; EDN: TPBYIX.
12. The substantial foundations of Russian identity. Regional and ethnocultural contexts. Ed. by E. M. Arutyunova, S. V. Ryzhova. Moscow, FNISC RAN, 2021: 288 (in Russ.). EDN: AOEBHB.
13. Khukhlaev O. Ye., Aleksandrova E. A., Gritsenko V. V. et al. Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya*, 2019: 15(3): 71–82 (in Russ.). DOI: 10.17759/chp.2019150308; EDN: XDSAIG.
14. Erikson E. H. Identity: Youth and crisis. Ed by. A. V. Tolstyh, Transl. from Eng. Moscow, Progress, 1996: 340 (in Russ.).
15. Ashmore R. D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality. *Psychological Bulletin*. 2004: 130: 1: 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
16. David O., Bar-Tal D. A Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example. *Personality and Social Psychology Review*, 2009: 13: 3: 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.

17. Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J. W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity. *European Journal of Social Psychology*, 1999: 29: 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
18. Gaertner S. L., Dovidio J. F., Bachman B. A. et al. The Common Ingroup Identity Model: Recategorization and the Reduction of Intergroup Bias. *European Review of Social Psychology*, 1993: 4: 1: 1–26. DOI: 10.1080/14792779343000004.
19. Giddens A. *Modernity and Self Identity, Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge, Polity Press, 1991: 264.
20. Leach C. W., van Zomeren M., Zebel S. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008: 95: 1: 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.
21. Lickel B., Hamilton D. L., Wierzchowska G., Lewis A. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2000: 78: 2: 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.
22. Luhtanen R., Crocker J. A collective self-esteem scale: Self-evaluation of one's social identity. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1992: 18: 3: 302–318. DOI: 10.1177/0146167292183006.
23. Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, UK, Cambridge University Press, 1981: 369.
24. *The Invention of tradition*. Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, Cambridge univ. press, 1983: 320.

The article was submitted on: May 31, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor M. Kuznetsov, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7

EDN: ECPKTQ

Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России¹

Ссылка для цитирования: Волков Ю. Г., Бинеева Н. К. Сохранение этнокультурного многообразия и справедливость межэтнических отношений в оценках населения Юга России // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 112–132. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7; EDN: ECPKTQ

For citation: Volkov Yu. G., Bineeva N. K. Preservation of ethnocultural diversity and fairness in interethnic relations in the estimations of the population of the south of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 112–132. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7; EDN: ECPKTQ

AuthorID РИНЦ: 72232

Волков Юрий Григорьевич¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

ugvolkov@sfedu.ru

AuthorID РИНЦ: 275097

Бинеева Наталья Камильевна¹

¹Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

n.bineeva@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются взгляды на проблему сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия в условиях поликультурных регионов Юга России в контексте восприятия реализации государственной национальной политики в категориях социальной справедливости в межэтнических отношениях. Авторы

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2023–2025 гг. по проекту «Государственно-гражданская интеграция российского поликультурного общества и адаптационные практики населения в условиях новой территориальности и национальной политики восстановления исторической справедливости» (государственное задание Минобрнауки, внутренний номер ГЗ0110/23-14-РГ).

рассматривают данную проблему в рамках дискурса публичной политики и повседневного восприятия этнических групп, проживающих на Юге России. Статья основана на материалах поисковых социологических исследований, проведённых методом анкетного опроса населения регионов Юга России, фокус-групп и глубинных интервью с экспертами в области реализации государственной национальной политики (должностными лицами, учёными, исследователями, представителями диаспор). Географию исследования составили 5 регионов юга России (Ростовская область, Краснодарский край, Республика Калмыкия, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика). В статье проанализированы представления об этнокультурном многообразии в контексте справедливости межэтнических отношений в региональном аспекте, а также связь идентификационных и социально-психологических характеристик (субъективные оценки ущемления прав по национальному признаку) с убеждённостью этнических групп в соблюдении справедливости при сохранении культурного многообразия их народа в регионе проживания (культуры, языка, развития этнокультурной инфраструктуры). В результате проведённого анализа установлено, что вопросы сохранения и развития этнокультурного многообразия занимают приоритетные позиции в структуре представлений населения регионов Юга России о справедливости в межэтнических отношениях. В качестве болевых точек, переводящих социальную напряжённость в межэтническую, выступают вопросы исторической памяти, связанные с той или иной формой депривации по этническому признаку. Установлено, что запрос населения регионов Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия определяется субъективным опытом переживания ущемления прав по национальному признаку, оценкой справедливости управления межэтническими отношениями со стороны государства и типом идентичности респондента. Смысловым ядром понимания справедливости для этнических групп является социокультурная составляющая, а их запрос на сохранение культуры, языка, традиций независимо от региона проживания связан с опасениями их утраты.

Ключевые слова: справедливость, этнокультурное многообразие, народы Юга России, этническая культура, языки народов РФ, межэтнические отношения

Введение

В последние годы в регионах Юга России¹ проявляется тенденция усложнения этноконфессиональной структуры населения, импульс которой задается активными миграционными процессами, вызванными не только перераспределением населения под влиянием рынка труда, но и событиями политического характера: международным кризисом, началом СВО, присоединением новых территорий и включением их в административно-территориальную структуру РФ. Эти факторы, обуславливая рост этнокультурного многообразия населения, вызывают многоплановые процессы: с одной стороны, рост напряжённости на почве появления новых вызовов и угроз национальной безопасности российского общества, с другой – сохра-

¹ В рамках данной статьи к регионам Юга России отнесены Ростовская область, Краснодарский край, Республика Калмыкия, Республика Крым, Карачаево-Черкесская Республика.

няется проблема «частичной утраты этнокультурного наследия, размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в том числе вследствие глобализации»¹.

В российском обществе ценность культурного многообразия, восприимчивость и уважительное отношение к культурам разных народов («культурная открытость») имеют глубокие исторические корни [6, с. 151]. В России различные народы мирно соседствовали на протяжении многих веков, заимствуя друг у друга культурные достижения. Общероссийские исследования в 2022 г. зафиксировали, что «во всех возрастных группах большинство (56%) поддерживает лозунг, что Россия – общий дом многих народов» [16, с. 138]. Вместе с тем в современной России на уровне массового сознания присутствуют одновременно установки на признание уважения к различным народам и наличие негативных этнических стереотипов в отношении представителей этих народов.

Установки на преодоление этого противоречия заложены в Стратегии государственной национальной политики, а также в развитии институтов, закрепляющих принципы равноправия народов, построения системы воспитания на основе ценности гражданственности, прав и свобод личности, социальной ответственности, ценности человеческого достоинства и основанного на них признания ценности этнокультурного многообразия.

В структуре вопросов изучения межнациональных отношений и национальной политики проблема сохранения и воспроизводства этнокультурного многообразия выступает в качестве одной из ключевых задач многонационального российского общества. Закреплённое в нормативно-правовых актах регионального уровня этнокультурное многообразие рассматривается как цель государственной политики и условие формирования гражданской нации в Российской Федерации.

Значимость задач Стратегии национальной государственной политики Российской Федерации в период до 2025 г. по сохранению этнокультурной самобытности народов РФ подтверждается систематическими мерами государства по обеспечению этнокультурного многообразия и защите культурного наследия народов России. В 2022 г. эти задачи были согласованы с целями объявленного Указом Президента Года культурного наследия и направлены на сохранение культурных традиций и этнической самобытности всех народов страны.

В регионах Юга России реализация задач по сохранению этнокультурного многообразия определяется нормативно-правовой базой, в которой зафиксировано право народов на самоопределение и сохранение своей этнокультурной самобытности, а также наличием рисков в институциональной и ресурсной среде. Риски реализации задач по сохранению и укреплению этнокультурного многообразия населения России обусловлены противоречиями на уровне законодательства, а также на уровне формальных и неформальных практик осуществления мероприятий национальной политики [5, с. 213–217].

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>

Социальная проблема, связанная с частичной утратой этнокультурного наследия, размывания традиционных российских духовно-нравственных ценностей и региональной спецификой реализации задач по сохранению этнокультурной самобытности, актуализировала исследовательский интерес к анализу представлений социальных групп об этнокультурном многообразии в регионах их проживания. Цель данной статьи – выявить представления населения в регионах Юга России о сохранении этнокультурного многообразия с позиции реализации принципа социальной справедливости в межэтнических отношениях. В данном контексте были поставлены задачи по: 1) выявлению проблем этнокультурного содержания, занимающих приоритетные позиции в дискурсах публичной политики и повседневного восприятия этнических групп Юга России; 2) определению болевых точек восприятия в качестве справедливых/несправедливых практик по поддержке и сохранению культурной специфики и языков народов Юга России; 3) определению запроса этнических групп Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия и его особенностей, обусловленных региональными, идентификационными и социально-психологическими параметрами.

Методология исследования основана на совмещении концептуальных идей конструктивистской теории этничности и теории социальной справедливости. Первый подход позволяет рассматривать этнические группы как общности, формирующиеся на основе культурной самоидентификации и различных конструктов описания, понимания и интерпретации окружающего мира. В рамках второго – справедливость рассматривается не только как социетальная ценность, но и как общий нравственный принцип, задающий социально ожидаемый и желательный характер поведения, выступающий основой правовых норм, регулирующих социальные отношения и обосновывающих «равенство критериев неравенства». В рамках данной работы социальная справедливость в межэтнических отношениях понимается как ценностный ориентир и принцип регуляции, обеспечивающий легитимацию и социальный контроль в отношении различных образцов взаимодействия этнических групп, этнических групп и социальных институтов (в частности, государства). Такое понимание социальной справедливости позволяет анализировать практики межэтнического взаимодействия, связанные не только с распределением экономических и властных ресурсов, доступом к государственному управлению, институциональной поддержкой этнических групп, но и с репрезентацией этнокультурной идентичности, воспроизводством культурных универсалий и их рутинизацией в повседневной жизни. Как источник критериев для определения деятельности социально-политических институтов, оценки практик межэтнического взаимодействия, социальная справедливость рассматривается в качестве основы сохранения совокупности всех этнических культур и языков народов РФ, гармонизации межэтнических отношений и укрепления целостности полиэтнического российского общества.

Практическая значимость заключается в использовании полученного теоретического знания в управленческих целях при реализации государственной национальной политики и соблюдении принципа социальной

справедливости в вопросах поддержки и защиты культурного наследия народов, проживающих в южно-российском макрорегионе. Данные меры и соответствующие управленческие решения будут способствовать общей цели государственной национальной политики, в том числе гармонизации межэтнических отношений на основе принципа справедливости, разделяемого всеми этническими группами, проживающими в регионе.

Эмпирическую основу данной работы составили результаты поисковых социологических исследований, проведённых методом фокус-группового интервью ($n = 5$), серии глубинных экспертных интервью ($n = 50$) и массового опроса населения в пяти регионах Юга России с общим объемом выборки 2821 респондента¹. Исследование было проведено в Ростовской области и Краснодарском крае, как в регионах, в которых русские представляют численное большинство; Карачаево-Черкесской Республике и Республике Калмыкия, в которых представители коренных народов являются титульными, и в Республике Крым, как регионе проживания этнических групп с виктимным статусом².

Этнокультурное многообразие как предмет научного и политического дискурсов

В работах отечественных исследователей проблема этнокультурного многообразия на протяжении последних десятилетий рассматривается достаточно активно, что позволяет выделить несколько аспектов анализа. Во-первых, можно выделить работы, связанные с изучением проблем сохранения и развития этнокультурного многообразия в региональном аспекте, как правило, в полиэтничных регионах страны и национальных республиках (Республика Дагестан, Республика Бурятия, Республики Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и др.) [4; 7; 9; 14; 17; 21; 22; 27; 32; 34]. Во-вторых, можно выделить исследования этнокультурного многообразия в контексте анализа интеграционных процессов российского общества, формирования общероссийской идентичности, становления институтов политического диалога, реализации политики мультикультурализма, управления этнокультурным многообразием в условиях социокультурного развития и развития российского федерализма [2; 11; 14; 18; 20; 26]. Третье направление составляют работы, в которых этнокультурное многообразие рассматривается в качестве фактора развития различных социальных сфер и полей реализации общественных отношений: поля эко-

¹ При расчете стратифицированной выборки каждая этническая группа рассматривалась как генеральная совокупность, структура которой воспроизводилась по таким параметрам, как пол, возраст, тип поселения. Целевыми группами опроса были выбраны русские, калмыки (Республика Калмыкия), карачаевцы, черкесы (КЧР), крымские татары (Республика Крым), турки-месхетинцы, чеченцы, ингуши, проживающие в Ростовской области, армяне в Краснодарском крае. Точность полученных ответов в рамках выборки составила 90%, разброс ответов от полученных статистических выкладок опроса $\pm 7\%$.

² Виктимный статус этнических групп в регионах Юга России основан на реальных исторических событиях, связанных с насильственным переселением (депортацией) народов (калмыков, карачаевцев, крымских татар) в 1943–1944 гг.

номических и межэтнических отношений, туризма и социального здоровья общества, консолидации российского общества в целом [12; 13; 18; 24; 30]. В-четвёртых, в ряде работ особое внимание уделено рассмотрению роли социальных субъектов – этнических общностей, родных языков, системы образования и вуза, в частности, общественной дипломатии, СМИ – в сохранении и развитии этнокультурного многообразия [3; 22; 25; 32; 33].

В работах отечественных исследователей проблема сохранения этнокультурного многообразия в условиях многонационального российского общества рассматривается также в контексте стратегии достижения справедливости в сфере межэтнических отношений. В отличие от советского общества, в современном российском конструирование нации определяется обеспечением гражданских прав в сфере реализации этнокультурной идентичности и обеспечения условий развития этнокультурного многообразия [11]. При анализе учитывается многоаспектность данной проблематики, которая отражает сложную этническую и административно-территориальную структуру российского общества, что может только усиливать потребность в деятельности по примирению интересов и преодолению противоречий в межэтнических отношениях [15, с. 95–97; 28, с. 46–53]. Это связано с тем, что для этнических групп Юга России проблема восстановления исторического единства и взаимопонимания связана с сохранением исторической памяти, в связи с чем «необходимо более активно подключать консолидирующие сюжеты исторической памяти к процессам формирования общероссийской идентичности» [1, с. 32–54].

Вопросы этнокультурного многообразия традиционно входят в поле прикладных социологических измерений. В частности, исследования, проводимые в регионах Юга России, показывают повышенный запрос на возрождение национальных традиций и обычаев, возрождение национальной культуры и языка, что согласуется с результатами, представленными в данной статье. Авторы исследований отмечают важность применения комплекса мер «культурно-просветительского плана, направленных на ознакомление с культурой и традициями всех проживающих в регионе народов, с имеющимися у них ценностями мира, человеколюбия, добрососедства», в том числе посредством проведения мероприятий, направленных на пропаганду этнокультурного многообразия в регионах Юга России [4, с. 108–114].

Этнокультурное многообразие также выступает предметом национальной политики в РФ, что закреплено в нормативных документах, регламентирующих социально-политические и межэтнические отношения как на федеральном, так и на региональном уровне. В Стратегии государственной национальной политики этнокультурное и языковое многообразие российского общества рассматривается через призму культурного достояния и функционального вклада в укрепление российской государственности и развитие межэтнических отношений, а сохранение самобытности многонационального народа и сохранение этнокультурного многообразия заявлены в качестве приоритета национальной политики¹.

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года от 19 декабря 2012 г. № 1666. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949> (дата обращения: 17.07.2023).

Сохранение и развитие этнокультурного многообразия остаётся ключевым принципом управления, на котором основаны законы, другие нормативные акты, в том числе регионального уровня, которые ориентированы на противодействие дискриминации и исключению этнических групп из системы общественных (социально-экономических, управленческих, политических и др.) отношений, а также на сохранение и развитие традиционного культурного наследия, формирование этнической идентичности, основанной на знании своей культуры и гордости за нее. В частности, в Уставе Ростовской области заложены основы проявления «уважения к историческим традициям, достоинству и самобытности людей всех национальностей, населяющих Донскую землю», а в разделе 9 (ст. 77 и 78), посвящённом казачеству, сказано о «мерах по возрождению казачества, его самобытных традиций и культуры»¹. В Конституции (Степном Уложении) Республики Калмыкия четыре статьи посвящены защите и сохранению «самобытности и этнической неповторимости, традиций калмыцкого, русского и других народов республики» (ст. 14), «сохранению и развитию историко-культурного наследия калмыцкого народа» (ст. 15), «возрождению, сохранению и развитию калмыцкого языка» (ст. 17)².

В коллективной монографии под редакцией ак. В. А. Тишкова, опубликованной в 2011 г., были выражены опасения части экспертов и политиков начала 2000-х гг., связанные с политикой поддержки этнических культур в России, с тем, что это «может привести к ущемлению прав представителей каких-то народов, в том числе русских, то есть к позитивной дискриминации (дискриминации наоборот)»; «Поскольку российское общество по причинам распространения ксенофобии и мигрантофобии не готово к политике преференций представителям меньшинств, здесь важно соблюдение равенства и справедливого представительства в вопросах доступа к власти, к ресурсам граждан независимо от их этнической принадлежности. Такой подход требует не только эффективного действия законов, но и практической деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, чтобы снять такие опасения» [29, с. 64].

Исследования, проведённые в южно-российских регионах в начале 2020-х годов, зафиксировали в глубинных интервью с экспертами и массовых опросах населения актуальность подобных опасений. По мнению ряда экспертов, *«права народов не равны, и самым незащищённым народом на территории РФ является русский народ. Вот все народы, кроме русского, имеют право на это, и только русский народ в России не имеет права на национально-культурную автономию»*. Массовые опросы показали, что, по мнению населения Ростовской области и Краснодарского края, представители русского этноса подвергаются ущемлению прав со стороны

¹ Устав Ростовской области (В редакции Законов Ростовской области от 18.10.2001 г. № 180-ЗС; от 27.02.2002 г. № 219-ЗС; от 29.12.2003 г. № 83-ЗС; от 20.01.2005 г. № 277-ЗС). URL: <https://www.donland.ru/documents/27/> (дата обращения: 14.05.2023).

² Конституция Республики Калмыкия. URL: <https://glava.region08.ru/ru/step-ulozhenie.html> (дата обращения: 14.05.2023).

органов власти, могут иметь конфликт интересов с другими этническими группами в той же степени, что и народы Северного Кавказа. В частности, население оценивает деятельность органов региональной власти и муниципалитетов в сфере контроля за деятельностью представителей этнических групп и защите местного населения, борьбе с нарушениями закона как недостаточную. Старожильческое население обеспокоено расширением численности этнических групп в районах Ростовской области и требованиями с их стороны особых прав и привилегий, сохранением практик клановости в сфере публичной политики, разницей культурных норм, регулирующих повседневное поведение представителей разных этнических групп. В Ростовской области практически треть (26,3%) русских считают, что справедливое управление межэтническими отношениями должно быть направлено на защиту интересов старожильского населения и на предупреждение этнической миграции в регион, что в 2 раза выше средних значений по всей выборке (13,7%). Каждый второй русский в Ростовской области (51,3%) считает несправедливым, что органы власти не могут защитить местное население от норм поведения других этнических групп (при средних значениях по пяти регионам 34,0%).

Этнокультурное многообразие в представлениях о социальной справедливости в межэтнических отношениях: региональный аспект

Анализ проблем этнокультурного содержания в структуре представлений о справедливости в межэтнических отношениях показал, что для каждого второго жителя Юга России (51,9%) понимание справедливости связано с возможностью сохранять и развивать культуру, язык каждого народа, а также с проявлением уважения по отношению ко всем этническим группам (48,8%). Соблюдение принципа справедливости в сфере поддержки и развития национальных культур и языков всех народов России и признание значимости и уважения в отношении народов, по мнению каждого третьего респондента (35,5% и 34,1% соответственно), будут способствовать укреплению гражданского единства российского общества.

Одной из приоритетных задач в рамках реализации национальной политики в регионе, по мнению 44,3% жителей Юга России, является сохранение живых языков народов РФ. В региональном разрезе поддержка национальных языков наиболее актуальна для жителей Карачаево-Черкесской Республики, Республики Калмыкия и Ростовской области (более 50%). В Краснодарском крае и Республике Крым данной позиции придерживается каждый третий респондент (32–34%) (см. рис. 1).

Актуальность проблемы сохранения родного языка для титульных народов Карачаево-Черкесской Республики и Республики Калмыкия подтверждается не только результатами массового опроса населения, но и экспертными оценками, которые были получены методом глубинного интервью в 2020 г. Эксперты в Калмыкии отмечали позитивные практики

сохранения калмыцкого языка силами молодых специалистов, которые делают переводы мультипликационных фильмов для детей на калмыцкий язык, создают пособия по родному языку для плохо видящих и т. д. При этом обращали внимание на необходимость системной поддержки со стороны органов власти, в том числе тех людей, которые сохраняют и воспроизводят родной язык: «Энтузиасты из молодёжной среды добиваются реальных успехов в поддержке калмыцкого языка и не ленятся этим заниматься, например, в интернете вы найдете переводы на калмыцкий язык популярных мультфильмов» (Респондент 1). «Без грантовой поддержки властей они реально работают и продвигают наш калмыцкий язык. Вселяет оптимизм и надежду то, что они будут признаны и получат поддержку со стороны органов власти республики, смогут побудить людей обратить внимание на калмыцкий язык, научат им пользоваться» (Респондент 2).

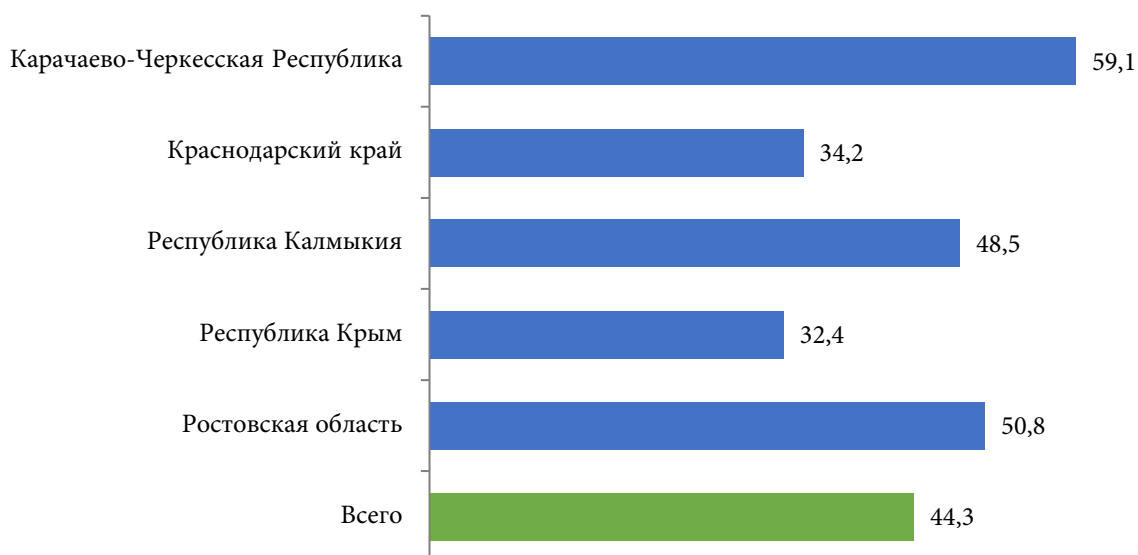

Рис. 1. Необходимость поддержки языков народов РФ как фактора проявления социальной справедливости в отношении этнических групп в представлениях населения в зависимости от региона проживания, Юг России, %
Figure 1. The need to support the languages of the peoples of the Russian Federation as a factor in the manifestation of social justice in relation to ethnic groups in the views of the population depending on the region of residence, South of Russia, %

В Карачаево-Черкесской Республике эксперты обеспокоены проблемой изучения родного языка в школах. Этнокультурное образование, по их мнению, требует большей институционализации и закрепления как норм преподавания, так и материальной поддержки молодых специалистов, готовых обучать родному языку подрастающее поколение. «На самом деле ситуация ухудшается по поводу школ. В советское время лучше преподавали, больше было часов, занятий. ... Старшее поколение умело и считать, и говорить. ... сейчас мы не можем. ... количество часов на наши языки сократили до 3, а хотят сократить до 2 часов в неделю. Учителя получают начинают меньше и не хотят молодые люди поступать на учителя, потому что будут знать, что совсем им (будут платить) мало. И мы сейчас не находим молодёжи» (Респондент 3).

В Краснодарском крае проблема изучения родного языка актуальна для шапсугов, которые обеспокоены его низким статусом (изучается как второй иностранный) и малым количеством часов, выделенных на изучение родного языка. Такая ситуация характерна даже для сельских школ региона, в которых проживают представители данной этнической группы. *«На сегодняшний день ситуация такова, что родной язык изучается в школах аулов Большой Кичмай, Хаджико, Агуй-Шапсуг и Псебе. Но и в этих школах изучение родного языка не организовано в необходимом объёме. Хотя в этих школах обучается свыше 70% детей-адыгов, которые практически никак не охвачены изучением родного языка»* (Респондент 4).

Низкий уровень вовлечённости в обучение в рамках системы образования сопровождается снижением использования родного языка в этнических семьях. *«Начинает теряться самоидентификация народа: в семьях мало разговаривают на языке, плохо читают, хотя в настоящее время все условия создаются (приобретение учебников и оборудования, обучение преподавателей – 20 человек повышали квалификацию в Майкопе), но адыгский изучается как второй иностранный; в школах не все хотят его изучать»* (Респондент 5).

Практики по поддержке и сохранению культурной специфики народов Юга России включают создание этнокультурной инфраструктуры, позволяющей обеспечивать процесс воспроизводства этнокультур в региональном сообществе. Учитывая, что только 43,8% населения оценивает решение вопроса о создании этнокультурной инфраструктуры как справедливое, а треть населения (33,1%) считает, что этот вопрос ещё не решён и требует дальнейшего решения, сохранение этнокультурного многообразия можно оценить как удовлетворительное. В региональном разрезе максимальный уровень удовлетворённости справедливым решением вопроса о создании культурной инфраструктуры выявлен у жителей Республики Крым (78,6%), что может быть объяснено активным финансированием в регионе отраслей социально-культурной сферы¹.

Оценки жителей Ростовской области и Карачаево-Черкесской Республики уступают показателям удовлетворённости среди жителей Республики Крым и составляют 44 и 43,3% соответственно. Практически каждый второй житель Республики Калмыкия и Краснодарского края считает, что данный вопрос ещё не решён (каждый второй – 54,5% в Республике Калмыкия и 47,2% в Краснодарском крае) (см. табл. 1).

¹ По итогам 2021 г. более 51% крымского бюджета, а это 114,2 млрд руб., было направлено на финансирование отраслей социально-культурной сферы, т. е. консолидированный бюджет республики на всем протяжении минувшего года сохранял социальную направленность. При этом рост по сравнению с 2020 г. составил 11,3% или 11,6 млрд руб. URL: <https://rk.gov.ru/ru/article/show/14785> (дата обращения: 14.05.2023).

Таблица 1 (Table 1)

Представления о справедливом/несправедливом решении вопроса о создании этнокультурной инфраструктуры в зависимости от региона проживания респондентов, Юг России, %¹
Perceptions of a fair/unfair solution to the issue of creating an ethno-cultural infrastructure depending on the region of residence of the respondents, South of Russia, %

Варианты ответа	Карачаево-Черкесская Республика	Краснодарский край	Республика Калмыкия	Республика Крым	Ростовская область	Всего
Да, справедливо	43,3	29,7	18,9	78,6	44,0	44,0
Этот вопрос еще не решен	17,0	47,2	54,5	7,9	40,5	33,0
Нет, не справедливо	10,4	9,1	9,5	3,3	8,6	8,0
Затрудняюсь ответить	29,3	14,0	17,1	10,2	6,9	15,0

Наиболее серьезной болевой точкой восприятия в качестве справедливых/несправедливых практик по поддержке и сохранению культурной специфики и родных языков являются вопросы исторической памяти, обусловленные репрессиями по национальному признаку и историческими травмами целых народов, что выступает факторами, препятствующими формированию общероссийской идентичности в регионах Юга России. Действия федеральной власти в отношении реабилитации прав, компенсации имущества пострадавшим народам в целом оцениваются как справедливые, хотя в регионах сохраняется запрос населения на проявление особого внимания к вопросам исторической памяти, проявления уважения к этническим группам, проведения грамотной политики меморизации и материализации памяти. В ходе исследования зафиксирован разный уровень удовлетворённости реабилитационными мерами у различных этнических групп: выше среднего по региону отмечен у армян Краснодарского края, ниже среднего показателя – у крымских татар в Республике Крым, калмыков в Республике Калмыкия, шапсугов и турок-месхетинцев в Краснодарском крае.

Связь представлений о важности сохранения и развития этнокультурного многообразия с межэтническими установками

Запрос населения Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия имеет ряд особенностей, обусловленных не только региональными, но и идентификационными и социально-психологическими параметрами. В частности, распределения по параметру «ущемление прав по национальному признаку в течение последнего года» показали, что те,

¹ Фоном выделены позиции выше средних значений по общей выборке.

кто испытывает ущемления прав, реже считают, что вопросы создания культурной инфраструктуры решаются справедливо. Отличие от «не имеющих опыта ущемления прав по национальному признаку» составляет 7,5%. В то же время среди «ущемлённых» в 2 раза больше тех, кто считает, что этот вопрос решается несправедливо (13,1 и 7% соответственно). Аналогичным образом представители групп, дифференцированные по опыту ущемления прав по национальному признаку, практически одинаково оценивают значимость такой задачи национальной политики, как поддержка языков народов РФ в регионе проживания респондентов (в пределах 42,4–47,6%) (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

**Представления населения о справедливом решении вопроса
о создании культурной инфраструктуры
в зависимости от опыта ущемления прав
по национальному признаку за последний год, Юг России, %¹**

Perceptions of the population about a fair solution to the issue of creating a cultural infrastructure, depending on the experience of infringement of rights on a national basis over the past year, South of Russia, %

Оценка создания культурной инфраструктуры	Наличие опыта ущемления прав по национальному признаку за последний год		
	Да	Иногда	Нет
Да, справедливо	38,4	35,7	45,9
Этот вопрос еще не решён	36,4	38,1	31,9
Нет, несправедливо	13,1	11,8	7,0
Затрудняюсь ответить	12,1	14,4	15,2

Те, кто сталкивался с ущемлением прав чаще других групп, считают, что справедливое управление межэтническими отношениями должно быть ориентировано на поддержку этнокультурного многообразия российского общества (26,3% тех, кто часто сталкивался с ущемлением прав, 21,4% тех, кто сталкивался иногда, и 16,7% среди тех, кто не сталкивался с ущемлением прав в течение последнего года).

Аналогичная ситуация складывается при оценке справедливости создания культурной инфраструктуры в зависимости от оценки деятельности государства. Положительное восприятие роли государства и представление его деятельности по управлению межэтническими отношениями как справедливой определяет положительные оценки развития культурной инфраструктуры в регионе проживания, так как «проблема социальных неравенств остро стоит для российского общества не только с точки зрения их объективной глубины, но и в части восприятия россиянами данной проблемы как особенно болезненной. Основным актором её решения массовые слои населения видят государство» [9, с. 44] (см. табл. 3).

¹ Фоном выделены позиции «справедливо» и «несправедливо».

Таблица 3 (Table 3)

**Представления населения о справедливом решении вопроса
о создании культурной инфраструктуры
в зависимости от оценки справедливости государства
в управлении межэтническими отношениями, Юг России, %**

Representations of the population about a fair solution to the issue of creating a cultural infrastructure, depending on the assessment of the fairness of the state in the management of interethnic relations, South of Russia, %

Оценка создания культурной инфраструктуры	Государство управляет межэтническими отношениями справедливо	
	Да	Нет
Да, справедливо	57,8	21,8
Этот вопрос еще не решён	26,3	49,2
Нет, не справедливо	5,8	16,0
Затрудняюсь ответить	10,1	13,0

Ориентация на развитие культурной инфраструктуры как индикатора проявления справедливости в межэтнических отношениях зафиксирована у респондентов с выраженной этнической идентичностью в большей степени, чем с выраженной общероссийской идентичностью. Поддержка этнокультурного многообразия, рассмотренная через такие индикаторы, как сохранение и развитие культуры, языка своего народа; финансирование и развитие культурной инфраструктуры этногруппы; поддержка языков народов РФ, в условиях многонационального Юга России сохраняет свою актуальность особенно для этногрупп с высоким уровнем этнической идентичности, которые в большей степени видят в этнокультурном многообразии залог укрепления гражданского единства. Изменение отношения к данным позициям зависит от типа идентичности представителей этнических групп и оценивается ими через призму справедливости в межэтнических отношениях (см. табл. 4).

Таблица 4 (Table 4)

**Понимание необходимости поддерживать этнокультурное многообразие
в зависимости от типа идентичности, Юг России, %**

Understanding the need to support ethnic and cultural diversity depending on the type of identity, South of Russia, %

Условия для поддержки этнокультурного многообразия	Считают себя в большей степени представителем своего этноса	Считают себя как представителем этноса, так и россиянином	Считают себя в большей степени россиянином
Возможность сохранять и развивать культуру, язык каждого народа	57,4	50,6	43,5
Регулярное финансирование и развитие социальной и культурной инфраструктуры этногрупп	27,7	15,0	13,4
Поддержка языков народов Российской Федерации	47,4	44,2	37,3

Такая же тенденция наблюдается и в отношении поддержки языков народов РФ как фактора укрепления гражданского единства: изменение позиции по данному вопросу зависит от типа идентичности респондента. Люди с выраженной этнической идентичностью в большей степени видят в этом залог солидаризации и укрепления единства в стране.

Различия в понимании справедливости в межэтнических отношениях в зависимости от типа идентичности отличаются противоречивым характером: с одной стороны, выраженная этническая идентичность респондентов определяет высокий запрос населения на поддержку этнокультурного многообразия, с другой – низкий уровень ориентации на проявление уважения в адрес других этнических групп (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

**Необходимость уважения в адрес всех этнических групп
в зависимости от типа идентичности, Юг России, %**
*The need for respect for all ethnic groups
depending on the type of identity, South of Russia, %*

Ответ на вопрос	Представитель своего этноса	Представитель этноса и россиянин	Россиянин
Проявление уважения в адрес всех этнических групп	38,4	54,3	50,7

Тем не менее тема сохранения и развития культуры и языка каждого народа носит универсальный характер: по данному вопросу расхождения во мнениях людей с разным опытом ущемления прав по национальному признаку меньше, чем по вопросам обеспечения этнических групп экономическими ресурсами и политическими предпочтениями. Если разрыв в ответах по вопросам сохранения этнокультурного многообразия составляет 8 п.п., то по вопросу регулярного финансирования и развития социальной и культурной инфраструктуры этногрупп составляет 20 п.п. Также практически нет расхождений в оценках соблюдения принципа справедливости в поддержке и развитии национальных культур и языков всех народов России как условия укрепления гражданского единства российского общества (8–10%).

Заключение

В российском обществе, в котором ценность культурного многообразия и уважительное отношение к культурам разных народов имеют глубокие исторические корни, на уровне массового сознания присутствуют противоречивые установки. С одной стороны, уважение к другим народам, с другой – негативные этнические стереотипы. Данное противоречие актуализировало изучение вопросов регулирования межэтнических отношений на основе реализации принципа социальной справедливости. Результаты поисковых социологических исследований, проведённых в регионах Юга России, показали, что, наряду с вопросами распределения экономических и властных ресурсов, доступа этнических групп к государственному

управлению, проблемы этнокультурного содержания (развитие культурной инфраструктуры, сохранение языков народов РФ) занимают приоритетные позиции в структуре представлений населения о справедливости в межэтнических отношениях.

Запрос населения Юга России на воспроизводство этнокультурного многообразия имеет особенности, обусловленные региональными, идентификационными и социально-психологическими параметрами. Оценки сохранения этнокультурного многообразия определяются субъективным опытом переживания ущемления прав по национальному признаку, оценкой справедливости управления межэтническими отношениями со стороны государства и типом идентичности респондента. Оценки значимости этнокультурного фактора в укреплении единства зависят от соотношения этнического и общегражданского компонента в структуре идентичности.

В исследуемых регионах в качестве болевых точек, переводящих социальную напряжённость в межэтническую, выступают вопросы исторической памяти, связанные с той или иной формой депривации по этническому признаку, а также оценка состояния этнической культуры (национального языка, национального образования, элементов национальной культуры) как депривированного, что особенно актуально для этнических групп Республики Калмыкия, Карачаево-Черкесской Республики, Краснодарского края. Зафиксирован также разный уровень удовлетворённости реабилитационными мерами: ниже среднего показателя по региону отмечен у крымских татар в Республике Крым, калмыков в Республике Калмыкия, шапсугов и турок-месхетинцев в Краснодарском крае.

Тем не менее можно говорить о важности сохранения и развития этнокультурного многообразия, так как запрос этнических групп на сохранение и поддержку национальной культуры и языка своего народа характерен всем этническим группам и в некоторых случаях является более приоритетным, чем запрос этнических групп на экономические или политические преференции. Смысловым ядром понимания справедливости для большинства этнических групп является социокультурная составляющая, а их запрос на сохранение культуры, языка, традиций независимо от региона проживания связан с опасениями их утраты.

Соответственно, политика гармонизации межэтнических отношений с позиции реализации принципа справедливости должна сопровождаться инвестированием в развитие культурной инфраструктуры – этнолингвистические исследования, расширение полиграфической базы для издания литературы на национальных языках, расширение возможностей, в том числе институциональных, для изучения родного языка и пр. Соблюдение принципа социальной справедливости в вопросах поддержки и защиты культурного наследия народов, проживающих в южно-российском макрорегионе, и принимаемые на основе данного принципа управленческие решения будут способствовать общей цели государственной национальной политики по укреплению российской государственности, сохранению самобытности многонационального народа и этнокультурного многообразия российского общества.

Библиографический список

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. и др. Консолидирующие тренды и исторические травмы в северокавказском научном дискурсе // Историческая и этнокультурная тематика в учебном, научном и общественно-политическом дискурсе Северного Кавказа / Под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов, В. В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2021. С. 52–54.
2. Аксюмов Б. В., Хачатрян Л. В. Формирование российской цивилизационной идентичности в контексте этнокультурного многообразия // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4(96). С. 22–26. DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-22-26; EDN: YUGTET.
3. Аствацатурова М. А., Давыдова Е. В. Этнокультурное и конфессиональное многообразие в контексте консолидации российского общества: экспертное мнение регионального уровня // Вестник ПГУ. 2018. № 2. С. 270–273. EDN: YPCZXN.
4. Бадмаев В. Н., Пурэвсүрэн Б. Феномен идентичности и этнокультурное многообразие народов в регионе (по материалам социологического исследования в Республике Калмыкия) // Вестник Калмыцкого ун-та. 2019. № 4(44). С. 108–114. EDN: JLXBIV.
5. Бедрик А. В., Бинева Н. К., Дьяченко А. Н. Сохранение этнокультурного многообразия населения в контексте российской национальной политики // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2019. № 4. С. 213–217. DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-213-217; EDN: HMCAIU.
6. Барсова Н. С., Подъячев К. В. Участие советских специалистов в создании египетской национальной хореографической школы как проявление культурной восприимчивости // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14. № 2. С. 149–173. DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8; EDN: GJWNXL.
7. Вагабова Н. М. Этнокультурное многообразие на Северном Кавказе: взаимосвязь уникального, особенного и общего // Научная мысль Кавказа. 2015. № 4(84). С. 97–100. DOI: 10.18522/2072-0181-2015-84-4-97-100; EDN: VJOZZP.
8. Воронцов С. А., Понеделков А. В., Усманов Р. Х. Этнокультурное и конфессиональное многообразие как факторы консолидации российского общества // Современная наука и инновации. 2018. № 3(23). С. 220–225. EDN: YXSKHZ.
9. Горшков М. К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 32–47. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.
10. Дашибалова И. Н. Этнокультурное многообразие и этнотерриториальное брендинг в Республике Бурятия: оценки экспертов // Modern science. 2019. № 12-4. С. 276–279. EDN: UOCEJO.

11. Денисова Г. С. Социальная справедливость в межэтнических отношениях // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. Т. 11. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf> (дата обращения: 28.05.2023). DOI: 10.15862/27SCSK420.

12. Денисова Г. С., Денисова А. В., Намруева Л. В. Этнокультурное образование в Республике Калмыкия: существует ли угроза формированию гражданской идентичности // Вестник КИГИ РАН. 2016. Т. 9. № 2(24). С. 176–186. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-176-186; EDN: WZEVYN.

13. Денисова Г. С., Чернобровкина Н. И. Экспертная оценка этнополитической ситуации в Калмыкии: интерпретация в контексте теории справедливости // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 6. С. 158–170. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.13; EDN: EWVDRX.

14. Дробижева Л. М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

15. Зими́на Н. С. Социально-философский анализ этнокультурного многообразия // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 2. С. 13–19. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19; EDN: ZKEYKD.

16. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения) / Под ред. М. К. Горшкова. М.: Весь Мир, 2022. 248 с.

17. Кучуков М. М. Идея справедливости в полиэтническом социуме // Вопросы теории и практики. 2014. № 8(46). URL: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/25.html (дата обращения: 10.05.2023).

18. Магомедханов М. М., Ибрагимов М.-Р. А. Языковое и этнокультурное многообразие народов: специфика Дагестана // Социологические исследования. 2009. № 6. С. 45–50. EDN: KHQVPP.

19. Малькова В. К. Этнокультурное многообразие столицы России или «С кем поведешься, от того и наберешься». М.: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2022. 219 с. EDN: JPEMNJ.

20. Макарова Г. И. Многообразие в интеграции: государственная федеральная и региональная этнокультурная политика // Регионология. 2010. № 1(170). С. 215–221. EDN: LPCWXL.

21. Нимаева Б. Б. Бурятский язык в этнокультурном многообразии России // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 1(103). С. 147–151. EDN: YIBUGZ.

22. Павлов Н. М., Михалева О. И. Развитие родных языков как условие сохранения традиционных ценностей и этнокультурного многообразия // Народное образование Якутии. 2022. № 2(123). С. 23–26. EDN: EVHCCU.

23. Перова Е. Ю., Цыремпилова И. С. Роль вуза культуры в сохранении этнокультурного многообразия региона // Вестник КемГУКИ. 2020. № 50. С. 22–28. DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-22-29; EDN: XEGGZW.

24. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Этнокультурное многообразие как фактор социально-экономической динамики межэтнических сообществ // Евразийство: теоретический потенциал и практическое приложение. 2018. № 9. С. 3–7. EDN: YXGERV.
25. Семененко И. С. Политика идентичности в условиях этнокультурного многообразия: новая повестка дня // Идентичность: личность, общество, политика. М.: Весь Мир, 2017. С. 102–114. EDN: TEQVWH.
26. Социальная справедливость в сфере межэтнических отношений и укрепления общероссийской идентичности населения Юга России. М.: Русайнс, 2021. 180 с. EDN: ТАIYNN.
27. Тарбастаева И. С. Теоретическая модель сохранения этнокультурного многообразия в республиках // Вестник БГУ. 2020. № 2. С. 46–53. DOI: 10.18101/1994-0866-2020-2-46-53. EDN: FECZIZ.
28. Тишков В. А., Степанов В. В. Этнокультурное и языковое многообразие и система образования // Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017. С. 125–145. EDN: WCIRYL.
29. Российская нация: становление и этнокультурное многообразие. М.: Наука, 2011. 462 с. EDN: QONJLB.
30. Чернобровкина Н. И., Бинева Н. К., Войтенко В. П. Социальная справедливость в контексте деполитизации этничности (на примере Республики Калмыкии) // Гуманитарий Юга России. 2021. № 5(51). С. 171–192. DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.12.
31. Шайхисламов Р. Б. Этнокультурное многообразие общества и сложная этнокультурная идентичность молодежи // Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве. Уфа: БГУ, 2021. С. 6–29. EDN: XONNZN.
32. Этнокультурное и языковое многообразие народов России: на примере республик Башкортостан, Татарстан, Саха (Якутия), Дагестан. УФА: УФИЦ РАН, 2021. 310 с. EDN IAMKSJ.
33. Этнокультурное многообразие и гражданская и этническая идентичность молодежи в постсоветском пространстве / Под общ. ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 188 с. EDN: CVGRKM.
34. Языковая политика в полиэтничных республиках Северного Кавказа: проблемы сохранения этнокультурного многообразия народов России. Махачкала: Алеф, 2022. 206 с. EDN: ZVLJVM.

Получено редакцией: 10.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

Бинева Наталья Камильевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент Института социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7

Preservation of Ethnocultural Diversity and Fairness in Interethnic Relations in the Estimations of the Population of the South of Russia¹

Yury G. Volkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: ugvolkov@sfedu.ru

ORCID 0000-0001-5696-1570

Natalya K. Bineeva

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

E-mail: n.bineeva@gmail.com

ORCID 0000-0002-6582-4049

For citation: Volkov Yu. G., Bineeva N. K. Preservation of ethnocultural diversity and fairness in interethnic relations in the estimations of the population of the south of Russia. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 112–132. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.7; EDN: ECPKQ

Abstract. The article examines views on the issue of preserving and reproducing ethnocultural diversity in the context of multicultural regions in Southern Russia, within the framework of the perception of the implementation of the state's national policy in the categories of social justice in interethnic relations. The authors consider this issue within the discourse of public policy and the everyday perception of ethnic groups residing in Southern Russia. The article is based on materials from exploratory sociological research conducted through questionnaire surveys of the population in the regions of Southern Russia, focus groups, and in-depth interviews with experts in the field of implementing the state's national policy (government officials, scholars, researchers, diaspora representatives). The research covered five regions of Southern Russia (Rostov Oblast, Krasnodar Krai, Republic of Kalmykia, Republic of Crimea, Karachay-Cherkess Republic).

The article analyses perceptions of ethnocultural diversity in the context of justice in interethnic relations at the regional level. It also explores the connection between identification and socio-psychological characteristics (subjective assessments of violations of rights based on nationality) and the conviction of ethnic groups regarding the observance of justice while preserving the cultural diversity of their people in the region of residence (culture, language, and the development of ethnocultural infrastructure).

The conducted analysis reveals that issues related to the preservation and development of ethnocultural diversity hold a prominent position in the population's views in the Southern Russian regions regarding the fair regulation of interethnic relations. Points of contention that translate social tension into interethnic tension often revolve around questions of historical memory linked to various forms of ethnic-based deprivation. It is established that the demand for the reproduction of ethnocultural diversity in the regions of Southern Russia is determined by the subjective experience of perceiving violations of rights based on nationality, assessments of justice in managing interethnic relations by the state, and the respondent's type of identity. The core understanding of justice for ethnic groups is linked to sociocultural aspects, and their demand for preserving culture, language, and traditions, regardless of their region of residence, is associated with concerns about their potential loss.

Keywords: justice, ethnocultural diversity, peoples of Southern Russia, ethnic culture, languages of the peoples of the Russian Federation, interethnic relations

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Gritsenko G. D. et al. Consolidating trends and historical traumas in the North Caucasian scientific discourse. In *Historical and ethno-cultural topics in the educational, scientific and socio-political discourse of the North Caucasus*. Ed. by V. A. Tishkov; comp. B. A. Sinanov, V. V. Tishkov. Moscow, IEA RAN, 2021: 52–54 (in Russ.). EDN: ACUBNW.

¹ *The article was prepared within the framework of the program of fundamental and applied scientific research on the theme "Ethno-cultural diversity of the Russian society and strengthening of the all-Russian identity" 2023-2025 under the project "State-civil integration of the Russian multicultural society and adaptation practices of the population in the conditions of new territoriality and national policy of restoration of historical justice" (state assignment of the Ministry of Education and Science, internal number GZ0110/23-14-RG).*

2. Aksyumov B. V., Khachatryan L. V. Formation of Russian Civilizational Identity in the Context of Ethnocultural Diversity. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2018: 4 (96): 22–26 (in Russ.). DOI: 10.18522/2072-0181-2018-96-4-22-26. EDN: YUGTET.
3. Astvatsaturova M. A., Davydova Ye. V. Ethnocultural and Confessional Diversity in the Context of the Consolidation of Russian Society: Expert Opinion at the Regional Level. *Vestnik PGU*, 2018: 2: 270–273 (in Russ.). EDN: YPCZXN.
4. Badmayev V. N., Purvsuren B. The Phenomenon of Identity and the Ethnocultural Diversity of the Peoples in the Region (Based on the Materials of a Sociological Survey in the Republic of Kalmykia). *Vestnik Kalmytskogo un-ta*, 2019: 4 (44): 108–114 (in Russ.). EDN: JLBXIV.
5. Bedrik A. V., Bineeva N. K., D'yachenko A. N. Preservation of the Ethnocultural Diversity of the Population in the Context of Russian National Policy. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*, 2019: 4: 213–217 (in Russ.). DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-213-217; EDN: KHMKEYU.
6. Barsova N. S., Podyachev K. V. Participation of Soviet specialists in the creation of the Egyptian national dance school as a manifestation of cultural sensitivity phenomenon. *Vestnik instituta sotziologii*, 2023: 14: 2: 149–173 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2023.14.2.8; EDN: GJWNXL.
7. Vagabova N. M. Ethnocultural diversity in the North Caucasus: the relationship of the unique, special and common. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2015: 4(84): 97–100 (in Russ.). DOI: 10.18522/2072-0181-2015-84-4-97-100; EDN: VOZZP.
8. Vorontsov S. A., Ponedelkov A. V., Usmanov R. Kh. Ethno-Cultural and Confessional Diversity as Factors in the Consolidation of Russian Society. *Sovremennaya nauka i innovatsii*, 2018: 3(23): 220–225 (in Russ.). EDN: YKHSKHZ.
9. Gorshkov M. K. Social Justice in the Mass Perception and Value Orientations of Russians. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2022: 6: 32–47 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.
10. Dashibalova I. N. Ethno-cultural diversity and ethno-territorial branding in the Republic of Buryatia: expert assessments. *Sovremennaya nauka*, 2019: 12-4: 276–279 (in Russ.). EDN: UOCEJO.
11. Denisova G. S. Social justice in interethnic relations. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*. 2020: 4: 11. Accessed 28.05.2023. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/27SCSK420.pdf> (in Russ.). DOI: 10.15862/27SCSK420.
12. Denisova G. S., Denisova A. V., Namrueyeva L. V. Ethnocultural education in the Republic of Kalmykia: is there a threat to the formation of civic identity. *Vestnik KIGI RAN*, 2016: 9: 2(24): 176–186 (in Russ.). DOI: 10.22162/2075-7794-2016-24-2-176-186; EDN: VZEVIN.
13. Denisova G. S., Chernobrovkina N. I. Expert assessment of the ethno-political situation in Kalmykia: interpretation in the context of the theory of justice. *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2020: 9-6: 158–170 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2020.6.13; EDN: EWVDRX.
14. Drobizheva L. M. Etnichnost' v sotsial'no-politicheskom prostranstve Rossiyskoy Federatsii. Opyt 20 let [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. Experience 20 years]. Moscow, Novyy khronograf, 2013: 336 (in Russ.).
15. Zimina N. S. Socio-philosophical analysis of ethno-cultural diversity. *Gumanitarnyy vector*, 2019: 14-2: 13–19 (in Russ.). DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-2-13-19; EDN: ZKEYKD.
16. The historical consciousness of Russians: assessments of the past, memory, symbols (the experience of sociological measurement). Moscow, Ves' Mir, 2022: 248 (in Russ.).
17. Kuchukov M. M. Ideya spravedlivosti v polietnicheskom sotsiume [The idea of justice in a multiethnic society]. *Voprosy teorii i praktiki*, 2014: 8 (46). Accessed 10.05.23. URL: www.gramota.net/materials/3/2014/8-1/25.html (in Russ.).
18. Magomedkhanov M. M., Ibragimov M.-R. A. Yazykovoye i etnokul'turnoye mnogoobrazie narodov: osobennosti Dagestana [Linguistic and ethno-cultural diversity of peoples: the specificity of Dagestan]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2009: 6(302): 45–50 (in Russ.). EDN: KHKVPP.
19. Mal'kova V. K. Etnokul'turnoye mnogoobrazie stolitsy Rossii ili "S kem povedesh'sya, ot togo i naberesh'sya" [Ethnocultural diversity of the capital of Russia or "Whoever you behave with, that's what you get from"]. Moscow, IEA im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN, 2022: 219 (in Russ.). EDN: ZHEMNZH.
20. Makarova G. I. Mnogoobrazie v vysshey stepeni: gosudarstvennaya federal'naya i regional'naya etnokul'turnaya politika [Diversity in Integration: State Federal and Regional Ethnocultural Policy]. *Regionologiya*, 2010: 1(170): 215–221 (in Russ.). EDN: LPCWXL.

21. Nimayeva B. B. The Buryat language in the ethno-cultural diversity of Russia. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 2017: 1(103): 147–151 (in Russ.). EDN: YIBUGZ.
22. Pavlov N. M., Mikhaleva O. I. Development of native languages as a condition for preserving traditional values and ethno-cultural diversity. *Narodnoye obrazovaniye Yakutii*, 2022: 2(123): 23–26 (in Russ.). EDN: YEVGCHKU.
23. Perova Ye. Yu., Tsyrempilova I. S. The role of the university of culture in preserving the ethno-cultural diversity of the region. *Vestnik KemGUKI*, 2020: 50: 22–28 (in Russ.). DOI: 10.317773/2078-1768-2020-50-22-29; EDN: XEGGZW.
24. Popkov Yu. V., Tyugashev Ye. A. Ethnocultural Diversity as a Factor in the Socio-Economic Dynamics of Interethnic Communities. *Yevraziystvo: teoreticheskiy potentsial i prakticheskoye prilozheniye*, 2018: 9: 3–7 (in Russ.). EDN: YKHGERV.
25. Semenenko I. S. Identity policy in terms of ethno-cultural diversity: a new agenda. Identity: personality, society, politics. Moscow, Ves Mir, 2017: 102–114 (in Russ.). EDN: TEQVWH.
26. Social justice in the sphere of interethnic relations and strengthening the all-Russian identity of the population of the South of Russia. Moscow, Rusayns, 2021: 180 (in Russ.). EDN: TAIYNN.
27. Tarbastayeva I. S. A Theoretical Model for the Preservation of Ethnocultural Diversity in the Republics. *Vestnik BGU*, 2020: 2: 46–53 (in Russ.). DOI: 10.18101/1994-0866-2020-2-46-53; EDN: FESIZ.
28. Tishkov V. A., Stepanov V. V. Ethno-cultural and linguistic diversity and education system. Ethnic and religious diversity of Russia. Moscow, IEA im. N. N. Miklukho-Maklaya RAN, 2017: 125–145 (in Russ.). EDN: WCIRYL.
29. Rossiyskaya natsiya: stanovleniye i etnokul'turnoye mnogoobraziye [Russian nation: formation and ethno-cultural diversity]. Moscow, Nauka, 2011: 462 (in Russ.). EDN: QONJLB.
30. Chernobrovkina N. I., Bineyeva N. K., Voytenko V. P. Social justice in the context of depoliticization of ethnicity (on the example of the Republic of Kalmykia). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2021: 5(51): 171–192 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2021.5.12.
31. Shaikhislamov R. B. Ethno-cultural diversity of society and the complex ethno-cultural identity of youth. In *Ethno-cultural diversity and civil and ethnic identity of youth in the post-Soviet space*. Ufa, BGU, 2021: 6–29 (in Russ.). EDN: KHONNZN.
32. Ethnocultural and linguistic diversity of the peoples of Russia: on the example of the republics of Bashkortostan, Tatarstan, Sakha (Yakutia), Dagestan. Ufa, UFIC RAN, 2021: 310 (in Russ.). EDN: YAMKSZH.
33. Ethno-cultural diversity and civil and ethnic identity of youth in the post-Soviet space. Ufa, BGU, 2021: 188 (in Russ.). EDN: CVGRKM.
34. Language Policy in the Polyethnic Republics of the North Caucasus: Problems of Preserving the Ethnocultural Diversity of the Peoples of Russia. Makhachkala, Alef, 2022: 206 (in Russ.). EDN: ZVLJVM.

The article was submitted on: July 10, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yury G. Volkov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Scientific Supervisor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

Natalya K. Bineeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

ОСОБЕННОСТИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8

EDN: GPUJBI

Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан¹

Ссылка для цитирования: Адиев А. З. Патриотический дискурс в публикациях гуманитариев Республики Дагестан // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI

For citation: Adiev A. Z. Patriotic discourse in the publications of humanities scientists of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI

Адиев Асланбек Залимханович¹

¹Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН,
Махачкала, Россия

Khalid_84@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: 524594

Аннотация. В статье представлены результаты обзора публикаций в научной периодике по проблематике патриотизма, написанных авторами из Республики Дагестан – специалистами в области гуманитарных и общественных наук. Отмечается, что научный дискурс о патриотизме разрабатывается в республике преимущественно социальными философами, педагогами и социологами. Выявлено, что большинство авторов рассматриваемых публикаций понимают патриотизм как консолидирующую идею, призванную объединить россиян на основе конституционного принципа равенства всех граждан, независимо от регионов проживания, этнической и конфессиональной принадлежности, а сама проблема патриотизма тесно увязывается авторами с проблематикой формирования и укрепления общероссийской идентичности. Соответственно, в публикациях дагестанских авторов главными проблемными аспектами патриотического дискурса в России становятся вопросы инклюзивности современной российской нации, способности концепта российской нации в глазах широкой общественности учитывать и вбирать в себя всё многообразие региональных, этнокультурных и конфессиональных идентичностей россиян. Развитие патриотического дискурса в публичном пространстве, по мнению авторов-философов, должно содействовать внедрению в массовое сознание российской молодёжи таких базовых ценностей, как гуманизм, гражданственность,

¹ Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков). Проект «Патриотизм как интегрирующая ценность полиэтничного российского общества» (FSRN-2023-0025).

этицизм, социальная справедливость, этническая и конфессиональная толерантность, высокий уровень жизни, гордость за страну, её историю, достижения в различных сферах жизни и высокую культуру. В работах дагестанских социологов в рамках патриотической тематики предметом исследования являются: патриотические установки в массовом сознании дагестанцев; соотношение гражданской, региональной, этнической и религиозной идентичностей в условиях воздействия на массовое сознание как консолидирующих, так и разобщающих факторов, в том числе и различных версий идеологии радикального исламизма, регионализма и этнического национализма. В тематических публикациях последних лет фиксируется, что в республике возросла активность органов власти и общественности в патриотическом воспитании молодёжи республики. Однако наряду с воспитанием патриотизма необходимо прилагать усилия для повышения качества жизни населения страны.

Ключевые слова: патриотизм, патриотическое воспитание, Россия, Дагестан, российская нация, идентичность, Северный Кавказ

Введение

Понятие «патриотизм» имеет огромное множество определений, среди которых наиболее ёмким и незамысловатым представляется его толкование как любовь к Отечеству и стремление служить интересам своей Родины и народа. Его можно рассматривать и как эмоционально переживаемое чувство солидарности, и как нравственный принцип, и как личностную установку в контексте социального поведения. С появлением современных, условно говоря, национальных государств понятие патриотизма, изначально предполагавшее привязанность к родной земле, языку, культуре, традициям своей общины и этноса, приобрело широкий политический смысл, связанный с самоидентификацией человека с гражданской нацией, государством, Отечеством. При этом сохраняются и более ранние его разновидности – общинный, этнический и т. д., что в условиях современной России с её историческим наследием, федеративным устройством и этнокультурным разнообразием диктует необходимость учёта и соединения в идее общегражданского патриотизма его региональных и этнических измерений. Исходя из этого мы рассматриваем патриотизм в русле парадигмы конструктивизм – как консолидирующую идейную основу гражданской (национальной) идентичности, которая формируется (должна формироваться) не в ущерб и не взамен, а поверх этнической, религиозной, региональной и иных форм социально-групповых идентичностей человека. В таком же ключе его понимают власти. Как заявляет президент страны *«у нас нет и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Это и есть национальная идея»*¹. Без воспитания патриотического сознания граждан невозможно стабильное существование страны, тем более такой большой, полиэтничной и многоконфессиональной, как Россия.

¹ Путин: патриотизм – «это и есть национальная идея» // ТАСС. 03.02.2016. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/2636647> (дата обращения: 08.05.2023).

Кроме того, патриотический дискурс нуждается в адаптации к динамично меняющимся условиям жизни российского общества, чтобы сохранить культурно-историческую преемственность между поколениями. Поэтому важно, чтобы патриотизм воспитывался именно как интегрирующая ценность и основа консолидации всех граждан.

Для утверждения в массовом сознании россиян такого понимания патриотизма большое значение имеет движение к достижению широкого общественного согласия относительно трактовки основных, нередко драматических событий в истории государства, вокруг повестки дня политики памяти и символической политики на территории всей страны [6, с. 603]. Особенно актуальны эти вопросы на окраинах страны, в частности на Северном Кавказе, где даже памятники тем или иным историческим личностям могут восприниматься в негативном ключе (как колониальная символика или провокация межэтнической розни) и подтачивать единство общества.

Сложность и специфика патриотического дискурса в республиках Северного Кавказа, требующие своего осмысления и учёта, обусловлены не только этнокультурным разнообразием населения и дебатами об истории (мирного или путём завоевания) вхождения отдельных политических образований и территорий региона в состав Российского государства. Значение имеет и то, что эти субъекты федерации сохранили институционально оформленные элементы государственности т. н. «титულных» этносов в форме республик (наследие советской национальной политики) и весь северокавказский регион, в той или иной конфигурации, представляет собой картографический образ альтернативных (по большей части виртуальных) политических проектов, основанных не на общероссийской гражданской идентичности, а на этнических национализмах и политическом исламе [15, с. 118]. Кроме того, как отмечает ряд исследователей, у жителей северокавказских республик в общественно-политической сфере часто доминируют не общегражданские, а узкоэтнические интересы. Это, в свою очередь, порождает *«усердное вычерчивание этнических границ, “войны историков”, вечное выяснение, кто древнее и кто раньше появился на Кавказе»* [8, с. 175].

В такой ситуации утверждение в массовом сознании идеи гражданского патриотизма, которая должна объединять всех жителей страны и определять их поведение в общественно-политической сфере, представляется весьма непростой задачей. Поэтому весьма интересным, на наш взгляд, представляется изучение патриотического дискурса среди гуманитариев северокавказских республик: как понимают патриотизм и связанные с ним проблемы авторы из этих регионов страны; какие вопросы более всего актуализируются в их работах в рамках данной темы? Наше небольшое исследование связано с поиском ответов на эти вопросы на примере Республики Дагестан. В данной статье представлен анализ современного (с 2014 г. – воссоединения Крыма с Россией) научного дискурса о проблемах патриотического воспитания дагестанской молодёжи. Цель работы – выявить основное содержание и проблемные аспекты научного дискурса по тематике

патриотического воспитания молодёжи республики. Эмпирическую основу исследования составили научные публикации по указанной теме за период с 2014 по 2022 г. (статей в научной периодике) авторов из Дагестана – специалистов в области общественных наук. Всего за указанный период по ключевым словам («патриотизм», «патриотическое воспитание», «патриотическое самосознание», «Дагестан») в библиографических базах данных научных публикаций (РИНЦ и «КиберЛенинка») удалось найти 18 научных статей¹, написанных 14 авторами (по специальности – философы, историки, педагоги, социологи), аффилированными с вузами республики и Дагестанским федеральным исследовательским центром Российской академии наук (ДФИЦ РАН).

¹ Абдулагатов З. М. Проблемные вопросы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2021. Т. 1. № 3. С. 60–71; Абдулагатов З. М. Региональные проблемы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // *Региональные аспекты социальной политики*. 2021. № 23. С. 91–102; Абдулкадыров Ю. Н. Патриотизм как идейная основа формирования российской гражданской нации // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 8. С. 1632–1636; Абдулкадыров Ю. Н. Патриотизм как ценностная основа современного российского общества // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 11-1. С. 15–20; Гасанов Н. Н., Гасанов М. Г., Магаррамов М. Д. Патриотическое воспитание: от исторических уроков к механизму реализации // *Социально-гуманитарные знания*. 2016. № 3. С. 211–228; Казиев Н. Э., Магаррамов М. Д., Нухова З. К. Механизм патриотического воспитания современной российской молодёжи // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2017. Т. 11. № 1. С. 52–57; Казиев Н. Э., Магаррамов М. Д., Юсупова Г. И., Алибекова С. Я. Опыт реализации программно-целевого подхода к патриотическому воспитанию молодежи как условие обеспечения духовной безопасности государства // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2018. Т. 12. № 4. С. 54–60; Магомедов А. М. Духовно-нравственное единство, культура межнационального общения и патриотизм в традициях народов Дагестана // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2014. № 2(27). С. 38–48; Шахбанова М. М. Патриотизм и патриотические установки в массовом сознании дагестанских народов // *Региональные аспекты социальной политики*. 2018. № 20. С. 23–31; Шахбанова М. М. Патриотические настроения в установках дагестанских народов // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2016. № 4(48). С. 150–162; Шахбанова М. М. Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2016. № 8(70). С. 74–85; Шахбанова М. М. Российская идентичность и специфика межэтнического взаимодействия дагестанских народов // *Вестник Института истории, археологии и этнографии*. 2016. № 1(45). С. 130–139; Шахбанова М. М., Муртузова З. М. Патриотизм: специфика формирования и функционирования в Республике Дагестан // *Успехи современной науки и образования*. 2017. Т. 1. № 1. С. 205–208; Ширекина Е. В. Патриотическое воспитание старшеклассников во внеклассной работе многонационального региона // *Педагогический опыт: теория, методика, практика*. 2015. № 4(5). С. 361–367; Ширекина Е. В. Психолого-педагогические особенности патриотического воспитания старшеклассников в полиэтнической среде (на примере школ Республики Дагестан) // *Современное общество: проблемы, идеи, инновации*. 2017. № 6. С. 60–63; Ширекина Е. В., Гаджимусилов Г. М. Воспитание патриотизма у старшеклассников во внеклассной работе (на материалах школ Республики Дагестан) // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 214–216; Юсупова Г. И. Патриотическое воспитание как один из факторов формирования новой российской макроидентичности // *Тенденции развития науки и образования*. 2018. № 42-3. С. 29–32; Юсупова Г. И., Алибекова С. Я., Магаррамов М. Д. Современные проблемы патриотического воспитания в Республике Дагестан // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2017. Т. 11. № 4. С. 102–107.

Основное содержание

Большинство авторов публикаций в научной периодике на тему патриотизма в Республике Дагестан по своей специальности и используемой методологии являются педагогами и социальными философами, преподают гуманитарные и социальные дисциплины в вузах республики (Дагестанский государственный университет – ДГУ, Дагестанский государственный педагогический университет – ДГПУ, Дагестанский государственный технический университет – ДГТУ, Дагестанский институт развития образования – ДИРО). Приходится констатировать, что основная масса рассматриваемых публикаций представляет собой довольно абстрактные философско-педагогические размышления на тему патриотизма и патриотического воспитания граждан и не содержит анализа или описания каких-либо эмпирических данных. Основной пафос таких публикаций в лучшем случае направлен на содействие концептуализации идеи патриотизма, уточнение и актуализацию её смыслового наполнения в условиях современного российского общества. В некоторых же случаях речь идёт об откровенно псевдонаучных публикациях, имеющих поучительно-пропагандистский стиль изложения.

Дагестанские авторы, предлагающие свои интерпретации для центральной категории анализа, в целом солидарны с российской властью и понимают патриотизм как консолидирующую идею, призванную объединять всё российское общество. При этом они акцентируют внимание на восприятии патриотизма как идейной основы консолидации именно полиэтничного и многоконфессионального общества, а не на проблемах, скажем, социально-имущественного расслоения граждан или сохранения культурно-исторической преемственности между поколениями. *«Патриотизм, рассмотренный в формате формирования российской национальной идеи, на наш взгляд, позволяет выработать наиболее эффективную стратегию как в выработке образа российской гражданской нации – нации наций, так и в формировании перечня тех базовых ценностей, скрепляющих многоэтничный и многоконфессиональный российский народ»*, – пишет проф. Ю. Н. Абдулкадыров [3, с. 1632]. *«Без интернационализма патриотизм не может быть стабильной, действенной силой прогресса, он неизбежно вырождается в национализм. В то же время интернационализм без патриотизма означал бы космополитизм, а он никогда не был и не мог быть силой, сплачивающей широкие массы. Следовательно, существует одна (двухединная) задача – интернационально-патриотическое воспитание»*, – пишут в терминологии советского периода проф. Н. Н. Гасанов и соавторы [7, с. 221–222]. В условиях полиэтничного российского социума *«воспитание патриотизма должно быть направлено против политизации этничности и религии, способствовать формированию чувства принадлежности к единой Родине»*, – отмечает философ Г. И. Юсупова [13, с. 31]. При этом некоторые авторы не раскрывают собственного понимания патриотизма, а оперируют этой категорией как общеизвестным и однозначным понятием, не нуждающимся в интерпретации. В целом же

контекстуальное понимание патриотизма у всех авторов рассматриваемых публикаций сходно и созвучно официальному представлению о нём. *«При исследовании патриотизма мы исходим из определения... любовь к своей стране, чувство органической принадлежности к ней, взаимное чувство сопринадлежности к соответствующей общности, возникающее и существующее между людьми своей страны»*, – пишет социолог М. М. Шахбанова [11, с. 75].

К сожалению, как это часто бывает у философствующих авторов, они зачастую не ставят конкретных исследовательских задач, а излагают общие рассуждения о важности патриотического воспитания молодёжи. При обосновании актуальности темы своих публикаций авторы многих рассмотренных нами работ ссылаются на геополитические вызовы современности и «кризис идентичности» в условиях глобализации. *«России в нынешних сложных геополитических условиях, когда к её границам вплотную подводят объекты военного характера НАТО и, под видом необходимости защиты от внезапного ракетного удара со стороны Ирана, США устанавливают вблизи наших границ системы ПРО, радиолокации; принимаются попытки искажения истории нашей страны, принижения её роли в разгроме фашистской Германии, вопросы патриотического воспитания граждан выходят на первый план и приобретают первостепенное значение»*, – пишут проф. Н. Н. Гасанов и соавторы [7, с. 211]. *«Попытки международной изоляции, ужесточение санкций против России активизировали процессы консолидации российского общества и усилили патриотические настроения населения страны. В этих условиях сознательное управление процессом патриотического воспитания на основе программно-целевого подхода представляется востребованным, требует научного осмысления, а итоги, несомненно, возымеют положительный, праксиологический результат, что будет отвечать интересам российского общества и государства»*, – уверяют читательскую аудиторию проф. Н. Э. Казиев и соавторы [9, с. 55]. *«Сегодня, когда весь коллективный Запад во главе с США развязал против России гибридную войну, фактор возрождения патриотизма как фундаментальную базовую ценность в сохранении своего суверенитета и целостности приобретает особую актуальность»*, – освежает актуальность тематики проф. Ю. Н. Абдулкадыров [4, с. 16]. А философ Г. И. Юсупова считает, что актуальность изучения тематики патриотического воспитания обусловлена падением его качества по таким причинам, как: *«размывание традиционных нравственных ценностей народов России, попытки политизации этнического и религиозного факторов, недостаточность мер по формированию российской гражданской идентичности и гражданского единства, воспитанию культуры межнационального общения, изучению истории и традиций российских народов...»* [13, с. 31]. В целом при обосновании актуальности патриотического дискурса дагестанские авторы обращаются к таким проблемам, как формирование и укрепление общероссийской идентичности, постсоветский идеологический вакуум, глобализация, сложная геополитическая обстановка, этнический национализм, радикальный исламизм.

Декларируемые многими авторами-философами методы исследования проблемы патриотического воспитания граждан – самые разные: междисциплинарный метод, системный подход, сравнительный анализ, историко-философский анализ, принцип диалектической взаимообусловленности, общенаучные принципы познания и т. д. Однако достаточно сложно оценить обоснованность (валидность) и успешность использования авторами всех этих научно-познавательных средств, так как зачастую их невозможно идентифицировать в текстах.

Работы части авторов носят характер долженствования, т. е. они, как бы с позиций носителей истины в последней инстанции, пишут о том, как надо воспитывать патриотизм среди граждан. *«Система образования должна быть выстроена таким образом, чтобы, во-первых, всесторонне формировать у молодёжи способность к анализу социально значимых проблем, во-вторых, вырабатывать у них высочайшие идеалы толерантности, взаимопонимания, ненасилия, равноправия, любви и добра. Система образования должна быть ориентированной на освоение каждым мультикультурных ценностей всего российского общества. Образ великой России в системе образования должен вобрать в себя образы малых родин. Необходимо воспитывать личность, которая может и должна уметь жить одновременно во множестве культур. Уровень образования в сегодняшней России должен быть таким, чтобы каждый выпускник вуза не только с учётом своей архетипической сущности мог свободно конструировать своё внутреннее Я, но и свободно вписываться в процессы формирования общегражданской идентичности»,* – пишет автор [3, с. 1635]. *«Необходимо добиваться повышения производительности труда, качества продукции, повышения общей культуры вообще, политической, нравственной культуры, в частности, соблюдения законности, дисциплины и норм морали. Все это имеет прямое отношение к патриотизму и патриотическому воспитанию»,* – просвещают своих читателей проф. Н. Н. Гасанов и соавторы [7, с. 217]. Они же пишут далее, что *«нельзя успешно воспитывать патриотические чувства и чувства национальной гордости людей, не учитывая интернационалистские чувства, ибо такое невнимание может привести к отрицательным результатам, а в отдельных случаях и к возрождению националистических выходов»* [7, с. 217]. При этом одни авторы склонны к довольно широким обобщениям и выводам, которые не вытекают из основного содержания их работ. Так, преподаватель в заключении своей статьи пишет: *«Таким образом, духовно-нравственное единство, патриотизм и дружба народов, формирование культуры межнационального общения проявлялись в сложившихся социально-политических условиях в самых разных формах и факторах, свойственных самобытности дагестанских этносов, закрепились в сознании горцев, как традиции, которые использовались при воспитании последующих поколений»* [10, с. 47]. Словом, с патриотическим воспитанием молодёжи в Дагестане всё в порядке, и только непонятно, почему автор в данном случае написал об этом научную (т. е. проблемную) статью, а не передовицу в местном официозе. Примерно в таком

же духе написана статья ещё одних авторов. *«Несмотря на происходившие изменения в образовании России, направленные на подрыв сложившейся целостной системы патриотического воспитания, общеобразовательные школы Республики Дагестан сумели сохранить свои вековые традиции воспитания патриотизма и дружбы народов у учащихся во внеклассной работе»*, – пишут в соавторстве преподаватели ДГПУ и Дагестанского института развития образования (ДИРО), видимо, ведущие свою, уходящую в глубь веков, хронологию общеобразовательных школ республики [12, с. 215].

На фоне подобных публикаций заметно выделяются статьи авторов, придерживающихся методологии социологических и политических наук. Они презентуют в текстах результаты своих пусть и дискуссионных, но достаточно оригинальных научных изысканий. Так, в работах З. М. Абдулагатова разбираются проблемные аспекты в деле патриотического воспитания молодёжи Дагестана. Опираясь на результаты своих полевых исследований, автор приходит к выводу о низком уровне российского патриотизма среди современной молодёжи республики. Он связывает это с социально-экономическими проблемами населения региона, но главным образом с усилением роли исламского мировоззрения у подрастающего поколения дагестанцев, которое, по его убеждению, мешает развитию у них общероссийской гражданской идентичности. *«Исламская религиозность в Дагестане снижает показатели российского патриотизма»*, – прямо и категорично заявляет автор [1, с. 66]. Обосновывая эту идею, он пишет, что *«согласно исламской нормативности, мусульманин должен защищать свою Родину, но эта задача стоит на втором месте. Прежде всего он должен защищать интересы ислама. Исламский патриотизм есть явление особое. В своих нормативных положениях он связывает человека не столько с народом, с территорией, сколько с «мусульманским братством»* [1, с. 62]. Иными словами, если мы правильно уловили мысль автора, исламская религиозность мешает (должна мешать) гражданину поступать патриотично, когда он стоит перед выбором: проявить гражданскую солидарность или проявить мусульманскую солидарность? В другой своей работе автор демонстрирует солидарность с позицией философа Г. Джемала, согласно которому *«привязки к почве и крови не должно быть... ислам и патриотизм – это полярно противоположные вещи»* [2, с. 93]. Таким образом, мусульманин ставит на первое место (в шкале своих идентичностей) своё религиозное самосознание, что, по мнению автора, снижает в республике показатели российского патриотизма. Эти, на наш взгляд, дискуссионные выводы автора показывают, насколько важно не допускать (в том числе и в научном дискурсе) противопоставления государственно-гражданской (русской) идентичности конфессиональной (в данном случае – мусульманской), а также этнической и региональной. Российская идентичность, очевидно, должна формироваться и укрепляться поверх, а не за счёт размывания конфессионального самосознания мусульман-дагестанцев.

Ещё одной важной проблемой в деле патриотического воспитания республиканской молодёжи автор обозначает неготовность дагестанской общеобразовательной школы к воспитанию российских патриотов, хотя она должна быть главным проводником государственной политики воспитания лояльного и патриотически настроенного гражданина. Основная причина такого удручающего положения вещей, по мнению автора, заключается в том, что дагестанские учителя сами не имеют должного уровня российского патриотического сознания. *«Основная масса педагогов имеет высокий уровень исламской религиозности, который негативно влияет на патриотические настроения»*, – утверждает автор [1, с. 69]. Эти выводы автора, вытекающие из предыдущих его постулатов, на наш взгляд, не учитывают всю палитру государственно-конфессиональных отношений, в том числе и в образовательной сфере в Республике Дагестан, где представители исламских религиозных организаций активно участвуют в мероприятиях по патриотическому воспитанию молодёжи и профилактики различных форм экстремизма. Кроме того, стремление федеральных властей ускорить процесс культурной гомогенизации населения страны посредством единых образовательных стандартов, по мнению социолога, имеет обратный эффект. *«Изъятие из школьных программ уроков Культура и традиции народов Дагестана, История Дагестана, необязательность уроков родного языка и литературы лишают учителя важных инструментов противодействия религиозному экстремизму и терроризму, которые являются крайними проявлениями антироссийских настроений в республике»*, – пишет З. М. Абдулагатов, [1, с. 69]. Здесь автор выражает общую для общественности северокавказских (и не только) республик тревогу и озабоченность по поводу стремительной утраты позиций родных (нерусских) языков народов России в образовательной сфере. Таким образом, автор обозначает в качестве ещё одной проблемы в деле патриотического воспитания молодёжи Дагестана сокращение в школе часов преподавания дисциплин светской этнокультурной направленности, что подрывает в массовом сознании подрастающего поколения приверженность традиционным ценностям и сопротивляемость их сознания воздействию различных экстремистских идеологий. В целом работы автора насыщены интересными статистическими и социологическими данными, а также оригинальными, хотя и зачастую дискуссионными, суждениями по исследуемой тематике.

Вызывают интерес и работы социолога М. М. Шахбановой, в которых отражены результаты опроса 2016 г. по изучению патриотических установок в общественном сознании дагестанских народов. И хотя нам представляется, что более корректным было бы обозначить целью исследования выявление общественного мнения дагестанцев – жителей республики, а не дагестанских народов (указание респондентами своей этнической принадлежности в анкете, на наш взгляд, вовсе не означает, что их ответы определялись этнической принадлежностью), результаты опроса могут иметь научное и практическое значение. По итогам опроса автор приходит к выводам, что *«патриотизм существует и занимает очень важное*

место в общественном сознании дагестанских народов, однако его вос- требованность, вкладываемый в него смысл и содержание отличается у части населения и политической элиты, которая эксплуатирует патриотизм как политический бренд. События, связанные с вхожде- нием Крымского полуострова и города Севастополя в состав Российской Федерации, были восприняты россиянами как торжество исторической справедливости, и на их фоне заметно усилились патриотические настро- ения в российском обществе» [11, с. 74]. Среди индикаторов воспроиз- водства патриотизма у опрошенных дагестанцев автор выделяет «любовь к Отчизне», «стремление улучшить жизнь в стране», «гордость своей страной», «готовность действовать ради благополучия своей страны». Интересными представляются ответы респондентов на вопрос: «Кого, на Ваш взгляд, следует считать истинным патриотом России?» При ответе на вопрос респондентам можно было выбрать несколько вариантов ответа. Согласно данным М. М. Шахбановой, первое ранговое место среди предло- женных респондентам шести вариантов ответа заняло суждение: «патриот России – это тот, кто имеет любовь ко всем её народам», которое выбрали 53% опрошенных. Популярность этого ответа среди дагестанских респон- дентов коррелирует и с интерпретациями самого понятия «патриотизм» как идеологической основы консолидации полиэтнического и многоконфессио- нального российского общества, которые даются авторами рассматриваемых нами публикаций. На втором месте оказался ответ: «патриот России – тот, кто выполняет свой долг перед Отчизной, готов к её защите» (47,5% респондентов отметили этот вариант). На третьем ранговом месте распо- ложился вариант ответа – «патриот России – тот, кто любит Россию и тогда, когда ему живётся в ней плохо» (20,6%) [11, с. 78]. Также по итогам исследования автор приходит к выводу, что в массовом сознании дагестанцев слабо выражено чувство «ответственности за происходя- щее в стране», а ещё хуже выглядит ситуация с необходимостью «занимать активную гражданскую позицию» [11, с. 77]. Эти выводы автора созвучны результатам мониторинговых исследований (ежегодных социологических опросов) Регионального центра этнополитических исследований ДФИЦ РАН по выявлению уровня развитости в массовом сознании жителей респу- блики их социально-групповых идентичностей: гражданской, этнической, религиозной. Так, в публикации, где отражены некоторые результаты опро- сов за 2016–2019 гг., отмечается, что «на фоне стабильно высоких значе- ний идентификатора “общее государство” и роста значимости русского языка опросы зафиксировали ослабление в Дагестане позиций собственно гражданской составляющей общероссийской идентичности – “ответ- ственность за дела в стране”» [5, с. 140]. Интересно было бы проследить динамику изменения общественного сознания дагестанцев по этим социоло- гическим показателям до настоящего времени, но материалы более поздних исследований ещё не опубликованы.

Далее, на основании данных репрезентативных опросов, М. М. Шах- банова отмечает, что у опрошенных дагестанских народов чувство гордости за Дагестан вызывают главным образом: «герои Отечественной войны

1941–1945 годов» (первое ранговое место); «дагестанские традиции в культуре» и «достижения дагестанских спортсменов» [11, с. 82]. Эти элементы любви к малой Родине, на наш взгляд, прекрасно вписываются в общероссийское понимание патриотизма. Обобщая анализ результатов опроса, автор отмечает, что обучить граждан стереотипным проявлениям государственного патриотизма относительно легко, но для того, чтобы человек в условиях свободы информации самостоятельно пришел к осознанию гордости за страну и разные стороны её жизни, важно направлять усилия не на «воспитание патриотизма» путем идеологической обработки, а на реальное повышение качества жизни населения страны. *«В случае России, как показывают результаты анализа, наиболее очевидный ресурс для повышения сознательного, осмысленного чувства гордости людей за свою страну – обеспечение сдвигов к лучшему в развитии экономики, демократии, равноправия, социальной справедливости и социальной защиты населения»*, – резюмирует автор [11, с. 84].

Другая группа авторов, также аффилированная с ДФИЦ РАН, анализирует практику управления патриотическим воспитанием молодёжи Дагестана на основе анализа тематических нормативно-правовых и программных документов. В последние годы в республике, по наблюдениям авторов, существенно возросла системность в реализации федеральных и региональных программ воспитания патриотизма, которая отражается не только в реализации общереспубликанских мероприятий, но и в охвате ими всех муниципалитетов, а также каждого учебного заведения, функционирующего на территории республики [9, с. 56]. Исследователи также отмечают, что наметилась тенденция смещения центра тяжести работы по патриотическому воспитанию молодёжи от республиканского уровня власти к муниципальным образованиям [14, с. 105]. Исследователями выявлено, что благодаря сети подведомственных учреждений, которых больше всего у Министерства образования и науки Республики (вузы, средние-специальные и средние общеобразовательные учебные заведения, учреждения дошкольного образования), а также у Министерства культуры Республики (дома культуры, краеведческие музеи, театры и т. д.), мероприятия этих ведомств по патриотическому воспитанию граждан охватывают население всех городских округов и сельских районов Дагестана. Примерами образцовой работы по патриотическому воспитанию на муниципальном уровне исследователи указывают практики г. Буйнакска и Буйнакского района Дагестана, хотя, скорее всего, таких примеров в республике на муниципальном уровне гораздо больше. В школах многих городов и районов Дагестана сложилась комплексная система патриотического воспитания, включающая различные формы и методы работы. Активное участие в мероприятиях по патриотическому воспитанию молодёжи принимают ветеранские и другие общественные организации. В отличие от социолога З. М. Абдулагатова, считающего, что рост религиозного (исламского) самосознания дагестанской молодёжи идет вразрез с развитием в их сознании российского патриотизма, философ Н. Э. Казиев и соавторы видят в исламских религиозных организациях конструктивный потенциал в деле патриотического воспи-

тания граждан. Авторы отмечают, что «одна из программ активизировала деятельность религиозных организаций и религиозных учебных заведений в реализации основных задач государства в сфере образования, патриотического воспитания подрастающего поколения, формирования этноконфессиональной терпимости в республике» [9, с. 57]. Важным элементом в системе патриотического воспитания стали, по оценкам исследователей, подготовка и празднование различных памятных дат истории России, Дагестана, чествование ветеранов, героев. В республике, помимо общероссийских праздников, ежегодно отмечаются и республиканские праздники (к примеру, День единства народов Дагестана – 15 сентября), а также памятные даты, приуроченные к событиям 1999 г. (отражение нападения на Дагестан бандформирований), призванные подпитывать именно дагестанский патриотизм. В целом, в деле патриотического воспитания молодёжи республики, отмечают исследователи, сложилась определённая системность, улучшается межведомственная координация, в работу вовлечены практически все уровни власти и общественные структуры профильной направленности. Среди недочётов в деле организации патриотического воспитания дагестанской молодёжи авторы отмечают: недостаточность поддержки, оказываемой муниципальными властями общественным организациям, реализующим тематические мероприятия и инициативы; слабость материально-технической базы многоуровневой системы патриотического воспитания; отсутствие в большинстве муниципальных образований республики специализированных центров патриотического воспитания [9, с. 59].

Заключение

Обзор научных публикаций по теме патриотического воспитания молодёжи Дагестана показал, что данный вопрос разрабатывается академическими и вузовскими авторами – преимущественно философами, педагогами и социологами. Дагестанские авторы понимают под патриотизмом прежде всего идейную основу консолидации полиэтнической и многоконфессиональной общности россиян, которая должна вбирать в себя и преданность Дагестану, малой Родине, языку и культуре своей этнокультурной общности. Соответственно, образы и символы, формирующие у людей чувство гордости за свою этническую, региональную и конфессиональную принадлежность, должны вписываться в многоуровневый смысловой ряд укрепления общероссийской идентичности. Среди таких образов и смыслов в массовом сознании дагестанцев наиболее перспективными представляются: «герои Отечественной войны 1941–1945 годов»; «дагестанские традиции в культуре»; «дагестанские спортсмены»; «дагестанцы – Герои Советского Союза»; «дагестанцы – Герои России». Ряд авторов всё ещё используют понятие «нация» как синоним понятия «этнос», и патриотизм в их понимании должен быть по-советски интернациональным, что, если не предаваться педантизму, созвучно вышеуказанной интерпретации. Соответственно, основные проблемы патриотического дис-

курса в России авторы видят в обеспечении конституционного равноправия всех граждан страны, независимо от региона проживания, этничности и вероисповедания.

Патриотический дискурс, по мнению авторов-философов, должен содействовать внедрению в массовое сознание российской молодёжи таких базовых ценностей, как гуманизм, гражданственность, этатизм, социальная справедливость, этническая и конфессиональная толерантность, высокий уровень жизни, гордость за страну, её историю, достижения и культуру.

Среди проблемных аспектов патриотического дискурса дагестанские авторы-социологи обращают внимание на такие вопросы, как: соотношение гражданской и религиозной идентичностей россиян-мусульман в условиях воздействия на их массовое сознание различных версий идеологии радикального исламизма; рост влияния в Дагестане религиозного (исламского) образования в контексте ухудшения качества школьного образования, в том числе из-за отмены уроков светских дисциплин этнокультурной направленности и сокращения часов преподавания родных языков.

Все эти факторы, по мнению ряда авторов, негативно сказываются на уровне российского самосознания молодёжи республики. Ряд авторов обращают внимание на то, что в последние годы в республике усилилась активность органов власти и общественности по патриотическому воспитанию молодёжи республики: проводятся различные мероприятия, множится тематический медиа-контент, выделяется программно-целевое финансирование. Сохраняя эту тенденцию в деле патриотического воспитания молодёжи, важно направлять усилия и на повышение качества жизни населения страны. Патриотический дискурс среди гуманитариев Республики Дагестан является частью не только академического дискурса, но и регионального. Поэтому перспективным представляется продолжение данного исследования среди различных категорий лидеров общественного мнения северокавказских республик.

Библиографический список

1. Абдулагатов З. М. Проблемные вопросы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*. 2021. Т. 1. № 3. С. 60–71. DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071; EDN: NKFPRO.

2. Абдулагатов З. М. Региональные проблемы российского патриотизма (на примере Республики Дагестан) // *Региональные аспекты социальной политики*. 2021. № 23. С. 91–102. DOI: 10.34775/w5246-0315-4838-i; EDN: IRWTBG.

3. Абдулкадыров Ю. Н. Патриотизм как идейная основа формирования российской гражданской нации // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 8. С. 1632–1636. DOI: 10.30853/mns210298; EDN: ASRNMK.

4. Абдулкадыров Ю. Н. Патриотизм как ценностная основа современного российского общества // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2022. № 11-1. С. 15–20. DOI: 10.23672/p2843-1158-6412-u; EDN: GGOQNJ.

5. Адиев А. З. Общероссийская идентичность в Дагестане (по данным опросов 2016–2019 гг.) // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 136–142. DOI: 10.31857/S013216250011312-6; EDN: HQLPID.
6. Бардин А. Л. Патриотизм // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. М.: Весь Мир, 2017. С. 598–607.
7. Гасанов Н. Н., Гасанов М. Г., Магаррамов М. Д. Патриотическое воспитание: от исторических уроков к механизму реализации // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 3. С. 211–228. EDN: WBAZID.
8. Казенин К. И. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: Регнум, 2012. 176 с.
9. Казиев Н. Э., Магаррамов М. Д., Юсупова Г. И., Алибекова С. Я. Опыт реализации программно-целевого подхода к патриотическому воспитанию молодежи как условие обеспечения духовной безопасности государства // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12. № 4. С. 54–60. DOI: 10.31161/1995-0659-2018-12-4-54-60; EDN: ZAGCXV.
10. Магомедов А. М. Духовно-нравственное единство, культура межнационального общения и патриотизм в традициях народов Дагестана // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2014. № 2(27). С. 38–48. EDN: SISZKP.
11. Шахбанова М. М. Патриотические установки в общественном сознании дагестанских народов // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 8(70). С. 74–85. EDN: XEKEUD.
12. Ширекина Е. В., Гаджимусилов Г. М. Воспитание патриотизма у старшеклассников во внеклассной работе (на материалах школ Республики Дагестан) // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2016. Т. 5. № 3(16). С. 214–216. EDN: WXVKDP.
13. Юсупова Г. И. Патриотическое воспитание как один из факторов формирования новой российской макроидентичности // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 42-3. С. 29–32. DOI: 10.18411/lj-09-2018-50; EDN: YLMRNZ.
14. Юсупова Г. И., Алибекова С. Я., Магаррамов М. Д. Современные проблемы патриотического воспитания в Республике Дагестан // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 4. С. 102–107. DOI: 10.18411/lj-09-2018-50; EDN: TIVUAV.
15. Ярлыкапов А. А. «Исламское государство» и Северный Кавказ в ближневосточной перспективе: вызовы и уроки для России // Международная аналитика. 2016. № 3(17). С. 112–121. EDN: ZFCBOR.

Получено редакцией: 8.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адиев Асланбек Залимханович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Региональный центр этнополитических исследований ДФИЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8

Patriotic Discourse in the Publications of Humanities Scientists of the Republic of Dagestan¹

Aslanbek Z. Adiev

Regional Centre of Ethnopolitical Research of DFRC RAS, Makhachkala, Russia

E-mail: Khalid_84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4459-7462

For citation: Adiev A. Z. Patriotic discourse in the publications of humanities scientists of the Republic of Dagestan. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 133–148. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.8; EDN: GPUJBI

Abstract. The article presents the results of a review of publications in scientific periodicals on the topic of patriotism, written by authors from the Republic of Dagestan who are specialists in the fields of humanities and social sciences. It is noted that the scientific discourse on patriotism is primarily developed in the republic by social philosophers, educators and sociologists. Most authors of the examined publications understand patriotism as a unifying idea aimed at uniting Russians based on the constitutional principle of equality of all citizens, regardless of their regions of residence, ethnic and religious backgrounds. The issue of patriotism itself is closely linked by the authors to the formation and strengthening of the all-Russian identity. Accordingly, the main problem aspects of the patriotic discourse in Russia, as seen by Dagestani authors, include questions of inclusivity within the modern Russian nation, the ability of the concept of the Russian nation to encompass and embrace the diversity of regional, ethno-cultural, and religious identities of Russians. According to the philosophical authors, the development of patriotic discourse in the public sphere should contribute to the introduction of such fundamental values as humanism, citizenship, statism, social justice, ethnic and religious tolerance, a high standard of living, pride in the country, its history, achievements in various spheres of life, and high culture into the mass consciousness of Russian youth. In the works of Dagestani sociologists, within the framework of the patriotic theme, the subjects of research include patriotic attitudes in the mass consciousness of Dagestan's residents, the relationship between civil, regional, ethnic, and religious identities in the context of the influence of both unifying and divisive factors, including various versions of radical Islamism, regionalism, and ethnic nationalism. Recent thematic publications indicate an increased level of activity by government authorities and the public in Dagestan in the patriotic education of the republic's youth. However, alongside the promotion of patriotism, efforts should also be directed towards improving the quality of life for the country's population.

Keywords: patriotism, patriotic education, Russia, Dagestan, Russian nation, identity, North Caucasus

References

1. Abdulgatov Z. M. Problematic issues of Russian patriotism (on the example of the Republic of Dagestan). *Caspium Securitatis: zhurnal kaspiskoj bezopasnosti*, 2021: 3: 60–71 (in Russ.). DOI: 10.21672/2713-024X-2021-3-1-060-071. EDN: NKFPRO.
2. Abdulgatov Z. M. Regional problems of Russian patriotism (on the example of the Republic of Dagestan). *Regionalnye aspekty socialnoj politiki*, 2021: 23: 91–102 (in Russ.). DOI: 10.34775/w5246-0315-4838-i; EDN: IRWTBG.
3. Abdulkadyrov Yu. N. Patriotism as an ideological basis for the formation of the Russian civil nation. *Manuskript*, 2021: 14: 8: 1632–1636 (in Russ.). DOI: 10.30853/mns210298; EDN: ASRNMK.
4. Abdulkadyrov Yu. N. Patriotism as the Value Basis of Modern Russian Society. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2022: 11-1: 15–20 (in Russ.). DOI: 10.23672/p2843-1158-6412-u; EDN: GGOQHJ.
5. Adiev A. Z. All-Russian identity in Dagestan (according to polls in 2016-2019). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 4: 136–142 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250011312-6; EDN: HQLPID.
6. Bardin A. L. Patriotism. In *Identity: Personality, society, politics*. Encyclopedic edition. Moscow, Ves Mir, 2017: 598–607 (in Russ.).

¹ The article was carried out within the framework of the Program of Scientific Research Related to the Study of Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening the All-Russian Identity 2023-2025 (headed by Academician of RAS V. A. Tishkov). Project "Patriotism as an integrating value of multi-ethnic Russian society" (FSRN-2023-0025).

7. Gasanov N. N., Gasanov M. G., Magarramov M. D. Patriotic education: from historical lessons to the implementation mechanism. *Socialno-gumanitarnye znaniya*, 2016: 3: 211–228 (in Russ.). EDN: WBAZID.
8. Kazenin K. I. Elements of the Caucasus. Land, Power and Ideology in the North Caucasian Republics. Moscow, Regnum, 2012: 176 (in Russ.).
9. Kaziev N. E., Magarramov M. D., Yusupova G. I., Alibekova S. Ya. Experience in implementing a program-targeted approach to the patriotic education of youth as a condition for ensuring the spiritual security of the state. *Izvestiya DGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 2018: 12: 4: 54–60 (in Russ.). DOI: 10.31161/1995-0659-2018-12-4-54-60; EDN: ZAGCXB.
10. Magomedov A. M. Spiritual and moral unity, culture of interethnic communication and patriotism in the traditions of the peoples of Dagestan. *Izvestiya DGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 2014: 2(27): 38–48 (in Russ.). EDN: SISZKP.
11. Shahbanova M. M. Patriotic attitudes in the public consciousness of the Dagestan peoples. *Regionalnye problemy preobrazovaniya ekonomiki*, 2016: 8(70): 74–85 (in Russ.). EDN: XEKEUD.
12. Shirekina E. V., Gadzhimusilov G. M. Education of patriotism among high school students in extracurricular activities (on the materials of schools of the Republic of Dagestan). *Azimet nauchnyh issledovaniy: pedagogika i psihologiya*, 2016: 5: 3(16): 214–216 (in Russ.). EDN: WXBKDP.
13. Yusupova G. I. Patriotic education as one of the factors in the formation of a new Russian macro-identity. *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya*, 2018: 42-3: 29–32 (in Russ.). DOI: 10.18411/lj-09-2018-50; EDN: YLMRNZ.
14. Yusupova G. I., Alibekova S. Ya., Magarramov M. D. Modern problems of patriotic education in the Republic of Dagestan. *Izvestiya DGPU. Psihologo-pedagogicheskie nauki*, 2017: 11: 4: 102–107 (in Russ.). EDN: TIVUAV.
15. Yarlykapov A. A. “Islamic State” and the North Caucasus in the Middle East Perspective: Challenges and Lessons for Russia. *Mezhdunarodnaya analitika*, 2016: 3(17): 112–121 (in Russ.). EDN: ZFCBOR.

The article was submitted on: July 08, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aslanbek Z. Adiev, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow of the Regional Centre of Ethnopolitical Research of DFRC RAS

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И СТАТУСОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11
EDN: YTPVOU

Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров¹

Ссылка для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Век живи – век трудись: социальное самочувствие работающих пенсионеров // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Live long – work long: social well-being of working pensioners. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

AuthorID РИНЦ: 34689

Козырева Полина Михайловна^{1,2}

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия;

²Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

pkozyreva@isras.ru

AuthorID РИНЦ: 678594

Смирнов Александр Ильич¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

smir_al@bk.ru

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлён динамический анализ показателей, характеризующих социальное самочувствие работающих пенсионеров (1994–2022 гг.). Направленность динамики этих показателей на современном этапе характеризуется как слабо позитивная, но с потенциалом снижения. Показано, что нынешний уровень социального самочувствия работающих пенсионеров, повышая уверенность в собственных силах и готовность к преодолению жизненных трудностей, способствует поддержанию устойчивости их адаптационного потенциала. На всех этапах трансформационного периода работающие пенсионеры, обладающие большей автономностью и развитым

¹ В статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

социальным капиталом, превосходили по уровню социального самочувствия не только неработающих пенсионеров, но и работающих предпенсионеров, испытывающих нарастающую тревогу в связи с неизбежным изменением социального статуса и образа жизни после выхода на пенсию. Исследование не выявило значимых различий по уровню социального самочувствия между работающими пенсионерами, вышедшими на пенсию после повышения пенсионного возраста, и теми занятыми, кто стали пенсионерами накануне пенсионной реформы. Существенная дифференциация по уровню социального самочувствия представителей анализируемой категории пенсионеров, которые сегодня встречаются практически во всех отраслях и сферах деятельности, во многом являются следствием их неоднородного социально-экономического положения. Несмотря на то что пожилой возраст выступает фактором, усиливающим социальные риски и уязвимость, работающие пенсионеры нередко преодолевают трудности, с которыми они сталкиваются в период кризисов, с меньшими адаптационными затруднениями и издержками, чем более молодые. Важными элементами социального самочувствия, роль которых в укреплении адаптационного потенциала работающих пенсионеров остаётся стабильно значимой, являются реализация потребности в общественном признании и общении, самооценка состояния здоровья. Особое значение в нынешних социально-экономических и демографических условиях приобретают различные аспекты социальной адаптации старшего поколения, непосредственно связанные с реализацией их ресурсного потенциала и повышением активности в сфере труда.

Ключевые слова: адаптационные ресурсы, занятость, неопределённость, пожилой возраст, работающие пенсионеры, социальное самочувствие

Сегодня мы являемся свидетелями кардинальных изменений в сфере технологий, которые создают всепроникающий искусственный интеллект, разворачивающиеся роботизация, цифровизация, биотехнологическая революция, открывающие новые возможности для ускоренного развития. В связи с этим широкое распространение получила точка зрения, что эти и другие технологические новшества повлекут за собой снижение потребности в рабочей силе и рост безработицы. Но пока «экономика будущего» не наступила, в России наблюдается иная картина, демонстрирующая снижение уровня безработицы до исторического минимума и возрастающий дефицит кадров, особенно квалифицированных, во многих отраслях экономики, что повышает потребность в поиске новых и оптимизации традиционных источников трудовых ресурсов, одним из которых является эффективное использование потенциала старшего поколения.

В настоящее время работающие пенсионеры представляют собой категорию населения, занимающую особое положение в обществе и обладающую в силу своей неоднородности специфическими характеристиками. Они составляют значительную часть трудовых ресурсов и играют важную роль в функционировании и развитии экономики страны, но зачастую остаются «недооцененным трудовым ресурсом государства» [7, с. 23]. В нынешней непростой экономической и демографической ситуации исключительную значимость приобретает формирование условий для более эффективного использования знаний, накопленного трудового и жизнен-

ного опыта граждан старшего поколения, позволяющего максимально полно задействовать трудовой потенциал пожилого населения. С повышением трудовой активности во многом связывается сегодня реализация ресурсного потенциала старшего поколения [19, с. 645]. Возможности для этого существуют практически во всех секторах экономики.

Теоретические предпосылки и эмпирическая база исследования

Занятость пенсионеров крайне важна как для испытывающей острый «кадровый голод» экономики страны [20; 26; 27], так и для самих граждан старшего возраста. М. С. Каз на материалах отечественного исследования показала, что в представлениях российских работников пенсионного возраста присутствуют составляющие различных факторов, повышающих их склонность принимать решение о продолжении работы [15]. М. Ф. Стеге с соавторами к таким факторам относят наличие позитивного смысла в работе, идентификацию работы как основного пути к поиску смысла жизни, восприятие работы как полезной для общего блага [42], а М. Е. Мор-Барак – социальный, личностный, финансовый и генеративный факторы [41].

Исследования отечественных учёных показывают, что продолжать трудовую деятельность после выхода на пенсию российских работников вынуждает прежде всего неудовлетворённость своим материальным положением, стремление сохранить привычный уровень жизни, не скатиться в бедные и малообеспеченные слои [5; 32]. И в то же время одним из главных стимулов для продолжения трудовой занятости остаётся востребованность их труда и включённость в социальные и профессиональные отношения [28; 38]. Для многих пенсионеров работа важна потому, что она служит незаменимым средством самореализации и источником позитивных настроений. После выхода на пенсию такие люди обладают значительным трудовым потенциалом, основу которого составляет накопленный за долгие годы активной деятельности человеческий капитал, представляющий собой совокупность образовательных, профессиональных и квалификационных ресурсов. Наряду с этим у многих из них сохраняется немалый потенциал развития. Работа позволяет пенсионерам продолжать заниматься серьёзным делом, чувствовать себя полезными семье и обществу, поддерживать широкий круг общения и избежать одиночества, что позитивно сказывается как на их социальном самочувствии, так и на физическом здоровье. При этом, что очень важно, исследования выявляют существенное нарастание значимости неэкономических мотивов трудовой активности старшего поколения [6].

В последние годы состав этой многочисленной категории населения заметно меняется, что обусловлено как современными экономическими и демографическими процессами, так и реализацией пенсионной реформы, предусматривающей повышение возраста выхода на пенсию,

эпидемией коронавируса, особенно болезненно отразившейся на здоровье старшего поколения. События последнего времени, порождающие как позитивные, так и негативные последствия, приводят к значительным изменениям в социально-экономическом положении работающих пенсионеров, заметно меняют условия их жизни. Происходящие перемены вносят в сознание этой многочисленной категории населения новые элементы, в значительной мере меняющие их представления об окружающей действительности и своих возможностях, о своём настоящем и будущем.

Одним из наиболее надёжных индикаторов этих изменений является социальное самочувствие, выступающее как определённое эмоционально-оценочное отношение индивидов к меняющейся действительности, характеристика, основывающаяся на «саморефлексии субъектом деятельности своего взаимодействия с социальной средой» [30, с. 132]. Социальное самочувствие характеризует общее внутреннее состояние индивидов, формирующееся в повседневной жизни, которое включает их отношение к окружающей действительности, степень удовлетворённости жизнью в целом и отдельными её сторонами, оценку условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе [16, с. 23]. В узком смысле социальное самочувствие трактуется как «интегральная удовлетворённость жизнью» или как близкое к распространённому в западной социологии комплексному понятию «субъективное благополучие» (subjective well-being), ключевыми показателями которого выступают степень удовлетворённости различными аспектами повседневной жизни, а также характерные в разных общественных ситуациях психоэмоциональные состояния [36; 37; 39; 40]. Являясь отражением внутреннего состояния адаптанта, социальное самочувствие выступает показателем успешности/неуспешности адаптации к происходящим переменам, одним из основных критериев, характеризующих достигнутый уровень адаптации, которая рассматривается не только как процесс, но и как определённое состояние, свойство и результат освоения меняющихся условий жизнедеятельности [18].

Исследования выявляют более высокий уровень социального самочувствия у работающих пенсионеров по сравнению с неработающими [22, с. 187]. Как отмечает Н. В. Шахматова, работа приносит пенсионерам удовлетворение, положительные эмоции и служит источником самореализации имеющегося потенциала [32, с. 419]. Т. Б. Сергеева и Г. И. Борисов, анализируя результаты сравнительного исследования, установили, что неработающие пенсионеры по сравнению с работающими и с людьми предпенсионного возраста отличаются более низким уровнем удовлетворённости качеством жизни, а также своими успехами и достижениями, социальными контактами, внутренней и внешней поддержкой [29]. В то же время результаты другого исследования говорят о том, что самой уязвимой категорией граждан являются люди предпенсионного возраста, тогда как традиционно в рамках управленческой вертикали они воспринимаются как беспроблемная группа [23]. Исследование В. А. Бурко и Ж. В. Волковой показало, что работа способствует повышению удовлетворённости жизнью

пенсионеров, а неудовлетворённость своим существованием в большей мере связана не с самим фактом работы, а, скорее, с низким уровнем заработной платы или другими условиями, связанными непосредственно с трудовым процессом [8, с. 54–55].

Анализ факторов, определяющих уровень субъективного благополучия людей старше 60 лет, показал, что удовлетворённость финансовым положением для них важнее, чем уровень дохода [14, с. 64]. Наличие работы, как подчёркивает Д. М. Рогозин, во многом определяет позитивное физическое самочувствие, о чем свидетельствует повышенная самооценка своего здоровья. Активная старость, в которой сильная занятость играет ключевую роль, создаёт условия для сохранения хорошего самочувствия [28, с. 69–74]. В кризисных условиях работающие пенсионеры оказываются в более выгодном положении по сравнению со многими занятыми, не получающими пенсию, и сохраняют позитивный настрой, помогающий им быстро адаптироваться к меняющимся реалиям [17].

Социальное самочувствие может рассматриваться не только как показатель степени адаптированности, но и как важный адаптационный ресурс, определяющий вместе с другими ресурсами, составляющими адаптационный потенциал, результативность процесса адаптации к новым условиям. Подобные ресурсы, выступающие в качестве внутреннего капитала человека, относятся к нематериальным адаптационным ресурсам. Е. М. Аврамова и Д. М. Логинов, предложившие такой подход [2], а также их последователи [11; 25] относят к нематериальным адаптационным ресурсам достигнутый уровень образования, культуры, профессиональной квалификации, а также выстроенные человеком социальные связи. В дальнейшем другие авторы дополнили этот список, включив в него в том числе социальное самочувствие. Так, А. А. Атанасова и А. В. Мозговая, исследуя особенности адаптации предпринимателей к происходящим изменениям, выделили в качестве адаптационных ресурсов данной категории населения, наряду с их личностными особенностями, социальное самочувствие [4]. Е. В. Шлыкова предлагает рассматривать в качестве адаптационного ресурса, детерминирующего скорость и успешность адаптации, готовность к риску [34]. При эмпирической интерпретации и операционализации готовность к риску предстает как одна из составляющих социального самочувствия [33].

Социальное самочувствие выступает значимым фактором, формирующим поведение человека [3; 13; 31], влияющим на выбор адаптационной стратегии и конкретных способов адаптации. В связи с этим удачным, на наш взгляд, является введение в научный оборот Г. Д. Гриценко понятия «адаптационное социальное самочувствие» и выделение типов такого самочувствия: оптимистичное (активное), приспособительное (обыденное), пассивное (безучастное, инертное), пессимистичное (отрицательное, негативное) [10]. Предложенные типы не только характеризуют различные адаптивные формы поведения в изменяющемся социуме, но и раскрывают ресурсные возможности социального самочувствия.

Что касается ресурсного потенциала старшего поколения, то, как отмечает В. Г. Доброхлеб, он опирается на качественные характеристики граждан старшего возраста, значимые для них лично и дающие возможность

эффективно взаимодействовать с другими людьми, участвовать в социально-экономической жизни общества, которые включают здоровье, высокий уровень образования, значительный интеллект, потребность продолжать трудовую деятельность, участвовать в общественных делах [12, с. 57]. Эта потребность в трудовой деятельности, как и потребность в деятельности вообще, лежащая в основе активности человека [1, с. 77–78], основывается на оценке им своих достижений и возможностей, учитывающей отношение к жизни, осознание жизненных перспектив, восприятие физического и психического здоровья.

Сегодня исследование проблем, связанных с повышением эффективности использования ресурсного потенциала старшего поколения, становится одной из весьма актуальных научных и практических задач. Целью нашего исследования явился анализ тенденций, характеризующих сдвиги в социальном самочувствии работающих пенсионеров в современных условиях. За этими сдвигами нередко стоят не только эксплицитные, но и серьёзные имплицитные процессы. Мы попытались проанализировать, как происходящие перемены воспринимаются этими людьми, как они оценивают свои жизненные перспективы, как меняются их ожидания и намерения с точки зрения адаптации к изменяющейся среде. В ходе исследования была также проверена гипотеза о том, что позитивное социальное самочувствие, повышая порог терпимости к трудностям и вместе с тем готовность к их преодолению, способствует сохранению устойчивости адаптационного потенциала работающих пенсионеров. Осуществлён сравнительный анализ показателей, характеризующих динамику социального самочувствия работающих пенсионеров, с одной стороны, и неработающих пенсионеров и работающих предпенсионеров, с другой стороны. С учётом решаемых исследовательских задач предпенсионный возраст определялся исходя из общеустановленного в настоящее время пенсионного возраста (начинается за пять лет до предполагаемого выхода на пенсию).

Эмпирическую базу исследования составляют данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», который проводится с 1994 г.¹

Удовлетворённость жизнью

В нынешней непростой ситуации Россия крайне остро нуждается в формировании новой модели развития, основанной на эффективном использовании национальных ресурсов. Пенсионеры, располагающие значительным накопленным потенциалом, могли бы внести свой вклад в создание продуктивных источников внутреннего роста. Однако пока что этот

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.hse.ru/rlms> и <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>).

потенциал используется далеко не полностью и зачастую не эффективно, а понимание собственной ответственности за пенсионный период в обществе растёт очень медленно. Две трети россиян главным гарантом пенсионного обеспечения считают государство [24].

Число пенсионеров, состоящих на учёте в системе Социального фонда России, выросло с 34 млн чел. в 1991 г. до 43,9 млн к началу 2019 г., но после перехода к поэтапному увеличению пенсионного возраста их численность стала снижаться, достигнув 41,8 млн человек к началу 2023 г. При этом до 2016 г. работал примерно каждый третий пенсионер. Их доля, прибавляя понемногу, увеличилась до максимальных 36% в 2015 г. После прекращения индексации и перерасчета пенсий работающим пенсионерам она резко снизилась и на начало 2023 г. составляла 18,9%. Число работающих пенсионеров снизилось до 7,9 млн чел. – до минимального значения с 2004 г., когда их насчитывалось 7,8 млн [35].

Эти данные убеждают, что большинство возрастных россиян по тем или иным причинам не рассматривают работу в качестве основной стратегии, несмотря на переживание трудностей после выхода на пенсию, во многом связанное с падением доходов. Для немалой части пенсионеров причиной отказа от продолжения трудовой деятельности становится не плохое состояние здоровья, а низкий размер заработка, незначительно превышающий размер пенсионного обеспечения, и отсутствие возможности трудоустройства на работу с более высокой заработной платой. Стабильное и гарантированное положение пенсионера нередко рассматривается как достаточная компенсация потери небольшого заработка.

Как показал анализ данных RLMS-HSE, работающие пенсионеры постоянно превосходят неработающих по уровню удовлетворённости своей жизнью. Но в сложные периоды, когда возросшие затруднения испытывают на себе буквально все слои населения, такое преимущество становится особенно заметным. Как следует из рис. 1, в последние полтора десятилетия, отмеченного чередой кризисов, эта разница остаётся существенной и не сокращается. В 2022 г. различие между работающими и неработающими пенсионерами по доле лиц, полностью или скорее удовлетворённых жизнью в целом, достигло максимальной величины, составляющей 19,9 п.п (61,5% у работающих против 41,6% у неработающих). При этом отмечался постепенный рост уровня удовлетворённости пенсионеров своим существованием, темпы которого, однако снижались. Выявленный рост является отражением довольно высоких адаптационных способностей, приобретённых и развитых россиянами за годы длительного трансформационного периода.

Анализ всего длительного периода роста удовлетворённости граждан своей жизнью в условиях радикальных трансформаций показывает, что россияне неплохо справляются с возникающими трудностями и приспособляются к новой реальности. Несмотря на возрастные различия, работающие пенсионеры, многие из которых продолжают трудиться на прежних рабочих местах, мало отличаются по уровню удовлетворённости своей жизнью от занятых, не получающих пенсию. Среди последних

доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых жизнью в целом, за 1994–2022 гг. выросла с 14,4 до 57,2%, а среднее значение данного показателя увеличилось с 2,31 до 3,48.

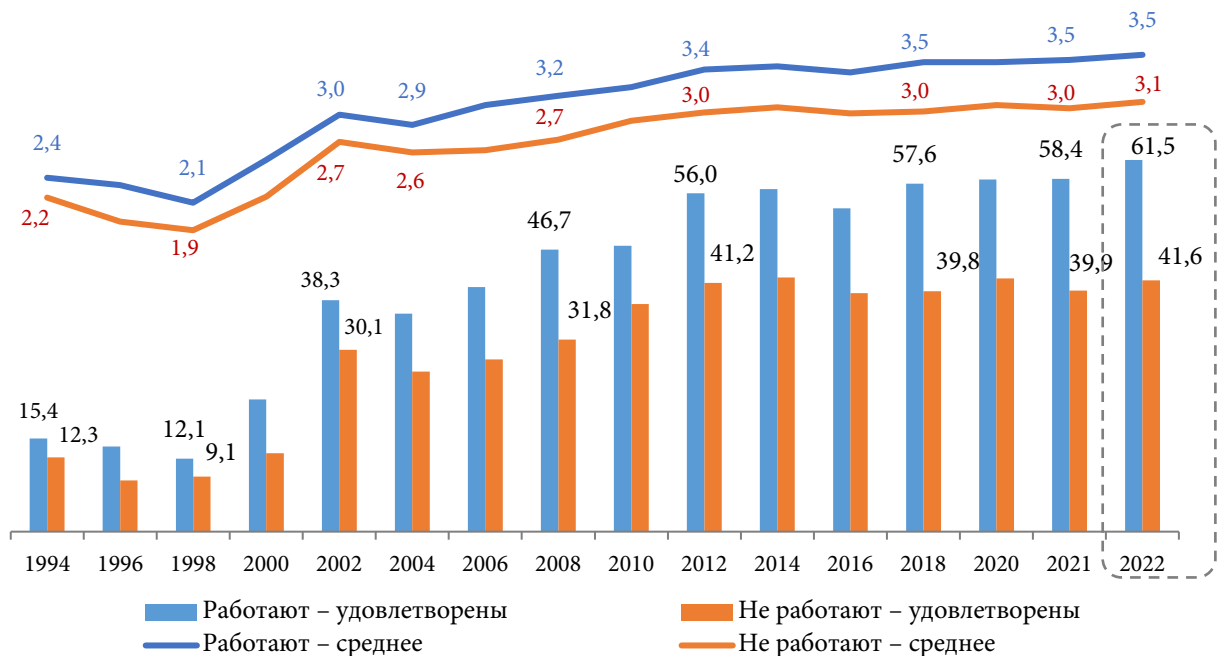

Рис. 1. Динамика удовлетворённости работающих и неработающих пенсионеров своей жизнью в целом, 1994–2022 гг.¹

Figure 1. Dynamics of satisfaction of working and non-working pensioners with their life in general, 1994–2022

Характерно также, что работающие пенсионеры, уже определившиеся со своими ближайшими планами и решившие для себя проблему занятости, не только не уступают, но даже превосходят по этому показателю пребывающих в неясных ожиданиях работающих предпенсионеров. В 2022 г. доля полностью и скорее удовлетворённых своей жизнью среди последних составила 50,9%. При этом если среди мужчин и женщин из числа работающих пенсионеров (рис. 2) удельный вес удовлетворённых своим бытием составил соответственно 67,4 и 54,2% (средние: соответственно 3,66 и 3,41), то среди мужчин и женщин из числа работающих предпенсионеров – 59,5 и 44,8% (средние: соответственно 3,55 и 3,17).

Почти две трети работающих пенсионеров находятся в возрасте 55–65 лет. Как уже отмечалось, исследователи ИНСАП РАНХиГС относят людей этого возраста, т. е. «стареющих взрослых», к наиболее социально неблагополучной группе, представителям «самого уязвимого возраста» в России [23]. Однако более детальный анализ показывает, что этот вывод не относится к 55–65-летним работающим пенсионерам. Согласно данным RLMS-HSE за 2022 г., если среди неработающих пенсионеров указанного возраста доля полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью составила только 40,7%, то среди работающих в полтора раза больше – 61,4%.

¹ Средние рассчитаны на основе несокращённых ответов, собранных с помощью 5-балльной шкалы: от 1 – совсем не удовлетворены до 5 – полностью удовлетворены.

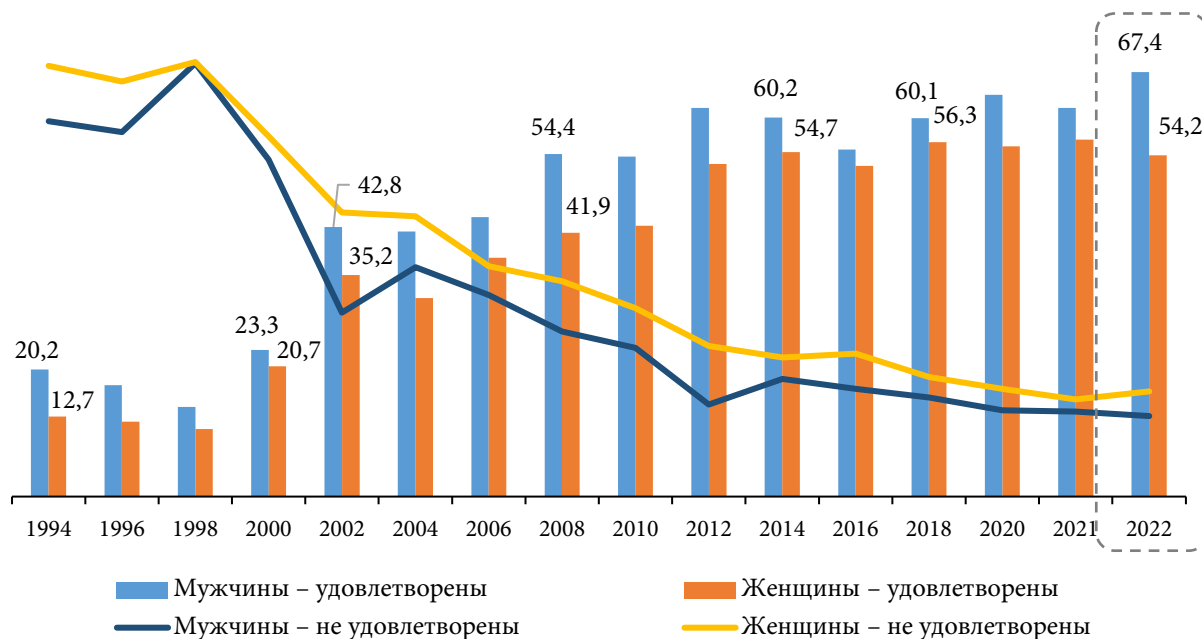

Рис. 2. Динамика удовлетворённости работающих пенсионеров своей жизнью в целом: мужчины и женщины, 1994–2022 гг., %

Figure 2. Dynamics of working pensioners' satisfaction with their life in general: men and women, 1994–2022, %

Уровень жизни с наступлением старости резко падает. На протяжении последних лет соотношение средних пенсий и зарплат в стране составляло менее 30%, что убедительно свидетельствует о существенном разрыве в уровне жизни пожилых людей, которые живут только на пенсию, и тех, кто способен зарабатывать в старшем возрасте. Не случайно работающие пожилые гораздо выше оценивают уровень своего материального благосостояния (рис. 3). В ходе опроса в 2022 г. 28,5% работающих пенсионеров расположили себя на трёх нижних ступенях 9-балльной шкалы материального благосостояния, соответствующих состоянию бедности и нищеты; 65,5% – на трёх средних ступенях и только 6% – на трёх верхних, тогда как неработающие пенсионеры оценили своё положение ощутимо скромнее (соответственно 45,8; 51,1 и 3,1%). Это находит отражение и в более высоком уровне удовлетворённости работающих пенсионеров своим материальным положением. Так, в 2022 г. доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых материальной стороной своей жизни, среди них составила 31,5%, тогда как доля очень или совсем неудовлетворённых – 42,3%. В то же время среди неработающих пенсионеров таких оказалось соответственно 24,5 и 50,2%.

Немалое недовольство у работающих пенсионеров вызывает несправедливость в отношении размера пенсии по сравнению с неработающими пенсионерами как результат неполноценной индексации пенсий в последние годы. Согласно данным ЕМИСС, на начало 2023 г. этот разрыв достигал почти 6 тыс. руб. Дискриминационная разница в таком случае компенсируется заработком, а также временным уходом с работы для перерасчёта пенсии как неработающему, что мешает успешному продвижению при решении проблемы занятости граждан пенсионного и предпенсионного воз-

раста. Но в целом, в 2022 г. среди работающих пенсионеров было немного больше, чем среди неработающих, тех, кто замечали улучшение материального положения своей семьи (15,3 против 12,9%), и меньше отмечающих ухудшение (20,7 против 26,2%).

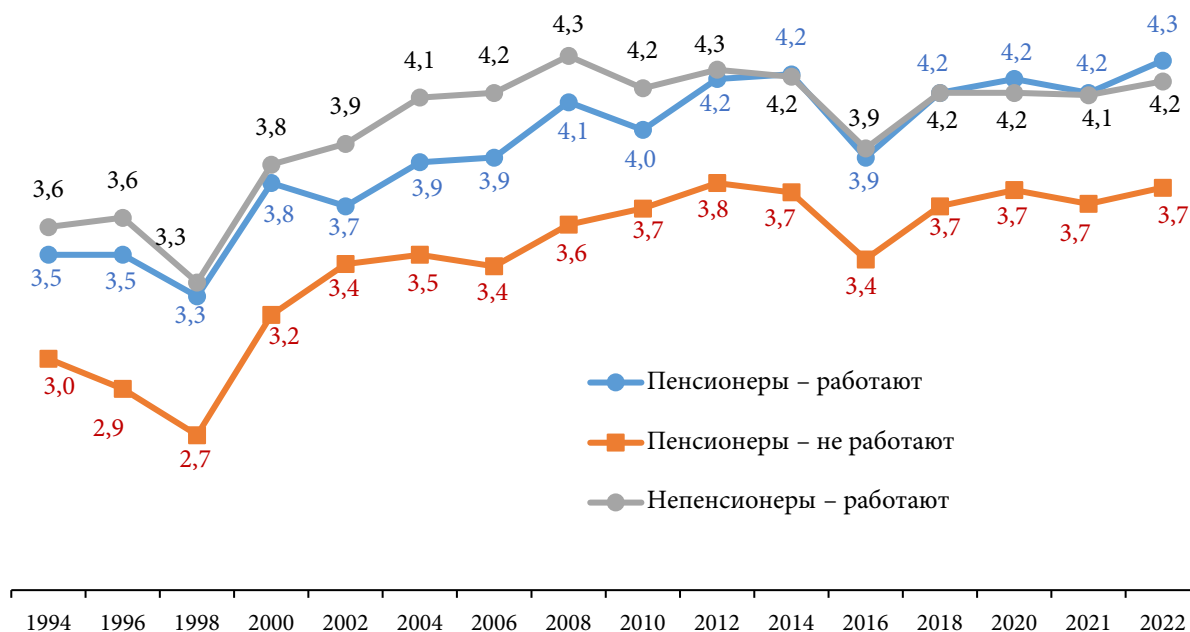

Рис. 3. Динамика средних самооценок уровня материального благосостояния (от 1 – «нищие» до 9 – «богатые»), 1994–2022 гг., %

Figure 3. Dynamics of average self-assessments of the level of material well-being (from 1 – “beggars” to 9 – “rich”), 1994–2022, %

На протяжении всех лет мониторинга работающие пенсионеры превосходили по уровню удовлетворённости своим материальным положением не только неработающих пенсионеров, но и граждан более молодого возраста. В 2022 г. среди занятых и незанятых, не получающих пенсию, были в большей или меньшей степени довольны своим материальным положением только 22,1 и 20,6%, тогда как недовольны – 49 и 51,7% соответственно. При этом среди работающих предпенсионеров были удовлетворены материальной стороной своей жизни всего лишь 17,6% (не удовлетворены – 52,1%). Заслуживает внимания и более высокий уровень обеспокоенности предпенсионеров тем, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в течение ближайшего года (71,1 против 61,8 и 61,1% среди работающих и неработающих пенсионеров соответственно).

На фоне такого общего недовольства россиян своим материальным положением позитивные настроения, характеризующиеся достаточно высоким уровнем удовлетворённости своей жизнью в целом, можно объяснить тем, что многие смирились со своим невысоким уровнем материальной обеспеченности. Это рассогласование не является сиюминутным и случайным, а с завидным постоянством наблюдается на протяжении длительного периода. Сравнивая своё материальное положение с тем, что происходит вокруг, люди так или иначе приходят к выводу, что в нынешних сложных условиях нет смысла рассчитывать на большее. Приходится мириться со сложивши-

мися обстоятельствами, довольствоваться имеющимся и ожидать изменений к лучшему. Вместе с тем такая достаточно проблематичная ситуация не может не вызвать тревогу, поскольку существующий длительное время «раздрай» между негативными оценками собственного материального положения и относительно позитивным восприятием своей жизни в целом может рано или поздно привести к резкому росту социальной напряжённости в случае нереализованных ожиданий.

Чувство благополучия определяется не только материальным достатком. На удовлетворённость жизнью влияют и уверенность в будущем, в своих силах, в возможности реализовать свой выбор, убеждённость в своей способности влиять на жизненные обстоятельства. Сегодня многие россияне обнадёживают себя тем, что за каждым кризисом должно начаться улучшение, но не верят в быстрое восстановление позитивных тенденций. В 2022 г. около половины работающих пенсионеров полагали, что в течение следующих 12 месяцев, т. е. в ближайшем будущем, в их жизни ничего не изменится, тогда как 12,2% считали, что они будут жить намного или немного лучше, а 16% были уверены, что станут жить хуже. Остальные 23,9% затруднились высказать какое-либо определённое мнение. Вместе с тем среди неработающих пенсионеров доля лиц, не ожидающих изменений в своей жизни, составила 54,2%, тогда как рассчитывающих на лучшее – 9,3%, на худшее – 19,3%, а затруднившихся ответить – 17,2%. Наличие большого количества затруднившихся ответить в данном случае является маркером определённых сомнений, неуверенности, во многом обусловленных той неопределённостью, которая стала крайне болезненно ощущаться в последние годы. Особенно много таких людей было среди работающих предпенсионеров (25,2%). При этом только 8% респондентов предпенсионного возраста рассчитывали в ближайшем будущем на лучшее, 46,1% – не ожидали каких-либо изменений и 20,7% ожидали ухудшения жизни.

Эти данные демонстрируют более низкий уровень позитивных настроений и ожиданий изменений к лучшему у предпенсионеров по сравнению с пенсионерами. Одна из основных причин этого отставания – возросшая неопределённость относительно возможности поддержания достойного уровня жизни в ближайшем будущем в ожидании прекращения трудовой деятельности. Предпенсионеры, как и многие жители страны, пока не до конца понимают, какое экономическое будущее их ждёт. На фоне неясных ожиданий отмечается более высокий уровень тревожности.

В связи с этим представляет также интерес, как отразилась на социальном самочувствии пенсионеров начавшаяся реформа пенсионной системы (2019–2028 гг.), предусматривающая постепенный подъём пенсионного возраста от 55 до 60 лет для женщин и от 60 до 65 для мужчин. Перед началом реформы были опасения, что большинство россиян могут воспринять эту реформу негативно или очень настороженно, но самые алармистские опасения пока не нашли достаточного подтверждения. Сравнительный анализ социального самочувствия «дореформенных» пенсионеров, вышедших на пенсию в 2016–2017 гг., и «пореформенных», вышедших на пенсию в 2019–2020 гг., выполненный на данных RLMS-HSE Г. Л. Ворониным,

показал, что пенсионная реформа практически не сказалась на экономическом благополучии или неблагополучии, социально-психологическом самочувствии пенсионеров [9].

В ходе нашего анализа было установлено, что этот вывод распространяется также на «дореформенных» и «пореформенных» работающих пенсионеров, вышедших на пенсию соответственно в 2016–2018 гг. и 2019–2022 гг. Так, среди них были полностью или скорее удовлетворены своей жизнью в целом соответственно 57 и 61,7%, а своим материальным положением – 30 и 26,5% респондентов. Кроме того, 64,3 и 64,2% этих респондентов соответственно в той или иной степени опасались, что не смогут обеспечить себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев.

Обеспокоенность угрозой потери работы и удовлетворённость работой

Характерно, что среди работающих пенсионеров меньше, но ненамного, чем среди остальных занятых, людей, обеспокоенных угрозой потери работы (рис. 4). Между тем в самые последние годы наблюдается заметное снижение уровня этой тревожности. Его объективными причинами являются, с одной стороны, сокращение предложения на рынке труда, во многом обусловленное последствиями пандемии коронавируса и проведения специальной военной операции, с другой стороны, рост спроса на труд в связи с расширением производств и новой экономической активностью, вызванными необходимостью развития импортозамещающих производств, логистических коридоров, восстановления новых регионов и др. С начала специальной военной операции и в условиях жесточайшего санкционного давления ситуация на российском рынке труда и в экономике в целом существенно изменилась.

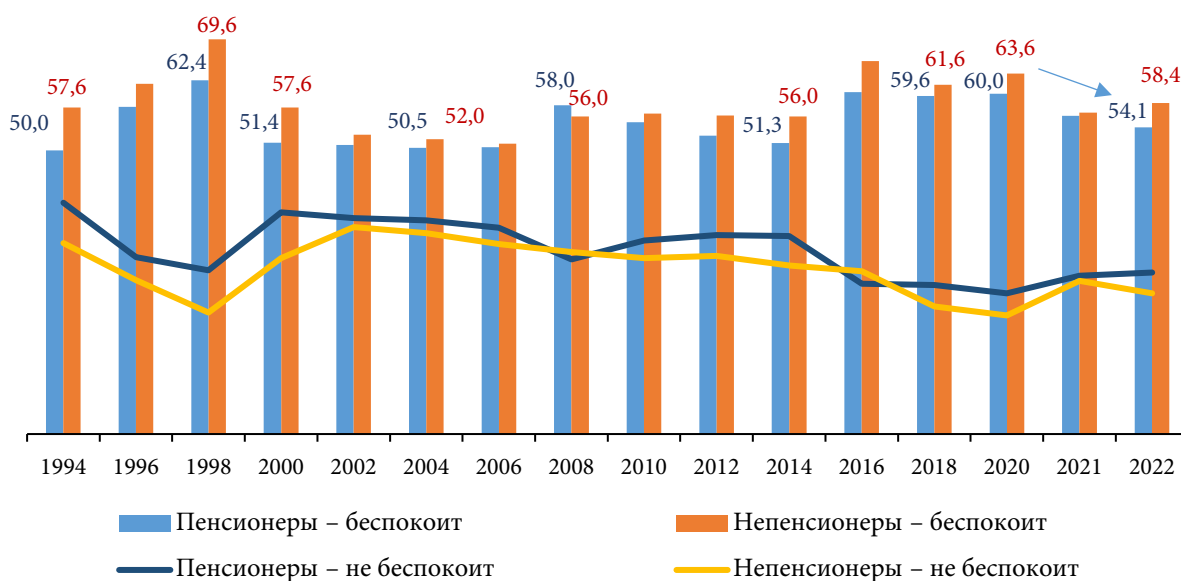

Рис. 4. Динамика обеспокоенности работающих пенсионеров и непенсионеров угрозой потери работы, 1994–2022 гг., %

Figure 4. Dynamics of working pensioners' and non-pensioners' concern about the threat of job loss, 1994–2022, %

Особенно значительным оказался вклад этих факторов в динамику уверенного снижения уровня обеспокоенности мужчин-пенсионеров. Так, с 2020 г. по 2022 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных угрозой потери работы, снизилась среди работающих мужчин-пенсионеров с 66,4 до 54,2%, тогда как среди женщин-пенсионеров только с 56,9 до 54%. Между тем доля тех, кого эта проблема волнует очень сильно, упала среди занятых мужчин-пенсионеров с 30,4 до 17,4%. Ещё одним моментом, обращающим на себя внимание, является постоянно очень высокий уровень тревожности угрозой безработицы предпенсионеров (беспокоит – 66,3%, не беспокоит – 17,2%).

При рассмотрении изложенных данных важно учитывать, что обеспокоенность угрозой потери работы еще не означает, что это событие приобретает для любого возрастного работника трагический характер. Проблема потери рабочего места очень сильно волнует только одного из пяти опрошенных работающих пенсионеров. Исследование, посвящённое изучению причин прекращения профессиональной деятельности и продолжения работы после достижения пенсионного возраста, показало, что «кризис» сопровождает потерю работы лишь в том случае, если этот переход становится для человека преждевременным и потому непредвиденным. В. А. Куштанина вслед за французским социологом В. Карадеком объясняет это действием «механизма предварительной профессиональной десоциализации». Предлагая данный концепт, В. Карадек в свою очередь опирался на понятие «предварительной социализации», введённое Р. Мертоном [21, с. 155].

На снижение беспокойства работающих пенсионеров, вызванного угрозой потери работы, указывает также динамика уверенности в возможности нового трудоустройства в случае непредвиденного увольнения, являющаяся чувствительным и проверенным опережающим индикатором. Из рис. 5 видно, что у работающих пенсионеров эта уверенность намного слабее, чем у других занятых, но в последние годы она понемногу росла.

Мужчины-пенсионеры демонстрируют более высокий уровень такой уверенности, чем женщины-пенсионеры, при одновременном росте, носящем скачкообразный характер. В целом, за 2016–2022 гг. доля респондентов, уверенных в возможности нового трудоустройства, выросла среди работающих мужчин-пенсионеров с 24,4 до 28,7%, в то время как среди женщин-пенсионеров – с 19,6 до 25,2%. Одновременно доля лиц, не уверенных в такой возможности, снизилась среди работающих мужчин-пенсионеров с 56,8 до 49,2%, тогда как среди женщин-пенсионеров – с 63,6 до 57,5%. Что касается предпенсионеров, то они мало отличаются по данному показателю от пенсионеров (уверены – 21,6%, не уверены – 53,2%). Одной из главных причин такой высокой неуверенности является широко распространённая в сознании людей старшего возраста убеждённость о предвзятом отношении работодателей к возрастным соискателям.

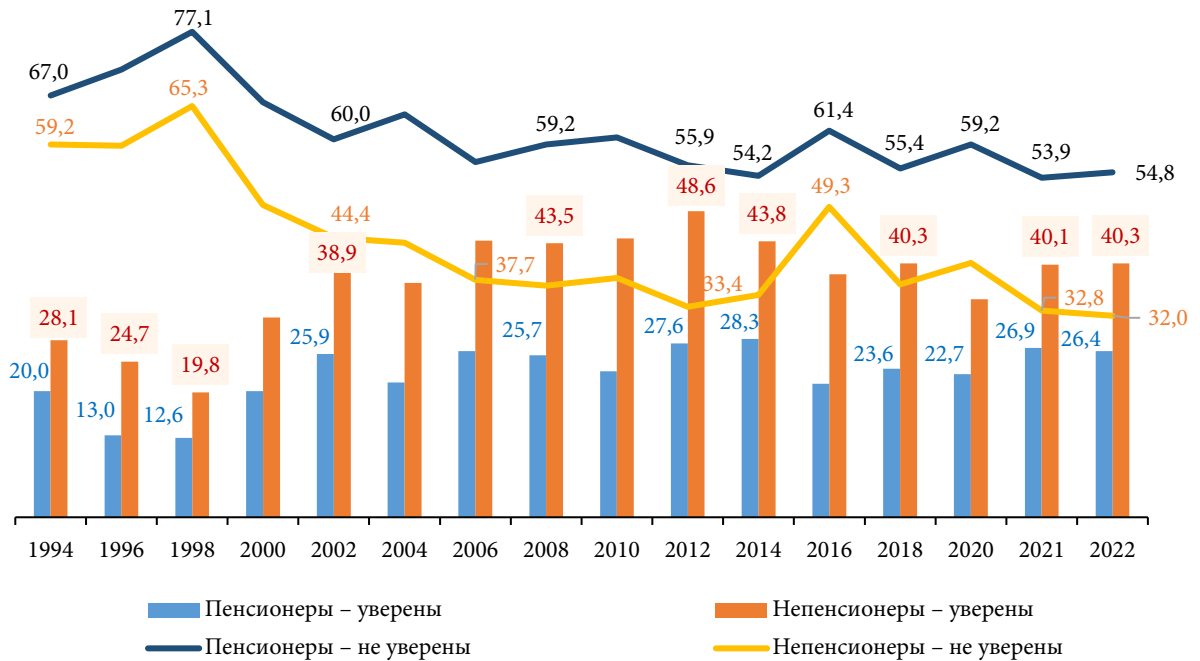

Рис. 5. Динамика уверенности работающих пенсионеров и непенсионеров в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2022 гг., %

Figure 5. Dynamics of working pensioners' and non-pensioners' confidence in employment opportunities in case of job loss, 1994–2022, %

Действительно, проблема эйджизма на рынке труда приобрела в России, как и во многих других странах, достаточно острый характер. Многие работодатели неохотно берут на работу людей после достижения 50-летнего возраста, если только они не обладают уникальными профессиональными знаниями, умениями и навыками, наиболее востребованной специальностью. В кризисных условиях возраст становится веским формальным поводом для оптимизации штата и сокращения издержек. Причём предвзятое отношение к возрастным соискателям практически одинаково существует как в частном секторе, где больше возможностей для разного рода манипуляций в сфере трудовых отношений, так и в государственных компаниях. Но в то же время эту проблему не стоит преувеличивать. В отдельных секторах экономики, испытывающих острый кадровый голод, проблема возрастной дискриминации в настоящее время практически не видна, а для преподавателей вузов, школьных учителей, медицинских работников и представителей целого ряда других профессий она отсутствует вовсе.

Пенсионная реформа практически не сказалась уровне обеспокоенности работающих пенсионеров проблемами занятости и трудоустройства. Так, среди «дореформенных» и «пореформенных» работающих пенсионеров доля респондентов, которых тревожит возможная потеря работы, составила соответственно 56 и 53,1%, а доля тех, кто в случае увольнения не уверен в том, что сможет найти работу не хуже нынешней, – 51,7 и 49%.

Анализ данных RLMS-HSE позволяет утверждать, что для подавляющего большинства пенсионеров проблема трудоустройства уже длительное время не относится к числу наиболее серьёзных и тревожных. С 1998 г. по 2022 г. доля респондентов, желающих найти работу, среди нетрудоустро-

енных пенсионеров постепенно сократилась с 12,6 до 2,4%. Одновременно с 19,2 до 5,3% снизилась также доля желающих найти новую работу среди работающих пенсионеров. Причём, как показывают исследования, в стратегии нынешних работающих пенсионеров полностью доминирует подход «стабильности», но не «достижений». Полноценной занятостью пенсионеры считают в основном работу на своём старом месте и работу, не требующую квалификации, но на целую ставку. Прочая работа чаще всего рассматривается как вынужденная и не приносит удовлетворения, в меньшей степени способствует увеличению продолжительности жизни у населения старшего возраста [26, с. 151].

По уровню удовлетворённости своей работой в целом пенсионеры лишь немного превосходят других работников. Так, за 2003–2022 гг. доля лиц, полностью или скорее удовлетворённых своей работой в целом, выросла среди работающих пенсионеров с 53,6 до 79,3%, тогда как среди остальных занятых – с 41,3 до 74,5%. Небольшим является преобладание работающих пенсионеров над работниками, не получающими пенсию, по уровню удовлетворённости размером своих заработков. В 2022 г. доля полностью или скорее удовлетворённых оплатой труда среди них составила соответственно 45,8 и 40,3%, тогда как доля скорее или совсем не удовлетворённых – 27,8 и 30%. Лишь немного выше является также уровень удовлетворённости работающих пенсионеров условиями труда (77,5 против 74,5%), возможностями для профессионального роста (64,1 против 58,7%) и продолжительностью рабочего дня (79,3 против 72,1%).

Режим работы подавляющего большинства пенсионеров практически не отличается от режима работы других работников. В 2022 г. на постоянном рабочем месте трудились 93,3% работников из числа пенсионеров и 84,8% работников, не получающих пенсию. Но в то же время среди трудоустроенных пенсионеров было меньше работающих дома или из дома дистанционно (1,3 против 2,9%), на выезде (0,3 против 2,1%) и без постоянного места, в разъездах или перемещениях (5,1 против 10,2%). Кроме того, среди работающих пенсионеров было лишь немного меньше тех, кому приходится работать вечером или ночью (30,7 против 34,7%), в выходные или праздничные дни (60,6 против 69,2%). Среди мужчин-пенсионеров, так же, как и среди непенсионеров, было в полтора раза больше, чем среди женщин, тех, кто вынужден был работать по вечерам или ночью, и вдвое больше работавших в выходные и праздничные дни.

В 2020 г. в период введения наиболее жестких ограничений, связанных с эпидемией коронавируса, режим работы пенсионеров изменялся так же, как и других занятых. В конце года 14,9 и 15,8% соответственно стали работать дистанционно; 16,7 и 15,5% – числились на работе, но не работали. Остальные продолжали трудиться в том же режиме, что и до начала ограничений. Но при этом работающие пенсионеры быстрее и увереннее адаптировались к изменениям в жизни, которые вызвала эпидемия коронавируса (табл. 1). Среди них было почти вдвое меньше, чем среди неработающих пенсионеров, респондентов, которые с большим трудом привыкали к этим переменам (12,6 против 22,7%), но больше тех, кто сумел приспособиться, хотя для этого ему пришлось многие изменить в своей жизни

(27,1 против 24,8%). Заметно больше было среди занятых пенсионеров также граждан, которые продолжали жить, как и прежде, ничего особенно не меняя (56,8 против 44,6%).

Таблица 1 (Table 1)

Распределение ответов на вопрос:
«Скажите, вы приспособились к изменениям в жизни,
которые вызвала эпидемия коронавируса, или нет?», 2020–2021 гг., % по группам
Distribution of responses to the question “Would you say you have adapted to the life changes caused by the coronavirus epidemic or not?”, 2020–2021, % by group

Варианты ответа	Пенсионеры						Работающие предпенсионеры	
	В целом		В том числе					
			Работают		Нет работы			
	2020	2021	2020	2021	2020	2021	2020	2021
Никак не могу справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	4,8	3,1	1,1	1,7	5,7	3,4	3,9	2,1
Очень трудно привыкнуть к изменениям	20,7	13,9	12,6	11,1	22,7	14,7	15,7	12,8
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом уже приспособился(лась)	25,2	35,9	27,1	42,2	24,8	34,5	25,9	38,1
Я живу, как и раньше. Для меня ничего особенно не изменилось	47,1	45,4	56,8	43,7	44,6	45,7	52,4	44,5
У меня получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	0,7	0,5	1,0	0,5	0,7	0,5	1,2	0,6
Затрудняюсь ответить	1,5	1,2	1,4	0,8	1,5	1,2	0,9	1,9

Дальнейший анализ показал, что у работающих пенсионеров удовлетворённость жизнью более чем вдвое снижает долю респондентов, с трудом привыкающих к эпидемиологическим трудностям (9,8 против 21% среди неудовлетворённых), и повышает удельный вес тех, кто в целом приспособился к изменениям (30 против 25,3%) или живут, как и раньше (58,5 против 50,7%). Кроме того, в период ограничений на выход из дома, введённым из-за эпидемии коронавируса, недовольные жизнью работающие пенсионеры гораздо чаще, чем удовлетворённые своей жизнью, испытывали чувство тревоги (34,8 против 25,4%) и депрессию (14,5 против 6,3%). Корреляционный анализ выявил слабую, но значимую двустороннюю связь между оценкой адаптированности к изменениям в жизни, вызванным эпидемией коронавируса, и удовлетворённостью жизнью у работающих пенсионеров (коэффициент корреляции Спирмена составил 0,10 при $p < 0,01$). Из этих данных следует, что не только приспособление к новой ситуации повышает уровень удовлетворённости респондентов своей жизнью в целом, но и удовлетворённость жизнью помогает успешнее осваивать новую действительность.

Самооценка общественного признания и состояния здоровья

Одним из важных аспектов социального самочувствия, играющих важную роль в укреплении адаптационного потенциала человека, является ощущение своей значимости, реализация потребности в общественном признании. Уважение, высокая оценка своих достоинств и достижений другими людьми важны для каждого человека, чтобы чувствовать себя уверенным и самостоятельным, удовлетворённым тем, как складывается собственная жизнь. Уважение со стороны других людей, общественное признание поднимают самооценку, а уважение к самому себе как личности, высокая самооценка служит источником роста не только оптимистических настроений, но и социальной активности.

Из рис. 6 видно, что работающие пенсионеры гораздо выше оценивают уровень уважения к себе со стороны окружающих, чем неработающие пенсионеры и другие занятые. Динамическая картина самооценок положения респондентов на шкале уважения, основанная на средних значениях идентификационных измерений, демонстрирует довольно последовательный подъем, наблюдающийся с конца 1990-х гг. до 2014 г., который в дальнейшем сменился определёнными колебаниями. Обращает на себя внимание также в значительной мере возросший после 2008 г. разрыв в самооценках между работающими пенсионерами и остальными занятыми.

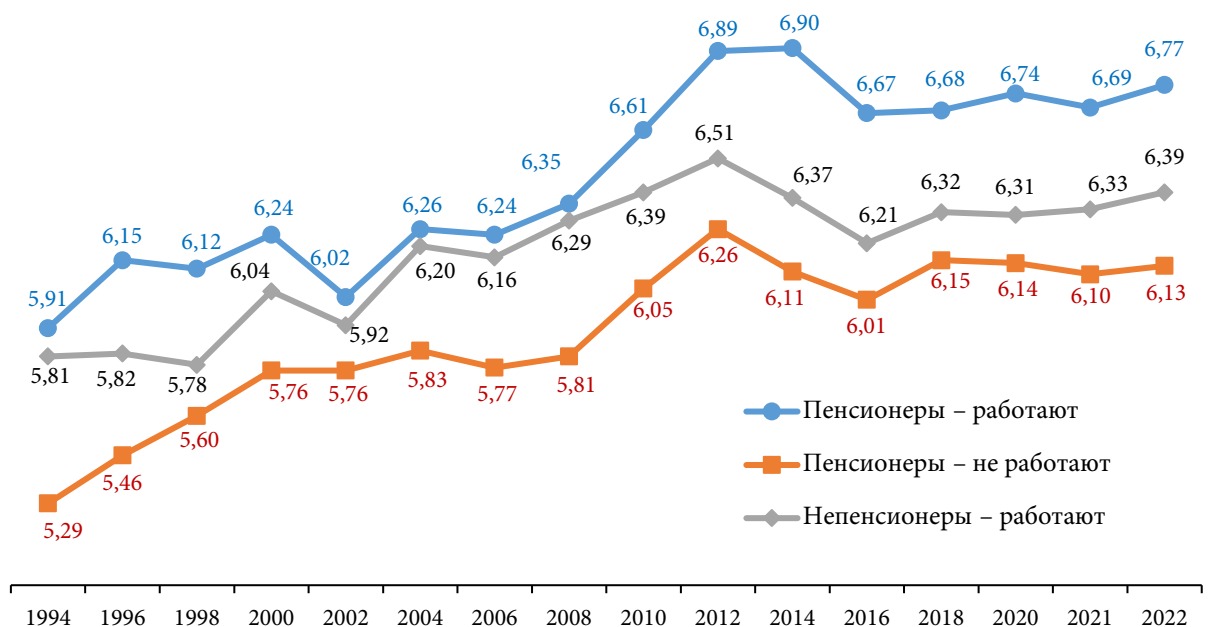

Рис. 6. Динамика средних самооценок уважения к себе со стороны других людей (от 1 – «совсем не уважают» до 9 – «очень уважают»), 1994–2022 гг.

Figure 6. Dynamics of average self-assessments of respect for oneself by other people (from 1 – “No” to “No”). Other people’s self-esteem (from 1 – “not at all respected” to 9 – “very respected”), 1994–2022

Самоидентификация по уровню уважения другими людьми тесно связана с удовлетворённостью респондентов своей жизнью. Так, по данным мониторинга за 2022 г., у работающих пенсионеров средняя оценка положения на шкале уважения последовательно нарастала с 5,75 у респондентов, совсем неудовлетворённых своей жизнью в целом, до 7,58 у тех, кто полностью доволен тем, как складывается их жизнь. В то же время у неработающих пенсионеров этот рост составил с 4,79 до 6,61.

Исследование выявило также позитивную, но не всегда, последовательную динамику оценок работающими пенсионерами своего положения во властном пространстве (рис. 7). При этом в последние годы по самооценкам своего властного статуса работающие пенсионеры чрезвычайно близки к тем, кто работает, но не получает пенсию. Важным объясняющим моментом в данном случае является выявленная в наших более ранних исследованиях положительная корреляция между самоопределением человека во властном пространстве и уровнем его вовлечённости в профессиональную деятельность. Самооценку властного статуса повышает принадлежность индивидов к профессиональным группам, представители которых в большей мере связаны с престижным высококвалифицированным и высокооплачиваемым трудом.

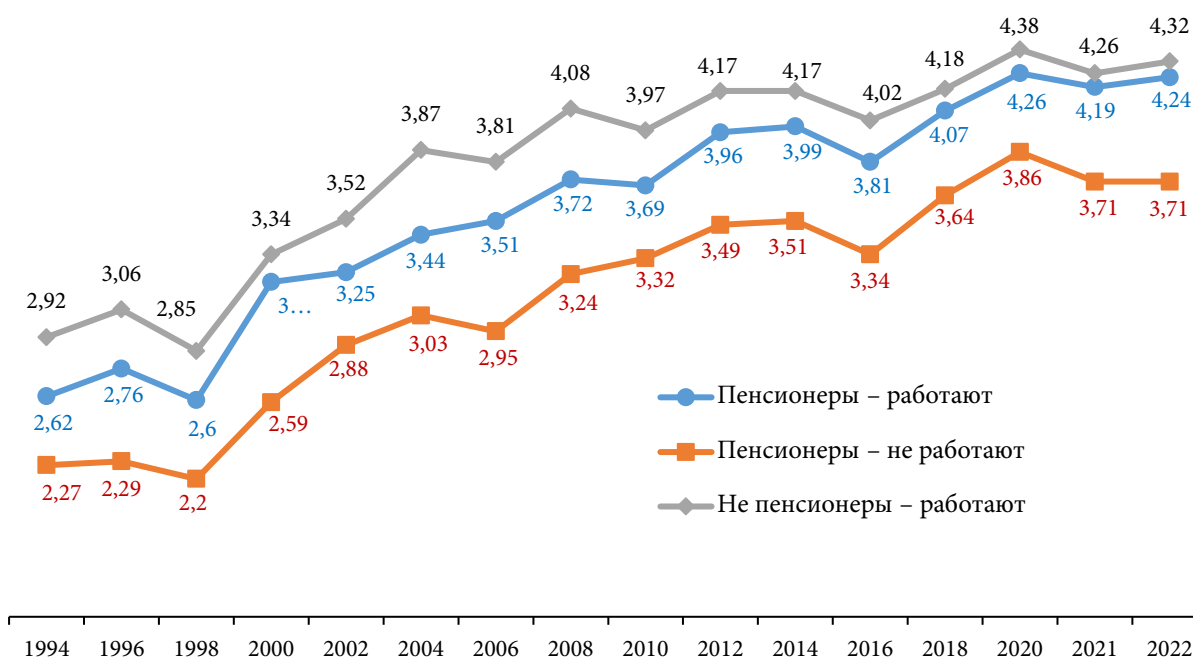

Рис. 7. Динамика средних самооценок своего властного статуса (от 1 – «совсем бесправные» до 9 – «те, у кого большая власть»), 1994–2022 гг.

Figure 7. Dynamics of average self-assessments of one's power status (from 1 – “completely powerless” to 9 – “those who have a lot of power”), 1994–2022

Работающие пенсионеры гораздо реже неработающих страдают от одиночества. Если среди работающих пенсионеров чувство одиночества в 2022 г. испытывали практически всегда или часто 6,8% и редко 31,9% респондентов, то среди неработающих – соответственно 16,6 и 35,4%. Гораздо чаще переживание такого неприятного состояния беспокоит работающих женщин (7,8 и 35,4%), чем мужчин (3,9 и 24,6%). Не последнюю

роль в формировании этих различий играет всё более отчетливо проявляющаяся с возрастом проблема женского вдовства, обусловленного разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин, что тоже является серьёзной социальной проблемой. Работа помогает, но далеко не всегда избежать одиноким пожилым эмоционального состояния одиночества.

Важным показателем, характеризующим различные физические и психологические составляющие благополучия человека и дающим общее представление о его текущем самочувствии, является самооценка здоровья. Среди различных групп населения значительной спецификой отличается восприятие своего здоровья людьми, перешагнувшими пенсионный рубеж, большинство которых страдают хроническими и другими тяжёлыми заболеваниями. Анализ показал, что работающие пенсионеры лучше оценивают своё здоровье, чем неработающие, но намного хуже, чем граждане, не получившие право на пенсию. Так, если среди работающих пенсионеров оценивали своё здоровье как очень хорошее или хорошее 20,2%, а как плохое или очень плохое 8% респондентов, то среди неработающих – соответственно 8,3 и 31%. Остальные респонденты, составляющие значительное большинство, воспринимали своё здоровье как среднее, не хорошее, но и не плохое. Усиливающиеся с возрастом проблемы со здоровьем обуславливают нарастание трудностей с занятостью, а возросшие трудности с работой в свою очередь негативно сказываются на состоянии здоровья. С возрастом ограниченная трудоспособность или потеря трудоспособности, обусловленные ухудшением здоровья, приобретают всё более широкие масштабы. Что касается лиц, не получающих пенсию, то у занятых из их числа доли позитивных и негативных оценок составили 52,8 и 2,7%, тогда как у незанятых – 62,1 и 2,8% соответственно.

Выводы

Анализ показал, что трансформационные процессы, характеризующиеся радикализмом, скоротечностью и неопределённостью, оказывают противоречивое влияние на динамику показателей социального самочувствия работающих пенсионеров. Но независимо от этого работающие пенсионеры на протяжении всего трансформационного периода превосходили по уровню социального самочувствия не только неработающих пенсионеров, но и работающих более молодого возраста, включая предпенсионеров. При этом трудоустроенные пенсионеры, вышедшие на пенсию после повышения пенсионного возраста, практически не отличались по уровню социального самочувствия от тех работающих, кто стали пенсионерами накануне пенсионной реформы. У работающих пенсионеров лишь немного ниже, чем у остальных занятых, уровень обеспокоенности угрозой потери работы и намного ниже уверенность в возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места. В последние годы индикаторы, свидетельствующие о снижении тревожности угрозой потери работы, находились в стадии осторожного роста. Продолжающиеся трудиться пенсионеры реже, чем неработающие, страдают от одиночества, а также выше оценивают уро-

вень уважения к себе со стороны окружающих и состояние собственного здоровья. Расширение границ использования труда пенсионеров требует повышения внимания к проблемам стимулирования трудовой активности и обеспечения дополнительных гарантий в сфере трудовой занятости людей старшего поколения, снижающих угрозу потери работы и другие риски.

Библиографический список

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с. EDN: SGBTRN.
2. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3(59). С. 13–17. EDN: HTMNZX.
3. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Темпоральные стратегии поведения социальных общностей как социологическая проблема // Социологические исследования. 2015. № 5. С. 61–71. EDN: TUNQUH.
4. Атанасова А. А., Мозговая А. В. Личностные особенности и социальное самочувствие предпринимателей как ресурс адаптации к изменениям // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 3. С. 134–147. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8438; EDN: GJOFDA.
5. Барков С. А., Маркеева А. В., Колодезникова И. В. Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 828–843. DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843; EDN: TUZJPS.
6. Барсуков В. Н., Шабунова А. А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4(96). С. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6; EDN: XUFHIZ.
7. Барсукова Т. И., Бросов А. С. Работающие пенсионеры в социальной структуре российского общества // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 21–26. DOI: 10.24158/spp.2021.12.2; EDN: FBINYY.
8. Бурко В. А., Волкова Ж. В. Социальное самочувствие пожилых людей в современном российском обществе (сравнительный анализ) // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 43–62. DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.4; EDN: YKJUXN.
9. Воронин Г. Л. Дореформенные и пореформенные пенсионеры: сравнительный анализ // Старшее поколение современной России / Под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2021. С. 201–205. EDN: VCXFEV.
10. Гриценко Г. Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2014. № 6(7). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (дата обращения: 20.05.2023).

11. Гужавина Т. А. Нематериальные ресурсы адаптации населения в условиях кризиса // Проблемы развития территории. 2018. № 3(95). С. 45–57. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3; EDN: XPLYUH.

12. Доброхлеб В. Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61. EDN: JKBP GD.

13. Жегусов Ю. И. Влияние социального самочувствия населения на динамику деструктивных социальных процессов в России // Коммуникология. 2018. Т. 6. № 4. С. 15–26. DOI: 10.21453/2311-3065-2018-6-4-15-26; EDN: XYZKCD.

14. Зеликова Ю. А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11. С. 60–69. EDN: TCWERP.

15. Каз М. С. «Мир труда» работающих пенсионеров: дилеммы и смыслы // Социологические исследования. 2021. № 7. С. 28–39. DOI: 10.31857/S013216250013853-1; EDN: FQDDKS.

16. Козырева П. М. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: ЦОЦ, 2004. 320 с. EDN: MEVMWP.

17. Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 64–73. EDN: XXRRMR.

18. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.

19. Короленко А. В., Барсуков В. Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 643–657. DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657; EDN: ZXNXXH.

20. Кутовая С. В. Об активности пожилых людей в социально-экономической сфере // Социологические исследования. 2020. № 1. С. 143–146. DOI: 10.31857/S013216250008333-9; EDN: XFJABU.

21. Куштанова В. А. Выход на пенсию как момент пересмотра идентичности // Мир России. 2008. № 4. С. 152–163. EDN: KBCNEJ.

22. Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: ИС РАН, 2008. С. 178–195. EDN: PBVCFF.

23. Мануильская К. М., Солодовникова О. Б., Малькова Е. Е. Субъективное благополучие россиян: предпенсионный возраст как фактор риска // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013216250020850-8.

24. Ненакопительный эффект, или россияне о пенсионных сбережениях: аналитический обзор. ВЦИОМ. 2022. 16 августа. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (дата обращения: 29.05.2023).

25. Пасовец Ю. М. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 205–207. EDN: STVTCZ.

26. Попова Л. А., Зорина Е. Н. Проблемы реализации активного долголетия в трудовой сфере (на примере Республики Коми) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 2. С. 143–156. DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9; EDN: FLDCZK.

27. Ржаницына Л. С. Работающие пенсионеры: проблемы человека и государства // Вестник ИЭ РАН. 2020. № 3. С. 175–186. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037; EDN: JUBYVQ.

28. Рогозин Д. М. Либерализация старения, или труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62–93. EDN: PUQRSD.

29. Сергеева Т. Б., Борисов Г. И. Взаимосвязь удовлетворённости качеством жизни и индивидуальных свойств работающих и неработающих пенсионеров // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2020. Т. 26. № 1(195). С. 158–169. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.018; EDN: VAOFDZ.

30. Социологические подходы к изучению социального благополучия / Отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 431 с. EDN: LHJSQX.

31. Трынов Д. В., Дидковская Я. В. Новая протестная молодежь: самоидентификация, социальное самочувствие и образ будущего // Известия УрФУ. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14. № 3(191). С. 118–127. EDN: QVMCEA.

32. Шахматова Н. В. Работающие пенсионеры в России и регионе: тенденции и проблемы // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 4. С. 413–420. DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420; EDN: SFFOKO.

33. Шлыкова Е. В. Повседневный риск как фактор социального самочувствия (на примере молодёжи мегаполиса) // Теория и практика общественного развития. 2018. № 3. С. 24–27. DOI: 10.24158/tipor.2018.3.4; EDN: YSEZVF.

34. Шлыкова Е. В. Готовность к риску как адаптационный ресурс: субъективные оценки взрослого населения России // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9. № 4. С. 61–77. DOI: 10.19181/snspr.2021.9.4.8606; EDN: MFDQAD.

35. Щербак Е. М. Старшие поколения россиян, 2023 год // Демоскоп Weekly. 2022. № 977–978. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0977/barom01.php> (дата обращения: 24.06.2023).

36. Angner E. Subjective well-being // The Journal of Socio-Economics. 2010. № 9(3). P. 361–368. DOI: 10.1016/j.socsec.2009.12.001.

37. Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective Well-Being Is Essential to Well-Being // Psychological Inquiry. 1998. Vol. 9(1). P. 33–37. DOI: 10.1207/s15327965pli0901_3.

38. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S. et al. Ageing in Russia: A regional appraisal // *Journal of Population Ageing*. 2020. № 13(1). DOI: 10.1007/s12062-019-9238-x; EDN: EXRIPW.

39. Griffin J. *Well-Being: Its Meaning, Measurement and Moral Importance*. Oxford: Oxford University Press. 1986. 412 p.

40. Kahneman D., Deaton A. High Income Improves Evaluation of Life But Not Emotional Well-Being // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. Vol. 107(38). P. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.

41. Mor-Barak M. E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor // *International Journal of Aging and Human Development*. 1995. № 41. P. 325–344. DOI: 10.2190/VGTG-EPK6-Q4BH-Q67Q.

42. Steger M. F., Dik B. J., Duffy R. D. Measuring Meaningful Work: The Work and Meaning Inventory (WAMI) // *Journal of Career Assessment*. 2012. Vol. 20(3). P. 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.

Получено редакцией: 25.07.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Козырева Полина Михайловна, доктор социологических наук,
Первый заместитель директора Института социологии ФНИСЦ РАН;
заведующая Центром лонгитюдных обследований Института социальной политики,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Смирнов Александр Ильич, доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11

Live Long – Work Long: Social Well-Being of Working Pensioners¹

Polina M. Kozyreva

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia;

HSE University, Moscow, Russia

E-mail: pkozyreva@isras.ru.

ORCID ID: 0000-0002-3034-8521

Alexander I. Smirnov

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: smir_al@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-7078-6203

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Live long – work long: social well-being of working pensioners. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 149–174. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.11; EDN: YTPVOU

¹ The article uses the results of the projects carried out within the framework of the Fundamental Research Program of NRU HSE.

Abstract. Based on the data from the “Russian Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics (RLMS-HSE)”, a dynamic analysis of indicators characterising the social well-being of working pensioners has been conducted for the years 1994 to 2022. The current trend in the dynamics of these indicators is characterised as weakly positive but with a potential for decline. It is shown that the current level of social well-being among working pensioners, which includes increased self-confidence and readiness to overcome life difficulties, contributes to maintaining the stability of their adaptive potential.

Throughout the various stages of the transformational period, working pensioners who exhibited greater autonomy and had developed social capital consistently reported higher levels of social well-being compared not only to non-working pensioners but also to pre-pensioners who experienced growing anxiety due to the inevitable changes in social status and lifestyle upon retirement. The study did not find significant differences in the level of social well-being between working pensioners who retired after the increase in the retirement age and those who retired just before the pension reform.

Substantial differentiation in the level of social well-being among representatives of the analysed category of pensioners, who are now found in almost all sectors and spheres of activity, is largely the result of their heterogeneous socio-economic status. Despite old age being a factor that increases social risks and vulnerability, working pensioners often overcome difficulties encountered during crises with fewer adaptation difficulties and costs than younger individuals. Key elements of social well-being that continue to play a consistently significant role in strengthening the adaptive potential of working pensioners include the fulfilment of the need for public recognition and social interaction, as well as self-assessment of health status. In the current socio-economic and demographic conditions, various aspects of the social adaptation of the older generation become particularly important, directly linked to the realisation of their resource potential and increased activity in the field of employment.

Keywords: adaptation resources, employment, uncertainty, old age, working pensioners, social well-being

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K. A. *Strategiya zhizni [Life strategy]*. Moscow, Mysl, 1991: 299 (in Russ.).
2. Avraamova E. M., Loginov D. M. *Adaptatsionnyye resursy naseleniya: popytka kolichestvennoy otsenki [Adaptation resources of the population: an attempt at a quantitative assessment]*. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2002: 3(59): 3–17 (in Russ.). EDN: HTMNZX.
3. Ambarova P. A., Zborovsky G. E. Temporal strategies for the behavior of social communities as a sociological problem. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2015: 5: 61–71 (in Russ.). EDN: TUHQUH.
4. Atanasova A. A., Mozgovaya A. V. Personal characteristics and social well-being of entrepreneurs as a resource for adaptation to changes. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2021: 9: 3: 134–147 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.3.8438; EDN: GJOFDA.
5. Barkov S. A., Markeeva A. V., Kolodeznikova I. V. Life and work strategies of pensioners in contemporary Russia. *Vestnik RUDN. Ser.: Sotsiologiya*, 2022: 22 (4): 828–843 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843; EDN: TUZJPS.
6. Barsukov V. N., Shabunova A. A. The trends in changing labor activity of the older generation amid population ageing. *Problemy razvitiya territorii*, 2018: 4 (96): 87–103 (in Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6; EDN: XUFHIZ.
7. Barsukova T. I., Brosov A. S. Working pensioners in the social structure of Russian society. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2021: 12: 21–26 (in Russ.). DOI: 10.24158/spp.2021.12.2; EDN: FBINYY.
8. Burko V. A., Volkova Zh. V. Social well-being of elderly people in the modern Russian society (comparative analysis)]. *Vestnik PNIPU. Sotsial'no-ekonomicheskkiye nauki*, 2017: 1: 43–62 (in Russ.). DOI: 10.15593/2224-9354/2017.1.4; EDN: YKJUXN.
9. Voronin G. L. Pre-reform and Post-reform pensioners: a comparative analysis. In *The older generation of modern Russia*. Ed. by Z. Kh. Saraliev. Nizhny Novgorod, NNGU im. N. I. Lobachevskogo, 2021: 201–205 (in Russ.). EDN: VCXFEV.
10. Gritsenko G. D. Social wellbeing and social adaptation: the correlation of the notions. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyy nauchnyy zhurnal*, 2014: 6 (7). Accessed 20.05.2023. URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/1419> (in Russ.).
11. Guzhavina T. A. Non-material resources of adaptation of the population in the context of crisis. *Problemy razvitiya territorii*, 2018: 3 (95): 45–57 (in Russ.). DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.3; EDN: XPLYUH.

12. Dobrokhleb V. G. Resursnyy potentsial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the elderly population of Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008: 8: 55–61 (in Russ.). EDN: JKBP GD.
13. Zhegusov Yu. I. The Influence of Social Wellbeing on the Dynamics of Destructive Social Processes in Russia. *Kommunikologiya*, 2018: 6: 4: 15–26 (in Russ.). DOI: 10.21453 / 2311-3065-2018-6-4-15-26; EDN: XYZKCD.
14. Zelikova Yu. A. Subjective well-being of the elderly (a cross-national analysis). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 11: 60–69 (in Russ.). EDN: TCWERP.
15. Kaz M. S. The «World of labour» of working retirees: dilemmas and meanings. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 7: 28–39 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250013853-1; EDN: FQDDKS.
16. Kozyreva P. M. Protsessy sotsial'noy adaptatsii i evolyutsiya sotsial'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov [The processes of social adaptation and the evolution of the social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries]. Moscow, TSOTS, 2004: 320 (in Russ.). EDN: MEVMWP.
17. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Russian pensioners in conditions of crisis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 1: 64–73 (in Russ.). EDN: XXRRMR.
18. Korel L. V. Sotsiologiya adaptatsij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki [Sociology of adaptation: Questions of theory, methodology and methodology]. Novosibirsk, Nauka, 2005: 424 (in Russ.).
19. Korolenko A. V., Barsukov V. N. Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2017: 4: 643–657 (in Russ.). DOI: 10.17072/2078-7898/2017-4-643-657; EDN: ZXNXXH.
20. Kutovaya S. V. Elderly people's activity in socioeconomic sphere. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 1: 143–146 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250008333-9; EDN: XFJABU.
21. Kushtanina V. A. Vykhod na pensiyu kak moment identichnosti [Retirement as a moment of identity revision]. *Mir Rossii*, 2008: 4: 152–163 (in Russ.). EDN: KBCNEJ.
22. Lezhnina Yu. P. Rossiyskiye pensionery: uroven' zhizni, zdorov'ye, zanyatost' [Russian pensioners: standard of living, health, employment]. In *Russia in reform: Yearbook: iss. 7*. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2008: 178–195 (in Russ.). EDN: PBVCFF.
23. Manuil'skaya K. M., Solodovnikova O. B., Malkova E. E. Subjective Well-Being of Russians: the Risks of Preretirement Age. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2023: 2: 104–114 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250020850-8.
24. Non-accumulative effect, or Russians about pension savings: an analytical review. VCIOM. 2022. August 16. Accessed 29.05.2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nenakopitelnyi-ehffekt-ili-rossijane-o-pensionnykh-sberezhenijakh> (in Russ.).
25. Pasovets Y. M. Kontseptual'nyye osnovy izucheniya adaptatsionnogo potentsiala naseleniya [Conceptual Principles of Analysis of Population's Adaptation Potential]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2011: 3: 205–207 (in Russ.). EDN: STVTCZ.
26. Popova L. A., Zorina E. N. Implementing active aging in the labor sphere (case study of the Komi Republic). *Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 2020: 13: 2: 143–156 (in Russ.). DOI: 10.15838/esc.2020.2.68.9; EDN: FLDCZK.
27. Rzhantsyna L. S. Working pensioners: problems of man and the state. *Vestnik IE RAN*, 2020: 3: 175–186 (in Russ.). DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10037; EDN: JUBYVQ.
28. Rogozin D. M. Liberalizatsiya stareniya, ili trud, znaniya i zdorov'ye v starshem vozraste [Liberalization of aging, or work, knowledge and health in older age]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, 2012: 4: 62–93 (in Russ.). EDN: PUQRSD.
29. Sergeeva T. B., Borisov G. I. Relationship of Satisfaction of Life Quality and Individual Characteristics of Working and Non Working Pensioners. *Izvestiya UrFU. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2020: 26: 1 (195): 158–169 (in Russ.). DOI: 10.15826/izv1.2020.26.1.018; EDN: VAOFDZ.
30. Sociological approaches to the study of social well-being. Ed. by M. F. Chernysh, Yu. B. Epikhina. Moscow, FNISTS RAN, 2021: 431 (in Russ.). EDN: LHJSQX.

31. Trynov D. V., Didkovskaya Ya. V. New Protest Youth: Self-Identification, Social Well-Being and Future Image]. *Izvestiya UrFU. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki*, 2019: 14: 3 (191): 118–127 (in Russ.). EDN: QVMCEA.
32. Shakhmatova N. V. Working pensioners in Russia and the region: Trends and problems]. *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Ser.: Sotsiologiya. Politologiya*, 2021: 21: 4: 413–420 (in Russ.). DOI: 10.18500/1818-9601-2021-21-4-413-420; EDN: SFFOKO.
33. Shlykova E. V. Everyday risk as a factor of social well-being (by a case study of the youth in the megalopolis). *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2018: 3: 24–27 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2018.3.4; EDN: YSEZVF.
34. Shlykova E. V. Risk readiness as an adaptive resource: subjective assessments of the adult population of Russia. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 2021: 9: 4: 61–77 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8606; EDN: MFDQAD.
35. Shcherbakova E. M. Older generations of Russians, 2023. *Demoscope Weekly*. 2023: 977–978. Accessed 24.06.2023. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2022/0977/barom01.php> (in Russ.).
36. Angner E. Subjective well-being. *The Journal of Socio-Economics*, 2010: 39: 361–368. DOI: 10.1016/j.socec.2009.12.001.
37. Diener E., Sapyta J. J., Suh E. M. Subjective well-being is essential to well-being. *Psychological Inquiry*, 1999: 9: 1: 33–37. DOI: 10.1207/s15327965pli0901_3.
38. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S. et al. Ageing in Russia: A regional appraisal. *Journal of Population Ageing*, 2020: 13 (1). DOI: 10.1007/s12062-019-9238-x; EDN: EXRIPW.
39. Griffin J. Well-Being: Its Meaning, Measurement and Moral Importance, James Griffin, Oxford, Oxford University Press, 1986: 412.
40. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2010: 107 (38): 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
41. Mor-Barak M. E. The meaning of work for older adults seeking employment: The generativity factor. *International Journal of Aging and Human Development*, 1995: 41: 325–344. DOI: 10.2190/VGTG-EPK6-Q4BH-Q67Q.
42. Steger M. F., Dik B. J., Duffy R. D. Measuring meaningful work: The work and meaning inventory. *Journal of Career Assessment*, 2012: 20: 322–337. DOI: 10.1177/1069072711436160.

The article was submitted on: July 25, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Polina M. Kozyreva, Doctor of Sociology,
First Deputy Director of the Institute of Sociology of FCTAS RAS;
Head of the Center for Longitudinal Studies at the Institute for Social Policy,
HSE University

Alexander I. Smirnov, Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ И СТАТУСОВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12

EDN: YEPMWN

Эволюция научных исследований отцовства¹

Ссылка для цитирования: Шевченко И. О. Эволюция научных исследований отцовства // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 175–196. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12; EDN: YEPMWN

For citation: Shevchenko I. O. Evolution of scientific research on fatherhood. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 175–196. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12; EDN: YEPMWN

Шевченко Ирина Олеговна¹

¹Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

sheviren@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 610393

Аннотация. В статье анализируется трансформация научных представлений об отцах и отцовстве. Научное изучение проблем отцов и отцовства в зарубежных развитых странах началось в середине XX в. и связано с распространением проблем института семьи: увеличение разводов, повторнобрачных и сводных семей, консенсуальных союзов, рост рождений детей вне официального брака. В России данная проблематика стала привлекать внимание исследователей в 1990-е гг.: в нашей стране распространились те же тенденции. Выяснилось, что падение авторитета отцов, уменьшение их вклада в социализацию детей приводят к проблемам в семьях и социально-психологическим трудностям их детей.

В работах 1970-1980-х гг. было выявлено, что вклад отца в развитие ребенка является незаменимым, потому что он является ролевой моделью для мальчиков, а для девочек – образцом будущего партнера, а семейный труд матери и отца является взаимодополняющим.

Таким образом, подчёркивалась значимость отцовства с точки зрения отношений с ребёнком и вклада в его взросление. В зарубежных странах стала меняться социальная политика в сторону поддержки отцов. В 1990–2010-х гг. исследователи фиксируют распространение так называемого «нового» или «вовлечённого» или «ответственного» отцовства, основные признаки которого: участие отца в воспитании ребёнка с рождения, перераспределение трудовой нагрузки в пользу семейных обязанностей, вовлечённость отца в повседневные дела семьи. Выявлено, что у вовлечённых отцов отношения с ребёнком более прочные и теплые. Вместе с тем признается, что вовлечённых отцов еще недостаточно много.

¹ Работа выполнена в рамках проекта Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) «Национальная модель гендерного равенства: междисциплинарный и экспертный подход» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

В процессе исследований учёные пришли к мысли о том, что отцовские качества, с одной стороны, вырабатываются в процессе социализации будущего отца, с другой – существуют естественные, природой заложенные особенности отцовского поведения. Отцовские качества в значительной степени конструируются обществом на основе тех ценностных ориентаций, которые признаются значимыми в данном обществе в определённый исторический период. На данный момент биосоциальный концепт – самый распространённый исследовательский подход к проблемам отцов и отцовства.

Ключевые слова: отец, отцовство, семья, ребёнок, социализация

Проблемы отцов и отцовства в зарубежных исследованиях

Актуальность научного изучения отцовства в западных странах была осознана в середине XX в. и связана с распространением проблем института семьи: снижением рождаемости, увеличением количества разводов, консенсуальных союзов и детей, воспитывающихся без отца, распространением повторнобрачных и сводных семей и так далее. Семья в развитых странах стала трансформироваться гораздо раньше, чем в России, соответственно, раньше забили тревогу исследователи семьи разных специальностей. В зарубежной научной литературе исследования отцовства имеют мощную статистическую и эмпирическую базу и являются одним из активно развивающихся исследовательских направлений. Научных работ по данной проблематике сотни как в западных странах, так и в России, указать их все никогда не будет возможности, поэтому мы будем ссылаться на самые значимые работы, обозначившие определённый поворот в теме исследования.

В XX в. отношения отцов и детей стали прежде всего предметом социально-психологического и индивидуально-психологического анализа. Отметим, что до нашего времени большинство научных трудов об отцах и отцовстве были выполнены психологами, поэтому в них обращается много внимания на психологические аспекты отцовства. Крупнейшие эксперты в области отцовства являются психологами как минимум по образованию, хотя их работы часто носят междисциплинарный характер, написаны в соавторстве со специалистами разных исследовательских направлений.

Практически до второй половины XX в. роль отца в семье рассматривалась на основе традиционных представлений о гендерных ролях. В теоретическом плане эти идеи развивал Т. Парсонс, что выразилось в появлении полоролевого подхода, согласно которому отец выполняет в семье инструментальную роль – он содержит семью и обеспечивает связи семьи с обществом [92]. Мать, в свою очередь, выполняет экспрессивную роль: её задача – поддержание эмоционального состояния и стабильности в отношениях в семье. Авторитет отца держался на базе безусловных представлений об отце как главе семьи. Но со временем выяснилось, что этого недостаточно.

В 60–90-е гг. XX в. в ряде научных работ напрямую указывается на «безотцовщину» как «самую насущную» проблему общества: это А. Мичерлих [85], Д. Бланкенхорн [49], Дж. Брэдшоу, К. Стимсон и др. [51]. Под «безотцовщиной» подразумевалось неучастие отца в повседневной жизни семьи в связи с трудовой занятостью, делегирование вопросов воспитания детей матери. Исследователи задавались вопросом, чем это грозит обществу, приходя к выводам, что падение авторитета отцов, уменьшение их вклада в социализацию детей, педагогическая некомпетентность отцов приводят к проблемам в семьях и социально-психологическим трудностям их детей.

В ряду многочисленных научных трудов выделяются труды «Роль отца в развитии ребёнка», подготовленные при непосредственном участии и под редакцией М. Лэмба [62; 74; 75; 76], который стал заниматься отцовством ещё в 1970-е гг. и ныне является наиболее крупной фигурой в области исследований отцовства. В этих сборниках изложены общие взгляды на проблемы отцовства в соответствии с представлениями своего времени. В работах 1970–1980-х гг. исследователи определялись, является ли отец важной фигурой в развитии ребёнка или достаточно и матери. Было выявлено, что вклад отца является незаменимым, потому что именно он является ролевой моделью для подрастающих мальчиков, а для девочек – образцом будущего партнера. Выявилось также, что труд матери и отца является взаимодополняющим, а отец не хуже матери может справляться с уходом даже за маленьким ребёнком. Проблема в том, есть ли у отцов время на общение с ребёнком, так как роль основного кормильца в семье, как показали исследования, никто с отца не снимал. Таким образом, учёными подчёркивалась значимость отцовства с точки зрения отношений с ребёнком и вклада в его взросление.

Параллельно с исследованиями важности отцов в воспитании ребёнка изучаются «типы» отцов, формируются понятия «вовлечённого отцовства», «ответственного отцовства», «нового отцовства»: У. Доэрти и др. [61], Р. Д. Дэй, М. Е. Лэмб [60], Д. Ленгерсдорф, М. Мейзер [78], В. Шнайдер [99], Д. Тома [104]. Под «новым» «вовлечённым», «ответственным отцом» разные авторы понимали примерно одно и то же: это отец, который с младенческих лет участвует в уходе и повседневной жизни ребёнка, эмоционально близок ребёнку, заботлив, погружен в семейную жизнь. Выделяются параметры отцовского участия в жизни ребёнка: вовлечённость, доступность, ответственность.

Особую важность для исследователей представляют научные работы обобщающего характера, где отцовство представлено с самых разных сторон: установки и представления об отцовстве, его место в гендерных системах, соотношение отцовства и маскулинности (мужественности), идентичность отцовства: Дж. М. Битон, У. Дж. Доэрти [48], С. Борн и Х. Крюгер [50], С. Колтрейн [55], Р. Ла Росса [73], В. С. Мак-Кей [80], В. Марсиглио [82], М. Матцнер [84], Й. Плек [93; 94; 95; 96], Р. Д. Парк [91], К. Д. Пруэ [97], Х. Вальтер [106]. Поднимаются вопросы: каким образом формируются отцовские качества и представления о том, каким должен быть «хороший

отец», какое место в жизни мужчины занимает отцовство, как оно связано и влияет (если влияет) на становление и осознание мужественности; какую роль играют отцы в семье и как это соотносится с ролью матери; как складывается тот или иной гендерный порядок.

Примерно с середины XX в. в большинстве стран увеличивается количество разводов, это связано как с упрощением семейного законодательства относительно разводов, смягчением позиции церкви, так и распространением индивидуалистических настроений в обществе. Во многих распадающихся семьях были дети, которые оказывались в сложной ситуации развода и чаще всего проживали отдельно от отцов. В научных трудах, посвящённых постразводному отцовству, рассматриваются социальные практики отцов после развода родителей и последствия развода для развития ребёнка: это работы П. Амато и Дж. Соболевски [47], Е. М. Хизерингтон и Дж. Келли [66], М. Калмийн [70], Р. Мартин [83], В. Сигл-Рахстон, С. МакЛанахан [101], М. Тази-Прева и др. [103], Дж. С. Уоллерстайн, Дж. М. Люис, С. Блэксли [105].

В основном исследователи сходятся во мнении, что развод родителей несёт долговременные последствия для детей, в том числе и во взрослом возрасте (к примеру, это подчёркивают П. Амато, Дж. С. Уоллерстайн). При этом адаптация ребёнка к разводу проходит легче, если родители сохраняют нормальные отношения между собой и дети продолжают общаться с отцом. Но Е. М. Хизерингтон, по результатам 25-летнего наблюдения детей разведённых родителей, утверждала, что со временем последствия развода сглаживаются и дети вырастают во вполне благополучных взрослых.

Поскольку повседневные практики отцовства неразрывно связаны с социальной политикой государства относительно отцовства, исследователи обращали внимание на разнообразные аспекты связи гендера, социальной политики и государства: А. Гаванас [64], В. Хобсон и Д. Морган [67], А. Лейра [77], Дж. Люис [79], А. С. Орлофф, Р. Монсон [87; 88], С. Руби и С. Шольц [98], С. Сумер [102], Р. Коннел [56], Ф. Уильямс [107]. Социальная государственная поддержка отцовства в развитых странах постепенно расширялась вплоть до появления специальных отцовских отпусков после рождения ребёнка. Исследования показали, что участие отца в уходе за ребёнком с раннего его возраста, помимо позитивного влияния на супружеские отношения, укрепляет связь отцов и детей.

В зарубежных научных работах последних десятилетий отцовство предстает как необходимый компонент родительства, отец – как важная фигура в воспитании и социализации ребёнка. Акцент в исследованиях и научных работах смещается к рассмотрению различных аспектов семейной политики в поддержку отцов и отцовства; исследуются разнообразные отцовские практики, отмечается социальный тренд к равноправному партнёрству и родительству, формированию «ответственного отцовства». Эти проблемы исследуют Н. Кабрера, С. Тамис-Лемонда и др. [53], М. Бюргиссер [52], К. Флойд, М. Т. Морман [63], Дж. Голдберг [65], Т. Йоханссон, Дж. Андреассон [68], Б. Кноп и К. Л. Брюстер [72], Л. Маркс [81], Р. Палковитц, М. А. Копс, Т. Н. Вулфолк [90], Л. С. Олах,

И. Е. Котовска, Р. Рихтер, Р. Севард [86; 100], И. Остнер [89]. Отмечается, что современные отцы рассматривают отцовство как необходимый компонент мужской идентичности и маскулинности; что растёт время, которое отец уделяет семье и детям; что участие отца положительно влияет на развитие ребенка, увеличивает детскую уверенность в себе. Растёт количество кросскультурных сравнительных исследований по данной теме.

Научные работы, посвящённые отцовству, первоначально опирались на идеи полоролевого подхода, затем социального конструктивизма. Отдельно можно выделить научные работы, выполненные в русле так называемых «men's studies», где ведущими являлись идеи «гегемонной маскулинности» и её трансформации в «заботливую маскулинность»: Р. Кольер [54], Р. Коннел [56; 57; 59], Т. Йохансон, Р. Клинт [69] и др. В последние десятилетия разрабатывается также биосоциальный подход к отцовству. В целом, развитие идей и представлений об отцовстве происходило в русле представлений о трансформации традиционной роли отца и формировании новых ролевых моделей и социальных практик отцовства.

Российские исследования отцов и отцовства

Тематика отцов и отцовства стала активно разрабатываться российскими исследователями в два последних десятилетия. Вероятно, это связано с осознанием проблем в сфере семьи и демографии в нашей стране: катастрофическим падением рождаемости, снижением брачности и увеличением количества разводов (с 1960-х гг. уровень разводимости вырос в два раза, хотя он и уменьшается в последние годы; но уменьшается и количество браков), повышенной смертностью мужчин, все более частым раздельным проживанием отцов и детей, нарастанием девиаций и психологических проблем. Взгляды учёных на проблемы института семьи кардинально различаются. По мнению одних (фамилистов), это именно «проблемы», свидетельствующие о кризисе в семейной сфере, требующие неперемного участия государства в его решении. Но есть и другая точка зрения: всё, что происходит с семьей, – закономерный процесс развития, «четвёртый демографический переход» к индивидуализму и малодетности. Оценки происходящих процессов в контексте кризиса представлены в работах А. И. Антонова, В. А. Борисова, С. А. Сорокина, А. Б. Синельникова [2; 3; 33; 34], в модернизационной парадигме – А. Г. Вишневого [13], М. А. Клупта [25]. Заметим, что события последнего десятилетия и резкое падение рождаемости всё больше подтверждают кризисный взгляд на семейные и особенно демографические проблемы, которые тесно связаны между собой.

Первоначально в социологических работах не ставилась задача изучения именно отцовства. Но, поскольку семья признавалась частью структуры общества, производился анализ семьи и частично затрагивалась проблематика отцовства. В первых научных работах, в которых хотя бы косвенно поднимались темы отцов и отцовства, ставились проблемы трансформации брачно-семейных или родительских отношений. Концептуализация

родительства как социального института связана с научными работами Т. А. Гурко 1990–2010-х гг. Она анализирует трансформацию родительства в современной России [16; 17; 18; 19], рассматривает теоретические основания изучения родительства и разнообразные родительские практики. Гурко отмечает значимость темы отцовства и нехватку исследований в этом направлении.

Социально-экономическая ситуация в 1990-е гг. в стране была сложной, возможно, именно поэтому на повестке дня возникла тема участия отцов в воспитании детей после развода родителей, в том числе в материальном аспекте: это статьи Л. М. Прокофьевой и М.-Ф. Валетас [27], М. Г. Воронцовой [15], Т. А. Гурко [16; 17], в которых обозначалось, что проблемы взаимодействия отцов и детей после развода родителей существуют. В то время самой острой является проблема невыплаты алиментов, монопольное право матери на проживание с ребёнком не оспаривается, вопросы, связанные с правами отца на общение с ребёнком, практически не поднимаются, так же, как и не ставится вопрос о совместной опеке над ребёнком в России, при том, что в развитых странах это уже распространенная практика.

Чуть позже, в 2000-е гг., возник и интерес к изменениям отцовства. Так же, как зарубежные учёные, многие наши исследователи говорят о «кризисе отцовства». Трансформация отцовства в различных контекстах исследовалась разными авторами. Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, А. М. Зубанкова [31] и другие авторы рассматривали отцовство в дискурсе исторических и общественных изменений, в общем контексте модернизации брака и семьи, с точки зрения отцовской личности, в некоторых аспектах социальных коммуникаций. Выделим здесь научные работы А. Л. Янак [44], в которых отцовство представлено как часть общества постмодерна.

С 2010-х гг. тематика исследований постразводного отцовства немного расширяется. Анализируется распространённость разводов с детьми, изучаются некоторые практики постразводного отцовства [24 и др.], делается акцент на некоторых проблемах в осуществлении родительской роли (А. Л. Янак [46]); отмечается улучшение положения детей в разведённых семьях (Л. С. Ржаницына [28]). В некоторых последних статьях, по результатам проведённых исследований, изменились акценты относительно поведения отцов в процессе и после развода; отцы перестали быть единственными «виновными» в распаде семьи, анализируется также и поведение матерей в этом контексте; привлекается внимание к проблемам ответственных отцов, лишённых возможности выполнять свои отцовские обязанности и регулярно общаться с детьми [8; 43]. Вместе с тем в рамках постразводного отцовства остается много тематических пробелов, нуждающихся в заполнении.

В 1990-е и 2000-е гг. психологами и частично социологами стала активно разрабатываться проблема роли отца в становлении личности ребёнка (Н. Н. Авдеева [1]), стал подниматься вопрос значения отца и указывалась его важность для развития ребенка. Примерно в это время начинается изучение отцовства как фактора развития личности мужчины.

Отдельно необходимо отметить научные работы Ю. В. Борисенко и А. Г. Портновой [11; 12], которые занимаются изучением психологической готовности к отцовству и указывают, что психолого-педагогическое сопровождение повышает готовность мужчины к отцовству, предлагает технологии такого сопровождения.

Стоит указать, что в 2000-е гг. в научной среде стали продвигаться разнообразные гендерные теории, в том числе концепции феминизма. Появляется ряд научных работ, выполненных в русле этих направлений. Гендерный подход к анализу представлен во многих работах, в том числе Е. А. Здравомысловой, А. А. Темкиной [23]. Авторы первых научных работ в этом направлении сосредотачивали свое внимание на представлении гендерных теорий, терминов, понятий российскому читателю. Затем появились труды, в которых анализировался «гендерный порядок» и гендерная политика советского и российского общества. Позже стали появляться материалы, посвящённые «гендерным режимам» зарубежных стран. В значительной степени в работах исследователей этого направления анализировались женские проблемы, но попутно или параллельно освещались и мужские, в том числе проблемы отцовства, хотя и под своеобразным углом зрения. Отцовство в этих работах часто представлено в концепциях «гегемонной маскулинности», хотя в некоторых работах и фиксируется тренд к трансформации гендерных практик в сторону большего участия мужчин в семейных делах и воспитании детей (Е. Ю. Рождественская [29; 30]). Тем не менее важно, что вопросы пола и гендера поднимаются в этих научных трудах. Гендерные роли и их трансформация в сторону «смягчения» гегемонной мужественности, проблемы гендерной идентичности рассматривались многими авторами, в том числе В. Г. Ушаковой, где подчёркивается необходимость анализа мужских и отцовских проблем, обращается внимание на влияние социально-экономической и психологической составляющей на положение отцов и состояние отцовства [36; 37].

Особняком вследствие своей междисциплинарности стоят работы И. С. Кона, которые носят скорее обзорный, местами публицистический характер. Первые публикации учёного на данную тему появляются в 2000-е гг., обобщение собранных материалов представлено в книге «Мужчина в меняющемся мире» [26]. Кон констатирует, что «кризисом отцовства» озабочены как учёные (социологи, психологи и педагоги), так и практики, и общественность во всем мире. И. С. Кон был одним из первых в России, кто вообще обратил внимание на проблемы мужчин, и отцов в частности.

В 2010–2020-е гг. интерес к исследованиям отцовства стал расти, проблематика исследований стала разнообразнее. В поле научного интереса стали попадать взаимодействие отцов и детей, социальные практики отцовства, описанные в трудах А. Е. Звонаревой [22] З. Х. Саралиевой, В. А. Блонин, Н. Ю. Егоровой [32], И. О. Шевченко [41].

Исследователи изучали трансформацию отцовства и фиксировали новые элементы отцовского взаимодействия с женой и детьми, стали использоваться термины «новое» и «вовлечённое» отцовство. В этом ключе выполнены работы А. В. Авдеевой [1]. Е. Ю. Рождественская [29]

анализирует изменение практик отцовства на примере Германии и называет это либеральным трендом. А. Л. Янак [45] исследует отцовскую вовлечённость в некоторых типах семей. Таким образом, понятен тренд, но возникает ощущение некоторой фрагментарности.

Часть учёных использует другой термин – «ответственное родительство», но подразумевает под этим термином схожий феномен, только акцент делается на фундаментальном, с точки зрения исследователей, отцовском качестве – ответственности. В этом контексте необходимо выделить труды О. Н. Безруковой [4; 5; 7], которая выстраивает концепцию родительского потенциала, включая в неё понятие родительских ресурсов, ответственного родительства и отцовства. На сегодня научные работы О. Н. Безруковой – одни из самых фундированных, теоретически проработанных и эмпирически подтверждённых. Безрукова анализирует возможности и ограничения использования отцами их «родительского потенциала», приходя к выводам, что сами отцы хотели бы большего отцовского участия в жизни детей, но социально-экономические условия жизни нашего общества пока ещё не в состоянии предоставить им такую возможность; имеют место и оказывают влияние на поведение отцов также традиционные представления о распределении родительских ролей. Особый интерес для всех интересующихся тематикой отцовства представляют научные работы О. Н. Безруковой [6], где родительские ценности и отношения анализируются в поколенческом сравнительном ключе. Проблемы отношений супругов в аспекте родительских обязанностей, распределения ролей в семье, взаимных ожиданий исследовали также Н. Ю. Егорова, А. Л. Янак, Е. С. Рябинская [21], В. Г. Ушакова [36].

В 2010–2020-е гг. начинается изучение отцовства в разнообразных типах семей. Одинокое отцовство изучали: Г. Л. Воронин, А. Л. Янак [14]. В большинстве статей об одиноких отцах такие отцы рассматриваются либо как потенциальные клиенты социальных служб, либо с точки зрения социально-психологических особенностей восприятия отцовства. Особенности взаимодействия с ребёнком и повседневные практики таких отцов затрагиваются И. О. Шевченко [40], где отмечается, что для одинокого отца ребёнок – главная ценность, перекрывающая все остальные. Особенности взаимодействия отцов в многодетных семьях изучались З. Е. Дорофеевой [20].

Менее всего изучены отчимы и их роль в семье как социальных отцов. Термин «социальное отцовство» применяется к мужчинам, выполняющим роль отца, но не являющимся биологическими отцами детей, которых воспитывают. Буквально в последние годы появились публикации И. О. Шевченко [42], Н. В. Шахматовой [39], где подчеркивается, что отчимы зачастую замещают отсутствующего родного отца, действуя точно по пословице: «отец не тот, кто родил, а тот, кто воспитал». Таким образом, социальное родительство институционализировалось как отцовство нового типа: таких семей становится всё больше. Уточним, что отчимы в семьях исторически были всегда, но очень редко попадали в поле зрения исследователей. Между тем около четверти детей воспитываются в сводных семьях и имеют отчимов. Справедливости ради, заметим, что все-таки взгляды учёных относительно роли отчимов отличаются; феномен нуждается в дополнительном изучении.

К сожалению, в рамках одной статьи невозможно упомянуть всех авторов, и ведь проблемных тем гораздо больше. Внимание исследователей привлекает приемное родительство как распространяющийся вид семейного устройства детей, потерявших родителей. Исследователи изучали разнообразный опыт приёмных семей в разных регионах, приходя к выводам, что, несмотря на сложности адаптации приёмных родителей и детей в таких семьях, это всё-таки лучшая замена детским домам. Приёмные отцы также относятся к типу социальных отцов.

Еще один сюжет, включённый в повестку для исследований, – представления молодых людей в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин, полоролевые модели подростков, молодых людей и студентов, межпоколенческие отношения, в том числе в аспектах влияния на представления об отцовской роли.

Отцовство в историко-культурном контексте изучали многие учёные, в том числе Е. А. Здравомыслова, А. А. Тёмкина [23]. Они подробно рассматривали в ретроспективе советское отцовство (обычно с позиций советского гендерного порядка) и современное российское отцовство.

Ещё одна тема – социальные аспекты применения законодательства по отношению к отцам, в основном это публикации юристов, которые делают акцент на недостаточной защите прав отца в современной России. Это дает нам интересный социально-правовой материал относительно положения отцов.

В последние годы популярной становится тема соотношения баланса между родительскими, в том числе отцовскими, и рабочими обязанностями, об этом писали О. Н. Безрукова, В. А. Самойлова [9; 10], Ж. В. Чернова [38]. Проблема действительно существует, российская реальность не предлагает достаточно свободного времени для выполнения родительских, особенно отцовских, обязанностей. Если женщины при наличии работающего и зарабатывающего супруга при благоприятных обстоятельствах могут позволить себе сократить рабочую нагрузку или вовсе отказаться от профессиональной занятости, мужчины обычно, выполняя свою роль добытчика и кормильца, должны обеспечивать семью, а значит – работать ещё больше, чем когда детей не было. На данный момент исследователи приходят к выводу, что российские работодатели не склонны организовывать рабочий день с учетом интересов работников, имеющих семью.

Существует достаточное количество работ, где исследуются теоретические подходы к исследованию отцовства. В этих работах преобладают гендерные подходы к анализу отцовства, в концептах «гегемонной маскулинности», «гендерных контрактов».

Заключение

При достаточно большом количестве опубликованных работ об отцах и отцовстве в последние годы необходимо отметить следующие аспекты.

Большую часть научных и популярных статей составляют работы психологов, акцент в которых делается на внутренних переживаниях отцов или социально-психологических моментах отношений в семье, психологическом сопровождении отцовства. Эти статьи представляют ценность с точки зрения описания важности роли отца в семье, особенно для ребенка.

В отдельных научных работах анализируются некоторые аспекты социальных практик отцов в различных типах семей. Менее всего представлены статьи о разведённых отцах, отчимах, одиноком отцовстве.

Часть работ посвящена представлениям об отцовской роли преимущественно молодых людей (в аспекте будущего отцовства), но практически отсутствуют работы о представлениях об отцах и отцовстве в массовом общественном сознании. В российских исследованиях отцов и отцовства также существуют пробелы, которые относятся к социальным практикам отцовства в различных типах семей.

Таким образом, от идей полоролевого подхода, с его жестким, биологически обусловленным, как утверждали сторонники этого взгляда, а на самом деле сложившимся в традиционном обществе представлением о разделении гендерных ролей, в процессе исследований ученые пришли к мысли о том, что отцовские качества, с одной стороны, не являются врождёнными и вырабатываются в процессе социализации, с другой – существуют естественные, природой заложенные особенности отцовского поведения. Отцовские качества в значительной степени конструируются обществом на основе тех ценностных ориентаций, которые признаются значимыми в данном обществе в данный момент. При этом влияние биологических особенностей на поведение личности не отрицается. В настоящее время этот биосоциальный концепт – самый распространённый исследовательский подход к проблемам отцов и отцовства. В целом, концептуальное развитие научных идей относительно отцовства происходило в русле представлений о трансформации традиционной роли отца и формировании новых ролевых моделей и социальных практик отцовства.

Библиографический список

1. Авдеева А. В. «Вовлечённое отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104. EDN: PGXURD.

2. Антонов А. И., Борисов В. А. Динамика населения России в XXI в. и приоритеты демографической политики. М.: Ключ-С, 2006. 191 с.

3. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьбы семьи в России XXI века: Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000. 414 с.

4. Безрукова О. Н. Модели родительства и родительский потенциал: межпоколенный анализ // Социологические исследования. 2014. № 9. С. 85–97.

5. Безрукова О. Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 118–130. EDN: RFХАРТ.

6. Безрукова О. Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Т. 23. № 1. С. 88–110. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5003; EDN: YKWDYV.

7. Безрукова О. Н. Ценности родительства: структура, типы, ресурсы // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 118–127. EDN: VXVZTP.
8. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Материнский гейткипинг в России: молодые отцы о матерях и барьерах доступности детей после развода // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3. С. 463–498. DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680; EDN: AUROFO.
9. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовский отпуск в России: мечты или реальность? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 116–125. DOI: 10.7868/S0132162517070133; EDN: YZLIXN.
10. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90–101. DOI: 10.31857/S013216250005796-8; EDN: XALPGZ.
11. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Проблема отцовства в современном обществе // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 122–130. EDN: QCBPZR.
12. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Отцовство как фактор развития личности // Развитие личности. 2006. № 2. С. 70–81. EDN: HVCLAD.
13. Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи // Экология и жизнь. 2008. № 7. С. 8–13. EDN: MSUMWZ.
14. Воронин Г. Л., Янак А. Л. Монородительские семьи: их типы и социальный портрет одинокого родителя // Женщина в российском обществе. 2018. № 1(86). С. 53–66. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5; EDN: YTBKXJ.
15. Воронцова М. Г. Участвуют ли отцы в обеспечении детей? // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 145–148.
16. Гурко Т. А. Актуальные проблемы родительства в России. М.: ИС РАН, 2013. 209 с.
17. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008. 325 с.
18. Гурко Т. А. Родительство в изменяющихся социокультурных условиях // Социологические исследования. 1997. № 1. С. 72–79.
19. Гурко Т. А. Трансформация института семьи: постановка проблемы // Социологические исследования. 1995. № 10. С. 95–99.
20. Дорофеева З. Е. Особенности жизненных практик многодетных семей // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 114–124. DOI: 10.31857/S013216250005798-0; EDN: UEDKMA.
21. Егорова Н. Ю. Родительско-детские отношения в браках и сожительствах // Женщина в российском обществе. 2008. № 3. С. 23–30. EDN: JVKCRP.
22. Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233–251. DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782; EDN: UUHTMB.

23. Звонарева А. Е. Социальные практики отцовства // *Женщина в российском обществе*. 2010. № 4. С. 61–68.
24. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Российский гендерный порядок: социологический подход. СПб.: ЕУ в СПб., 2007. 306 с.
25. Иванова Е. А. «Я себя не отношу к хорошим папам, в лучшем случае, к нормальным»: как российские мужчины конструируют образ «хорошего отца» после развода // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 5. С. 132–150. EDN: ZVMKGZ.
26. Клупт М. А. Демографическая повестка XXI века: теории и реалии // *Социология*. 2011. № 1. С. 33–44. EDN: МТНАJR.
27. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009. 496 с.
28. Прокофьева Л., Валетас М.-Ф. Отцы и их дети после развода // *Социологические исследования*. 2002. № 6. С. 111–115.
29. Ржаницына Л. С. Улучшение положения детей в разведенных семьях // *Социологические исследования*. 2015. № 3. С. 65–69.
30. Рождественская Е. Ю. Отцовство: либеральный тренд от «отца» к «папе»? // *Социологический журнал*. 2010. № 3. С. 75–89.
31. Рождественская Е. Ю. Вовлеченное отцовство, заботливая маскулинность // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 155–185. DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676; EDN: DMPPZW.
32. Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Зубанкова А. М. Отцовство в России: исторический и социокультурный дискурс // *Семья в современном обществе. Сер. «Демография. Социология. Экономика» / Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской*. М.: Экон-Информ, 2018. С. 137–145.
33. Саралиева З. Х., Блонин В. А., Егорова Н. Ю. и др. *Жизненные миры современной российской семьи*. Н. Новгород: ННГУ, 2015. 264 с.
34. Синельников А. Б. Семья и брак: кризис или модернизация? // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24. № 1. С. 95–113. DOI: DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715; EDN: YTPUEV.
35. Синельников А. Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // *Социологический журнал*. 2015. Т. 21. № 4. С. 132–148. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068; EDN: VDXQBF.
36. Синельников А. Б. Субъективные причины развода: данные исследования // *Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2017. № 3. С. 116–139. EDN: ZIVXQV.
37. Ушакова В. Г. Кто в доме хозяин? СПб.: СПбГУ, 2011. 108 с.
38. Ушакова В. Г. Семья и демография: гендерный аспект // *Вестник СПбГУ. Сер. 12: Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 3. С. 212–229. EDN: KVNKSR.
39. Чернова Ж. В. Рабочее место, дружественное семье: политические инициативы, позиция работодателя и типы поддержки работников с семейными обязанностями // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Т. 20. № 1. С. 93–113. EDN: YOCMRP.
40. Шахматова Н. В. Взаимоотношения детей с отцом и отчимом: факторный срез // *Практики заботы в современном обществе. Мат. Всеросс. науч. конф. Саратов: Саратовский источник*, 2017. С. 274–285. EDN: ZCGOBV.

41. Шевченко И. О. Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГГУ. Сер. «Социологические науки». 2014. № 4(126). С. 163–173. EDN: SGMAУТ.
42. Шевченко И. О. Отцы и отцовство в современной России: социологический анализ. М.: Трoвант, 2019. 300 с. EDN: MFLRYJ.
43. Шевченко И. О. Отчим в структуре современной российской семьи // Социология. 2011. № 2. С. 186–192. EDN: UYFFZ.
44. Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70–77. EDN: TQASLF.
45. Янак А. Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018а. № 1. С. 118–126. DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.11; EDN: YVHXDQ.
46. Янак А. Л. Отцовская вовлеченность в семьях различных типов // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2018б. № 2(50). С. 124–131. EDN: XWPOOD.
47. Янак А. Л. Практики постразводного отцовства: некоторые проблемы в осуществлении родительской роли // Политика и общество. 2016. № 3. С. 369–373. DOI: 10.7256/1812-8696.2016.3.13893; EDN: VROBPB.
48. Amato P. R., Sobolewski J. M. The effects of divorce and marital discord on adult children's psychological well-being // American Sociological Review. 2001. Vol. 66. P. 900–921. EDN: GSGBHL.
49. Beaton J. M., Doherty W. J., Rueter M. A. Family of origin processes and attitudes of expectant fathers // Fathering. 2003. Vol. 1. № 2. P. 149–168. DOI: 10.3149/fth.0102.149.
50. Blankenhorn D. Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem. New York: Harper Perennial, 1996. 328 p.
51. Born C., Krüger H. Vaterschaft und Väter im Kontext sozialen Wandels. Über die Notwendigkeit der Differenzierung zwischen strukturellen Gegebenheiten und kulturellen Wünschen // W. Heinz (Hrsg.). Männer als Väter. Sozialwissenschaftliche Theorie und Empirie. Gießen: Psychosozial-Verlag, 2002. S. 117–143.
52. Bradshaw J., Stimson C., Skinner C., Williams J. Absent Fathers? London: Routledge, 1999. 258 p.
53. Bürgisser M. Egalitäre Rollenteilung. Erfahrungen und Entwicklungen im Zeitverlauf. Zürich: Verlag Rüeegg, 2006. 263 s.
54. Cabrera N., Tamis-Lemonda C., Bradley R. et al. Fatherhood in twenty-first century // Child Development. 2000. January/February. Vol. 71. № 1. P. 127–136. DOI:10.1111/1467-8624.00126.
55. Collier R. Men, Law and Gender: Essays on the “Man” of Law. London: Routledge, 2010. 292 p.
56. Coltrane S. Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas // Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future. Thousand Oaks: Sage Publications, 2004. 640 p.

57. Connell R. W. The state, gender and sexual politics: theory and appraisal // *Theory and society*. 1990. № 19. P. 507–544.
58. Connell R. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995. 295 p.
59. Connell R. *The Men and the Boys*. Sydney: Allen & Unwin, 2000. 268 p.
60. Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // *Gender & Society*. 2005. Vol. 19. № 6. December. P. 829–859. DOI: 10.1590/S0104-026X2013000100014.
61. Day R. D., Lamb M. E. Conceptualizing and measuring father involvement: pathways, problems, and progress // Lamb M. E., Day R. D. (eds) *Conceptualizing and measuring father Involvement*. London: Erlbaum, 2004. P. 1–16.
62. Doherty W. J., Kouneski E. W., Erickson M. F. Responsible fathering: An overview and conceptual framework // *Journal of Marriage and the Family*. 1998. Vol. 60(2). P. 277–292.
63. *Father's role. Cross-cultural perspectives* / Ed. by M. E. Lamb. Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Ass., 1987. 377 p.
64. Floyd K., Morman M. T. Fathers' and sons' reports of fathers' affectionate communication: Implications of a naive theory of affection // *Journal of Social and Personal Relationships*. 2005. Vol. 22. № 1. P. 99–109. DOI: 10.1177/0265407505049323.
65. Gavanas A. *Fatherhood Politics in the United States: Masculinity, Sexuality, Race and Marriage*. Chicago: University of Illinois Press, 2004. 221 p.
66. Goldberg J. S. Identity and Involvement Among Resident and Nonresident Fathers // *Journal of Family Issues*. 2015. Vol. 36(7). P. 852–879. DOI: 10.1177/0192513X13500963.
67. Hetherington E. M., Kelly J. *For better or worse: Divorce reconsidered*. N. Y.: Norton, 2002. 320 p.
68. Hobson B., Morgan D. Introduction // *Making Men into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 1–21.
69. Johansson T., Andreasson J. *Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life*. London: Palgrave Macmillan, 2017. 238 p.
70. Johansson T., Klinth R. Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions // *Men and Masculinities*. 2008. № 11(1). P. 42–62. DOI: 10.1177/1097184X06291899.
71. Kalmijn M. Father-Child Relations after Divorce in Four Countries: Patterns and Determinants // *Comparative Population Studies*. 2015. Vol. 40(3). P. 251–276. DOI: 10.12765/CPoS-2015-10.
72. Kimmel M. *Manhood in America: A Cultural History*. N. Y.: Free press, 1996. 544 p.

73. Knop B., Brewster K. L. Family Flexibility in Response to Economic Conditions: Father' Involvement in Child-Care Tasks // *Journal of Marriage and Family*. April, 2016. P. 283–292. DOI: 10.1111/jomf.12249.

74. La Rossa R. Fatherhood and Social Change // *Family Relations*. 1988. № 37(4). P. 451–457.

75. Lamb M. E. Fathers and child development: an introductory interview and guide // M. E. Lamb (ed.). *The Role of the Father in Child Development*. 3d ed. N. Y.: Wiley, 1997. 416 p.

76. Lamb M. E., Tamis-Lemonda C. S. The role of the father. An introduction // Lamb M. E. (ed.). *The role of the father in child development*. 4th ed. N. Y.: Wiley, 2004. 552 p.

77. Lamb M. E. *The role of the father in child development*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2010. 669 p.

78. Leira A. Parenthood change and policy reform in Scandinavia, 1970–2000s // *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State* / Ed. by A. L. Ellingsaeter, A. Leira. Bristol: Policy Press, 2006. P. 27–51.

79. Lengersdorf D., Meuser M. Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? // *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective* / Ed. by I. Crespi, E. Ruspini. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 141–161.

80. Lewis J. The problem of fathers: policy and behavior in Britain // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 125–149.

81. MacKey W. C. *American father: Biocultural and developmental aspects*. N. Y., Plenum Press, 1996. 262 p.

82. Marks L., Palkovitz R. American fatherhood types: The “good”, the “bad”, and the “uninterested” // *Fathering*. 2004. Vol. 2. № 2. P. 113–129. DOI: 10.3149/fth.0202.113.

83. Marsiglio W. Contemporary Scholarship on Fatherhood: Culture, identity, and conduct // *Journal of Family Issues*. 1993. Vol. 14. № 4. P. 484–509.

84. Martin R. *Väter im Abseits. Mutter und Kind in der vaterlosen Gesellschaft*. Stuttgart: Klett-Cotta, 1979. 169 p.

85. Matzner M. *Vaterschaft aus der Sicht von Vätern*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004. 481 p.

86. Mitscherlich A. *Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie*. München: Piper, 1963. 406 p.

87. Oláh L. S., Kotowska I. E., Richter R. The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies // *A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe* / Ed. by G. Doblhammer, J. Gumà. Cham: Springer, 2018. P. 41–64.

88. Orloff A. S., Monson R. Citizens, workers or fathers? Men in the history of the US social policy // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 61–91.

89. Orloff A. S. Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of state policies and gender relations // *American Sociological Review*. 1993. № 58 (3). P. 303–328.

90. Ostner I. A new role for fathers: the German case // *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood* / Ed. by B. Hobson. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 150–167.

91. Palkovitz R., Copes M. A., Woolfolk T. N. “It’s like... You discover a new sense of being”. Involved fathering as an evoker of adult development // *Men and Masculinities*. 2001. Vol. 4. № 1. P. 49–69. DOI: 10.1177/1097184X01004001003.

92. Parke R. D. *Fatherhood*. Cambridge, MA: Harvard University, 1996. 319 p.

93. Parsons T., Bales R. F. in collaboration with Olds J., Zelditch M., Jr., Slater P. *Family, Socialization and Interaction Process*. N. Y.: Basic books, 1955. 422 p.

94. Pleck J. H. The gender role strain paradigm: An update // Levant R. F., Pollack W. S. (eds) *A new psychology of men*. N. Y.: Basic Books, 1995. P. 581–592.

95. Pleck J. H. Paternal involvement: Levels, sources, and consequences // Lamb M. E. (ed.) *Role of the father in child development*. 3-rd ed. N. Y.: John Wiley & Sons, Inc., 1997. P. 66–103.

96. Pleck J. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA: MIT Press, 1983. 240 p.

97. Pleck J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes // Lamb M. E. (ed.) *The role of the father in child development*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2010. 669 p.

98. Pruett K. D. *Fathers do not mother // Fatherneed: Why father care is as essential as mother care for your child*. N. Y.: Broadway Books, 2001. 244 p.

99. Ruby S., Scholz S. Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinity // *Österreich Z Soziol*. 2018. № 43. P. 73–83. DOI: 10.1007/s11614-018-0284-z.

100. Schneider W. *Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft*. Augsburg: AV-Verlag, 1989. 177 s.

101. Seward R. R., Richter R. International research on fathering: An expanding horizon // *Fathering*. 2008. Vol. 6 (2). P. 87–91. DOI: 10.3149/fth.0602.87.

102. Sigle-Rushton W., McLanahan S. Father absence and child well-being: A critical review // Moynihan D., Rainwater L., Smeeding T. (eds). *The future of the family*. N. Y.: Russell Sage Foundation, 2004. P. 116–155.

103. Sumer S. *European Gender Regimes and Policies*. Ashgate publishing group, 2009. 154 p.
104. Tazi-Preve M. u.a. *Väter im Abseits. Zum Kontaktabbruch der Vater-Kind-Beziehung nach Scheidung und Trennung*. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007. 285 s.
105. Thomä D. *Väter. Eine moderne Heldengeschichte*. München: Hanser, 2008. 367 s.
106. Wallerstein J. S., Lewis J. M., Blakeslee S. *The Unexpected legacy of divorce: A 25 year landmark study*. San Francisco: Hyperion, 2001. 351 p.
107. Walter H. *Das Echo der Vatersuche // Heinz W. (Hrsg.) Vater, wer bist du? Auf der Suche nach dem "hinreichend" guten Vater*. Stuttgart: Klett-Cotta, 2008. P. 9–44.
108. Williams F. *Troubled masculinities in social policy discourses: fatherhood // Men, Gender Divisions and Welfare / Ed. by J. Popay, J. Hearn, J. Edwards*. London: Routledge, 1998. P. 63–100.

Получено редакцией: 13.06.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шевченко Ирина Олеговна, доктор социологических наук, профессор кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12

Evolution of Scientific Research on Fatherhood¹

Irina O. Shevchenko

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

E-mail: sheviren@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0003-0915-4129

For citation: Shevchenko I. O. Evolution of scientific research on fatherhood. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 175–196. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.12; EDN: YEPMWN

Abstract. This article analyses the transformation of scientific perspectives on fathers and fatherhood. The scientific study of issues related to fathers and fatherhood in developed foreign countries began in the mid-20th century and is associated with the proliferation of family institution problems: increasing divorces, remarriages, stepfamilies, consensual unions, and the rising birth rates of children born outside of marriage. In Russia, this issue began to attract researchers' attention in the 1990s, as similar trends were observed in our country. It was found that the decline in fathers' authority and their reduced contribution to child socialisation lead to problems within families and socio-psychological difficulties for their children.

During the 1970s and 1980s, it was discovered that a father's contribution to a child's development is irreplaceable because he serves as a role model for boys and as a future partner model for girls. Family work performed by both mothers and fathers complements each other.

Thus, the significance of fatherhood in terms of parent-child relationships and its contribution to a child's upbringing were emphasised. In foreign countries, social policies began to change to support fathers. From the 1990s to 2010s, researchers noted the spread of the so-called "new" or "involved" or "responsible" fatherhood,

¹ *The work was carried out within the framework of the Russian State University for the Humanities (RSUH) project "National Model of Gender Equality: Interdisciplinary and Expert Approach" (competition "RSUH Project Research Teams").*

characterised by fathers' active involvement in child rearing from birth, a redistribution of labour responsibilities in favour of family duties, and a father's engagement in the daily affairs of the family. It was revealed that involved fathers have stronger and warmer relationships with their children. However, it is acknowledged that there are still not enough involved fathers.

During their research, scientists have come to the idea that paternal qualities are, on one hand, developed through the process of socialisation of future fathers, and on the other hand, there are natural, nature-inherent aspects of paternal behaviour. Paternal qualities are to a significant extent constructed by society based on the value orientations that are considered significant in that particular society during a specific historical period. Currently, the biosocial concept is the most common research approach to issues related to fathers and fatherhood.

Keywords: father, fatherhood, family, child, socialization

References

1. Avdeeva A. V. «Vovlechennoye ottsovstvo» v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det'mi ["Involved fatherhood" in modern Russia: strategies of participation in child care]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2012: 11: 95–104 (in Russ.). EDN: PGXURD.
2. Antonov A. I., Borisov V. A. [Dynamics of the population of Russia in the XXI century and priorities of demographic policy]. Moscow, Klyuch-S, 2006: 191 (in Russ.).
3. Antonov A. I., Sorokin S. A. The fate of the family in Russia of the XXI century: Reflections on family policy, on the possibility of countering the decline of the family and depopulation. Moscow, Grail, 2000: 414 (in Russ.).
4. Bezrukova O. N. Models of Parenthood and Parental Potential: Intergenerational Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2014: 9: 85–97 (in Russ.).
5. Bezrukova O. N. Ottsovstvo v transformiruyushchemsya obshchestve: ozhidaniya materей i praktiki ottsov [Fatherhood in a Transforming Society: Mothers' Expectations and Fathers' Practices]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2013: 11: 118–130 (in Russ.). EDN: RFXAPT.
6. Bezrukova O. N. The values of children and parenthood: Intergenerational dynamics. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2017: 23: 1: 88–110 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.1.5003; EDN: YKWDYV.
7. Bezrukova O. N. Values of parenthood: structure, types, resources. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2016: 3: 118–127 (in Russ.). EDN: VXVZTP.
8. Bezrukova O. N., Samoylova V. A. Maternal Gatekeeping in Russia: Young Fathers about Mothers and the Barriers to Access Children after Divorce. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 3: 463–498 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1680; EDN: AUROFO.
9. Bezrukova O. N., SamoiloVA V. A. Paternity leave in Russia: dreams or reality? *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2017: 7: 116–125 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162517070133; EDN: YZLIXN.
10. Bezrukova O. N., SamoiloVA V. A. 'Eager dads' and 'Dads against their will', or why russian dads are reluctant to go on parental leave. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 7: 90–101 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250005796-8; EDN: XALPGZ.
11. Borisenko Yu. V., Portnova A. G. Problema ottsovstva v sovremennom obshchestve [The problem of fatherhood in modern society]. *Voprosy psikhologii*, 2006: 3: 122–130 (in Russ.). EDN: QCBPZP.
12. Borisenko Yu. V., Portnova A. G. Ottsovstvo kak faktor razvitiya lichnosti [Fatherhood as a factor of personality development]. *Razvitiye lichnosti*, 2006: 2: 70–81 (in Russ.). EDN: HVCLAD.
13. Vishnevsky A. G. Evolyutsiya rossiyskoy sem'i [Evolution of the Russian family]. *Ekologiya i zhizn'*, 2008: 7: 8–13 (in Russ.). EDN: MSUMWZ.
14. Voronin G. L., Ianak A. L. Single-parent families: their types and social portrait of the lone parent. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2018: 1(86): 53–66 (in Russ.). DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.5; EDN: YTBKXJ.
15. Vorontsova M. G. Uchastvuyut li ottsy v obespechenii detey? [Do fathers participate in providing for children?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2003: 11: 145–148 (in Russ.).
16. Gurko T. A. (ed.) Actual problems of parenthood in Russia. Moscow, IS RAN, 2013: 209 (in Russ.).

17. Gurko T. A. Brak i roditel'stvo v Rossii [Marriage and parenthood in Russia]. Moscow, IS RAN, 2008: 325 (in Russ.).
18. Gurko T. A. Roditel'stvo v izmenyayushchikhsya sotsiokul'turnykh usloviyakh [Parenting in changing socio-cultural conditions]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1997: 1: 72–79 (in Russ.).
19. Gurko T. A. Transformatsiya instituta sem'i: postanovka problemy [Transformation of the family institute: statement of the problem]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 1995: 10: 95–99 (in Russ.).
20. Dorofeeva Z. E. Characteristics of large families life practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2019: 7: 114–124 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250005798-0; EDN: UEDKMA.
21. Egorova N. Yu. Roditel'sko-detskiye otnosheniya v brakakh i sozhitel'stvakh [Parent-child relationships in marriages and cohabitation]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2008: 3: 23–30 (in Russ.). EDN: JVKCRP.
22. Egorova N. Y., Yanak A. L., Ryabinskaya E. S. Parental roles in the modern Russian family: the male boundaries. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 2: 233–251 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.2.782; EDN: UUHTMB.
23. Zvonareva A. E. Sotsial'nyye praktiki ottsovstva [Social practices of fatherhood]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 2010: 4: 61–68 (in Russ.).
24. Zdravomyslova E., Temkina A. (ed.) The Russian Gender Order: a Sociological approach. St. Petersburg, EU v SPb., 2007: 306 (in Russ.).
25. Ivanova E. A. I do not consider myself a good dad, at best, a normal one: how Russian men construct the image of a “good father” after divorce. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, 2017: 5: 132–150 (in Russ.). EDN: ZVMKGZ
26. Klupt M. A. Demograficheskaya povestka XXI veka: teorii i realii [Demographic agenda of the XXI century: theories and realities]. *Sotsiologiya*, 2011: 1: 33–44 (in Russ.). EDN: MTHAJR.
27. Kon I. S. Man in a changing world. Moscow, Vremya. 2009: 496 (in Russ.).
28. Prokofieva L., Valetas M.-F. Ottsy i ikh deti posle razvoda [Fathers and their children after divorce]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2002: 6: 111–115 (in Russ.).
29. Rzhantsina L. S. Improving the situation of children in divorced families. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2015: 3: 65–69 (in Russ.).
30. Rozhdestvenskaya E. Y. Ottsovstvo: liberal'nyy trend ot «ottsa» k «pape»? [Fatherhood: a liberal trend from “father” to “dad”?] *Sotsiologicheskiy zhurnal*, 2010: 3: 75–89 (in Russ.).
31. Rozhdestvenskaya E. Yu. Involved fatherhood, caring masculinity. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2020: 5: 155–185 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2020.5.1676. EDN: DMPPZW.
32. Rostovskaya T. K., Egorychev A. M., Zubankova A. M. Paternity in Russia: historical and socio-cultural discourse. *Sem'ya v sovremennom obshchestve. Ser. «Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika»*. Ed. by S. V. Ryazantsev, T. K. Rostovskaya. Moscow, Ekon-Inform, 2018: 137–145 (in Russ.).
33. Saraliev Z. H., Blonin V. A., Egorova N. Yu. et al. Life worlds of the modern Russian family: a monograph. Nizhny Novgorod, NNGU, 2015: 264 (in Russ.).
34. Sinelnikov A. B. Family and marriage: Crisis or modernization? *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2018: 24: 1: 95–113 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. EDN: YTPUEV.
35. Sinelnikov A. B. Marriage, paternity and maternity in Russian society. *Sotsiologicheskiy Zhurnal*, 2015: 21: 4: 132–148 (in Russ.). DOI: DOI: 10.19181/socjour.2015.21.4.3068; EDN: VDXQBF.
36. Sinelnikov A. B. Subjective reasons for divorce: research data. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, 2017: 3: 116–139 (in Russ.). EDN: ZIVXQV
37. Ushakova V. G. Who is the master in the house? St. Petersburg: SPbGU, 2011: 108 (in Russ.).
38. Ushakova V. G. Sem'ya i demografiya: gendernyy aspekt [Pedagogika. Family and demography: gender aspect]. *Vestnik SPbGU. Ser. 12: Psikhologiya. Sotsiologiya*, 2008: 212–229 (in Russ.). EDN: KVNKSR.
39. Chernova Zh. V. Family-friendly workplace: political initiatives, employer's position and types of support for employees with family responsibilities. *Zhurnal sotsiologii i antropologii*, 2017: 20: 1: 93–113 (in Russ.). EDN: YOCMRP.

40. Shakhmatova N. V. Interrelations of children with their father and stepfather: a factor cross-section. In *Caring Practices in Modern Society*. Mat. All-Russ. scientif. conf. Saratov: Publishing house "Saratov source", 2017: 274–285 (in Russ.). EDN: ZCGOBV.
41. Shevchenko I. O. Single fathers in Russia: everyday practices and problems. *Vestnik RGGU. Ser.: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskusstvovedeniye*, 2014; 4(126): 163–173 (in Russ.). EDN: SGMAYT.
42. Shevchenko I. O. Fathers and fatherhood in modern Russia: sociological analysis. Moscow, Trovant, 2019: 300 (in Russ.). EDN: MFLRYJ.
43. Shevchenko I. O. Otchim v strukture sovremennoy rossiyskoy sem'i [Stepfatherhood in the structure of the modern Russian family]. *Sotsiologiya*, 2011; 2: 186–192 (in Russ.). EDN: UYFFZ.
44. Shevchenko I. O. Situation after divorce: fathers and children *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2015; 3: 70–77 (in Russ.). EDN: TQASLF.
45. Yanak A. L. Transformation of parenthood and paternity in the postmodern society. *Vestnik PNIPTU. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki*, 2018; 1: 118–126 (in Russ.). DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.11; EDN: YVHXDQ.
46. Yanak A. L. Paternal involvement in families of different types. *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Sotsial'nyye nauki*, 2018; 2(50): 124–131 (in Russ.). EDN: XWPOOD.
47. Yanak A. L. Practices of post-divorce paternity: some problems in the implementation of the parental role. *Polityka i obshchestvo*, 2016; 3: 369–373 (in Russ.). DOI: 10.7256/1812-8696.2016.3.13893; EDN: VROBPB.
48. Amato P. R., Sobolewski J. M. The effects of divorce and marital discord on adult children's psychological well-being. *American Sociological Review*, 2001; 66: 900–921. EDN: GSGBHL.
49. Beaton J. M., Doherty W. J., Rueter M. A. Family of origin processes and attitudes of expectant fathers. *Fathering*, 2003; 1: 2: 149–168. DOI: 10.3149/fth.0102.149.
50. Blankenhorn D. *Fatherless America: Confronting Our Most Urgent Social Problem*. New York, Harper Perennial, 1996: 328.
51. Born C., Krüger H. Vaterschaft und Väter im Kontext sozialen Wandels. Über die Notwendigkeit der Differenzierung zwischen strukturellen Gegebenheiten und kulturellen Wünschen. In *Männer als Väter. Sozialwissenschaftliche Theorie und Empirie*. Herausg. von W. Heinz. Gießen, Psychosozial-Verlag, 2002: 117–143.
52. Bradshaw J., Stimson C., Skinner C., Williams J. *Absent Fathers?* London, Routledge, 1999: 258.
53. Bürgisser M. *Egalitäre Rollenteilung. Erfahrungen und Entwicklungen im Zeitverlauf*. Zürich, Verlag Rügger, 2006: 263.
54. Cabrera N., Tamis-Lemonda C., Bradley R. et al. Fatherhood in twenty-first century. *Child Development*, 2000; January/February: 71: 1: 127–136. DOI: 10.1111/1467-8624.00126.
55. Collier R. *Men, Law and Gender: Essays on the "Man" of Law*. London, Routledge, 2010: 292.
56. Coltrane S. *Fathering: Paradoxes, Contradictions, and Dilemmas*. In *Handbook of Contemporary Families: Considering the Past, Contemplating the Future*. Thousand Oaks, Sage Publications, 2004: 640.
57. Connell R. W. The state, gender and sexual politics: theory and appraisal. *Theory and society*, 1990; 19: 507–544.
58. Connell R. *Masculinities*. Cambridge: Polity Press, 1995: 295.
59. Connell R. *The Men and the Boys*. Sydney, Allen & Unwin, 2000: 268.
60. Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & Society*, 2005; 19: 6: December: 829–859. DOI: 10.1590/S0104-026X2013000100014.
61. Day R. D., Lamb M. E. Conceptualizing and measuring father involvement: pathways, problems, and progress. In *Conceptualizing and measuring father Involvement*. Ed. by M. E. Lamb, R. D. Day. London, Erlbaum, 2004: 1–16.
62. Doherty W. J., Kouneski E. W., Erickson M. F. Responsible fathering: An overview and conceptual framework. *Journal of Marriage and the Family*, 1998; 60(2): 277–292.
63. *Father's role. Cross-cultural perspectives*. Ed. by M. E. Lamb. Hillsdale NJ, Lawrence Erlbaum Ass., 1985: 377.

64. Floyd K., Morman M. T. Fathers' and sons' reports of fathers' affectionate communication: Implications of a naive theory of affection. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2005: 22: 1: 99–109. DOI: 10.1177/0265407505049323.
65. Gavanas A. *Fatherhood Politics in the United States: Masculinity, Sexuality, Race and Marriage*. Chicago, University of Illinois Press, 2004: 221.
66. Goldberg J. S. Identity and Involvement Among Resident and Nonresident Fathers. *Journal of Family Issues*, 2015: 36(7): 852–879. DOI: 10.1177/0192513X13500963.
67. Hetherington E. M., Kelly J. *For better or worse: Divorce reconsidered*. New York, Norton, 2002: 320.
68. Hobson B., Morgan D. Introduction. In *Making Men into Fathers. Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Ed. by B. Hobson. Cambridge, Cambridge University Press, 2002: 1–21.
69. Johansson T., Andreasson J. *Fatherhood in Transition: Masculinity, Identity and Everyday Life*. London, Palgrave Macmillan, 2017: 238.
70. Johansson T., Klinth R. Caring Fathers: The Ideology of Gender Equality and Masculine Positions. *Men and Masculinities*, 2008: 11(1): 42–62. DOI: 10.1177/1097184X06291899.
71. Kalmijn M. Father-Child Relations after Divorce in Four Countries: Patterns and Determinants. *Comparative Population Studies*, 2015: 40(3): 251–276. DOI:10.12765/CPoS-2015-10.
72. Kimmel M. *Manhood in America: A Cultural History*. New York, Free press, 1996: 544.
73. Knop B., Brewster K. L. Family Flexibility in Response to Economic Conditions: Father's Involvement in Child-Care Tasks. *Journal of Marriage and Family*, 2016: April: 283–292. DOI: 10.1111/jomf.12249.
74. La Rossa R. Fatherhood and Social Change. *Family Relations*, 1988: 37(4): 451–457.
75. Lamb M. E. Fathers and child development: an introductory interview and guide. In *The Role of the Father in Child Development*. Ed. by M. E. Lamb. 3d ed. New York, Wiley, 1997: 416.
76. Lamb M. E., Tamis-Lemonda C. S. The role of the father. An introduction. In *The role of the father in child development*. Ed. by M. E. Lamb. 4th ed. New York, Wiley, 2004: 552.
77. Lamb M. E. *The role of the father in child development*. Hoboken, John Wiley & Sons, 2010: 669.
78. Leira A. Parenthood change and policy reform in Scandinavia, 1970–2000s. In *Politicising Parenthood in Scandinavia: Gender Relations in the Welfare State*. Ed. by A. L. Ellingsaeter, A. Leira. Bristol, Policy Press, 2006: 27–51.
79. Lengensdorf D., Meuser M. Involved Fatherhood: Source of New Gender Conflicts? In *Balancing Work and Family in a Changing Society. The Fathers' Perspective*. Ed. by I. Crespi, E. Ruspini. London, Palgrave Macmillan, 2016: 141–161.
80. Lewis J. The problem of fathers: policy and behavior in Britain. In *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Ed. by B. Hobson. Cambridge, Cambridge University Press, 2002: 125–149.
81. MacKey W. C. *American father: Biocultural and developmental aspects*. New York, Plenum Press, 1996: 262.
82. Marks L., Palkovitz R. American fatherhood types: The “good”, the “bad”, and the “uninterested”. *Fathering*, 2004: 2: 2: 113–129. DOI: 10.3149/fth.0202.113.
83. Marsiglio W. Contemporary Scholarship on Fatherhood: Culture, identity, and conduct. *Journal of Family Issues*, 1993: 14: 4: 484–509.
84. Martin R. *Väter im Abseits. Mutter und Kind in der vaterlosen Gesellschaft*. Stuttgart, Klett-Cotta, 1979: 169.
85. Matzner M. *Vaterschaft aus der Sicht von Vätern*. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2004: 481.
86. Mitscherlich A. *Auf dem Weg zur vaterlosen Gesellschaft. Ideen zur Sozialpsychologie*. München, Piper, 1963: 406.
87. Oláh L. S., Kotowska I. E., Richter R. The New Roles of Men and Women and Implications for Families and Societies. In *A Demographic Perspective on Gender, Family and Health in Europe*. Ed. by G. Doblhammer, J. Gumà. Cham, Springer, 2018: 41–64.

88. Orloff A. S., Monson R. Citizens, workers or fathers? Men in the history of the US social policy. In *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Ed. by B. Hobson. Cambridge, Cambridge University Press, 2002: 61–91.
89. Orloff A. S. Gender and the social rights of citizenship: the comparative analysis of state policies and gender relations. *American Sociological Review*, 1993: 58(3): 303–328.
90. Ostner I. A new role for fathers: the German case. In *Making Men into Fathers: Men, Masculinities and the Social Politics of Fatherhood*. Ed. by B. Hobson. Cambridge, Cambridge University Press, 2002: 150–167.
91. Palkovitz R., Copes M. A., Woolfolk T. N. “It’s like... You discover a new sense of being”. Involved fathering as an evoker of adult development. *Men and Masculinities*, 2001: 4: 1: 49–69. DOI: 10.1177/1097184X01004001003.
92. Parke R. D. *Fatherhood*. Cambridge, MA, Harvard University, 1996: 319.
93. Parsons T., Bales R. F. in collaboration with Olds J., Zelditch M. Jr., Slater P. *Family, Socialization and Interaction Process*. New York, Basic books, 1955: 422.
94. Pleck J. H. The gender role strain paradigm: An update. In *A new psychology of men*. Ed. by R. F. Levant, W. S. Pollack. New York, Basic Books, 1995: 581–592.
95. Pleck J. H. Paternal involvement: Levels, sources, and consequences. In *Role of the father in child development*. Ed. by M. E. Lamb. 3-rd ed. New York, John Wiley & Sons, Inc., 1997: 66–103.
96. Pleck J. *The Myth of Masculinity*. Cambridge, MA, MIT Press, 1981: 229.
97. Pleck J. H. Paternal involvement: revised conceptualization and theoretical linkages with child outcomes. In *The role of the father in child development*. Ed. by M. E. Lamb. Hoboken, John Wiley & Sons, 2010: 58–93.
98. Pruett K. D. Fathers do not mother. In *Fatherneed: Why father care is as essential as mother care for your child*. New York, Broadway Books, 2001: 244.
99. Ruby S., Scholz S. Care, Care Work and the Struggle for a Careful World from the Perspective of the Sociology of Masculinitie. *Österreich Z Soziol*, 2018: 43: 73–83. DOI: 10.1007/s11614-018-0284-z.
100. Schneider W. *Die neuen Väter. Chancen und Risiken. Zum Wandel der Vaterrolle in Familie und Gesellschaft*. Augsburg, AV-Verlag, 1989: 177.
101. Seward R. R., Richter R. International research on fathering: An expanding horizon. *Fathering*, 2008: 6(2): 87–91. DOI: 10.3149/fth.0602.87.
102. Sigle-Rushton W., McLanahan S. Father absence and child well-being: A critical review. In *The future of the family*. Ed. by D. Moynihan, L. Rainwater, T. Smeeding. New York, Russell Sage Foundation, 2004: 116–155.
103. Sumer S. *European Gender Regimes and Policies*. Ashgate publishing group, 2009: 154.
104. Tazi-Preve M. u.a. Väter im Abseits. Zum Kontaktabbruch der Vater-Kind-Beziehung nach Scheidung und Trennung. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2007: 285.
105. Thomä D. *Väter. Eine moderne Heldengeschichte*. München, Hanser, 2008: 367.
106. Wallerstein J. S., Lewis J. M., Blakeslee S. *The Unexpected legacy of divorce: A 25 year landmark study*. San Francisco, Hyperion, 2001: 351.
107. Walter H. Das Echo der Vatersuche. In *Vater, wer bist du? Auf der Suche nach dem “hinreichend” guten Vater*. Herausg. von W. Heinz. Stuttgart, Klett-Cotta, 2008: 9–44.
108. Williams F. Troubled masculinities in social policy discourses: fatherhood. In *Men, Gender Divisions and Welfare*. Ed. by J. Popay, J. Hearn, J. Edwards. London, Routledge, 1998: 63–100.

The article was submitted on: June 13, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina O. Shevchenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of Department of Theory and History of sociology, the Faculty of Sociology, Russian State University for the Humanities

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9

EDN: JKIEKC

Профориентация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования

Ссылка для цитирования: Колесникова Е. М. Профориентация в школе как фактор социальной стратификации: новые практики в российской системе образования // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 197–214. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9; EDN: JKIEKC

For citation: Kolesnikova E. M. Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 197–214. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9; EDN: JKIEKC

AuthorID РИНЦ: 347513

**Колесникова
Елена Михайловна¹**

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

kolesnikova@mail.ru

Аннотация. Мир труда переживает изменения и требует от государства, общества и бизнеса по-новому выстроить личный опыт в профориентации школьников. В последние годы было реализовано много инициатив, расширяющих возможности молодёжи в знакомстве с профессиями, но в то же время пока не просматривается чёткого плана в масштабах страны по выстраиванию партнерства школы и представителей реальной экономики в плане профориентации. Сегодняшней молодёжи необходимо организованное сопровождение в профориентации, так как хотя опыт родителей и предыдущих поколений в отношении выбора профессии нельзя считать совершенно бесполезным, но и полагаться на него в полной мере нет возможности. В советский период уровень благосостояния и социальная защищённость обеспечивались в большей мере государством, чем самими работниками; а индустриализация создала универсальные карьерные траектории, давала ясные ориентиры, какие профессии и образование предпочтительны. Сегодня же индивидуальный человеческий капитал стал важнейшим ресурсом достижений в социальной мобильности и высокой оплаты труда, а рост сектора услуг и технологический прогресс выдвигают на пик спроса скорее высококвалифицированный труд, чем конкретные профессии в определённых отраслях экономики. Первая часть статьи посвящена обзору вопросов, которые важно актуализировать для рассмотрения данной проблематики. Нужны ли сегодня централизованные усилия общества и государства по организации профориентационной деятельности и помощи подростку с выбором профессии? В чём состоит трансформация дискурса школьной профориентации в постсоветской России? Во второй части статьи, основываясь

на результатах пилотного исследования мнения московских юношей и девушек, анализируется воплощение образовательных приоритетов в реальной практике. Автор приходит к выводу, что проблемой остается тот факт, что школьный опыт профориентации пока скорее неравен и сильно связан с предпрофессиональной подготовкой, исходно выстроенной на различии возможностей знакомства с профессиями, в частности со STEM-профессиями.

Ключевые слова: социология прогресса, социология профессий, научное образование, школьники, профессионально-техническая ориентация, профессиональный выбор, гендерные стереотипы

Сложившаяся на сегодня теория и практика школьной профориентационной работы как части стратегии развития образования и выравнивания жизненных шансов среди молодёжи в России требует актуального анализа, осмысления сложившихся трендов и выбора перспектив для дальнейшего развития. Несмотря на всю кажущуюся утилитарность проблематики профориентации, выбор человеком профессии и/или направления профессионального образования является частью вклада в его будущий статус занятости, а соответственно, и социальный статус. Сегодня государство, общество и бизнес не только много говорят о значении помощи в выборе профессии для подрастающего поколения, но и предлагают конкретные проекты на всех уровнях – от «Год науки и технологий», «Билет в будущее», «Карьера будущего», «Атлас профессий» и предпрофессиональных классов в Москве до ярмарок вакансий и приглашения родителей учеников в классы с рассказом о профессиях. В то же время недостаточно аналитической информации относительно того, в какой мере все эти проекты решают проблемы выравнивания жизненных шансов старшеклассников при переходе от образования к рынку труда. Первая часть статьи посвящена обзору вопросов, которые важно актуализировать для рассмотрения данной проблематики – насколько остро стоит проблема социального неравенства в России сегодня? Нужны ли сегодня централизованные усилия общества и государства по организации профориентационной деятельности, помощи подростку с выбором профессии? В чем состоит трансформация дискурса школьной профориентации в постсоветской России? Во второй части статьи, основываясь на результатах пилотного исследования московских юношей и девушек [13; 14], поднимаются вопросы воплощения образовательных приоритетов в реальной практике – насколько актуальные школьные практики профориентации способствуют социальному равенству? Насколько школа является эффективным механизмом карьерных решений для подростков, частью цепи от образования к рынку труда? Профориентация и гендерная нейтральность профессий – только декларация или реальный тренд?

Социальное неравенство как неравенство возможностей в современной России

Современные российские исследователи уделяют особое внимание проблематике социальной стратификации российского общества и в контексте нашей темы важно, что институт образования включается в анализ, так как сочетает в себе способности устранять изначальное неравенство, связанное с социальным происхождением, но и одновременно производить новое.

Исследователи отмечают, с одной стороны, высокий социально-профессиональный уровень представителей привилегированных групп (как в плане уровня собственного образования, так и образования родителей, а также показателей ответственности и автономии труда), и расширение проблем с неравенством жизненных шансов в целом, – с другой. Показательно, что несмотря на то что структура советского общества существенно изменилась с началом рыночных реформ не только в экономическом, но и в социальном аспекте, тем не менее ключевые основания социальной дифференциации позднесоветского общества (сращенность власти и собственности, роль немонетарных привилегий и т. д.) сохраняли свое значение. Если в эпоху плановой экономики аккумулируемые ресурсы не могли работать как капитал, а только влияли на уровень жизни различных групп, то после перехода к рыночной экономике они были конвертированы в экономический капитал, что обеспечило дифференциацию групп по привилегированности положения. При этом для актуальной модели структуры российского общества характерны проблемы, связанные с социальной напряженностью, накоплением человеческого капитала и социальной мобильностью [1; 20; 23]. На примере неравенства молодёжи видно, что дети родителей с высшим образованием имеют значимые преимущества при устройстве на работу – они лучше делают резюме, успешнее работают с кадровыми агентствами; чаще используют отношения сотрудничества между предприятием-работодателем и профильным вузом; расширяют область поиска работы, включая в неё в том числе и зарубежные рынки труда; также к ним выше уровень доверия со стороны работодателя [24].

Проблемы неравенства находят своё отражение в массовом сознании россиян и трактуются как важнейший вызов развития страны; а основным актором, который должен выравнивать шансы людей на достойную, соответствующую их способностям и устремлениям жизнь, граждане видят государство. Исследования, проводившиеся под руководством ак. М. К. Горшкова [8], выявляют снижение субъективной толерантности россиян к неравенству, в частности к тем проявлениям немонетарных неравенств, которые основаны на неравенстве доходов и одновременно относятся к возможностям социальной мобильности, – неравенство в доступе к хорошим рабочим местам, качественному образованию, а также неравенство возможностей для детей из разных слоев общества несправедливо, с точки зрения большинства российских граждан. Существенно, что по большей части представители верхней страты, в отличие от нижней и отчасти средней, еще остаются социальной базой поддержки идеи стимулирующей роли

неравенств и вектора развития, связанного с дифференциацией результатов труда, но при исходном равенстве возможностей, в частности доступа к образованию [8]. В то же время россияне не считают систему образования первопричиной несправедливости российского общества в целом, а также полагают, что хотя недостаток образования, прежде всего обеспечивающего профессиональную подготовку, повышает риск бедности, тем не менее его наличие маловероятно будет способствовать богатству [10].

Таким образом, проблематика неравенства, в частности в российском обществе и среди молодёжи, занимает важное место в общественном сознании и в отечественной социологии, это острая проблема, которой уделяется внимание. В то же время практики профориентации, во всём их многообразии в рамках школьного и внешкольного образования, требуют дополнительного анализа, так как также относятся к тем ресурсам работы с социальным неравенством внутри обществ, которые традиционно задействует государство в XX и XXI вв.

Опыт профориентации как ресурс равенства возможностей молодёжи

Организованное сопровождение в профориентации как практика выравнивания жизненных шансов востребовано для каждого нового поколения молодёжи. Рынок труда XXI в. оказался серьёзным вызовом для молодёжи как нового поколения работников. Среди наиболее ярких характеристик в развитых странах отметим сокращение среднего класса наемных работников и существенное уменьшение отдачи от образования, за исключением наиболее престижных и высокоселективных учебных заведений и профессий [25], а также размывание границ между профессиями в плане востребованности компетенций, например, между некоторыми профессиями, которые традиционно считались связанными со STEM-образованием (Science, Technology, Engineering, Mathematics) и всеми другими [34]. При этом опыт школьников в мире в плане качества профориентации весьма разнится и неравен¹.

В России ситуация хотя и имеет свои особенности, но в целом следует мировым трендам. В советский период уровень благосостояния и социальная защищенность обеспечивались в большей мере государством, чем самими работниками, а индустриализация создала универсальные карьерные траектории, давала ясные ориентиры, какие профессии и образование предпочтительны. Сегодня же индивидуальный человеческий капитал стал важнейшим ресурсом достижений, социальной мобильности, а рост сектора услуг и технологический прогресс выдвигают на пик спроса скорее высококвалифицированный труд, чем конкретные профессии в определённых отраслях экономики. Показательно, что среди факторов, которым молодёжь должна уделять максимальное внимание, выбирая свое профес-

¹ Dream jobs. Teenagers' Career Aspirations and the Future of Work. OECD. 2020. 55 p. URL: <https://www.oecd.org/education/dream-jobs-teenagers-career-aspirations-and-the-future-of-work.htm> (дата обращения: 16.03.2023).

сиональное будущее, аналитики рынка труда отмечают в первую очередь изменения структуры рабочих мест, а также слабую состыковку образования и рынка труда [5; 6; 7; 16]. В частности, исследователи российской молодёжи NEET (Not in Employment, Education or Training) отмечают, что, несмотря на неоднородный характер данной группы, риски попадания в состояние NEET связаны преимущественно с образованием – либо с его недостаточным уровнем (в случае неактивных NEET), либо с невысоким качеством (в случае безработных NEET) [11].

Для работы с вышеуказанными проблемами в международном опыте наилучшей практикой считается сочетание в рамках школьной программы мероприятий по выстраиванию карьеры с опытом работы на реальных рабочих местах. Такой подход позволяет разобраться с выбором профессии и критически оценить связь между образованием и будущей работой. Напротив, профориентационные активности, мало информирующие о рынке труда, ведут к сохранению узости профессиональных горизонтов (зацикленность на хорошо знакомых профессиях XX в.) и рискам путаницы в карьере (несоответствия образовательных и профессиональных ожиданий)¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что практики профориентации существенно разнятся в зависимости от социального статуса семей подростков, поэтому выравнивание возможностей крайне важно. Так, например, высокоресурсные семьи не стараются узко профилировать интересы подростков и концентрируют их скорее на высококвалифицированном труде в целом, в то время как карьерное консультирование школьников из низкоресурсных семей, даже в развитых странах, с большей вероятностью будет ориентировано на профессии, не требующие высшего образования [29; 31]. Таким образом, профориентация остается одним из важнейших ресурсов продвижения социальной справедливости в обществе, с его изменяющимся миром труда и занятости [32; 33]. Особенно актуален данный аспект в сегодняшней России с учётом того факта, что запрос на социальную справедливость в последние годы стал одной из ведущих доминант социально-политического сознания населения РФ [8].

Трансформация дискурса школьной профориентации в постсоветской России

В целом, профориентацию можно считать зонтичным термином. Это не только конкретные практики помощи в выборе профессии для старшеклассников и выпускников школ, но и принципы построения всего процесса образования детей и подростков; концептуальная рамка и практический инструмент, посредством которых формируется у школьника понимание приоритетов и своих возможностей в сфере профессий, труда и занятости.

Советская школа, единая и трудовая, уделяла существенное внимание личному опыту школьника в профориентации. Дискурс равенства подкреплялся распространением всеобщего, обязательного и стандартного

¹ Dream jobs. Teenagers' Career Aspirations and the Future of Work. OECD. 2020. 55 p. URL: <https://www.oecd.org/education/dream-jobs-teenagers-career-aspirations-and-the-future-of-work.htm> (дата обращения: 16.03.2023).

образования [19], государство и школа направляли усилия на максимизацию охвата учащихся образованием и повышение его стандартов [2]. В контексте нашей проблематики важно, что опыт промышленного или сельскохозяйственного труда был для советского ученика таким же обязательным компонентом базового образования, как и любой другой школьный предмет. Постепенно получили массовое распространение практика учебно-производственных комбинатов, сотрудничество школ с предприятиями в форматах ученических производственных бригад [4]. Профориентация, таким образом, была базово сконцентрирована на рабочих профессиях, что характерно для индустриального общества и экономики. Вполне закономерно и то, что политехническое образование, особенно в поздний советский период, было наименее популярно среди тех подростков, кто не связывал своего профессионального будущего с рабочими карьерами, а образовательные проекты и программы, построенные на принципах селективности, сопровождались общественной дискуссией вокруг порождаемого ими потенциального или актуального неравенства, сложно вписываемого в советскую идеологию и практику жизни [2; 22]. Активно развивалось и дополнительное образование для школьников [9; 30].

Одновременно нужно признать очевидность присутствия и проблем неравенства и дифференциации в советском школьном трудовом воспитании. Например, в советской школе, с одной стороны, девочки приобрели равный с мальчиками доступ к академическим научным знаниям, совместное обучение и статус; с другой, – именно сфера труда оставалась гендерно дифференцированной, уроки труда с самого начала советской школы были организованы отдельно и с разным содержанием – домоводство для девочек, ручное техническое мастерство для мальчиков, как и в целом личный опыт трудового воспитания в старшей школе, в тех же трудовых бригадах, например.

Экономические и политические перемены в постсоветской России закономерно изменили и саму школу, и дискурс вокруг неё. Исследователи российского общего образования отмечают тренд на рост неравенства в доступе к качественным образовательным услугам, формирование, с одной стороны, островов низкого качества, школ с высокой концентрацией детей с низкими образовательными результатами, а с другой – лидеров роста и коммерческого сопровождающего сектора, например репетиторства, доступного далеко не всем [15; 21; 26]. Развивающееся дополнительное образование для детей, после провала в 1990-е гг., активно используется семьями как инструмент социальной дифференциации [3; 12; 17; 18].

Трудовое воспитание в школе также качественно изменило свои позиции, так как изменился и сам характер труда в сегодняшнем мире, и представления об актуальном для сегодняшнего общества человеческом капитале. С 1993 г. в российских общеобразовательных школах был введён учебный предмет «Технология», ориентированный на развитие у школьников навыков проектной деятельности и прикладное освоение естествознания через овладение общими основами и объектами уже высокотехнологичного и наукоёмкого производства и услуг. На смену навыкам ручного труда пришла проблематика «научной грамотности» (Scientific Literacy), компетенций (Competencies) и «научно-обоснованных технологий» (Science-Based

Technology) как факторов конкурентоспособности¹ [28]. Стратегически сегодня именно исследовательский труд занимает место той деятельности, которая обеспечивает успешность, а следовательно, задачей школы становится формирование опыта уже не рабочего, но исследователя. Конечно, нет оснований утверждать, что все сегодняшние школьники в будущем станут учёными, так же как и не все выпускники советской школы становились рабочими, но практика исследовательской деятельности и научная грамотность становятся принципиально необходимыми для того, чтобы сохранить общую базовую квалификационную основу для граждан и работников нового поколения в экономике и обществе знаний².

Основываясь на рассмотренных трендах в вопросах профориентации школьников как части государственной научно-технологической и образовательной политики, обратимся к основным выводам по результатам пилотного исследования мнения московских школьников о профессиях в сфере STEM, интереса к ним и готовности выбирать их для себя [13; 14].

В опросе (май 2019 г.) приняли участие 305 школьников (185 учащихся 8–9 классов и 120 учащихся 10–11 классов, 143 девушки и 162 юноши). 150 опрошенных (70 девушек и 80 юношей) отметили, что обучаются в специализированных STEM-классах («инженерном», «естественнонаучном», «медицинском», «математическом», «информационном», «химико-биологическом»), организованных в рамках программы предпрофессионального обучения (<http://profil.mos.ru/inj.html#/>). В опросе использовалась модифицированная анкета для старшеклассников из проекта «ЕСВ – inGenious Project»³ [35]. Данное пилотное исследование позволяет скорее сформулировать исследовательские вопросы и наметить гипотезы для дальнейших исследований.

Насколько школьные практики профориентации способствуют социальному равенству?

Сегодняшняя система школьной профориентации сочетает в себе две тенденции. С одной стороны, доминирует дискурс универсальности компетенций, с другой – старше школьники активно включаются в про-

¹ Assessing Scientific, Reading and Mathematical Literacy: A Framework for PISA 2006. PISA, OECD. Paris, 2006. 192 p.

² В качестве обоснования теории вопроса в российском контексте см. Универсальные компетентности 2020 – Универсальные компетентности и новая грамотность: от лозунгов к реальности / Под ред. М. С. Добряковой, И. Д. Фрумина; при участ. К. А. Баранникова, Н. Зиила, Дж. Мосс и др. М.: ВШЭ, 2020. 472 с.

³ Проект «ЕСВ – inGenious Project», реализованный в странах Европейского союза, включал не только практическую часть по выстраиванию партнёрских отношений дополнительного STEM-образования для подростков с профильными компаниями регионов, но и аналитическую часть с опросом 15 000 школьников и 500 учителей из 350 школ за три года в 26 странах (2012–2014 гг.). Страны, принявшие участие в проекте, были разделены на следующие группы регионов: Восточная Европа (Болгария, Хорватия, Чешская Республика, Эстония, Венгрия, Литва, Республика Македония, Румыния, Словакия), страны-партнёры ЕС (Израиль, Турция), Северная Европа (Дания, Финляндия, Швеция, Нидерланды), Южная Европа (Греция, Италия, Мальта, Португалия, Испания), Западная Европа (Австрия, Бельгия, Франция, Германия, Ирландия, Великобритания). Подробный отчет см.: InGenious final evaluation report. 2014. URL: <https://www.stem.org.uk/resources/elibrary/resource/36208/ingenious-project> (дата обращения: 16.03.2023).

филированные обучение и внешкольные активности, которые способствуют не просто развитию определённых «профильных» компетенций, но и уверенности, веры в свои силы и ожидание успеха в определённых профессиях, максимально ассоциирующихся с ними в восприятии подростков. Фактически профориентационная работа и практическое знакомство с миром профессий, ориентированные на узкое профилирование, реализуемые школой, семьёй или дополнительным образованием, не в должной мере способствуют расширению горизонтов и выравниванию жизненных шансов школьников. Несмотря на все положительные стороны профильного образования и сопутствующей профориентации, в проигрыше оказываются не только ученики непрофильных классов, которые не получают доступа к специализированным активностям, но и учащиеся самих профильных классов, так как, будучи уверены, что их трудовая биография сложится определённым образом, также искусственно и напрасно ограничивают свое знакомство с профессиями завтрашнего дня только одним направлением.

Так, как будет показано далее, школьный опыт образования и профориентации остаётся важнейшим ресурсом, способствующим формированию уверенности подростка в том, что его будущая профессиональная карьера будет успешной, но организован он на принципах различий. В частности, с одной стороны, школа является важнейшим потенциальным ресурсом социальных изменений, так как остается лидером по охвату учеников старших классов по сравнению с тем же дополнительным образованием. Несмотря на то что большинству школьников (70%) интересны школьные предметы по естественным наукам, технологиям, технике и математике, но только 48% школьников отметили, что их интерес не ограничивается школьными предметами данной направленности, а распространяется на внешкольные профильные образовательные активности. С другой, – школьный опыт пока остаётся источником и поддерживающим институтом социальных различий – так, в случае STEM-профессий (профессий технического направления интеллектуального труда (Science, Technology, Engineering, Mathematics)) он чаще положительно оценивается именно мальчиками и теми школьниками, кто располагает специфическим человеческим капиталом. Например, у мальчиков, обучающихся в STEM-предпрофессиональных классах и из семей с «научным капиталом» (science capital), самый высокий процент согласных с тем, что школьные уроки способствуют коммуникации на профильные научные темы, помогают обсуждать актуальные научные вопросы с одноклассниками/друзьями (54 и 47% соответственно), в то время как среди девочек с аналогичными ресурсами это мнение встречается уже реже (46 и 37%), как и среди мальчиков и девочек, обучающихся в других классах (27 и 24%), а также из семей без научного капитала (32 и 27%). Аналогична ситуация с позицией школьников относительно того, насколько школа помогает понять работу учёных и исследователей, – наиболее согласны с данной трактовкой именно мальчики, а профильно «ресурсные» чаще (83% из STEM-классов и 78% с научным капиталом родителей и 62 и 64% без соответствующих ресурсов), девочки же менее оптимистичны (60% из STEM-классов и 47% с научным

капиталом родителей и 33 и 40% без соответствующих ресурсов). Также мальчики чаще считают, что в школе они узнают о STEM-профессиях (54% из STEM-классов и 52% с научным капиталом родителей; 43 и 43% без соответствующих ресурсов), а девочки реже согласны с такой позицией (36% из STEM-классов и 37% с научным капиталом родителей и 35 и 32% без соответствующих ресурсов). Организация школьного процесса с позиций социальной справедливости предполагает возможность всем получить опыт знакомства с различными профессиями, и в частности с профессиями ученого, инженера, техника, вне зависимости от гендерных стереотипов и «научной» ресурсности учеников, но в реальной практике достичь равного доступа не получается – так, профильное обучение девочек в STEM-классах отчасти снимает проблему, но ведь далеко не все девочки могут получить такую поддержку.

Также показательно, что школьники по-прежнему уверены в исключительной и специфичной востребованности компетенций в зависимости от профиля будущей занятости. Слишком часто ученики считают непрофильное образование сложным и бесполезным в будущем, отчасти потому, что не представляют реалий сферы занятости, рынка труда, а также и актуального содержания труда для тех или иных профессий. Так, школьники продемонстрировали убежденность в востребованности STEM-профессий: инженеров, техников и ученых в будущем (79%); 63% школьников посчитали, что успехи в математике, естественных науках важны для их будущего, образования и карьеры, особенную уверенность выразили учащиеся STEM-классов (81 против 45% учащихся прочих классов) и юноши (71 против 56% девушек); только 55% посчитали, что знания в сфере точных наук важны, вне непосредственной привязки к профессии (67% учащихся STEM-классов и 44% других классов).

Насколько школа является эффективным механизмом карьерных решений для подростков?

Как уже отмечалось выше, наиболее эффективным механизмом профориентации в сегодняшнем мировом опыте считается совмещение мероприятий в рамках школьной программы с опытом работы на реальных рабочих местах. Совместные исследовательские проекты, от самых простых до сложных и высокотехнологичных, проводимые школьниками и представителями научных и бизнес-сообществ, работниками местных предприятий и крупных корпораций, – это и реальные примеры из сегодняшней практики, и наследие советского опыта трудового воспитания. Но здесь необходимо признать отсутствие четкого плана на государственном уровне и программы выстраивания таких контактов.

Фактически школа в восприятии школьников является местом, более связанным с академическими знаниями по профильным предметам, чем частью цепи карьерных решений от образования к рынку труда. Отчасти проблемы школы можно отнести на вынужденную гонку за показателями

академической успеваемости, отчасти на недостаточность ресурсной базы. Далеко не все школы могут легко налаживать отношения с местным бизнес-сообществом и производством и использовать их возможности для сотрудничества в сфере профориентации. Как результат – поверхностное понимание содержания труда или ограничение его рамками актуальной ситуации, без учёта потенциальных модификаций, которые станут реальностью уже к началу трудовой биографии молодого поколения, отсутствие и незначительный опыт столкновения с повседневностью мира профессий осложняют возможность самооценки собственных личных качеств и компетенций, способствуют выбору наиболее типовых моделей, скорее построенных на опыте прошлых поколений, а не на перспективных оценках рынка труда. Так, 47% школьников хотели бы в будущем работать в сфере STEM (из них только 47% отметили, что получают информацию о таких профессиях в школе), при этом 42% интересуются информацией о профессиях, связанных с промышленностью, естественными науками и техникой.

Профориентация и гендерная нейтральность профессий – только декларация или реальный тренд?

STEM-профессии являются хорошим примером для рассмотрения сложностей профориентации с точки зрения социального равенства и в частности в гендерном аспекте. Современный высокотехнологичный мир повседневности может создать у взрослых предубеждение, что дети и подростки, и в частности девочки, не нуждаются в дополнительном стимулировании интереса к STEM-профессиям, так как они хорошо видят, насколько они востребованы, и сами будут рады, без дополнительных усилий со стороны семьи или школы, выбрать их для своей карьеры. В то же время опыт исследований утверждает, что далеко не всегда выбор школьников обращён к профессиям в самых современных отраслях производства, хотя добавление элемента карьерного обучения в школьное образование может привести к увеличению числа учащихся, положительно оценивающих карьеру в STEM; а также констатирует, что гендерный дисбаланс интереса и карьерного выбора оказался поразительно стабильным [35]. Показательно, что результаты «ЕСВ – inGenious Project»¹, материалы которого использовались как отправная точка для исследования и данной дискуссии, показывают, что школьники, а особенно школьницы, тех стран, которые активно развивают инновационные и экологические технологии², демонстрируют гораздо меньший интерес к образованию и карьере в STEM (некоторые страны из группы Северная Европа), чем их сверстники из стран с более низкими инвестициями в новаторство (некоторые страны из группы Южная Европа) [35].

¹ InGenious final evaluation report. 2014. URL: <https://www.stem.org.uk/resources/elibrary/resource/36208/ingenious-project> (дата обращения: 16.03.2023).

² European Innovation Scoreboard 2019. URL: <https://ec.europa.eu/docsroom/documents/38781> (дата обращения: 16.03.2023).

Несмотря на то что официальная позиция профессиональных сообществ, формализованная в заявлениях и уставах, строится на принципах политкорректности и гендерном равноправии, в практике остается общепризнанной проблема не просто гендерного дисбаланса на рынке труда, но вытеснения женщин из «мужского труда» посредством декларирования недостатка интереса у девочек к кругу знаний, считающихся традиционно сферой мужских приоритетов, закрепления их неуверенности в собственных способностях или потенциальных успехах. Так, школьники, в соответствии с общими трендами социальной жизни и культуры, активно заявляют гендерную нейтральность STEM-профессий, выражают уверенность в том, что они хорошо подходят как мужчинам, так и женщинам; но при этом сохраняется и диспропорция реального профессионального выбора – девочки реже, чем мальчики, готовы выбирать такие профессии для себя [13; 14]. Здесь важно развести такие понятия, как положительное отношение к STEM-профессиям и готовностью подростков выбрать их для себя. Позитивный образ STEM-профессии, как, впрочем, любой профессии, строится ребёнком на основании собственного интереса к виду деятельности, а также на понимании её пользы для себя и общества. При этом представления о профессиях зачастую совмещают в одно и то же время и заинтересованность, и осознание того, что конкретные профессиональные культуры и практики могут не дать в полной мере реализоваться в них конкретному подростку, юноше или девушке.

Сегодня девочки по-прежнему нуждаются в дополнительных ресурсных вложениях школы и сообщества, которые позволят им расширить традиционные представления о возможностях потенциальной занятости, о содержании труда в STEM-профессиях и помогут сформировать убежденность в своей способности справиться с такой работой. Не случайно, что важным направлением социальных исследований становится анализ факторов, влияющих на карьерные устремления подростков, особенно девочек, с дополнительным акцентом на вопросы социальной интеграции, равенства и мобильности¹. Личный опыт взаимодействия со STEM в школе и вне её остаётся, по утверждению социальных исследователей, важнейшим ресурсом формирования интересов и поведения молодёжи [27]. Организация школьной программы по естествознанию и особенно математике так, чтобы ученики, особенно девочки, понимали её пользу для повседневной жизни, а также исследовательских практических проектов в сотрудничестве с местным бизнес-сообществом, помогают на собственном опыте убедиться в том, что девушка может хорошо справиться с работой

¹ ASPIRES Report: Young people's science and career aspirations, age 10 –14. London: King's College, 2013. 40 p. URL: https://kclpure.kcl.ac.uk/portal/files/64130521/ASPIRES_Report_2013.pdf (дата обращения: 16.03.2023); ASPIRES 2: Young people's science and career aspirations, age 10-19. London, UCL Institute of Education, 2020. 40 p. URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10092041/15/Moote_9538%20UCL%20Aspires%202%20report%20full%20online%20version.pdf (дата обращения: 16.03.2023); Sjøberg S., Schreiner C. The ROSE project. An overview and key findings. University of Oslo, 2010. 31 p. URL: <https://www.uv.uio.no/ils/english/research/projects/rose/publications/the-rose-project.pdf> (дата обращения: 16.03.2023).

и выстроить карьеру в сфере STEM¹. В целом, значение института образования в работе с проблемами гендерного неравенства не стоит преуменьшать, так как это огромный и доступный для общественного влияния и корректировки резерв, который, в отличие от того же института семьи, может помочь не только девушкам, но и всем низкоресурсным социальным группам.

К выводам

Профориентация относится к практикам, которые должны способствовать сокращению неэкономического неравенства, но в действительности также могут и воспроизводить его и порождать новое. Государство сегодня предлагает школьникам концепцию профессионального выбора как долгосрочной инвестиции в свой будущий социальный статус, основанную на развитии человеческого капитала, кульминационной формой которого может считаться карьера ученого или высококвалифицированного специалиста. Однако для реализации этой задачи государство, общество и бизнес должны, с одной стороны, по-новому выстроить личный опыт профориентации каждого школьника как совместной проектной работы, с другой, – посредством многообразия практик выравнивать возможности разных детей. В последние годы было реализовано много инициатив, расширяющих для молодёжи возможности знакомства с профессиями, но в то же время пока не просматривается чёткого плана в масштабах страны по партнерству школы и представителей реальной экономики в плане профориентации. Дополнительной проблемой остается тот факт, что школьный опыт профориентации пока скорее неравен и сильно связан с предпрофессиональной подготовкой, исходно выстроенной на различии возможностей знакомства с профессиями, в частности со STEM-профессиями. В то же время опыт профориентации, направленный не на закрепление и развитие уже сформированных предпочтений и даже, возможно, талантов, а на сокращение предубеждений относительно профессий у представителей разных групп, был бы важен именно с точки зрения расширения горизонтов возможностей и социального равенства молодёжи. И данная проблематика, по нашему мнению, заслуживает исследовательского внимания и дальнейшего изучения.

¹ Education at a Glance 2010. OECD, 2010. 472 p. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/education/education-at-a-glance-2010_eag-2010-en (дата обращения: 16.03.2023); Dream jobs. Teenagers' Career Aspirations and the Future of Work. OECD, 2020. 55 p. URL: <https://www.oecd.org/education/dream-jobs-teenagers-career-aspirations-and-the-future-of-work.htm> (дата обращения: 16.03.2023); Mann A., Rehill J., Kashfipakdel E. Employer engagement in education: Insights from international evidence for effective practice and future research. Education and Employers Research. Education Endowment Foundation, 2018. 79 p. URL: https://www.educationandemployers.org/wp-content/uploads/2018/01/Employer_Engagement_in_Education.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

Библиографический список

1. Аникин В. А. Социальная структура новой России: опыт применения апостериорного подхода // Экономическая социология. 2022. Т. 23. № 3. С. 42–91. DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-42-91; EDN: NIZKHW.
2. Ашин Г. К. Элитное образование // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 82–99.
3. Байбородова Л. В. Доступность дополнительного образования детей на селе: проблемы и пути их решения // Образовательная панорама. 2018. № 1(9). С. 28–33. EDN: YMQWLR.
4. Барабина И. А., Гафурова В. М. Политехническое образование в общеобразовательной школе СССР во второй половине 1950-х – начале 1960-х годов // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и Филология. 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 129–134. EDN: WNCUNZ.
5. Вишневская Н. Т., Зудина А. А. Экономически уязвимые группы молодежи в странах ОЭСР и России // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 62(11). С. 99–107. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-99-107; EDN: SLYCXV.
6. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда / Отв. ред. С. Ю. Рощин, В. Н. Рудаков. М.: ВШЭ, 2020. 72 с. EDN: RRTFQK.
7. Гимпельсон В. Е. Трансформации российского человеческого капитала // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2018. № 2. С. 170–198. DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-170-198; EDN: YNMZJZ.
8. Горшков М. К. Социальная справедливость в массовом восприятии и ценностных ориентациях россиян // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 6. С. 32–47. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.
9. Дополнительное образование детей: история и современность: уч. пос. для СПО / Отв. ред. А. В. Золотарева М.: Юрайт, 2016. 277 с. EDN: ZRZEET.
10. Епихина Ю. Б. Социальная справедливость в российском образовании // Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае. М.: Новый Хронограф, 2021. С. 295–313. EDN: OYEBBG.
11. Зудина А. А. Дороги, ведущие молодежь в НЕЕТ: случай России // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2018. № 22(2). С. 197–227. DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-2-197-227; EDN: VLMGAN.
12. Касьянова Т. И., Мальцев А. В., Шкурин Д. В. Профессиональное самоопределение старшеклассников как общественная проблема // Образование и наука. 2018. № 20(7). С. 168–187. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187; EDN: OZLWBB.
13. Колесникова Е. М., Куденко И. А. Интерес к STEM-профессиям в школе: проблемы профориентации // Социологические исследования. 2020. № 4. С. 124–133. DOI: 10.31857/S013216250009117-1; EDN: MXEQSQ.

14. Колесникова Е. М., Куденко И. А. Школьники о STEM-профессиях: общие и гендерные особенности представлений // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2021. № 2. С. 239–252. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-000-000; EDN: GVWKBM.

15. Константиновский Д. Л. Неравенство в сфере образования: российская ситуация // Мониторинг общественного мнения. 2010. № 5(99). С. 40–65. EDN: QZPZJT.

16. Константиновский Д. Л. Современные вызовы рынка труда и российская молодежь // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития. 2019. № 4. С. 272–281. DOI: 10.19181/obrnaukru.2019.6; EDN: JIJPEF.

17. Косарецкий С. Г., Куприянов Б. В., Филиппова Д. С. Особенности участия детей в дополнительном образовании, обусловленные различиями в культурно-образовательном и имущественном статусе семьи и месте проживания // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 168–190. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190; EDN: VSARUX.

18. Кротова А. А. Анализ изменений дополнительного образования детей за период 2015-2018 годов // Вестник МГПУ. Сер.: Педагогика и психология. 2020. № 1(51). С. 118–129. DOI: 10.25688/2076-9121.2020.51.1.09; EDN: NRLWHX.

19. Мова А. Э. Формирование системы всеобщего обязательного обучения в России // Человек и образование. 2009. № 1(18). С. 175–181. EDN: KWGJMP.

20. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2022. 424 с. EDN: XJGBFE.

21. Социальная политика: долгосрочные тенденции и изменения последних лет. Краткая версия доклада: докл. к XVI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–10 апр. 2015 г. / Отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, Л. И. Якобсон. М.: ВШЭ, 2015. 51 с.

22. Социальная справедливость в русской общественной мысли. М.: Маска, 2014. 270 с.

23. Тихонова Н. Е. Трансформации социальной структуры российского общества: конец 1980-х – конец 2010-х гг. // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 22–32. DOI: 10.31857/S013216250014308-1; EDN: RVGNAQ.

24. Черныш М. Ф. Молодёжь на рынке труда: проблема неравенства // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. ст. Междунар. форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (Уфа, 4-5 февраля 2019 г.) / Под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова Уфа: Мир Печати, 2019. С. 247–254. EDN: UCSYUTF.

25. Шовель Л. Западный средний класс под натиском: увядание государств всеобщего благосостояния, глобализация и снижающаяся отдача от образования // Мир России. 2020. Т. 29(4). С. 85–111. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-85-111; EDN: TCKYZS.

26. Ястребов Г. А., Пинская М. А., Косарецкий С. Г. Использование контекстных данных в системе оценки качества образования: опыт разработки и апробация инструментария // Вопросы образования. 2014. № 4. С. 188–246. DOI: 10.17323/1814-9545-2014-4-58-95; EDN: TDOCOR.

27. Archer L., Dawson E., DeWitt J. et al. “Science capital”: A conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts // Journal of Research in Science Teaching. 2015. Vol. 52(7). P. 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.

28. Bybee R. W., McCrae B., Laurie R. PISA 2006: An assessment of scientific literacy // Journal of Research in Science Teaching. 2009. Vol. 46(8). P. 865–883. DOI: 10.1002/tea.20333.

29. Cooper G., Berry A. Demographic predictors of senior secondary participation in biology, physics, chemistry and earth/space sciences: students’ access to cultural, social and science capital // International Journal of Science Education. 2020. Vol. 42. № 1. P. 151–166. DOI: 10.1080/09500693.2019.1708510.

30. Deich B. A., Galeeva N. V. The historical development of out-of-school education in light of the subculture of childhood // Russian Education and Society. 2018. Vol. 60. № 3. P. 203–215. DOI: 10.1080/10609393.2018.1451199.

31. Dockery A. M., Bawa S., Coffey J., Li I. W. Secondary students’ access to careers information: the role of socio-economic background // Australian Educational Researcher. 2021. № 49. P. 1001–1023. DOI: 10.1007/s13384-021-00469-1.

32. Dodd V., Hanson J., Hooley T. Increasing students’ career readiness through career guidance: measuring the impact with a validated measure // British Journal of Guidance and Counselling. 2021. № 50(4). P. 1–13. DOI: 10.1080/03069885.2021.1937515.

33. Godec S., Archer L., Dawson E. Interested but not being served: mapping young people’s participation in informal STEM education through an equity lens // Research Papers in Education. 2021. № 37(8). P. 1–28. DOI: 10.1080/02671522.2020.1849365.

34. Grinis I. The STEM requirements of “Non-STEM” jobs: Evidence from UK online vacancy postings // Economics of Education Review. 2019. Vol. 70. P. 144–158. DOI: 10.1016/j.econedurev.2019.02.005.

35. Kudenko I., Simarro C., Pintó R. Fostering European Students’ STEM Vocational Choices. Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research. 2017. P. 323–338. DOI: 10.1007/978-3-319-58685-4_24.

Получено редакцией: 03.11.22

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесникова Елена Михайловна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9

Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System

Elena M. Kolesnikova

Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: kolesnikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-2174-2524

For citation: Kolesnikova E. M. Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 197–214. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9; EDN: JKIEKC

Abstract. The world of work is undergoing changes, necessitating a new approach to guiding school students in their career choices by the government, society, and businesses. In recent years, numerous initiatives have been implemented to expand young people's exposure to various professions. However, there is still no clear nationwide plan for establishing partnerships between schools and representatives of the real economy in terms of vocational guidance. Today's youth require organised career guidance support because relying solely on the experience of parents and previous generations when choosing a profession is no longer sufficient. During the Soviet era, the state played a more significant role in ensuring the welfare and social protection of workers, while industrialisation provided universal career trajectories and clear guidelines on preferred professions and education. Today, individual human capital has become a crucial resource for social mobility and high-paying jobs, and the growth of the service sector and technological progress have elevated the demand for highly skilled labor rather than specific professions in certain economic sectors. The first part of the article focuses on reviewing important questions that need to be addressed when considering this issue. Is there a need for centralised efforts by society and the state to organise vocational guidance activities and assist teenagers in choosing a profession today? What is the transformation of the discourse on school vocational guidance in post-Soviet Russia? In the second part of the article, based on the results of a pilot study on the opinions of young men and women in Moscow, the embodiment of educational priorities in actual practice is analysed. The author concludes that the problem persists in the sense that school vocational guidance experiences are still unequal and strongly tied to pre-professional training, initially built on disparities in opportunities to explore professions, particularly in STEM fields.

Keywords: sociology of progress, sociology of professions, science education, schoolchildren, vocational orientation, professional choice, gender stereotypes

References

1. Anikin V. A. The social structure of the new Russia: experience in applying the a posteriori approach. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2022; 23: 3: 42–91 (in Russ.). DOI: 10.17323/1726-3247-2022-3-42-91; EDN: NIZKHW.
2. Ashin G. K. Elite education. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2001: 5: 82–99 (in Russ.).
3. Bayborodova L. V. Accessibility of additional education for children in rural areas: problems and ways to solve them. *Obrazovatel'naya panorama*, 2018: 1: 9: 28–33 (in Russ.). EDN: YMQWLR.
4. Barabina I. A., Gafurova V. M. Polytechnic education in secondary schools of the USSR in the second half of the 1950s – early 1960s. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. Istoriya i Filologiya*, 2016: 26: 4: 129–134 (in Russ.). EDN: WNCUHZ.
5. Vishnevskaya N. T., Zudina A. A. Economically vulnerable groups of youth in the OECD countries and Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018: 62: 11: 99–107 (in Russ.). DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-99-107; EDN: SLYCXV.
6. Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market. Ed. by S. Yu. Roshchin, V. N. Rudakov. Moscow, VSHE, 2020: 72 (in Russ.). EDN: RRTFQK.
7. Gimpelson V. E. Transformations of Russian human capital. *Politiya: Analiz. Hronika. Prognoz*, 2018: 2: 170–198 (in Russ.). DOI: 10.30570/2078-5089-2018-89-2-170-198; EDN: YNMZJZ.
8. Gorshkov M. K. Social justice in the mass perception and value orientations of Russians. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 2022: 11: 6: 32–47 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2022.6.1; EDN: BZZAGS.

9. Additional education of children: history and modernity: studies. Ed. by A. V. Zolotareva. Moscow, Yurajt. 2016: 277 (in Russ.). EDN: ZRZEET.
10. Epikhina Yu. B. Social justice in Russian education. In Problems of social equality and justice in Russia and China. Moscow, Novyj Hronograf. 2021: 295–313 (in Russ.). EDN: OYEBBG.
11. Zudina A. A. Roads leading young people to NEET: the case of Russia. *Ekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki*, 2018: 22: 2: 197–227 (in Russ.). DOI: 10.17323/1813-8691-2018-22-2-197-227; EDN: VLMGAN.
12. Kasyanova T. I., Maltsev A. V., Shkurin D. V. Professional self-determination of high school students as a social problem. *Obrazovanie i nauka*, 2018: 20: 7: 168–187 (in Russ.). DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-168-187; EDN: OZLWBB.
13. Kolesnikova E. M., Kudenko I. A. Interest in STEM professions at school: problems of career guidance. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 4: 124–133 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250009117-1; EDN: MXEQCQ.
14. Kolesnikova E. M., Kudenko I. A. Schoolchildren about STEM professions: general and gender features of ideas and choice. *Vestnik RUDN. Ser.: Sociologiya*, 2021: 21: 2: 239–252 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-000-000; EDN: GVWKBM.
15. Konstantinovsky D. L. Inequality in education: the Russian situation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya*, 2010: 5: 99: 40–65 (in Russ.). EDN: QZPZJT.
16. Konstantinovsky D. L. Modern challenges of the labor market and Russian youth. *Obrazovanie i nauka v Rossii: sostoyanie i potencial razvitiya*, 2019: 4: 272–281 (in Russ.). DOI: 10.19181/obrnaukru.2019.6; EDN: JIJPEF.
17. Kosaretsky S. G., Kupriyanov B. V., Filippova D. S. Features of children’s participation in extracurricular education due to differences in the cultural, educational and property status of the family and place of residence. *Voprosy obrazovaniya*, 2016: 1: 168–190 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-168-190; EDN: VSARUX.
18. Krotova A. A. Analysis of changes in extracurricular education of children for the period 2015–2018. *Vestnik MGPU. Ser.: Pedagogika i psihologiya*, 2020: 1: 51: 118–129 (in Russ.). DOI: 10.25688/2076-9121.2020.51.1.09; EDN: NRLWHX.
19. Mova A. E. Formation of the system of universal compulsory education in Russia. *Chelovek i obrazovanie*, 2009: 1: 18: 175–181 (in Russ.). EDN: KWGJMP.
20. Society of unequal opportunities: the social structure of modern Russia. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Ves’ Mir, 2022: 424 (in Russ.). EDN: XJGBFE.
21. Social policy: long-term trends and changes in recent years. Short version of the report: Report on the XVI Apr. Intern. Scient. Conf. on problems of economic and social development, Moscow, 7–10 Apr. 2015. Ed. by Y. I. Kuzminov, L. N. Ovcharova, L. I. Yakobson. Moscow, VSHE. 2015 (in Russ.).
22. Social’naya spravedlivost’ v russkoj obshchestvennoj mysli [Social justice in Russian public thought]. Moscow, Maska, 2014: 270 (in Russ.).
23. Tikhonova N. E. Transformations of the social structure of Russian Society: late 1980s – late 2010s. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2021: 8: 22–32 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250014308-1; EDN: RVGNAQ.
24. Chernysh M.F. Youth in the labor market: the problem of inequality. In The future of the sphere of labor: global challenges and regional development: a coll. of art. of the Intern. Forum “The Future of the Sphere of labor: decent work for all” (Ufa, February 4–5, 2019). Ed. by G. R. Baimurzina, R. M. Valiakhmetova. Ufa, Mir Pechati, 2019: 247–254 (in Russ.). EDN: UCYUTF.
25. Shovel L. The Western middle class under pressure: Withering Welfare states, globalization and declining returns from education. *Mir Rossii*, 2020: 29: 4: 85–111 (in Russ.). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-85-111; EDN: TCKYZS.
26. Yastrebov G. A., Pinskaya M. A., Kosaretsky S. G. The use of contextual data in the education quality assessment system: experience in the development and testing of tools. *Voprosy obrazovaniya*, 2014: 4: 188–246 (in Russ.). DOI: 10.17323/1814-9545-2014-4-58-95; EDN: TDOCOR.
27. Archer L., Dawson E., DeWitt J. et al. “Science capital”: A conceptual, methodological, and empirical argument for extending Bourdieusian notions of capital beyond the arts. *Journal of Research in Science Teaching*, 2015: 52: 7: 922–948. DOI: 10.1002/tea.21227.
28. Bybee R. W., McCrae B., Laurie R. PISA 2006: An assessment of scientific literacy. *Journal of Research in Science Teaching*, 2009: 46(8): 865–883. DOI: 10.1002/tea.20333.

29. Cooper G., Berry A. Demographic predictors of senior secondary participation in biology, physics, chemistry and earth/space sciences: students' access to cultural, social and science capital. *International Journal of Science Education*, 2020: 42 (1): 151–166. DOI: 10.1080/09500693.2019.1708510.
30. Deich B. A., Galeeva N. V. The historical development of out-of-school education in light of the subculture of childhood. *Russian Education and Society*, 2018: 60(3): 203–215. DOI: 10.1080/10609393.2018.1451199.
31. Dockery A. M., Bawa S., Coffey J., Li I. W. Secondary students' access to careers information: the role of socio-economic background. *Australian Educational Researcher*, 2021: 49: 1001–1023. DOI: 10.1007/s13384-021-00469-1.
32. Dodd V., Hanson J., Hooley T. Increasing students' career readiness through career guidance: measuring the impact with a validated measure. *British Journal of Guidance and Counselling*, 2021: 50(4): 1–13. DOI: 10.1080/03069885.2021.1937515.
33. Godec S., Archer L., Dawson E. Interested but not being served: mapping young people's participation in informal STEM education through an equity lens. *Research Papers in Education*, 2021: 37(8): 1–28. DOI: 10.1080/02671522.2020.1849365.
34. Grinis I. The STEM requirements of “Non-STEM” jobs: Evidence from UK online vacancy postings. *Economics of Education Review*, 2019: 70: 144–158. DOI: 10.1016/j.econedurev.2019.02.005.
35. Kudenko I., Simarro C., Pintó R. Fostering European Students' STEM Vocational Choices. *Cognitive and Affective Aspects in Science Education Research*, 2017: 323–338. DOI: 10.1007/978-3-319-58685-4_24.

The article was submitted on: November 03, 2022

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena M. Kolesnikova, Candidate of Sociological Sciences,
Senior researcher The Department Sociology of Professions and Professional Groups,
Institute of Sociology of FCTAS RAS

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКИХ УЧАЩИХСЯ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.10

EDN: JLJZZT

Проблема выбора жизненного пути молодёжи российских регионов (на материале полевого исследования в ВолгГТУ*)

Ссылка для цитирования: Дулина Н. В., Петрунева Р. М. Проблема выбора жизненного пути молодёжи российских регионов (на материале полевого исследования в Волгоградском государственном техническом университете) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.10; EDN: JLJZZT

For citation: Dulina N. V., Petruneva R. M. The Problem of Choosing Life Paths by Youth in Russian Regions (Based on Field Research at VSTU). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.10; EDN: JLJZZT

AuthorID ПИНЦ: 75266

Дулина Надежда Васильевна¹

¹Центр социологических и маркетинговых исследований
«Аналитик», Волгоград, Россия

nv-dulina@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 75265

Петрунева Раиса Морадовна¹

¹Волгоградский государственный технический университет,
Волгоград, Россия

raisa.petrunyova@yandex.ru

Аннотация. Жизненный путь современного молодого человека во многом определяется уровнем развития информационных технологий, которые меняют все сферы жизнедеятельности человека. Это придает особую значимость контексту осмысления проблем выбора молодёжью траекторий вхождения во взрослый мир, мир своей дальнейшей профессиональной деятельности. Проблемы глобализации накладывают отпечаток на системные трансформации российского общества и заметно усложняют ситуацию выбора молодёжью своего будущего и будущего страны, что заметно «корректирует» традиции, сменяет ценностные приоритеты, в том числе и в получении высшего образования. В исследовании

* ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный технический университет».

анализируются мотивы выбора жизненного пути абитуриентами системы высшего образования на основе изучения их представлений о своем будущем и реалий современной социокультурной и экономической ситуации России. На основании анализа новых данных изучены стратегии воплощения жизненных паттернов абитуриентов, их соответствие индивидуальным жизненным планам и реальным механизмам актуализации и легитимизации.

Рассмотрена взаимосвязь выбора своего будущего профессионального пути и того вуза, который, по мнению абитуриентов, может обеспечить хороший старт будущей профессиональной карьере. Сегодня выбор образовательной организации является не только важной, но и сложной проблемой для абитуриентов и их семей. Поэтому одной из задач исследования было выявить значимые характеристики самих вузов и социально-экономические факторы, влияющие на выбор абитуриентов своего будущего места учебы, базовые паттерны при выборе будущей профессии. Результаты исследования подтвердили, что аудитории вузов в настоящее время заполнены в большинстве своём представителями поколения Z, уровень доверия которого к электронным источникам информации выше, чем к традиционным источникам, даже к проверенным веками – советам родителей и близких. В целом же, подтверждена гипотеза о сохраняющейся в настоящее время ценности высшего образования для большинства бывших абитуриентов, которые уже стали студентами, и доказано чёткое проявление потребительского поведения и патернализма в профессиональной жизни, ориентации на высокие стандарты жизни и социального статуса.

Ключевые слова: абитуриенты, студенческая молодёжь, жизненный путь, жизненные стратегии, мотивы роста

*Дело не в том, какую дорогу мы выбираем,
дело в том, что внутри нас, это заставляет нас выбрать дорогу.*
О. Генри

Введение

На смену стабильному, предсказуемому и понятному миру сегодня пришёл мир, полный неопределённостей, неоднозначности и хрупкости. И это касается не только техносферы, но и собственно социальной сферы и её части – системы образования [16].

Современный мир требует не только быстрой смены технологических укладов, но и адекватных им образовательных технологий. Ситуация с пандемией COVID-19, растянувшейся на несколько лет, сегодня усугубляется геополитическими событиями. Правильность принятых в предыдущие годы и десятилетия политических решений в бюрократическом жанре ad hoc («здесь и сейчас») далеко не всегда выдерживает проверку временем. Быстро принятое, недостаточно продуманное и обоснованное решение может пагубно сказаться не только на всей системе образования, но и на судьбе каждого отдельного человека. Особенно это актуально для молодёжи, выбирающей свой жизненный путь.

Выбор профессии по принципу «лишь бы получить диплом о высшем образовании» может не только искорёжить жизнь отдельного человека, но и, поскольку этот процесс носит массовый характер, приводить к серьёзным экономическим издержкам государства на подготовку миллионов специалистов, от которых оно никогда не получит ожидаемой трудовой отдачи.

По данным компании Head Hunter, «среди работающих соискателей, получивших высшее образование, 41% работают не по специальности»¹. Опрос подобного содержания провёл сервис Rabota.ru, но не среди выпускников, а среди всех имеющих работу 5000 пользователей сервиса старше 18 лет из разных регионов страны. По данным этого сервиса, 43% россиян никогда не работали по специальности, еще 23% имеют некоторый опыт работы в профильной сфере, но сейчас в ней не трудятся². Это подтвердил статс-секретарь – заместитель министра науки и высшего образования РФ П. Кучеренко: «Примерно 47 процентов выпускников российских вузов не работают по специальности»³.

Поэтому сегодня вопрос о мотивах выбора профессии и вуза имеет сегодня большое значение. Есть ли у школьников представление о личном профессиональном будущем, видят ли они себя в той или иной профессии? Планируют ли связать свою жизнь с однажды выбранной профессией? Какие проблемы объективно стоят перед абитуриентами: социально-экономические, региональные, административные? Какие факторы являются определяющими на стадии выбора специальности и вуза? Ответы на эти и ряд других вопросов мы попытались получить в исследовании, самостоятельно проведённом нами в Волгоградском государственном техническом университете (далее – ВолгГТУ).

Краткий обзор исследований отечественных учёных жизненного пути и стратегий выбора вуза абитуриентами России

Последние годы в жизни России отмечены переменами в обществе, в социально-экономическом положении разных групп, в образе и качестве жизни [9]. Одним из следствий данных перемен является невозможность профессионального самоопределения выпускниками средних учебных заведений, что усиливает актуальность исследования «жизненного пути личности», особенно на этапе планирования и выбора образования [24]. Усиливается актуальность понятия «жизненный путь личности», особенно на этапе планирования и выбора образования [24].

¹ Исследование показало, сколько выпускников вузов работают по специальности. URL: <https://ria.ru/20190902/1558146808.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² Почему так много россиян работают не по специальности. URL: <https://www.vedomosti.ru/career/articles/2021/09/06/885470-rabotayut-spetsialnosti> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Грудцинов Р. В Минобрнауки сообщили, что почти половина выпускников вузов работают не по специальности // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-minobrnauki-soobshhili-cto-pochti-polovina-vypusknikov-vuzov-rabotaet-ne-po-specialnosti.html> (дата обращения: 15.12.2022).

Стремления к самореализации и саморазвитию, самостоятельности являются движущими силами развития личности, и степень самореализации молодёжи зависит от способности молодых людей ставить перед собой адекватные цели, соответствующие их личностным качествам, когнитивным возможностям [12], социально-экономическим реалиям и потребностям общества. В связи с этим представляет интерес ряд публикаций, посвящённых анализу стратегий абитуриентов при выборе вуза и программ подготовки, доступности вуза по разным основаниям (имущественный уровень семьи, образовательный ценз родителей, транспортная достижимость и др.) [1; 17; 21].

Определение или выбор образовательной стратегии для молодых людей – это только старт, часть их жизненных стратегий, воплощение жизненного целеполагания и программы личного жизнеустройства. Авторы проанализировали ряд исследований жизненных стратегий представителей современной молодёжи, их самоопределения в сфере получения высшего образования и влияния разных факторов на этот выбор [1–4; 6; 10; 11; 14; 15; 19; 20; 23; 25]. Конкуренция за абитуриентов между вузами в условиях «демографической ямы», перманентные изменения в системе образования и сопряжённых с ним социальных институтах делают проблемы выбора жизненного пути и профессионального самоопределения молодёжи всё более актуальными и притом сложными. Учитывая, что около половины выпускников вузов не приступают к работе по полученной специальности, прямые убытки вузовской системы могут достигать половины её бюджета, а следовательно, половина средств, выделенных бюджетом РФ на подготовку специалистов, тратится неэффективно. Сравним затраты средств из федерального бюджета в 2018 и 2022 годах (см. табл. 1).

Таблица 1 (Table 1)

Средства федерального бюджета и количество обучающихся в 2018 и 2022 гг.¹*Federal budget funds and the number of students in 2018 and 2022*

2018			2022		
Объём поступивших средств Федерального бюджета, тыс. руб.	Численность обучающихся на конец отчётного периода		Объём поступивших средств федерального бюджета, тыс. руб.	Численность обучающихся на конец отчётного периода	
	484 060 749	всего		4 135 133	673 171 174
	в т.ч. бакалавриат	2 882 474		в т.ч. бакалавриат	2 798 221
	в т.ч. специалитет	726 583		в т.ч. специалитет	833 375
	в т.ч. магистратура	526 076		в т.ч. магистратура	533 583
Стоимость обучения 1 чел. из средств ФБ	117,1 тыс. руб.		Стоимость обучения 1 чел. из средств ФБ	161,6 тыс. руб. (прирост стоимости 38%)	

¹ Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Форма № ВПО-2 «Сведения о материально-технической и информационной базе, финансово-экономической деятельности образовательной организации высшего образования». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 16.08.2023).

Данные, приведённые в таблице, позволяют заключить, что стоимость обучения возрастает из года в год, за время обучения бакалавра в течение 4-х лет она увеличивается на 38%. Нетрудно посчитать, что из 362 500 человек планируемого приёма 2024 г. в среднем 24% не дойдут до окончания бакалавриата, и в ценах 2023 г. 161,6 тыс. руб./чел. этот фальстарт в профессии обойдется федеральному бюджету в 14 059 200 тыс. руб.! Таким образом, проблема профессионального самоопределения молодёжи приобретает в России общегосударственное значение.

По окончании приемной кампании каждый вуз анализирует свои показатели по распространенной схеме, основанной на анкетировании первокурсников. Но информация, собранная в одном вузе, не становится, за редким исключением, достоянием экспертной и педагогической общечественности. А ведь использование данных по отдельным вузам позволяет сравнить ситуации и рассмотреть общую картину и выявить её тренды. Проблема всё ещё редко рассматривается в привязке к потребностям сферы занятости, пропорции которой даже при позитивном сценарии существенно отличаются от наполняемости, структуры и динамики потенциала вузовской системы [13, с. 12–19].

ВолгГТУ представляет интерес не только как региональный вуз города-миллионника, но и как вуз, на протяжении многих лет входящий в рейтинг лучших университетов мира (например, в 2022 г. в Times Higher Education), одного из влиятельных глобальных рейтингов вузов. В соответствии с Лицензией Федеральной службы по надзору в сфере науки и образования (серия 90П01 № 0035746 от 07.10.2016) ВолгГТУ ведёт подготовку по 5 программам подготовки специалистов среднего звена, 287 программам высшего образования, в том числе 38 программам бакалавриата, 60 программам специалитета, 64 программам магистратуры и 125 программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре. Кроме того, в вузе ведётся подготовка в системе дополнительного профессионального образования и дополнительного образования детей и взрослых. Численность обучающихся по состоянию на 01.01.2023 г. составила 17 501 чел. (с филиалами), в том числе 1752 иностранных студента. Численность ППС вуза по состоянию на 01.01.2023 г. составляет 945 чел. (с филиалами)¹. В этом смысле ВолгГТУ привлекателен для многих абитуриентов, не ориентированных на столичные вузы. Его «ассортимент» направлений подготовки схож с многими техническими вузами России, в т. ч. столичными и региональными. Поэтому его можно считать одним из центров подготовки научно-технической, инженерной и в какой-то степени управленческой элиты региона.

Высшее образование в России традиционно отмечено высоким социальным престижем, большинство семей стремятся дать своим детям образование, которое считается условием хорошего профессионального старта [2]. По имеющимся данным, в развитых странах до 96% выпускников средних школ стремятся получить высшее образование [7]. Если в 2017 г. 744 987 чел. в России впервые стали студентами вузов, то в 2022 г. –

¹ Сайт ВолгГТУ. URL: <https://www.vstu.ru/razvitie/itogi/sm/> (дата обращения: 18.08.2023).

727 055 чел. (это общее количество по всем источникам финансирования: ФБ, целевой набор, квоты, договоры на платное оказание услуг)¹. При этом одновременно в общем количестве первокурсников увеличилась с 39% до 44% доля тех, кто поступил в вуз за счёт средств федерального бюджета (в 2017 г. – 292 904 чел., в 2022 г. – 319 387 чел.).

Кажущаяся доступность высшего образования, связанная с ростом контрольных цифр приёма, и реальное положение дел в этой сфере требуют более детального изучения стратегий выбора высшего образования среди представителей разных социальных групп и регионов страны. Провозглашённая свобода выбора на самом деле ограничена рамками социального и финансового статуса, преодоление этих ограничений молодёжью создает условия для «движения вверх», т. е. является социальным лифтом.

В нашем исследовании жизненный путь рассматривается в конвенциональном смысле как определённый порядок последовательных событий в течение жизни молодого человека [26]. При обсуждении и интерпретации результатов также использовались материалы исследований, проведённых коллегами из других вузов [2; 6; 19; 21], что позволило выявить общие поведенческие паттерны абитуриентов, независимо от социального и материального статуса семьи и территории проживания абитуриентов.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей выбора волгоградскими абитуриентами жизненного пути и понимания социальных рисков и последствий своего профессионального выбора.

Методы исследования

Эмпирической базой исследования стали результаты массового опроса студентов ВолгГТУ – вчерашних абитуриентов. Сбор данных осуществлён в декабре 2022 г. методом онлайн-анкетирования с использованием google-form. Опрос проводился в аудитории в присутствии преподавателя в рамках соответствующей учебной дисциплины.

Опрос первокурсников, а не абитуриентов (чьи намерения носят весьма «эскизный» характер), авторы считают принципиальным условием. Студенты первого курса, уже проучившись один семестр, способны более адекватно оценить свой выбор профессиональной траектории, возможности своего профессионального развития и дальнейшей карьеры, в том числе и трудоустройства по выбранной специальности. Погружение в дидактическую систему высшей школы позволяет первокурснику выявить не только возможности, но и риски как в учебной, так и последующей профессиональной деятельности. Иначе говоря, первокурсники уже в определенной мере реализовали свои образовательные стратегии, добились вступления на путь выбранной профессии, почему их высказы-

¹ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 21.08.2013).

вания заслуживают более пристального анализа. Опрошено 560 студентов 1 курса очной формы обучения ВолгГТУ. В выборке по методу основного массива представлены следующие направления подготовки: технические и технологические направления – 67%, строительные и архитектурные – 16%, экономические – 10%, техносферные – 8%. Вполне ожидаемо для технического вуза, что юношей в выборке оказалось втрое больше, чем девушек (соответственно 72 и 28%). Изучение такой базы данных позволяет сформулировать выводы, которые будут интересны многим исследователям и сравнимы с данными исследований, проведённых в других вузах при научно-методической совместимости.

В данной работе, отражающей первые результаты проведённого исследования, приводятся простые процентные сравнения с сопоставимыми результатами исследований, выполненных в других регионах страны.

Профессия на всю жизнь?

Жизненный путь личности зависит от того, насколько правильно или удачно он был спроектирован ещё в период обучения в школе: удалось ли учащемуся понять, в чем его призвание, как он оценивает свои возможности добиться успеха в какой-либо сфере практической деятельности? Что он предпринял, чтобы развить свои способности? В какой период происходит определение своего жизненного пути: в школьные годы, или же это процесс стихийный, зависящий от многих обстоятельств, в том числе и конкурсной ситуации в вузе? Мы обратимся к исследованиям в других вузах¹, при их научно-методической совместимости с проведённым нами опросом в ВолгГТУ [19; 21].

В целом ситуация с самоопределением абитуриентов типична: половина их выбрали вуз в старших классах на стадии подготовки к ЕГЭ, когда они были вынуждены сделать хоть какой-то выбор. Насколько он был обоснован, под влиянием каких факторов был сделан, чем руководствовались старшеклассники при принятии решения, мы и попытались выяснить.

Важным фактором, повышающим успешность поступления в вуз, является участие в профильных предметных олимпиадах. Но этим ресурсом воспользовалась незначительная часть абитуриентов. Можно предположить, что основным препятствием для участия в олимпиадном движении является не низкий когнитивный задел у потенциальных участников, а плохая информированность школьников, локальные организационные трудности и недостаточная заинтересованность школьных учителей².

¹ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, НГТУ им. Р. Е. Алексеева, Нижегородский филиал НИУ ВШЭ, Томский государственный университет (ТГУ), Томский политехнический университет (ТПУ), Томский государственный архитектурно-строительный университет (ТГАСУ), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ), Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств (НГУАДИ).

² Иванова-Гладильщикова Н. Не только для портфолио: как рассказывают об олимпиадах в школах. URL: <https://olimpiada.ru/article/709> (дата обращения: 30.12.2022).

Таблица 2 (Table 2)

Ответы респондентов о том, когда ими было принято решение о выборе вуза, %
Responses of respondents regarding when they made their decision about choosing a university, %

Ответы на вопрос: «Когда было принято решение о выборе вуза?»	ВолгГТУ	ННГУ	ВШЭ	НГТУ	Суммарно ТГУ, ТПУ, ТГАСУ, НГТУ, НГУАДИ
В 8–9 классах	5,3	11,0	12,2	9,7	н.д.
В 10–11 классах	35,5	54,5	58,3	49,4	46,6
Всегда знал, что буду поступать именно в этот вуз	8,4	6,2	6,1	3,2	10,3
В последний момент перед подачей заявления	43,1	23,7	23,5	34,4	41,7
Другое	7,7	4,6	0,0	3,2	1,4

Примечание: н.д. – нет данных.

Таблица 3 (Table 3)

Участие респондентов в олимпиадах,
дающих преимущество при поступлении в вуз, %
*Participation of respondents in olympiads
that provide advantages in university admission, %*

Ответы на вопрос: «Принимали ли Вы участие в олимпиадах?»	ВолгГТУ	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Да, являюсь победителем / призёром	9,0	9,6	3,5	2,0
Да, но не являюсь призёром	23,4	32,2	40,4	29,6
Нет	67,6	58,2	56,1	68,4

Семейные традиции, поддержание трудовых династий в масштабе всего массива первокурсников не оказывают существенного влияния на выбор старшеклассников, но по отдельным направлениям подготовки гораздо более ощутимы (медицина, строительство и архитектура, юриспруденция и др.). В Волгограде только около 14% абитуриентов сделали свой выбор под влиянием семейной традиции, хотя ВолгГТУ является самым крупным и самым старым вузом Волгограда, выпустившим более 200 тыс. инженеров, – по этой причине в Волгограде трудно найти семью, которая не была бы связана с местным «политехом». Наиболее велика доля выбора «старых» университетов среди абитуриентов из семей выпускников томских вузов: ТГУ – 29%; ТПУ – 30%. Этот тренд подтверждён ответами на вопрос о вузах, куда были поданы документы (табл. 4). Нижегородские первокурсники реже рисковали и в 78% случаев сдали документы сразу в несколько вузов, волгоградцам чаще свойственна приверженность одному вузу: среди них самый низкий процент (58%) тех, кто сдали документы сразу в несколько вузов, и одновременно самый большой процент тех, кто сдал документы только в ВолгГТУ (42%) или на разные его факультеты (22,3%).

Меньше всего доля первокурсников, в своё время подавших документы только в один вуз и на один факультет, – это абитуриенты Нижегородского филиала ВШЭ – 9%. Это говорит не только о высокой конкурсной ситуации в ВШЭ, но и, вероятно, о несформированности на тот момент понимания своего жизненного пути или даже профессионально-трудовой инфантильности, поскольку в этой же категории самая большая доля тех, кто сдал документы в несколько вузов одновременно, – 78% (табл. 4). Очевидно, что эта диспозиция позволила многим избежать неудачи в текущем году.

Таблица 4 (Table 4)

«Разброс» при подаче респондентами документов для поступления в вуз, %
The range of document submission times by respondents for university admission, %

Ответы на вопрос: «Куда были поданы документы?»	ВолгГТУ	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Только в один вуз и на один факультет	19,6	29,0	8,7	25,0
Только в один вуз, но на несколько факультетов одновременно	22,3	8,7	13,0	9,9
В несколько вузов одновременно	58,1	62,3	78,3	65,1

В том, что ВШЭ не является главным жизненным выбором абитуриентов, убеждают данные, приведённые в табл. 5. В случае неудачи в этом году только 42,1% первокурсников нижегородского филиала ВШЭ рискнули бы снова поступать туда же на следующий год – это самый низкий процент среди опрошенных. Самая высокая доля приверженцев у ВолгГТУ – почти 60% (см. табл. 5).

Таблица 5 (Table 5)

**Варианты повторных попыток поступления в вуз,
если первый оказался бы неудачным, %**
*Options for reattempting university admission
if the first attempt was unsuccessful, %*

Ответы на вопрос: «Выбор, который был бы сделан, если бы абитуриент не поступил сюда?»	ВолгГТУ	ННГУ	ВШЭ	НГТУ
Этот же вуз, этот же факультет, другое направление подготовки	36,9	31,5	17,5	29,5
Этот же вуз, но другой факультет	20,1	18,0	24,6	17,1
Другой вуз, то же направление подготовки	20,8	30,1	27,2	26,0
Другой вуз, другое направление подготовки	11,0	20,4	30,7	27,4

Волгоградские абитуриенты демонстрируют более осознанное отношение к выбору своего профессионального пути и вуза. Только 12% респондентов ответили, что для них было безразлично, куда поступать. Остальные заявили, что для них были важны либо данный вуз, либо данная специальность, либо данный факультет. Подтверждают серьезность намерений студентов их ответы на вопрос: «Владеете ли Вы информацией о своей будущей

специальности?»: почти 60% ответили, что владеют такой информацией, 37% слышали кое-что о профессии, а остальные 3% выбирали профессию наобум – пошли учиться туда, куда проходили по конкурсу.

Лишь немногим более половины опрошенных первокурсников (53,4%) в самом начале своего пути к профессии намерены работать по специальности, 38,4% не уверены в своём выборе профессии и собираются действовать по обстоятельствам, 3,6% однозначно не видят себя в выбранной профессии, а 4,6% даже не задумывались о будущей работе. Приведённые данные свидетельствуют, что почти для половины (46,6%) первокурсников профиль обучения в вузе не связан напрямую с видением своей будущей работы, что совпадает с данными Министерства науки и образования РФ¹.

Стратегия выбора вуза, будучи производной от образовательной стратегии и жизненного пути личности, становится на данном рубеже жизни важным детерминантом многих действий. Ключевым аргументом такого выбора служит перспектива последующего трудоустройства, на втором месте по значимости – академическая репутация вуза (его государственный статус, рейтинги и отзывы о нем, даже транспортная доступность) [17]. Место ВолгГТУ в рейтингах интересовало лишь 37% опрошенных, 51% к нему безразличен, остальные просто не задумывались об этом.

Представители властей и часть учёных считают, что ЕГЭ является важным регулятором потоков абитуриентов и обеспечивает равный доступ к высшему образованию. В вузы поступают более 80% выпускников 11 класса школ (в конце 1980-х гг. этот показатель составлял 25–30%)². Если до введения ЕГЭ в столичные вузы стремились поступать лишь около 1,5% выпускников средних школ из регионов, то в 2016 г. этот поток увеличился в пять раз [7], то есть выиграли от него столичные вузы. Тем не менее ряд исследователей (Ф. Г. Зиятдинова, Д. Л. Константиновский, Н. А. Матвеева, А. М. Осипов, Л. Я. Рубина, Б. А. Ручкина, Н. Д. Сорокина и др.) считают, что молодёжь не имеет равного доступа к высшему образованию по территориальному и социально-имущественному признаку.

Более трети семей старшеклассников России прибегают к услугам репетиторов для своих детей. Но 59% семей с низким материальным доходом и 61% сельских семей никогда не прибегали к этим услугам ради успешной сдачи ЕГЭ, поскольку не имеют финансовой возможности оплачивать услуги репетитора [8]. Только треть семей первокурсников Волгограда может себе позволить обучение в вузе на коммерческой основе (34%). Почти половина студентов сообщила (49%), что семья не испытывает материальной нужды, но всё-таки не может оплачивать их обучение. 3% семей опро-

¹ Грудцинов Р. В Минобрнауки сообщили, что почти половина выпускников вузов работают не по специальности // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/v-minobrnauki-soobshhili-chno-pochti-polovina-vypusknikov-vuzov-rabotaet-ne-po-specialnosti.html> (дата обращения: 15.12.2022).

² Так в стране формируется многомиллионный слой работников с заведомо избыточным уровнем образования, кратно превышающий потребности сферы занятости, с которым связаны нерациональные затраты в бюджете государства, массовые ситуации трудовой дезадаптации взрослых и вынужденной переподготовки. По данным социологов, лишь каждое 15-е рабочее место требовало высшего, каждое 7-е – среднего профессионального образования [13].

шенных нами в Волгограде первокурсников испытывают материальные трудности и являются получателями социальных субсидий, а для 14% семей доходов хватает только на жизнь.

Среди первокурсников ВолгГТУ 87% рассчитывали поступить на бюджетное обучение, 9% сдали одновременно документы и на бюджетное, и на платное отделения, 4% – сразу на платное обучение. Это распределение объяснимо материальным положением их семей: в бюджетной сфере (образование, здравоохранение, госслужба) трудятся 50% их матерей, а две трети отцов – в реальном секторе экономики (строительство, производство, транспорт). Образовательный уровень родителей первокурсников весьма высок (87% матерей и 74% отцов окончили вуз или колледж), что отчасти объясняет ориентации детей на вуз (80%) подчас без глубокого осознания этого выбора, под давлением «традиции» или родителей. Если бы у семьи была материальная возможность, то 28% первокурсников уехали бы поступать и учиться в другие города.

Источники информации о вузе, значимые для выбора абитуриентами

При выборе направления подготовки и вуза старшеклассники ориентируются на его разные черты: качество и конкретные условия учебного процесса, предполагаемые карьерные возможности и уровни зарплаты в отрасли, системы «двойных дипломов» или стажировки за границей.

В исследовании были выявлены характеристики вуза, наиболее значимые для будущих студентов: экономические перспективы профессии (62%), наличие в нем вызывающей интерес специальности (60%), гарантия хорошего трудоустройства (52%), принадлежность к государственному сектору вузовской системы (45%), общая надёжность вуза (40%). Транспортная доступность вуза (38%) оказалась более значимой, чем его престижность или популярность, в Волгограде с его 100-километровой протяжённостью.

Информацию о вузе первокурсники черпали не из рекламы, справочников, газет, теле- и радиопередач, а из иных источников (общая сумма превышает 100%, т. к. каждый респондент мог указать несколько вариантов ответа): Дни открытых дверей в нём (51%), интернет-портал вуза (49%), родственники и знакомые (46–47%), студенты этого вуза (42%), презентации вуза и преподавателей (по 40%).

Сегодня многие компоненты престижа вуза агрегированы в его рейтинге. Рейтинги многое могут рассказать о вузе специалисту, но старшекласснику они не всегда понятны. Средства массовой информации выступают адаптированным источником, излагая данную информацию в доступном для обычного человека виде. Сходные выводы получены и исследователями ННГУ им. Н. И. Лобачевского [5].

Каковы же пути выпускников школ в стены ВолгГТУ? Ответы респондентов изложим в иной оценке – качественной, когда респонденты оценивали разные позиции по привычной им 5-балльной шкале (см. табл. 6).

Таблица 6 (Table 6)

Ответы респондентов о факторах, повлиявших на выбор ВолГТУ,
средняя оценка по 5-балльной шкале
*Responses of respondents regarding factors that influenced their choice of VSTU,
average rating on a 5-point scale*

Что повлияло на Ваш выбор вуза?	Пол респондентов		Весь массив
	Женский	Мужской	
Советы родителей	3,67	3,46	3,50
Советы учителей	1,78	2,43	2,30
Печатная реклама вуза	2,00	2,31	2,25
Теле-, радиореклама	1,56	1,83	1,77
День открытых дверей в вузе	1,67	2,74	2,52
Общение со студентами вуза	1,67	2,71	2,50
Общение с преподавателями вуза	1,44	2,40	2,20
Занятия с преподавателями вуза – репетиторами	1,33	1,80	1,70
Мнения друзей, товарищей по учёбе	2,00	2,83	2,66
Ярмарка вакансий	1,56	1,97	1,89
Перспективы трудоустройства с дипломом данного вуза	2,67	3,40	3,25

Родители остаются авторитетной группой, чьё мнение высоко ценится молодыми людьми при выборе будущей профессии и вуза. Но в плане источников информации Интернет всё же опережает родных, друзей и знакомых (табл. 7). Девушки более склонны прислушиваться к советам родителей, нежели юноши, которые выше ценили перспективы трудоустройства с дипломом данного вуза, чем девушки. Данные таблицы 6 говорят о том, что девушки менее восприимчивы к внешним факторам, влияющим на видение дальнейшего жизненного пути, чем юноши. Формула стратегии девушек, если кратко, сводится к следующему: родители плохого не посоветуют.

Таблица 7 (Table 7)

Ответы респондентов об источниках информации о вузах города,
средняя оценка по 5-балльной шкале
*Responses of respondents regarding sources of information about city universities,
average rating on a 5-point scale*

Значимые источники информации о вузах и направлениях подготовки	Пол респондентов		Весь массив
	Женский	Мужской	
Родственники	2,99	3,12	3,08
Друзья, знакомые	3,17	3,17	3,17
Учителя	2,71	2,79	2,76
Студенты вузов	3,67	3,43	3,50
Выставки	2,79	2,78	2,78
Преподаватели вузов	3,09	2,92	2,97

Окончание таблицы 7

Значимые источники информации о вузах и направлениях подготовки	Пол респондентов		Весь массив
	Женский	Мужской	
Радиореклама	2,48	2,14	2,23
Телереклама	2,51	2,20	2,28
Теле-, радиопередачи	2,49	2,18	2,26
Интернет	3,31	3,25	3,26
Презентации вузов	3,28	2,89	2,99
Реклама на улицах	2,47	2,20	2,27
Печатная реклама вузов	2,57	2,22	2,32
Специальные справочники	2,69	2,42	2,49
Школьные товарищи	2,80	2,88	2,85
Газеты	2,27	2,03	2,10
Дни открытых дверей	3,33	3,21	3,24

Нельзя не заметить, что претензии со стороны абитуриентов к самому вузу, которому они готовы вверить свой старт во взрослую жизнь, заметно выше, чем к источникам информации о вузах города, к тем факторам, которые оказывают влияние на выбор вуза (см. табл. 8). Наивысшие оценки респонденты поставили такому фактору, как возможность хорошего трудоустройства с дипломом вуза (экономическим перспективам). Но важнейшим источником информации о вузе выступают студенты, которые в нем обучаются и, вероятно, рассказывают о жизни вуза в мельчайших подробностях.

Таблица 8 (Table 8)

Мнения респондентов о предпочтительных характеристиках вуза, повлиявших на выбор, средняя оценка по 5-балльной шкале
Opinions of respondents about preferred university characteristics that influenced their choice, average rating on a 5-point scale

Самые важные характеристики вуза	Пол респондентов		Весь массив
	Женский	Мужской	
Статусная привлекательность вуза	3,66	3,56	3,59
Надёжность	4,11	4,08	4,09
Престижность	3,92	3,80	3,83
Популярность	3,55	3,50	3,52
Транспортная доступность	3,87	3,77	3,79
Крупный вуз	3,69	3,66	3,67
Государственный вуз	4,14	3,87	3,94
Хорошие отзывы о вузе	4,16	3,94	4,00
В вузе учились родственники	2,50	2,40	2,42
Возможность обучения и стажировок за границей	3,39	3,02	3,12

Окончание таблицы 8

Самые важные характеристики вуза	Пол респондентов		Весь массив
	Женский	Мужской	
Национальный исследовательский университет	3,04	2,96	2,98
Классический университет	3,13	3,09	3,10
Лучший вуз в городе	3,67	3,75	3,73
Хорошая реклама вуза	2,96	2,63	2,72
Наличие интересующей специальности	4,28	4,29	4,29
Приемлемая стоимость обучения	3,32	3,03	3,11
Гарантия хорошего трудоустройства	4,28	4,10	4,15
Экономические перспективы профессии	4,24	4,15	4,18

Итак, результаты исследования убеждают, что стартовые позиции в выборе профессии во многом зависят от родителей (их образовательного статуса, материального положения), социокультурных особенностей региональной среды, статуса вуза (принадлежность к государственной форме собственности, престиж, положение в рейтингах, наличие и качество информации о вузе в электронных средствах массовой информации). При этом трудно однозначно утверждать, что на выбор вуза и специальности оказывают влияние такие факторы, как семейная династичность и успех в профильных олимпиадах, – для этого потребуется детальный анализ по направлениям вузовской подготовки.

Данные опроса говорят о высокой ценности живого человеческого общения для студентов, что, возможно, отчасти является следствием «ковидных лет», дальнейшая практика проверит это предположение.

Заключение

Мотивационные установки играют огромную роль в профессиональном самоопределении. Этот факт отмечался и в более ранних исследованиях [13; 22]. По-прежнему на выбор профессионального пути, согласно полученным нами данным, наибольшее влияние оказывают внешние мотивы (престиж профессии – 67%, стабильный достаток – 49%, высокий уровень подготовки – 43%, конкурентность полученного диплома – 36%). Внутренние мотивы, мотивы личностного роста всё-таки имеют вторичное значение (выбор профессии, которая нравится, – 58%, желание стать высоко образованным, культурным человеком – 36%, обретение интересного круга общения – 25%). Эти результаты совпадают с выводами других авторов [2].

В нашем исследовании выявлен новый тренд на снижение ценности высшего образования. Только 31% респондентов считает, что без него невозможно пробиться в жизни; 29% приравнивают высшее образование по возможностям карьерного роста и достижения материального благополучия к среднему профессиональному; 18% благополучие в жизни не

связывают ни с образованием, ни с работой: главное – удачно устроиться; 16% уверены, что образования в колледже (техникуме) достаточно для достойной жизни.

Как и два десятилетия назад [13], ныне сохраняется тренд социально-экономического неравенства семей, который проявляется в том, что материальное положение семьи является сдерживающим обстоятельством территориальной образовательной мобильности.

Следование семейной традиции в профессии не является сегодня всеобщим трендом. Больше эта традиция выражена в городах со старыми университетами (Москва, Томск) и в таких профессиях, как медицина, образование, юриспруденция, военное, инженерное дело и творческие профессии [13, с. 21].

Профессиональный выбор старшеклассники делают либо в 10–11 классах, либо в последний момент в зависимости от конкурсной ситуации, при этом полагаясь на современные источники информации. Несмотря на то что традиционные источники информации сохраняют за собой «пальму первенства» в передаче информации, следует признать, что они постепенно вытесняются сетевыми СМИ.

Сохраняется тренд на «уход из профессии» сразу по окончании вуза – меньше половины первокурсников планируют работать по полученной специальности, рассматривая её только как ресурс для успешного трудоустройства (возможно, и не по специальности). Нетрудно заметить связь между неразвитыми мотивационными установками при выборе вуза и профессии и последующей неопределённостью в трудовой деятельности. Даже несмотря на случайность (в определенной мере) выбора специальности, ряд исследователей [13, с. 20] выделяет несколько характерных для конкретных социальных групп определённых социальных стратегий, которые сохраняются уже на протяжении 20 лет. Первая стратегия связана с повышением своего социального статуса за счёт приобщения к особой среде, позволяющей реализовать свои когнитивные, эмоциональные и материальные запросы. Вторая отражает стремление избежать рисков конкурсных ситуаций и отмечена инфантилизмом, в вузовской жизни мешающим профессиональной самоподготовке.

Значительная часть первокурсников (и, следовательно, абитуриентов) не имеет зрелых ценностных ориентаций в отношении профессии. Признаком этого – «забеги» по приёмным комиссиям вузов в поисках бюджетного места, с последующим разочарованием в полученной профессии и уходом из неё.

Незначительная часть студентов считает выбранную профессию своим призванием, которому они намерены следовать всю жизнь. В современной социально-экономической ситуации стойкими детерминантами поведения абитуриентов являются не мотивы личностного роста, а дефицитарные мотивы – получить престижную профессию со стабильным будущим и материальным достатком.

Из полученных в ходе исследования результатов следует вывод о необходимости изменения всей системы работы с молодёжью в области профессиональной ориентации. Ранняя научно не обоснованная профессионализация, связанная с определением профиля обучения уже в средней школе, приводит к тому, что к старшим классам (и особенно к моменту перехода в профессиональную школу) у школьников сужается возможность выбора будущей профессии, поскольку необходимые для поступления в избранный вуз учебные предметы он, возможно, не изучал или изучал по упрощённой программе. Такая «диверсификация» не идёт на пользу абитуриентам, поскольку они вынуждены делать выбор в рамках имеющихся учебных дисциплин, по которым успешно сдан ЕГЭ. И впоследствии может наступить разочарование в выборе профессии, дезадаптация и неминуемая работа не по специальности, полученной в вузе.

Современная социокультурная и информационная среда приносят в жизнь новые важные тренды для поколения Z, которое относится с повышенным доверием к электронным источникам информации: интернету, сайтам университетов, социальным сетям. Стало быть, вузы в интересах усиления профориентации должны использовать возможности современных информационных ресурсов. Сложившаяся ситуация в сфере высшего образования заложена Болонскими нововведениями и Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [18].

Вуз должен понимать, что профориентация не заканчивается с поступлением молодого человека в его стены. Важно удержать его в профессии во всё время обучения в вузе, чтобы он не разочаровался в ней и не стремился оставить её с получением диплома. Вопреки устоявшемуся мнению о том, что вуз только оказывает образовательные услуги и не отвечает за дальнейшую профессиональную жизнь своих выпускников, крайне тревожная ситуация с молодыми специалистами, избегающими работы по выбранной специальности, требует от вузов постоянной работы по профессиональной ориентации студентов для сохранения и развития профессиональной мотивации. В противном случае обучение специальности может превратиться, по меткому выражению А. М. Осипова, в «профессиональную дезориентацию». Здесь неопределимую помощь могут оказать разные формы привлечения студентов к научно-исследовательской и хозяйственной деятельности, разнообразным формам внеучебной работы кафедр и деканатов (встречи с известными учёными, экскурсии на профильные предприятия, получение второй профессии в программах дополнительного профессионального образования, участие в предметных олимпиадах, конкурсах, грантах и др.), совмещение учёбы с частичным трудоустройством по профессии и т. п.

Все эти меры, полагаем, позволят снизить отток молодых специалистов из профессии, повысить КПД вузов и эффективность бюджетных расходов на подготовку специалистов.

Библиографический список

1. Андрущак Г. В., Натхов Т. В. Введение ЕГЭ, стратегии абитуриентов и доступность высшего образования // Вопросы образования. 2012. № 3. С. 64–87. EDN: PEKJEN.
2. Васенина И. В., Липатова М. Е., Сушко В. А. Профессиональные и образовательные стратегии современных абитуриентов // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2019. Т. 25. № 4. С. 102–123. DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123; EDN: JXVNOG.
3. Гаврилюк Т. В. Жизненный путь молодёжи нового рабочего класса: реальность и нормативные паттерны // Вестник ТомГУ. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 101–113. DOI: 10.17223/1998863X/49/11; EDN: EQTOQS.
4. Гафиатулина Н. Х., Щербаква Л. И., Самыгин С. И. Социальное здоровье российской молодежи в контексте теории жизненного пути индивида // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. URL: https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid5636/pg0/ (дата обращения: 13.12.2022). DOI: 10.23672/SAE.2020.2.56079; EDN: MBZMJU.
5. Иудин А. А., Ситникова И. В., Тютяев А. С. Влияние ценностных ориентаций на профессиональный выбор абитуриентов (часть 2) // Вестник ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2020. № 1(57). С. 42–51. EDN: SQERMU.
6. Ключкова А. В. Система привлечения высокомотивированных абитуриентов: проблемы и стратегия повышения эффективности // Вестник Московского ун-та. Сер. 11. Право. 2017. № 3. С. 72–87. EDN: ZGCIKX.
7. Клячко Т. Л. Образование в России и мире. Основные тенденции // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 26–40. DOI: 10.22394/2078-838X-2020-1-26-40; EDN: YMSJGW.
8. Клячко Т. Л., Семионова Е. А., Токарева Г. С. Единый государственный экзамен и качество обучения в школе: последствия пандемии // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 7. С. 65–67. EDN: LVUFWK.
9. Козырева П. М., Смирнов А. И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78. DOI: 10.7868/S0132162518060065; EDN: URTELH.
10. Кострова Ю. Б., Шибаршина О. Ю. Особенности потребительского поведения на рынке услуг высшего образования // Образование и проблемы развития общества. 2021. № 4 (17). С. 53–60. EDN: SQWKTX.
11. Курилов С. Н., Кузьминов М. Ю. Выбор абитуриентами вуза: опыт исследования мотивов и факторов (на примере НИУ МЭИ) // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3(19). С. 88–98. DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5357; EDN: ZMQYRZ.

12. Маляров Н. А. Жизненный путь человека: определение и содержание понятия // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 2. С. 8–21. EDN: QZKXLJ.
13. Медик В. А., Осипов А. М. Университетское студенчество: образ жизни и здоровье. М.: Логос, 2002. 200 с.
14. Мигранова Л. И. Стратегия поведения абитуриентов на рынке образовательных услуг // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 12–2. С. 124–127. DOI: 10.24411/2411-0450-2020-11087; EDN: ZRQVXH.
15. Образовательные стратегии и практики студентов профессиональных учебных заведений в 2006–2012 гг. Информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 52 с.
16. Обухова Н. И. VUCA-мир и образовательная среда // Калининградский вестник образования. 2021. № 3. URL: <https://koirojurnal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/> (дата обращения: 02.12.2022). EDN: HLXGBY.
17. Петрунева Р. М., Авдеюк О. А., Васильева В. Д. и др. Транспортная доступность вуза в крупном городе: мнения студентов // Alma mater (Вестник высшей школы). 2021. № 8. С. 99–104. DOI: 10.20339/AM.08-21.099; EDN: ZLHZLT.
18. Петрунева Р. М., Васильева В. Д. Болонский тупик... что дальше? // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. № 11. С. 10–21. DOI: 10.20339/AM.11-22.010; EDN: VXMPQG.
19. Рябоконт М. В. Абитуриент классического университета в процессе поступления // Огарёв-Online. 2017. № 5(94). URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/abiturient-klassicheskogo-universiteta-v-processe-postupleniya> (дата обращения: 13.12.2022). EDN: WBKSCF.
20. Рябоконт М. В. Социальные компоненты поведения абитуриентов (на примере классического университета). Автореф. дис. ... канд. социол. н. Н. Новгород, 2017. 20 с.
21. Скалабан И. А., Осьмук Л. А., Колесова О. В., Черепанов Г. М. Дороги старые и новые: образовательные стратегии российских абитуриентов в выборе университета обучения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 2. С. 50–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-50-62; EDN: TZVGIK.
22. Социология образования: прикладной аспект. М.: Юристъ, 1997. 304 с.
23. Терентьев К. Ю. Образовательные стратегии абитуриентов вузов: опыт построения классификации // Непрерывное образование: XXI век. 2015. № 3(11). С. 13–25. EDN: UISXJV.
24. Щербакова Л. И., Гафиятулина Н. Х., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи в свете теории социокультурной травмы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 90–96. EDN: ZEGEUF.

25. Хлабыстова Н. В., Корягин И. С. Стратегии потребительского поведения абитуриентов на рынке образовательных услуг // Научные труды КубГТУ. 2019. № 7. С. 221–227. EDN: ZTRUNS.

26. Jackson P. B., Berkowitz A. The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions // The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? *Advances in Life Course Research*. 2005. Vol. 9. P. 55–90.

Получено редакцией: 24.02.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дулина Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор, научный руководитель исследовательских проектов,

Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик»

Петрунева Раиса Моратовна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой «История, культура и социология», Волгоградский государственный технический университет

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.10

The Problem of Choosing Life Paths by Youth in Russian Regions (Based on Field Research at VSTU¹)

Nadezhda V. Dulina

Center for Sociological and Marketing Research “Analyst”, Volgograd, Russia

E-mail: nv-dulina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-6471-7073

Raisa M. Petruneva

Volgograd State Technical University, Volgograd, Russia

E-mail: raisa.petrunyova@yandex.ru

ORCID 0000-0002-8834-5745

For citation: Dulina N. V., Petruneva R. M. The Problem of Choosing Life Paths by Youth in Russian Regions (Based on Field Research at VSTU). *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 215–235. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.10; EDN: JIJZZT.

Abstract. The life path of a modern young person is significantly influenced by the level of development of information technologies, that are transforming all spheres of human activity. This imparts special significance to the context of understanding the challenges faced by youth when choosing their trajectories for entering the adult world and their future professional endeavours. Globalisation issues leave an imprint on systemic transformations within Russian society, significantly complicating the decision-making process for young people regarding their own futures and the future of the country. This notably “adjusts” traditions, shifts value priorities, including those related to pursuing higher education. This research analyses the motives behind the choice of life path by university applicants within the higher education system, based on their perceptions of their future and the realities of contemporary socio-cultural and economic situations in Russia. Through the examination of new data, the study investigates the strategies for implementing life patterns chosen by university applicants, their alignment with individual life plans, and the actual mechanisms of their realisation and legitimisation.

The relationship has been examined between the choice of one’s future professional path and the university that, according to applicants, can provide a solid foundation for their future careers. Today, the selection of an educational institution is not only an important but also a complex issue for applicants and their families.

¹ Volgograd State Technical University.

Therefore, one of the research objectives was to identify significant characteristics of universities themselves and socio-economic factors influencing the choice of future study location by applicants, as well as the basic patterns in selecting future professions.

The research results confirmed that the majority of university audiences are currently filled with representatives of Generation Z, whose level of trust in electronic sources of information is higher than that in traditional sources, including age-old advice from parents and close relatives. Overall, the hypothesis of the enduring value of higher education for the majority of former applicants who have already become students was confirmed. This research also demonstrated a clear manifestation of consumer behaviour and paternalism in their professional lives, an orientation toward high living standards, and social status.

Keywords: entrants, student youth, life path, life strategies, growth motives

References

1. Andrushchak G. V., Natkhov T. V. Introduction to the Unified State Examination, strategies for applicants and the availability of higher education. *Voprosy obrazovaniya*, 2012: 3: 64–87 (in Russ.). EDN: PEKJEH.
2. Vasenina I. V., Lipatova M. E., Sushko V. A. Professional and educational strategies of modern applicants. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 18. Sociologiya i politologiya*. 2019: 25: 4: 102–123 (in Russ.). DOI: 10.24290/1029-3736-2019-25-4-102-123; EDN: JXVNOG.
3. Gavrilyuk T. V. The life path of the youth of the new working class: reality and normative patterns. *Vestnik TomGU. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*, 2019: 49: 101–113 (in Russ.). DOI: 10.17223/1998863X/49/11; EDN: EQTOQS.
4. Gafiatulina N. Kh., Shcherbakova L. I., Samygin S. I. Social health of Russian youth in the context of the theory of the life path of the individual. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, 2020: 2. Accessed 12.13.2022. URL: https://www.online-science.ru/m/products/social_science/gid5636/pg0/ (in Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2020.2.56079; EDN: MBZMJU.
5. Iudin A. A., Sitnikova I. V., Tyuntyaev A. S. Influence of value orientations on the professional choice of applicants (part 2). *Vestnik NNGU im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Socialnye nauki*. 2020: 1 (57): 42–51 (in Russ.). EDN: SQERMY.
6. Klochkova A. V. The system of attracting highly motivated applicants: problems and strategies for improving efficiency. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 11. Pravo*, 2017: 3: 72–87 (in Russ.). EDN: ZGCIKX.
7. Klyachko T. L. Education in Russia and the world. Main trends. *Obrazovatel'naya politika*, 2020: 1 (81): 26–40 (in Russ.). DOI: 10.22394/2078-838X-2020-1-26-40; EDN: YMSJGW.
8. Klyachko T. L., Semionova E. A., Tokareva G. S. Unified State Examination and Quality of Education at School: Pandemic Consequences. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii*, 2021: 28: 7: 65–67 (in Russ.). EDN: LVUFWK.
9. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Life in conditions of uncertainty of a crisis society: experience and expectations. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2018: 6: 66–78 (in Russ.). DOI: 10.7868/S0132162518060065; EDN: URTELH.
10. Kostrova Yu. B., Shibarshina O. Yu. Peculiarities of consumer behavior in the market of higher education services. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva*, 2021: 4 (17): 53–60 (in Russ.). EDN: SQWKTX.
11. Kurilov S. N., Kuzminov M. Yu. The choice of university applicants: the experience of studying motives and factors (on the example of NRU MPEI). *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*, 2017: 3(19): 88–98 (in Russ.). DOI: 10.19181/snsp.2017.5.3.5357; EDN: ZMQYRZ.
12. Malyarov N. A. Zhiznenny put' cheloveka: opredeleniye i sodержaniye ponyatiya [Life path of a person: definition and content of the concept]. *Lichnost' v menyayushhemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie*, 2013: 2: 8–21 (in Russ.). EDN: QZKXLJ.
13. Medik V. A., Osipov A. M. Universitetskoe studenchestvo: obraz zhizni i zdorov'e [University students: lifestyle and health]. Moscow, Logos, 2002: 200 (in Russ.).
14. Migranova L. I. The strategy of applicants' behavior in the market of educational services. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, 2020: 12–2: 124–127 (in Russ.). DOI: 10.24411/2411-0450-2020-11087; EDN: ZRQBXH.

15. Obrazovatelnye strategii i praktiki studentov professionalnyh uchebnyh zavedenij v 2006–2012 gg. Informacionnyj byulleten [Educational strategies and practices of students of vocational schools in 2006–2012. News bulletin]. Moscow, NIU VSHE, 2013: 52 (in Russ.).
16. Obukhova N. I. VUCA-world and educational environment. *Kaliningradskij Vestnik Obrazovaniya*, 2021: 3. Accessed 02.12.2022. URL: <https://koirojournal.ru/realises/g2021/30sent2021/kvo302/> (in Russ.). EDN: HLXGBY.
17. Petruneva R. M., Avdeyuk O. A., Vasilyeva V. D. et al. Transport accessibility of a university in a large city: students' opinions. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2021: 8: 99–104 (in Russ.). DOI: 10.20339/AM.08-21.099; EDN: ZLHZLT.
18. Petruneva R. M., Vasilyeva V. D. Bologna dead end... what's next? *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*, 2022: 11: 10–21 (in Russ.). DOI: 10.20339/AM.11-22.010; EDN: VXMPQG.
19. Ryabokon M. V. Classical university entrant in the process of admission. *Ogaryov-Online*, 2017: 5 (94). Accessed 12.13.2022. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/abiturient-klassicheskogo-universiteta-v-processe-postupleniya> (in Russ.). EDN: WBKSCF.
20. Ryabokon M. V. Social components of the behavior of applicants (on the example of a classical university): thesis o diss. ... cand. of sociol. sci. Nizhny Novgorod, 2017: 20 (in Russ.).
21. Skalaban I. A., Osmuk L. A., Kolesova O. V., Cherepanov G. M. Roads old and new: educational strategies of Russian applicants in choosing a university of study. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2020: 29: 2: 50–62 (in Russ.). DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-2-50-62; EDN: TZVGIK.
22. Sociologiya obrazovaniya: prikladnoj aspekt [Sociology of Education: Applied Aspect]. Moscow, Jurist, 1997: 304 (in Russ.).
23. Terentiev K. Yu. Educational strategies of university entrants: an experience of building a classification. *Nepriyvnnoe obrazovanie: XXI vek*, 2015: 3 (11): 13–25 (in Russ.). EDN: UISXJV.
24. Shcherbakova L. I., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Social health of Russian youth in the light of the theory of socio-cultural trauma. *Gumanitarnye, socialno-ekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, 2017: 6–7: 90–96 (in Russ.). EDN: ZEGEUF.
25. Khlabytova N. V., Koryagin I. S. Strategies of consumer behavior of applicants in the market of educational services. *Nauchnye trudy KubGTU*, 2019: 7: 221–227 (in Russ.). EDN: ZTRUNS.
26. Jackson P. B., Berkowitz A. The structure of the life course: gender and racioethnic variations in the occurrence and sequencing of role transitions. *The Structure of the Life Course: Standardized? Individualized? Differentiated? Advances in Life Course Research*. 2005: 9: 55–90.

The article was submitted on: February 24, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda V. Dulina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Supervisor of Research Projects at the Center for Sociological and Marketing Research “Analyst”

Raisa M. Petruneva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Culture and Sociology, Volgograd State Technical University

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.13
EDN: ZKHARA

Рецензия на монографию «Социокультурные исследования постсоветского транзита России»¹

Ссылка для цитирования: Канарш Г. Ю. Рецензия на монографию «Социокультурные исследования постсоветского транзита России» // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 3. С. 236–245. DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.13; EDN: ZKHARA

For citation: Kanarsh G. Yu. Review of the monograph “Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 236–245. DOI: DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.13; EDN: ZKHARA

Канарш Григорий Юрьевич¹

¹Институт философии РАН,
Москва, Россия

grigkanarsh@yandex.ru

AuthorID ПИНЦ: 336792

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию сотрудников Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН «Социокультурные исследования постсоветского транзита в России» отражает краткое изложение как самой монографии, так и размышления автора о многолетних исследованиях Центра. Как отмечает автор рецензии, в данной книге во многом не только подытоживаются исследования Центра последних лет, но и поднимаются вопросы методологического характера, обсуждается проблема социального государства, проблема модернизации, структуризации российского общества, а также вопросы цивилизационного развития России. На взгляд автора, наиболее интересными являются главы, посвященные историческому становлению социального государства и социологическому анализу современного российского общества. В отношении некоторых идей, представленных в книге, автор рецензии осуществляет конструктивную критику. В целом монография оценивается как вносящая важный вклад в изучение постсоветского транзита России.

Ключевые слова: социокультурные исследования, Россия, постсоветский транзит, антропосоциокультурный подход, ценности, социальное государство, структуризация общества, модернизация, цивилизационное развитие

¹ Социокультурные исследования постсоветского транзита России / Под общ. ред. Н. И. Лапина; Рос. акад. наук, Ин-т философии, Центр изучения социокультурных изменений. М.: ИФ РАН, 2022. 360 с.

Коллективная монография Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН является во многом подытоживающей предыдущие исследования, которые были отражены в монографиях: «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (М., 2016), «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты» (СПб., 2019), Лапин Н. И. «Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход» (М., 2021).

Книга представляет собой многоплановое исследование, в котором представлены различные тематики, однако все они объединены общей: *проблемами российского постсоветского развития*. Книга включает в себя методологический раздел, главы, посвященные исследованиям ценностей, социального государства, социологическим исследованиям структуризации населения современной России, проблемам цивилизационного развития, и, наконец, завершающую главу, посвященную антропосоциокультурным характеристикам общества, возникшего в современной России.

Исследования руководителя Центра чл.-корр. РАН Н. И. Лапина были известны не только своей философско-социологической направленностью, но и тем, что в них был представлен особый исследовательский подход – антропосоциокультурный. В рецензируемой монографии представлены основные принципы этого подхода, показано, как он развивался в контексте обществоведческих исследований в России (СССР) и за рубежом (прежде всего, имеются в виду исследования П. А. Сорокина). Показано, что в исследованиях П. А. Сорокина уже была представлена основная триада антропосоциокультурного подхода – личность, культура, общество. Во многом в том же направлении двигались исследования общества в Советской России: от понимания социума как материальной реальности к признанию значимости культуры и личностного (субъективного) начала. Во Введении Н. И. Лапин приводит множество концепций – социологических, культурологических, философских, на примере которых показывает истоки антропосоциокультурного подхода. Анализируются такие категории, как деятельность и взаимодействие людей в обществе, без чего, как показывает Лапин, невозможна реализация биосоциокультурной сущности человека. В целом данный подход трактуется его автором как антропосоциокультурный эволюционизм, т. е. акцент делается не на прерывистых – революционных – изменениях в жизни общества, но на постепенном, упорядоченном развитии всех компонент социального бытия.

В книге приводятся характеристики основных этапов научно-исследовательской деятельности Центра – от изучения ценностей населения России в начале 1990-х гг. до исследований социального государства в конце 2010-х. Показано, как менялись исследовательские установки научного коллектива в контексте общественно-политических изменений: изучение ценностей в период общественно-политического «хаоса» 1990-х гг.; исследование социокультурных портретов регионов и сравнительного исследования российских и европейских ценностей в период «стабилизации» 2000-х гг., изучение модернизации России в конце 2000-х гг., в связи с выходом на

первый план данной проблематики, и, наконец, исследования социального государства в конце 2010-х гг. В книге показано, что всё это время методологическую «ось» исследований составляло изучение ценностей населения в том числе в сравнении с другими странами (прежде всего, странами Европы). Как показывает в главе «Проблема ценностей как методологическая ось понимания социокультурной реальности» ее автор Н. А. Касавина, акцент на ценностной проблематике удачно вписывает исследования Центра в контекст мировой социологии, которая также во многом является ценностно-ориентированной (напр., экзистенциальная социология).

Важной частью монографии является раздел, посвящённый социальному государству, главы которого подготовлены Ю. Д. Граниным и Ю. М. Резником. При том, что обе главы раздела посвящены социальному государству, они значительно различаются по своему характеру: если глава Гранина носит скорее социально-исторический характер (гл. 3), то написанная Резником (гл. 4) пытается разобраться в сущности социального государства. Глава 3 «Социальное государство. Становление и эволюция» даёт представление о развитии этого института на Западе начиная с XVII–XVIII вв. и до настоящего времени. Достаточно подробно проанализированы основные исторические этапы развития социального государства – от дисциплинарных практик эпохи европейских абсолютных монархий до развитого государства благосостояния второй половины XX в. Показана широкая историческая вариативность моделей социальной политики – от разнообразия вариантов первой половины XX в. (которые включали и тоталитарные «версии») до трёх основных моделей социального государства, возникших во второй половине XX в.: англосаксонской, континентальной и североевропейской. Обратим внимание на замечание Ю. Д. Гранина относительно характера государственности, сложившейся в Советском Союзе: исследователь считает, что советская модель социальной политики не была социальным государством в его истинном, буржуазном смысле, поскольку буржуазное социальное государство предполагает модель социального компромисса между антагонистическими силами в обществе (прежде всего, между капиталистами и рабочими) (с. 103). По мнению Гранина, СССР как социальное государство был «...воплощением государства иной (не европейской. – Г. К.) цивилизационной принадлежности» (там же). Между тем, как мы отмечали в своём исследовании социального государства [3], с опорой на других отечественных учёных, советское государство не предполагало указанного компромисса и было изначально направлено на формирование бесклассового общества. Важным является и вывод Гранина относительно современного состояния социального государства: он справедливо полагает, что данный институт вовсе не утратил своего значения (так иногда представляется дело в некоторых исследованиях), но продолжает оставаться важным элементом социальной жизни западных обществ (с. 108–109). В отношении России же говорится о необходимости перехода от социально-слабого социального государства к сильной его версии, представленной, прежде всего, в западноевропейских странах.

Дискуссионной, на наш взгляд, является глава «Социальное государство и жизненный мир в современном обществе: анализ и оценка результатов исследований» о социальном государстве Ю. М. Резника. Мы уже осуществляли критику позиции Резника [2], где говорили о том, что качества, приписываемые исследователем данному институту (прагматизм, утилитаризм), отражают не только характер буржуазной культуры западного общества, но во многом – особенности национального характера западноевропейских народов (в свою очередь этот характер находится в сложном, диалектическом взаимодействии с буржуазной культурой). Кроме того, мы усомнились в том, что социальное государство Запада, как полагает Ю. М. Резник, опираясь на исследования некоторых левых авторов (в частности, Ю. Хабермаса), выражает интересы правящего меньшинства общества, а не демократического большинства (с. 138–139). В главе настоящей монографии учёный во многом повторяет выводы своего исследования социального государства, представленного им в предыдущей монографии [7; 8], структурно разбивая свой текст на исследование сущности социального государства, анализ тех социальных проблем, которые решает социальное государство, анализ характера социальной политики, которое должно проводить социальное государство, и, наконец, исследование того, как соотносятся социальное государство и категории жизненного и системного миров (если использовать терминологию Ю. Хабермаса). Основным вывод Резника, как мы его понимаем, заключается в том, чтобы так перестроить социальное государство, чтобы оно выражало интересы не системного (государство), а жизненного мира (повседневный мир человеческих связей и отношений, в который погружен каждый из нас). Впрочем, данный вывод справедлив только в том случае, если мы принимаем аргументацию левых западных авторов (Ю. Хабермас, У. Гоулднер) относительно не вполне справедливого (или даже совсем несправедливого) характера современного социального государства. А в этом, как мы сказали выше, есть определённые сомнения.

Завершает данный раздел глава Н. И. Лапина «Ключевые признаки завершения постсоветского транзита», посвящённая итогам модернизационных процессов в постсоветской России. Как показывает Лапин, все эти тридцать лет модернизация происходила в России, однако она носила во многом спонтанный, неуправляемый характер (с. 147). При этом российские регионы находятся на разных стадиях развития (всего Лапин выделяет шесть таких стадий – от начального этапа индустриального развития до высоких стадий постиндустриального, информационного). Почему же модернизация происходила, несмотря на то что государство практически не осуществляло руководство этими процессами? Как показывает Николай Иванович, это было связано, с одной стороны, с теми возможностями, которые появились в постсоветский период (в том числе в немалой степени возможности свободно выбирать направления своей занятости), а с другой стороны, с появлением среднего класса, который и стал движущей силой модернизации. В то же время Лапин отмечает трудности модернизационных процессов в современной России. Как он считает, модернизация носит

несбалансированный характер, является заторможенной, часто принимает характер псевдомодернизации. Для последних лет, считает Лапин (и это он отмечает также в своей книге [7]), для России характерна социогуманитарная рецессия, которая выражается в том, что многие права и свободы граждан (в частности, равенство перед законом) становятся все менее защищенными (с. 147–158). Таким образом, модернизационные процессы в России продолжаются, но они требуют более пристального внимания со стороны государства, которое должно в определенной мере руководить этими процессами, одновременно защищая базовые права и свободы граждан.

Одной из наиболее интересных и объемных глав книги является первая глава «Социальная структурация российского общества: от советского периода к современности» третьего (заключительного) раздела, написанная Л. А. Беляевой. В этой главе затрагивается целый ряд вопросов, имеющих ключевое значение для современной России – проблемы социального неравенства, формирование предпринимательского слоя в нашей стране, структурация населения России, формирование среднего класса и, наконец, особенности социального положения российской молодежи. Как показывает Л. А. Беляева, социальное неравенство продолжает оставаться едва ли не главной общественно-политической проблемой нашей страны, и она пока не решается. При этом, как подчёркивает Беляева, она говорит вовсе не об абсолютной бедности, но об относительной (с. 185–186). И даже ведя речь в категориях относительной бедности, можно сказать, что больше половины населения нашей страны не могут позволить себе жить в соответствии с современными российскими стандартами обеспеченной жизни. Такое состояние дел крайне негативно влияет на накопление социального капитала, который является необходимым для занятия тех или иных социальных позиций в обществе, которые, в свою очередь, влияют на материальное благосостояние. При этом отмечаются два важных момента, которые характеризуют современное российское население: во-первых, бедные практически не испытывают зависти и негативных чувств к богатым, апеллируя не столько к практикам перераспределения, сколько считая желательным создание новых высокооплачиваемых рабочих мест (с. 189); во-вторых, – и это сближает обеспеченных и необеспеченных – в стране крайне низки патерналистские настроения – люди во всех слоях общества считают, что не стоит надеяться на государство и следует достигать всего своими силами (с. 193–194). Это действительно важный вывод исследования, поскольку традиционно считается, что российское население еще с советских времён отличается сильными патерналистскими установками. Представляются справедливыми основные суждения Л. А. Беляевой о формировании предпринимательского слоя в России – она говорит о том, что в России наибольшее развитие получил крупный бизнес, тесно связанный к тому же с государством (с. 201). Во многом она опирается на исследования состояния предпринимательства на селе. Вполне можно согласиться с Беляевой в том, что нынешнюю российскую систему характеризует новый виток формирования власти-собственности, сопровождаемый высокой степенью коррумпированности системы. Важным является исследование структурации

населения и положения среднего класса. Как показывает Л. А. Беляева, всё население России можно разделить на несколько категорий (от «руководителей» и «экспертов» до различных категорий, относящихся к бедным слоям). При этом важно, что в России до сих пор остаётся весьма незначительная численность среднего класса (в последние годы, согласно исследованиям, она доходила до 22%). Этого явно недостаточно для обеспечения стабильного развития российского общества. При этом, как показано в исследовании, социально-психологические характеристики российского среднего класса достаточно резко отличают его от остального населения России (социальный оптимизм, самостоятельность, стремление держаться подальше от государства и т. д.). Интересной является часть исследования, посвящённая российской молодёжи. Как можно было ожидать, положение различных групп российской молодёжи во многом определяется социальным положением их родителей. Обеспеченные родители, естественно, могут предоставить своим детям гораздо большие возможности, нежели родители малообеспеченные. Кроме того, на положение различных групп молодёжи влияет место проживания – одно дело, когда это крупные города и даже столичные регионы (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), и совсем другое – малые города и сельская местность. В книге также характеризуется положение молодёжи на рынке труда и отношение молодёжи к политике. Важным выводом, к которому приходит Беляева, является утверждение о необходимости гарантии доступного и качественного образования в стране, поскольку именно получение хорошего образования может стать тем социальным лифтом, который будет способствовать преодолению негативных последствий большого социального неравенства (с. 236). Пока же дело обстоит прямо наоборот: социальное неравенство усиливается и одновременно сокращается доступность высшего образования. Эта ситуация может и должна быть исправлена.

Наконец, в книге присутствуют главы, посвящённые не только социальному, но и цивилизационному развитию России. Мы имеем в виду две главы третьего, завершающего раздела монографии, подготовленные Ю. М. Резником и К. В. Раковой. При этом эти два исследования носят принципиально различный характер: исследование Резника является теоретическим, тогда как исследование Раковой – прикладным. Надо отдать должное масштабы проекта Ю. М. Резника: он изучил практически все основные проекты цивилизационного развития России, содержащиеся в классической русской философской литературе. При этом здесь не только отечественные проекты: Резник рассматривает также идеи Г.-Ф.-В. Гегеля применительно к России, а также идеи А. Швейцера. Всего выделяются три основные группы проектов российского цивилизационного развития, объединённых определённым признаком (духовность, софийность или интегрализм, а также всечеловечность). Важность исследовательского проекта Резника не только в том, что он подробно изучил данные проекты и сделал соответствующие публикации, но и в том, что он исследует их по различным критериям (содержательным и формаль-

ным). Таким образом, мы имеем возможность получить представление о том, в какой степени завершён или не завершён тот или иной проект, насколько он реализуем, в какой мере в нем представлены те или иные содержательные составляющие (например, духовность, человекообразность, технологичность, социальная справедливость и др.). В конечном счёте, сравнив все эти многочисленные проекты друг с другом, а также три группы проектов между собой, Резник приходит к выводу, что наиболее разработанным и практически реализуемым является проект всечеловеческой цивилизации, представленный прежде всего в работах классических евразийцев, а сегодня разрабатываемый акад. А. В. Смирновым (опять-таки с опорой на классическое евразийство) (с. 274).

По-своему интересным и важным представляется исследование К. В. Раковой, в котором она обращается к работам американского политолога С. Хантингтона, а также к недавним европейским (бельгийским) исследованиям, в которых предпринимается попытка эмпирической проверки цивилизационной гипотезы Хантингтона. Основываясь на данных исследованиях, Ракова показывает, что гипотеза Хантингтона о разделении мира на отдельные цивилизации и что этот факт является основополагающим для социальной жизни людей не находит своего подтверждения в эмпирических исследованиях. Люди из разных стран, подвергнутые исследованию методом картирования, в гораздо большей степени склонны делить мир по континентальному основанию, чем по цивилизационному, что входит в противоречие с основной идеей Хантингтона. Исследовательницей также была разработана специальная анкета для изучения ментальных образов российской молодёжи (а также – в перспективе – представителей населения из других социальных и демографических групп), касающихся понимания того, как, на каких основаниях устроен современный мир.

Книга завершается главой «Антропосоциокультурные характеристики общества, возникшего в России» с анализом основных антропосоциокультурных характеристик современной России, написанная Н. И. Лапиным. В ней представлены выводы, которые он в развёрнутом виде обосновал в своей книге [4]. Во-первых, в главе (и ранее в книге) говорится о социально-травмогенном характере нынешнего российского развития (и во многом всего предшествующего социально-исторического развития страны), связанного со своеволием властвующих элит. Рецепт, который предлагает Лапин в обоих изданиях, – проект самопросвещения населения, которое посредством этого может и должно обрести гражданское достоинство, способствующее утверждению собственных прав и интересов в противоположность властному произволу элит. Относительно этого мы также высказывались в рецензии [1], отмечая, что возможно более реалистичным является проект политолога и историка политической мысли И. К. Пантина [5], который вслед за американской исследовательницей К. Пэйтмен [9; 6] писал, что задача заключается в том, чтобы учить граждан демократии в близких для них сферах. Именно осуществление этой задачи может снизить бюрократический произвол в нашем обществе. Впрочем, мы отмечали и то, что проект Лапина также носит практический

характер и направлен на изменение не только сознания, но и поведения населения. Во-вторых, – и этот момент кажется нам более обоснованным, – Н. И. Лапин говорит об острой необходимости продолжения модернизации России, причем модернизация эта, с его точки зрения, должна осуществляться одновременно снизу и сверху, т. е. при активном участии населения и при соответствующей поддержке государства. Таким образом, преодолевается дилемма спонтанной и авторитарной модернизации. Мы полностью поддерживаем идею Лапина, что модернизация в России должна осуществляться постепенно, с учетом текущего развития каждого региона, а не «наскоком», т. е. более характерным для исторической России революционным путем. Это в полной мере соответствует задаче преодоления отсутствия середины в российском менталитете и одновременно ориентирует на наиболее успешные современные образцы (каковым, например, является развитие современного Китая).

Таким образом, монография Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН подытоживает ряд важных исследований Центра, осуществлённых в предыдущие годы, но в то же время содержит и новый актуальный материал, посвящённый социологическому анализу состояния российского общества, а также различным проектам и прикладным аспектам цивилизационного развития. Несмотря на некоторую разнородность материала, составившего главы книги, она оставляет впечатление целостного исследования, каждый аспект которого является важным в контексте изучения постсоветского транзита России. Думаем, что книга вносит свой важный вклад в теоретические и практические исследования современного российского общества.

Библиографический список

1. Канарш Г. Ю. Лапин Н. И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. Рец. Г. Ю. Канарш // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 167–171. DOI: 10.31857/S013216250020844-1; EDN:ZYGOZU.
2. Канарш Г. Ю. Настоящее и будущее социального государства в России // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90. № 9. С. 891–898. DOI: 10.31857/S0869587320070051; EDN: RKVRER.
3. Канарш Г. Ю. Социальное государство в России: история и современность // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 2. С. 73–82. DOI: 10.17805/zpu.2018.2.7; EDN: LYIGUP.
4. Лапин Н. И. Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход. М.: Весь Мир, 2021. 364 с.
5. Пантин И. К. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. Политические исследования. 2007. № 4. С. 113–135. EDN: JUIVRJ.

6. Пейтмэн К. Массовое участие и теория демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева, Б. Г. Капустина. М.: Ладомир, 2006. С. 34–39.

7. Резник Ю. М. Государство всеобщего благосостояния в эпоху глобализации капитализма (рефлексивно-критический анализ) // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н. И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019а. С. 95–117.

8. Резник Ю. М. Социальное государство и его роль в эмансипации жизненного мира человека // Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты / Под общ. ред. Н. И. Лапина. СПб.: Реноме, 2019б. С. 200–224.

9. Pateman С. Participation and Democratic Theory. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970. 122 p.

Получено редакцией: 05.04.23

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Канарш Григорий Юрьевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН

DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.13

Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia¹

Grigory Yu. Kanarsh

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

E-mail: grigkanarsh@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4723-9820

For citation: Kanarsh G. Yu. Review of the monograph “Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia”. *Vestnik instituta sotziologii*. 2023. Vol. 14. No. 3. P. 236–245. DOI: DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.13; EDN: ZKHARA

Abstract. This review discusses a collective monograph authored by researchers from the Center for the Study of Sociocultural Changes at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, titled “Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia”. It provides a brief summary of both the monograph itself and the reviewer’s reflections on the centre’s years of research. The reviewer notes that this book not only summarizes the center’s recent research but also delves into methodological questions, discusses the issue of the social state, problems of modernization, the structure of Russian society, and questions related to Russia’s civilizational development.

According to the reviewer, the most interesting chapters are those dedicated to the historical formation of the social state and the sociological analysis of contemporary Russian society. While acknowledging the valuable insights presented in the book, the reviewer also provides constructive criticism of certain ideas presented within. Overall, the monograph is assessed as making a significant contribution to the study of post-Soviet transition in Russia.

Keywords: socio-cultural studies, Russia, post-Soviet transit, anthroposociocultural approach, values, welfare state, structuring of society, modernization, civilizational development

¹ Sociocultural Studies of Post-Soviet Transition in Russia / Ed. by N. I. Lapin; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Center for the Study of Sociocultural Change. Moscow: IF RAN, 2022. 360 p.

References

1. Kanarsh G. Yu. Lapin N. I. The Complexity of the Formation of a New Russia. Anthroposociocultural Approach. Moscow: Ves` Mir, 2021. Reviewed by G. Yu. Kanarsh. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2022: 8: 167–171 (in Russ.). DOI: 10.31857/S013216250020844-1; EDN: ZYGOZU.
2. Kanarsh G. Y. The present and the future of the social state in Russia. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2020: 90, 9: 891–898 (in Russ.). DOI: 10.31857/S0869587320070051; EDN: RQVREK.
3. Kanarsh G. Y. The Social state in Russia: history and modernity. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2018: 2: 73–82 (in Russ.). DOI: 10.17805/zpu.2018.2.7; EDN: LYIGUP.
4. Lapin N. I. The complexity of the formation of a new Russia. Anthroposociocultural approach. Moscow, Ves` Mir, 2021: 364 (in Russ.).
5. Pantin I. K. The Choice of Russia: the nature of change and the dilemmas of the future. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2007: 4: 113–135 (in Russ.). EDN: JUIVRJ.
6. Pateman C. Mass participation and the theory of democracy. In Theory and practice of democracy. Selected texts. Eng. transl. ed. by V. L. Inozemtsev, B. G. Kapustin. Moscow, Ladomir: 462: 34–39 (in Russ.).
7. Reznik Y. M. The welfare state in the era of globalization of capitalism (reflexive and critical analysis). In The formation of the welfare state and the prospects of the welfare state in Russia. Realities and projects. Ed. by N. I. Lapin. St. Petersburg, Renome, 2019a: 95–117 (in Russ.).
8. Reznik Y. M. The Welfare State and its role in the emancipation of the human life world. In The formation of the welfare state and the prospects of the welfare state in Russia. Realities and projects. Ed. by N. I. Lapin. St. Petersburg, Renome, 2019b: 200–224 (in Russ.).
9. Pateman C. Participation and Democratic Theory. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1970: 122.

The article was submitted on: April 05, 2023

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grigory Yu. Kanarsh, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher,
Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy of RAS

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 73108 от 9 июня 2018 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Ольга Владимировна Аксенова,
Полина Михайловна Козырева

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная верстка: Ильдар Мансурович Ситдиков

Журнал «Вестник Института социологии» включен
в базу РИНЦ, перечень ВАК – категория К1, индексируется WoS RSCI

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения
редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал
«Вестник Института социологии» обязательна.

2023. Том 14. № 3. Дата выхода в свет 30.09.2023.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Тел.: 8 499 125-00-79. E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <https://www.vestnik-isras.ru>